КОЗЫ-КОРПЕШ
И
БАЯН-СУЛУ

•

КЫЗ-ЖИБЕК

2003
ГОД КАЗАХСТАНА
В РОССИИ

Tyulemissov Madi مهدی ابواصل

tmadi1@gmail.com

ЭПОС НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

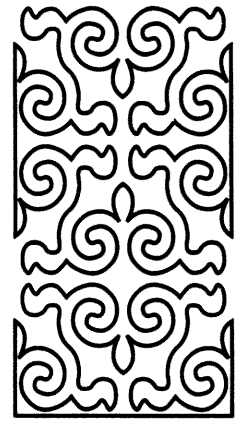
ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А.М.ГОРЬКОГО

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ИНСТИТУТ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
ИМЕНИ М.О.АУЭЗОВА

ҚОЗЫ КӨРПЕШ – БАЯН СҰЛУ
ҚЫЗ ЖІБЕК

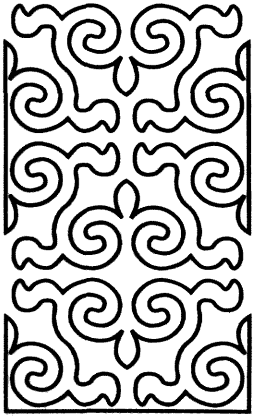
ҚАЗАҚТЫҢ ҒАШЫҚТЫҚ ЖЫРЛАРЫ



Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2003

КОЗЫ-КОРПЕШ И БАЯН-СУЛУ
ҚЫЗ-ЖИБЕК

КАЗАХСКИЙ РОМАНИЧЕСКИЙ ЭПОС



Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2003

УДК 82:398=512.122
ББК 84(5Каз)
К59

Издание осуществлено по государственной программе
Министерства культуры, информации и общественного согласия
Республики Казахстан в рамках Года Казахстана в России

Серия «Эпос народов Евразии» основана в 1971 году
(до 1992 г. — «Эпос народов СССР»)

Редколлегия серии
Э.Р.Тенишев (главный редактор),
А.И.Алиева, В.М.Гацак, А.А.Горелов, Н.В.Кидайш-Покровская,
А.В.Кудияров, А.С.Мирбадалева, Ю.И.Марченко, Ю.И.Смирнов

Ответственные редакторы тома С.С.Кирабаев, Е.А.Поцелуевский
Подготовка текста М.Г.Гумаровой, С.А.Каскабасова
Перевод С.А.Каскабасова, Н.С.Смирновой
Комментарии С.А.Каскабасова, Н.С.Смирновой
Словарь С.А.Каскабасова, Н.С.Смирновой
Описание вариантов М.Г.Гумаровой, Н.С.Смирновой
Статьи З.А.Ахметова, Б.Г.Ерзаковича, С.А.Каскабасова

Редактор издательства
А.А.Янгаева

Козы-Корпеш и Баян-сулу. Кыз-Жибек : Казахский романический эпос /
К59 Отв. ред. т. С.С. Кирабаев, Е.А. Поцелуевский. — М. : Вост. лит., 2003. — 439 с. (Эпос народов Евразии : Осн. в 1971 г. / Гл. ред. Э.Р. Тенишев). — ISBN 5-02-017457-2 (в пер.).

В настоящем томе серии «Эпос народов Евразии» представлены тексты двух классических романических эпосов казахского народа — «Козы-Корпеш и Баян-сулу» и «Кыз-Жибек». Тексты сопровождаются переводами, комментариями, пояснительным словарем и статьями о жанровом своеобразии публикуемых произведений, их художественных особенностях и музыкальном воплощении; даны образцы нотных записей.

ББК 84(5Каз)

ISBN 5-02-017457-2

© Институт литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК, 2003
© Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Институт мировой литературы им. М.Горького Российской академии наук совместно с другими научно-исследовательскими учреждениями России и стран СНГ продолжает публикацию эпических произведений народов Восточной Европы и Азии, представляющих большую художественную ценность, в серии "Эпос народов Евразии" (ранее выходила под названием "Эпос народов СССР").

Книги серии содержат разделы: тексты на языке оригинала и его перевод, выполненный с максимально достижимой адекватностью; научное исследование, в котором анализируются жанровое своеобразие и поэтическая особенность издаваемых памятников; комментарии и словарь к переводу, сведения о вариантах и сказителях, от которых записаны тексты эпоса, об особенностях исполнения эпических произведений, нотные записи и др.

В очередной том серии включены два текста казахского романического эпоса — "Козы-Корпеш и Баян-сулу" и "Кыз-Жибек". Это самые популярные и любимые произведения казахского народа. В настоящем томе публикуется один из наиболее полных и широко известных в народе вариантов эпоса "Козы-Корпеш и Баян-сулу", который был выпущен в свет М.Ауэзовым в 1936 г.

Издаваемый вариант эпоса "Кыз-Жибек" был записан и опубликован в 1900 г. в Казани выдающимся собирателем, редактором и публикатором казахского фольклора Джусупбеком Шейхулисламовым (1857–1936).

Перевод текста на русский язык соответствует научным принципам, выработанным для серии: он максимально точен и по возможности адекватно передает образно-поэтические и языковые особенности подлинника.

Подготовка издания осуществлялась группой ученых Института литературы и искусства им. М.Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан: З.А.Ахметовым, М.Г.Гумаровой, Б.Г. Ерзаковичем, С.А.Каскабасовым и Н.С.Смирновой.

РАНЕЕ В СЕРИИ ВЫШЛИ:

1971 г.
“Хурлукга и Хемра”. “Саят и Хемра”.
Туркменский романический эпос.

1972 г.
Украинские народные думы.
“Рустамхан”. Узбекский героико-романический эпос.

1973 г.
“Маадай-Кара”. Алтайский героический эпос.

1974 г.
“Нарты”. Адыгский героический эпос.

1975 г.
“Кобланды-батыр”. Казахский героический эпос.
“Лачплесис”. Латышский народный эпос.

1977 г.
Башкирский народный эпос.

1983 г.
“Гёр-оглы”. Туркменский героический эпос.

1984 г.
“Манас”. Киргизский героический эпос. Книга 1.

1985 г.
“Строптивый Кулун Куллустуур”. Якутское олонхо.

1987 г.
“Гуругли”. Таджикский народный эпос.
Коми народный эпос.

1988 г.
“Манас”. Киргизский героический эпос. Книга 2.
“Алтын Арыг”. Хакасский героический эпос.

1990 г.
“Нарты”. Осетинский героический эпос. Книга 1–3.
“Джангар”. Калмыцкий героический эпос.
“Манас”. Киргизский героический эпос. Книга 3.

1994 г.
“Нарты”. Героический эпос балкарцев и карачаевцев.
Карело-финский эпос.

1995 г.
Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос.

ТЕКСТЫ

ҚОЗЫ КӨРПЕШ – БАЯН СҰЛУ

Кемел ақын келтірер сөздің түрін,
Оған да заман өткен бір ықылым.
Кешегі о бірқатар заманында
Өтіпті екі байың бізден бұрын.

Солар да бізден бұрын өткен жандар,
Сап қасқа, өңшең манап, сөзді аңдандар!
Қалыпсыз Қарабайдай бай өтіпті,
Тоқсан мың, Тәңір алса да, жылқысы бар.

[Қарабай] бай болыпты дүние боқ,
Өзіне құдай берген [дәулеті] көп.
Тоқсан мың жылқы айдаған бай болса да,
Үйінде сілкіп киер шапаны жоқ.

Сыбанбай, Жанақ, Бекбау айтады екен,
Оның тегін кім десең, "түрікпен", – деп.
Құдайым артық дәулет мал берген көп,
[Сүйер оның бір жалғыз перзенті жоқ].

Нәсілін Сарыбайдың айтады екен:
"Қырық байы Орманбеттің біреуі", – деп...
Елімен өкпелесіп жөнеледі...
Жұртының өсек қылған сөзін кектеп.

Ағайын біреу жүрмес бұған еріп,
Өкпелеп, өз жұртынан кетті жеріп...
Құданың берген малын көпсінген соң,
Жөнелді Қарекең де ыза керіп.

Сарекең де ыза боп жүре берді,
Елі ақымақ қой жіберген мұндай ерді.
Тоқтамай күн-түн қатып ұдай көшіп,
Балталы, Бағаналы елге [келді].

Келгенін Балталыға халық көрді,
Сән, тұрманы өзгеден артық еді.
Жүз кісі мен Тайлақ би келіп еді,
Қарабай тоқсан мыңнан түк бермеді.
"Елден шыққан білімсіз ант екен", – деп,
Ел-жұрты Қарабайға өкпеледі.

[Қонақтың] сыбағасын тоғыз қылып,
Сарекең сый-сыйпатпен жөнел[теді].
"Жақсының шарапаты санға" тиіп,
Сарыбайға бір тайпа ел билетеді.

Жиылған жамағат көп кеңеседі,
Мұнан бұрын патшалы емес еді,
"Сарыбай тек жаралған жан емес", – деп,
Падиша қоямыз деп "е", – деседі.

Екі бай Балталыға бірдей келді,
Қарабай ол неғылсын дүйім елді?
Тоқсан мыңы көзіне мал көрінбей,
Аң аулай ерте тұрып женеледі.

Не Шыңғыстай, болмаса не Қалбадай,
Не Мыржықтай аңы көп бір тау еді.
Қақ жарып, хан Қарекең келе жатса,
Алдынан буаз марал кез келеді.

Қылт етті де жөнелді, белден асып,
Қарбаң-құрбаң етті де, қалды сасып.
Көзінің жасын сүртіп, қарағанша,
Адасып қалды аңнан, жаза басып.

Қылығы [Қарабайдың] жаннан епті,
Сол шағында тентіреп аңға кепті.
"Қап, бәлем, ертең түсте атамын!"– деп,
Қаңтарып Аққайыңды жата кетті.

[Сарыбай да аңға құмар адам еді,
Ол да таңнан сол тауға аңға келді].

Қалың тауды қақ жарып келе жатса,
Ат қаңтарған бір жанды көзі көрді.

Сарекең ат көрген соң, жетіп келді,
Көреді дүзде жүріп талай керді.
"Жатырсың түске шейін ат қаңтарып,
Үмітсіз дүниеден кімсің?" – де [ді].

[Қарабай:]
– Көңілімді мың мен санға баламаймын,
Бенденің [елеуіне] жарамаймын.
Келгенше сексен үшке сүйері жоқ,
Үмітсіз дүниеден Қарабаймын!

[Сарыбай:]
– Қареке-ау, олай деме, тәңір білер,
Құлының жылағанын әлі де көрер.
Дәулет пенен перзенттің кештігі жоқ,
Құдайым әлі де болса бізге берер.

[Қарабай:]
– Тәңірімнің қолынан келмей жүр ме?
Тілегін бенделердің бермей жүр ме?
Келіппін сексен үшке мәлден өтіп,
Берсе, көзі Алланың көрмей жүрме?

[Сарыбай:]
– Қареке-ау, бұрын сені танымаймын,
Алланың мен ісіне налымаймын.
Жетпіс беске келгенше сүйері жоқ,
Қу бас шал мен де өзіңдей Сарыбаймын.

[Қарабай:]
– Е, балам, бала сүймей болыпсың зар,
Бала сүйсең, жалғанда көңілің тынар.
Жасы бар сексен үште мені айт, балам,
Әлі де болса алдыңда тілеуің бар.

[Сарыбай:]
– Қараке, [заманың да сен де бір] ер,
Кез қылған екеумізді пәруардігер.
Сегіз жас-ақ үлкенсің, байқап тұрсам,
Сексен үш жетпіс беспен қарайлас жер.

[Қарабай:]
– Екеуміз де, шырағым, жасқа жеттік,
Дүниеден перзент сүймей арманда өттік.
[Мал айдап, бас көрмеген сорлы] екенбіз,
Кел, дос болсақ қайтеді қияметтік?!

Ауыр дәулет беріпті Алла несіп,
Аузынан уағыдамен серт берісіп.
Екеуі жапан дүзде бек сөйлесіп,
Дос болды ақыреттік, құдай десіп.

[Қарабай:]
– Алланың әміріне көніселік,
Көзінің қыры түскенін көріселік.
Ұл туар да, қыз туар заман болса,
Уағыдамен қалыңсыз беріселік.

Отырған хан Сарыбай, мені көрші,
"Шал, қартайған Қарабай – досым", – деші.
Бір марал кеше кетті ыза қылып,
Кез қылса, соны маған атып берші!

[Сарыбай:]
– Кез қылды жапан дүзде мені саған,
Түскен жоқ жасым жетіп, көзге таған.
Кез келген бүйрықты аңды жібермейді
Мылтығым алты қарыс, көрсет маған!

[Қарабай:]
– Шырағым, ойлап тұрсам, өзің кеңсің.
Біреудің білмегенін білгізесің.
Алдыңдағы түбекте жатыр марал,
Байқа, балам, бойыңды шалдырма [сен].

[Сарыбай:]
– Үйіңе құдай оңдап Қыдыр қонар,
Бір достым бек сөйлескен сендей болар.
Бұл марал буаз екен, тіпті атпаймын,
Келінің екі қабат, кесел болар.

[Қарабай:]
– Саған айтпай сөзімді кімге айтайын,
Ұялмай, үйге қайтіп бос қайтайын?
Өлсем де, атып берші, бір тояйын,
Махшардағы күнәсін мен тартайын!

[Сарыбай:]
– Мен тұрмын бұл сөзіңді [мақұлдамай],
Маралға қызығасың, тілімді алмай.
Тағы да бір бұйрықты аң кез келмей ме?
Атуға қорқып тұрмын, қолым бармай.

[Қарабай:]
– А, балам, айтқан сөзге жетпедің бе?
Дүниеден перзент сүймей өткенің бе?
Кез келген сен аяйсың бұйрықты аңды,
Шыныменен достықтан кеткенің бе?

Бейілін Қарабайдың құдай алды,
[Сарыбай] мылтығына оғын салды.
Маралды бетіне алып, тарс қойғанда,
Кідірмей ол орманда құлап қалды.

[Қарабай] Сарыбайға қарамады,
Қарбаң-құрбаң маралға жетіп барды.
Адамнан ақымақ туған хан Қарекең,
Маралдың жаны шықпай ішін жарды.

Ойласаң, Қарабайдың өзі мықты,
Сарекең қорқып, атпай, көп ұйлықты.
[Қарабайдың] пышағы жазым тиіп,
Ішінен егіз қодық мөңіреп шықты.

"Қазаққа алты санды бірдеймін", – деп,
"Бенденің еш ақылын ілмеймін", – деп,
Қодығын тыпырлатып бауыздайды,
"Сілікпелеп, үйге апарып, бір жейім", – деп.

Бейілін Қарабайдың құдай алып,
Көпірдің мінезіне жан таңқалып.
Қан болып сақал-мұрты, қайтып келді,
Өзі атқандай мақтанып, саңлауланып.

[Қарабай:]
– Отырсың не себепті жолды көрмей?
Қойып па тілегімді төңірім бермей?
Кез келген бұйрықты аңды атып едің,
Бұл жұртта неге отырсың маған келмей?

[Сарыбай:]
– Қареке-ау, бай екенсің сөзің шалыс,
Екеуміз жапан дүзде болдық таныс.
Орнымнан үш ұмтылып тұра алмадым,
Мылтығым тиді маған алты қарыс.

Қалыпты бұрынғыдан бізге санат,
Сөзімді тентек болса, жұртқа сынат.
Алланың ақ бұйрығы маған жетті,
Басымды кешіктірмей оңға қарат.

Әуелі біз жолықтық есен-аман,
Түсірдің осы жерде ақыр заман.
Қоймадың, – "бір маралды атып бер", – деп,
Мұнша қатты сөз айттың маған жаман.

Жүзімді көремісің, көрмеймісің,
Сөзіме еремісің, ермеймісің?
Ант айтып, ақыреттік құда болдық,
Қыз туса, беремісің, бермеймісің?

[Қарабай:]
– Қыртысым сүймегенге шөл арықпын,
Өзім деген кісіге тас бұлақпын.
[Бір айтысқан сертінен ит таяды],
Күн болса, ондай атты, берер-ақпын.

[Сарыбай:]
– Қареке-ау, ажал уақыты маған жетті,
Ағасың жасың үлкен құлдық, – депті.
Аузынан бір-екі ауыз арыз айтып,
Сарекең күні жетіп, өліп кетті.

[Ит Қарабай жүреді сұмдық бастап,
Айтқан сөзін тұрмайды адам қостап.
Егіз қодық, маралды теңдеп алып,
Бек сөйлескен достысын кетті тастап.
Тұра алмайды бір сағат сертке жетіп,
Сөйлескен құдайшылық естен кетіп,
Өліп қалған Сарыбай көңілінде жоқ,
Үйіне қайта салды өлеңдетіп].
Қарабай бұл мінезді сән көреді,
Нәлетті өзі ақымақ кім көреді?
Шырыштан төмен жылжып келе жатса,
Алдынан будақ-будақ шаң келеді.

Сарыбай өзі мерген маралды атқан,
Маралға ит Қарабай дінін сатқан.
Ханымы Сарыбайдың буаз екен,
Үйінде аман-есен бір ұл тапқан.
"Сүйінші Сарыбайдан сұраймын", – деп,
Сол елдің адамы екен келе жатқан.

[Сарыбайдың қызметкері:]
– Қареке-ау, жапан дүзде сізді көрдік,
Сарыбайдың қызметкер адамы едік.
Ханымы Сарыбайдың бір ұл тапты,
Көрдің бе [Сарыбайды]? Сәлем бердік,

[Қарабай:]
– Мынау қалай сорлы еді ниетке жеткен,
Өз ойы мен қылғанын нәмәрт еткен.
Не етесің босқа сұрап Сарыбайды?
Сұрасаң, ол Сарыбай марғау кеткен.

[Сарыбайдың қызметкері:]
– Бай еді мынау қалай, сөзі надан,
Өтерін дүниенің байқамаған.
Марғауың неше күндік, неше түндік,
Ұшырсам қос-қос атпен, қашан барам?

[Қарабай:]
– Ертіс басы Қара [дөң] жерге кетті,
Бейнетеңіз дейтұғын көлге кетті.
Бес жүз киік соқтығып, соны қуып,
Жолы қиын Бетпақтай шөлге кетті...

[Қарабай] не қылса да, қайраты мол,
Өз ақылы өзіне болады жол.
Амалы жоқ, алысқа айдаған соң,
Адамы дел-сал болып қайтқаны сол.

"Ақылмен алдадым", – деп, [кенеледі],
Халқына [одан әрмен] жөнеледі.
Ханымы Қарабайдың қыз тауыпты,
Жол тосқан сақау қатын кез келеді.

[Сақау қатын:]
– Іздеп едік, қайнаға-ау, кез келесіз,
Айпа[й]адай[2] ақ жүзім сіз көр[й]есіз.

[Қа[й]тайғанда] кө[й]іпсіз бі[й] пе[й]зентті,
Сүйіншіге, қайын аға-ау, не бе[й]есіз?

[Қарабай:]
– Жаман сөзді есітсем, ішім күйер,
Жақсы сөзді есітсем, денем сүйер.
Былшылдама, сақауым, к... қыс,
Сегіз өрме бұзау тіс қамшым тиер.

[Сақау қатын:]
– Бі[й]еу жа[й]лы, бі[й]еу бай, білмейсіз бе,
Айдай болған ақ жүзім кө[й]мейсіз бе?
Қа[й]тайғанда, кө[й]іпсіз бі[й] пе[й]зентті,
Шынымменен бі[й] шапан бе[й]мейсіз бе?

Хан Қарекең келеді күн-түн қатып,
Егіз лақ маралды қабат [артып].
Сегіз өрме бұзау тіс қамшысы бар, –
Сақауыңды кетеді бартылдатып.
Жымдай болып сол сақау жорғалайды,
Бастың қаны қойнына сорғалайды.
Жар бойында бар екен жарты лашық,
Қашып барып сақауың қорғалайды.

[Қарабай:]
– Сегіз жылда – сексен мың, сегіз сарай,
Жеті атамнан бақ берген Аллатағала-ай!
Өз тіліңнен, сақауым, жаза тарттың,
Дәл енеңді ұрайын, мұным қалай?!

[Сақау қатын:]
– Япы[й]ым-ай, [бұл өнегең] көпке тисін,
Кінә ауда[й]май сабайсың, жаның күйсін.
Қуанышқа сұ[й]асам, қамшы бе[й]іп,
Ұлы-қызың [мендей боп], қо[й]лық кө[й]сін.

Қарекең одан өтіп, үйге салды,
Егіз лақ, маралды теңдеп алды.
Бейілі Қарабайдың сонда кеңіп,
Бір сарттан жиырма [ала] шапан алды.

Моллалар шұбар ала хат оқиды,
Өлім шыққан үйіне жата оқиды.
“Менің құдам Сарыбай далада өлді”, –
Деді де тоқсан саба толтырғызды.

[Қарабай:]
– Тұра тұр енді, жұртым, мен желейін,
Ауылын сол құдамның мен көрейін.
Нарыңды сабаңменен тоқтата тұр,
Әуелі салт барып бір келейін.

Тұрады сол Қарабай өнер бастап,
Көпірді көрген адам тұрмас қостап.
Тантық шал иесіз үйге кіріп келді,
Белдеуге [Аққайыңды] іле тастап.

Елінде қырық мың шалқар байдай болып,
Қас жорға жылқы ішінде тайдай болып.
Ақымақ шал иесіз үйге кіріп келсе,
Жөргекте Қозы жатыр айдай болып.

Ақымақ шал ақылы жоқ, жаман басты,
Қозыдан қорқып, итті қара басты.
– "Мені жұтар жалмауыз туыпты", – деп,
Тантық шал [Аққайыңға]міне қашты.

Бір жерде келе жатып бөгеледі,
Өзі ақымақ нәлетті кім көреді?
Тоқсан нарда сабаны жарып тастап,
Бір [сайды] қымыз қылып жөнеледі.

Қарабай, Сарыбаймен мерген екен,
Хан Қарабай ауылына келген екен.
Ханым айтты: "Қарабай келіп кетті,
Сарыбай хан далада өлген екен.

[Алтындаған] ақ орда тіккен үйім,
Бұрынғыдай болмайды менің күйім.
Мен түсімнен шошыдым бүгінгі күн,
Енді аңырма, отырма, Тайлақ биім!"

Тайлақ би осы сөзді қош көреді,
Еліне жиылсын деп хат береді.
Еліне қадірменді бір би екен,
Дәл он бір сан халайық жұрт келеді.

Он сан халқын Тайлақ би жиып алып,
Отырған әлеуметке үндемейді.
Көңілі батыр Тайлақ жазған хаттай,
Мәнісін жиылған көп таба алмайды.

Он жыршы бар [қасында] басы [Тайлақ]
Шырышқа шеру тартып жөнеледі.
[Жапырлап] бет-бетімен қарап жүрсе,
Бір адам өліп жатқан кез келеді.

Іздесіп алды-алдына жүрген шауып,
Өлді деп елі-жұрты қылған қауіп.
Бір жерде он бір кісі келе жатса,
Бір адам өліп жатқан алды тауып.

Айырылып патшасынан болды зарлы,
Табамын деп баршасы көңіліне алды.
Он кісінің ішінде бірге шыққан,
Қоңыр ала тай мінген тазша бар-ды.

Тазша айтады: "Ей, ағалар, бәрің надан,
Жасымнан көріп едім бір талай жан.
Шыққыр көзім шықпаса, мен таныдым,
Өлігі осы жатқан Сарыбай хан".

[Жыршылар:]
– Құлақ кәрі, бой кіші, ақыл дана,
Ту жығылса болмай ма қас масқара?
Жұрт иесі ханына жора қылып,
Үй-мүйіңмен өртенгір, тазша бала!

[Тазша:]
– Ойласам, бәрің, аға, бейілің тар,
Сендердің қылар қақпай мінезің бар.
Хат берген даулы жерге мөр басатын,
Қолында қызыл алтын жүзігі бар.

Көрген соң Сарыбайға жұрт жылайды,
Сол жерде тақат қылып тұра алмайды.
Серкесіз қойдай болып ұйлығады,
Аяғын қадам басып жүре алмайды.
Жиылысып, сол араға бәрі келді,
Құба қалмақ сықылды іштен бүлді.
Жалғыз-ақ ханым сонда естіген жоқ,
Батыр Тайлақ болды да бәрі білді.

Жиылған сол арада көп ел еді.
Қай адам ер Тайлаққа тең келеді:
["Ханымға есіттірер, ей, жыршылар,
Талапкер іштеріңнен кім бар?" – деді.]

[Тазша:]
– Тайлыға алыс емес көрінген жер,
[Елімдегі биімсің сен кеменгер].
Ханымға [есіттіре] мен барайын,
Ер Тайлақ, қолыңды жай, батаңды бер!

Ер Тайлақ тазшасына жарлық етті,
Тайымен қотыр ала тазша кетті.
Сейілде қырық кісімен ханым жүрсе,
Алдынан қарама-қарсы кездей кепті.

[Тазша:]
– Ханым-ай, ақ сұңқарым, сені көрдім,
Мен ежелден хан-қарашы адам едім.
Мен шошыдым түсімнен бүгінгі күн,
Ханша ием, [жорытқалы] сізге келдім.

[Ханым:]
– Аптығып қотыр таймен келесің тез,
Бұл жалғанда ақылсыз адамнан без.
Көп шатып, [сандырақтап], сөзді ұзартпа,
Қанеки, шошығаның немене сөз?

[Тазша:]
– Жаратқан бәрімізді Тәңірім күшті,
Бұл дүние, ойлап тұрсам, енді екі ұшты.
Мен түсімнен шошимын бүгінгі түн:
Менің сәлдем басымнан жерге түсті.

[Ханым:]
– А, тазша, олай болса, мал сойғаның,
[Берсе тәңірі, мол асқа] сен тойғаның.
Сенің сәлдең басыңнан жерге түссе.
Бес уақыт намазға бас қойғаның.

[Тазша:]
– Ойласам, бұл ханымның ақылы асты,
Қарашаң дәл, [мінекей], жаман састы.
Мен түсімнен шошимын бүгін тағы:
Қолымнан жібек баулы сұңқар қашты.

[Ханым:]
– Мінезің, ойлап тұрсам, жаннан [бөлек],
Келдің бе қотыр таймен мені сынап?

Қолыңнан жібек баулы сұңқар қашса,
[Қоян аңдып жүрген де алайын деп].

[Тазша:]
– Қай адам Сарекеңдей ниетке жеткен,
Көп адам бізден бұрын өтіп кеткен.
Айырылдым қапияда сұңқарымнан,
Қолымнан абайсызда ұшып кеткен.

[Ханым:]
– Мұндар таз, бір сұмдық бар тіл-жағында,
Сен келдің қотыр таймен бұл шағында.
Қолыңнан абайсызда ұшып кетсе,
Қара орнында, болғаны хан тағында.

[Тазша:]
– А, ханым, бір сөзіме жаңа жеттім,
Қай сөзіңді бұзайын, мақұл деппін.
Мен түсімнен шошыдым тағы бүгін:
Түсімде бір тұңғиық суға кеттім.

[Ханым:]
– Құдайым енді саған дем береді,
Бұйым салған базарға жол көреді.
Жүруші ең әр нәрседен [кемдік көріп],
Түпсіз тәңірім дариядай мал береді.

[Тазша:]
– Ханым-ау, бұл ниетті ойға алайын,
Мәнісін тура тартпай не қылайын.
Жандап-жандап сөз айтсам, жуытпайсың,
Түп-тура найзамды енді тік салайын.

[Ханым:]
– Мұндар таз, маған келдің қаның қашып,
Антұрған, сені тұр ма қара басып?
Мен сенің қалжыңдасар кісің емен,
Немене айтар сөзің найзаласып?!

[Тазшаның естіртуі:]
– Аңға да кеткен Сарекем-ау
Таңертеңгі салқында,
Мінсіз бір туған жан еді-ай-ау,
Өне бойы қалпында.

Келімсек төре хан болып,
Балталының халқына.
Өрісі толып малына-ай-ау,
Қазынасы толған алтынға.
Алла ісіне шара жоқ-ау,
Жетпесті қуып алқынба!
Қайырлы ғұмыр бере көр-ау
Қозыжанға артында.
Сізден де шығар адам жоқ,
Ойласаң ақыл, тартынба.
Хан орнына хандық қыл,
Кешегі билеп бір тұрған шарқында
Ақылдас еді Сарекем.
Билетпес деп тартынба.

[Ханым:]
– Өлді ме Сарыбай хан, жұртым көнсін,
Жыламан, патша-құдай иман берсін.
Ғаламнан хан Сарыбай өткен болса,
[Ісі Алла, түбі] Тәңірім артын берсін!..

[Тазшаның жұбатуы:]
– Ханым, көрсең, жыларсың
Сарекемнің дертіне.
Сабырдан басқа айла жоқ,
Іштегі жанған [өртіне].
Көргеннен соң, [босарсың]
Нәпсің қоймай еркіне.
Аулақ жерде, ханым-ау,
[Ақыл] тоқтат бекіне.
Сүйегіне мін болар,
Жетпей кетсең сертіне.

[Ханым:]
– Мұндар таз, жылайды деп көңіліне алма,
Алып жүр сүйегіне, енді алданба.
Өлген жан жылағанмен қайтып келмес,
Көңілді босатқанмен пайда бар ма?!

Ханымға тазша естіртті жеке барып,
Жұрт сілтідей тынады қайран қалып,
Егіл-тегіл еңірескен Сарыбайға,
Ханымды сүйегіне келген алып.

Өлгенін Сарыбайдың ханым көрді,
Ұрғашыдан таппассың мұндай ерді.
Адасып ақылынан, аспай-саспай,
Еліне ақыл айтып, қайрат берді.

[Ханым:]
– Жылама, батыр Тайлақ, сен де өлерсің,
Алладан тағдыр келсе, жөнелерсің.
Өзі беріп, өзі алған арманы жоқ,
Махшарда имандыма кез келерсің.

Жұртым-ай, бұл жылаған ниетіңді қой,
Өлім шықса, тіріге болмай ма той?
Жылағанмен бір нәрсе табар болсаң,
Жылап-жылап тірілтіп әкеле ғой.

Тайлақ би, олай тұрма, сен бері жүр! –
Ақылдасып Тайлақпен ойласып тұр.–
Алып жүрмей осы жерге біз қоялық,
Елге жібер, жабдық пен үй ап келтір.
[Елезде] айтқанының бәрі келді,
Дайын болды, жамағат көзі көрді
"Зиярат қылып – бір күмбез жасаймыз", – деп,
Ел ұйғарып, сол жерге қояды енді.
Жиылған жаназаға қанша жанды,
Бәрін де сый-сыйпатпен жөнелтеді.

Ханым айтты: "Қайғысыз адам едім,
Бұл сықылды жалғанда [қайғы] көрдім.
Ат шаптырып, ас берсең, ерік өзіңде,
Билігін, батыр Тайлақ, саған бердім".
Қай адам ер Тайлаққа тең келеді,
Жиылған жаназаға көп ел еді.
[Билігін] батыр Тайлақ алғаннан соң,
Халқына сауын айтып жөнелтеді.

Тыңдаңдар мына сөзді, ей, жарандар!
Құлақ салып тыңдасаң, абзалдылар!
Өтірік айтса, ақынның жаны шықсын,
Басқы аттың бес жүз жылқы бәйгесі бар.

Сый алды елі-жұрты құры қалмай,
Тайлақтың кеткен жан жоқ тілін алмай.
Он бір сан халайықтың бәрі келді,
Айтқан күні жиылып, бірі қалмай.

Тайлақ айтты: “Жамағат, ой ойлаңыз,
Тентек пенен [терісті] бір қоймаңыз.
Даусыз болып, аттарың анық келсін,
Әр рудан бір кісі ат айдаңыз.

Алланың ақ ісіне мойын бұрсын,
Ала-құла болғанды құдай ұрсын.
[Қараеңістен] ат айдап жіберіңдер,
Аққезеңнің үстінде көмбе тұрсын”.

Байлығын Сарыбайдың халқы көрді,
Атын айдап алысқа жіберді енді.
Бес жүз аттың алдынан бір шақырым
Өз үйінің Телқызыл аты келді.
Ешбір жаман бұзықтық, жанжал шықпай,
Жиынын тыныш қылып жөнелтті енді.
Ел-жұрты құрмет қылды ханның үйін,
Ғарып-қасыр жетімге болды тойым.
Тайлақ айтқан сөзінен жан шықпайды,
Тып-тыныш боп тарады осы жиын.

Мінезі Қарабайдың жаннан өтті,
Уағыдасы құда болған жұртқа жетті.
Тайлақ биге айтады ханым тұрып:
“Сонымен кел сөйлесіп құдалықты”.

– Ханым-ау, Қарабайың құрып қалсын,
Келуге жарамаған, құдай алсын.
Мен барсам, тек келмеймін сол итіңмен,
Жалғыз ұлым ер Танаш балам барсын.

Тайлақтың сөзін ханым мақұл етті,
Осы сөз рас болып халыққа жетті.
Қасына он бір жігіт ертіп алып,
Ер Танаш Қарабайға жүріп кетті.

Жүр еді хан Қарекең жалғыз өзі,
Танаштың Қарабайға келген кезі.
Қарекеңнің алдынан қарсы келіп,
Жолығып ер Танаштың айтқан сөзі:

[Танаш:]
– Қареке-ау, хан болыпсыз, сізді көрдік,
Жасы үлкен бай екенсіз, сәлем бердік.
Кешегі Сарекемнің заманында

Қайғысыз, уайымсыз жүруші едік.
Сарекем дүние салып кеткеннен соң,
Біз биыл құдіретпенен не көрмедік?
Жіберді құдағиың, құрбың Тайлақ,
Алдыңа бір сәлемді алып келдік.
Қандай жауап бересіз, хан Қареке,
Сөйлескелі, байеке-ау, келіп едік.

[Қарабай:]
– Былшылдама, сөзіңе тіпті ермеймін,
Ұмыт қалған сөзді мен жөн көрмеймін.
Сен он екің к... қыс, үйіңе қайт,
Құда боп, жетім ұлға қыз бермеймін.

[Танаш:]
– Қареке-ау, ақылменен арбайсыз ба,
Жаратқан бір Тәңірді алдайсыз ба?
Ниет айтып, ақыреттік құда болдың,
Тегінде қияметке бармайсыз ба?
Құдаңмен Тәңірі алдында беттестірсе,
Сол жерде қара жүзді болмайсыз ба?

[Қарабай:]
– Мына сөзге мен тұрмын қайран қалып,
Қалың малың қойып ем қашан алып?
Сен он екің былшылдап сөйлей берсең,
Бәріңнің де кетермін басың жарып.

[Танаш:]
– Орның бар ма дүние үшін дінін сатар?
Бізге аударар күнәң жоқ, атын атар.
Бұл мінезден қайтпасаң, шал Қареке,
Осы тәнің дозақтың дәмін татар.
Бетің топырақ басты деп жалған айтсаң,
[Орның келді жаһаннамда күйіп] жатар.

[Қарабай:]
– Келіпсің сөйлескелі өңшең кедей,
Қайтсаңшы жаның олжа, бірің өлмей.
Қой десем де, қоймайсың сен он екің,
Тым болмаса қайт[саңшы] таяқ жемей.

[Танаш:]
– Қареке-ау, жаман сөзді айтпа бекер,
Бұл мінезің өзіңді әуре етер.

Осы арада қыз бермей сен тұрмассың,
Қашып жүріп бір талай күнің өтер.
Менің әкем естісе тек қоймайды,
Өзіңді байлап қойып қорлық етер.
Тым болмаса сұрашы қалың малды,
Сарыбайдың малы бар саған жетер.

Көрмессің Қарабайдай бейілі тарды,
Жылқыдан Бақаайғырды мініп алды.
Сегіз өрме, бұзау тіс қамшысы бар,
Бәрінің тарсылдатып, басын жарды.
[Қайтеміз] Қарабайдың [қылығы] сол,
Өз ақылы өзіне бол[ған соң жөн].
Бір тау тесіп мойын[ға] ілсе дағы,
Он [екі] аға үндемей қайтарлық жол.

Ұрыспай ол он [екі] жүре берді,
Мінезін Қарабайдың көзі көрді.
"Ұрыссақ, ханым бізге өкпелер", – деп,
Жардырып ап бастарын, қайтып келді.

[Танаш:]
– Барсын деп, ханым, бізге қылдың жарлық,
Мен көрмеген жан едім қорлық-зорлық.
Мінезін Қарабайдың көре тұра-ақ,
Шіркін, нәлет, құдаңа кеше бардық.
Біз сіздің тілің сыйлап барамыз, – деп,
Қызыл тақия сый-сыйпат киіп алдық.

[Ханым:]
– Ол кетер, бұл араны қылмас мекен,
Сол нәлет бір жолата кетсе-ақ екен.
Жалғыз-ақ бір тілегім – Қозы ер жетсе,
Бір адам бұны сөз қып айтпаса екен.

Жұртына батыр Тайлақ [тию] қылды,
Не қылсын Қарабайдай көпір сұмды.
Ешбір адам аузына алмаған соң,
Аты өшкірдің аты өшіп, ұмытылды.

Ал енді мына сөзді тербетелік,
Айтпақ болдық, біз [іркіп не] етелік?
Ханым мен Қозы Көрпеш жата тұрсын,
Ауғызып Қарабайды ап кетелік.

[Қарабай:]
– Ойбай, қатын, қайдасың, бері келші,
“Құдай қосқан қосағым мені”, – деші.
Аулынан Сарыбайдың мазам кетті,
Кел, ауамын, үйімді жығып берші.

[Әйелі:]
– Байғұс-ау, қандай адам серттен таяр?
Біліп пе едің тайғанды құдай аяр?
Тоқсан мыңды бұл жерден тентіретпе,
Қайда барсаң, осындай орын даяр ?

[Қарабай:]
– Бұған ермен, өзгеңе ерсем дағы,
Кәрі басым қоршылық көрсем дағы.
Балталымен қоныстас бола алмаймын,
Тоқсан мыңды бір жауға берсем дағы.

[Әйелі:]
– Қайтейін мінезіңді шайтан бұзған,
Кісі едің шайтан бұзған, құдай ұрған.
Бұл басымды [мойнымнан] кессең дағы,
Бір отырған орнымнан өлсем түрман.

Белгілі ерімейді іштің мұзы,
Өтпейді қатынына айтқан сөзі.
Үйді жығып, артуды білмей түрса,
Ойына түсті Ай, Таңсық екі қызы.

[Қарабай:]
Шақырып, қыздарына айтты майда,
– Ай, Таңсық менің екі қызым қайда?
Қақпас шешең тілімді тіпті алмайды,
Бір пайданды тигізші осындайда.

Сөзінен ызыңдаған қыздар өлді,
Амалсыз шақырған соң [олар] келді.
Жылап жүріп үйінің бауын шешіп,
Талқан қып, тоқсан нарға артып берді.

[Шешесі:]
– Шырағым, екі қызым [тіліме ерші],
Мынау кәрі ит атаңның ісін көрші!
Құдай қосқан жарынан тірі айрылған,
Алдыма сұм Баянды алып берші.

Қайран балам, кімдерге күң боларсың?
Қайран малым, кімдерге жем боларсың?
Обалдарың әкенді жібермесін,
Үш сорлым, қандай жерде кем боларсың?

Қарабай тоқсан мыңмен өрге салды,
Жылқыдан Аққайыңды мініп алды.
Жетелеп Бақа айғырды жөнелгенде,
Жұртында қотыр ала тай қалмады.
Жер мен су, тау мен тасқа қоштасқалы,
Көшінен сонда екі қыз тұрып қалды.

Кеткен соң бұл арадан келмес мәні,
Жоқ еді бай болса да оның сәні.
Қарабай көше қашып жөнелгенде,
Ел-жұртқа екі қыздың қоштасқаны.

[Ай, Таңсықтың елмен қоштасқаны:]
– Балталы мен [Бағаналы] ел, аман бол,
Балдырғанды, бақалы көл, аман бол.
Шығушы ем күн ыстықта самалыңа,
Қарағай, бөренелі жер, аман бол.
Теруші ем еріккенде ермегіме,
Екпе жиде, жемістер, сен, аман бол!

Анамнан мен шыр етіп туған жерім,
Белімді мен қыз болып буған жерім,
Қай жеріңде кемтігің қалды енді? – деп,
Қара құрттай толықсып толған жерім.

Сегіз сай, тау беткей де сала, аман бол,
Қалған жұрттың халайық, шалы, аман бол.
Ақылы жоқ қайны атаң қашты сенен,
Жөргекте Қозы Көрпеш, бала, аман бол.

Өзен, өлке, жота мен төбе, аман бол,
Игі жақсы, Тайлақ би, көп, аман бол,
Изенді, бетегелі, мық жусанды,
Ақ көде малға шүйгін, шөп, аман бол.

Жасы кіші, іні мен аға, аман бол,
Іргелі өңкей мырза, жаға, аман бол.
Қайын [атаң] Қарабай қашты өрге,
Қозы Көрпеш, шешең мен тағы аман бол.

"Байлығын Балталының көрмеймін", – деп,
"Тіліне Тайлақ бидің ермеймін", – деп,
Дінсіз шал, ақылы жоқ, өрге қашты,
"Қызымды жетім ұлға бермеймін", – деп.

Атадан асыл туып, оқ жонар ма?
Бойына ақыл, қайрат, күш толар ма?
Қозы Көрпеш жігіт боп, іздеп келіп,
Иілісіп бір тұрар күн болар ма?

Қарабай, тәңірі алсын, малын соймас,
О дағы дамыл көріп дәмге тоймас.
Құдайым тағдырында қосқан болса,
Қайда барсаң, онда бар, сені қоймас.

Үйіне құдай сүйген Қыдыр қонар,
Ер әулие қолтықтап демеу болар,
Бір күнде сапар қылып бізді іздесең,
Тоқсан мыңның осы ізі соқпақ болар.

Балталы, [Бағаналы] халқы, аман бол,
Қозы Көрпеш атадан жалқы, аман бол.
Жеңге, шеше, келіншек, құрбы, құрдас,
Жамағат, бізді ойлаған, жалпы, аман бол!

Барады белде-белде дәурен өтіп,
[Қыздар салды жорғасын сонда] еңіретіп.
Таңертең тұрып қалған сол екі қыз
Көшке екінді болғанда келді жетіп.

Жөнелді сонда екі қыз белін буып,
Тым сұлу көркемдігі айдай болып.
Көшіне жылай-жылай әрең жетті,
[Көздің] жасы атының жалын жуып.

[Қарабай] аял көрмейді, көзі терлеп,
Өзге жақпен жүре алмас, малы кернеп.
Дамыл жоқ та, тыным жоқ көше бер[ді]
Өне бойы жағалап, Ертісті өрлеп.

Көше-көше талай жер барып қалды,
Барғанменен барқадар таба алмады.
Көл Қарасу бойына жетіп барып,
Қайқиып, құм жағалап, қайта салды.

Алатаудың жағалап аржағымен
Іле басы Құлжаға [және] барды.

[Және көшер бастаса мал тойына],
Сірә, тоқтау болмады еш [ойында].
Іледен қайта көшіп Шыршық барды,
[Үдере] көшіп барды Сыр бойына.

Азғана Сыр бойына дамыл [етті].
Бір күні ол қаңғырып Қоқан кепті,
Тоқсан атқа бір белбеу сатып алып,
"Не қыласың" дегенде, – "шұлғау", – депті.

Көшеді қысы, жазы дамыл көрмей,
Біраз елі қалады оған ермей.
Сағынып Сары Арқаны, қайта көшті,
Мазалы ел ішінде рахат көрмей.

Көрмессің Қарабайдай жарым есті,
Азырақ өзінен де қатыны есті.
Қырық күн [шілік ыстықта] қайта көшіп,
Бетпақтың сар даласы барып түсті.

[Қарабай:]
– [Терістен] салқын соқса, самал болар,
Мұнан артық не қиын қамал болар?
Құлын, тайым қырылып шөлдеді ғой,
Ойбай, қатын, айта көр, не амал болар?

[Әйелі:]
– Не деп жауап айтайын бұл сөзіңе,
Құдай беріп қойды ғой мінезіңе.
Қырылмақтан жойылсын құлын, тайың,
Бұл қылық елден қашқан аз-ды өзіңе.

[Қарабай:]
– Ойбай, қатын, өлсем де, тіліңе ермен,
[Олай деген ырқыңа жүре бермен].
Балталы мен ұрайын Сақалыңды [Бақалыңды],
Жалғыз тайым қалса да, өлсем, көрмен.

Көрмессің Қарабайдай жарым есті,
Бір талай көше-көше күні кешті.
Бетпақта бос қамалып жата алсын ба?
Одан көшіп Қарекең Шуға түсті.

Қарекең қырып-жойып, Шуға барды,
Ақымаққа құдай берген мұнша малды.
"Арқадан қызы сұлу бай көшті деп", – деп,
Торғауыттан бедеумен Қодар салды.

Қодар да ойланып [жүр әр] бір ниетті,
Қамшы басты, бедеуін зар еңіретті.
Қуып жүріп, әркімнен сұрап жүріп,
Шу бойында қамалған байға жетті.
"Әрі-бері көше алмай бос қамалған,
Құлын, тайың шөлдеген кімсің?" – депті.

[Қарабай:]
– Көңілімді мың мен санға баламаймын,
Бенденің елеуіне жарамаймын.
Су аяғы құрдымнан қашып жүрген,
Аллатағала қаңғыртқан Қарабаймын.

[Қодар:]
– Қареке-ау, іздеп едім, кез келесің.
Қодар батыр мен едім, сен көресің.
Мен шөлдетпей Бетпақтан алып шықсам,
Қанеки, ақысына не бересің?

[Қарабай:]
– Балам-ау, сен іздесең, кез келейін,
Сені құдай берген соң, неге өлейін?
Сен Бетпақтан шөлдетпей алып өтсең,
Қалың малсыз, борышсыз қыз берейін.

[Қодар:]
– Қыз берсең, сен атасың, мен баламын,
Не қылып тең құрбымнан [кем] қаламын.
Асыраған қызыңды мен алмаймын,
Жалғыз қызың Баянды мен аламын.

[Қарабай:]
– А, балам, қайратыңды мен көрейін,
Жаманға сені не қып теңгерейін?
Сен шөлдетпей шығынсыз алып өтсең,
Сүйген қызың Баянды мен берейін.

[Қодар:]
– Уағыда қылып, серт қылсаң, сенсем екен,
Сенгеннен соң, соңыңнан ерсем екен.

Олай-бұлай қызыңның керегі жоқ,
Ақ Баянды, Қареке, берсең екен!

[Қарабай:]
– Жас құлыным қырылды тамам, Қодар,
Бір су тауып бере көр маған, Қодар.
Сен шөлдетпей малымды алып өтсең,
Ақ Баянды беремін саған, Қодар.

[Қодар:]
– Қареке-ау, осы сөзің жақсы кеп-ті,
[Асығыс жауап айтпақ сіздерге епті].
Бейнеттеніп Бетпақтан өткізермін,
Дер кезінде, Қареке-ау, алдап кетпе!

[Қарабай:]
– Ұнамаған адамға шөл[ді] арықпын,
Қулық қылған кісіге қас шұнақпын.
[Ысырап] қып уағыдамды не қылайын,
Серттен тайман, қызымды берер-ақпын.

[Қодар:]
– Құдай-ау, қайратыма дем бере көр,
Қареке-ау, жылдамырақ жөнеле көр.
Екі күрек, екі үлкен кетпенменен,
Және сегіз көшіннен мес бере көр.
"Сөзімді менің айтқан біле бер", – деп,
"Атыңа, енді отырмай міне бер", – деп.
Қодекең ұзын сызып жөнеледі,
"Менің осы ізіммен жүре бер", – деп.

Байталым, енді аяңда бүгін ел жоқ,
[Бұл жерде] Аякөздей мөлдір сел жоқ.
Сертіме бұл айтысқан жете алмасам,
Сірә, маған Баяндай бұраң бел жоқ.

Антұрған [болдырмайды] Қодар жасып,
Әр жерден жүз кісілік құдық аршып.
Су шыққаннан су шығар құдығының,
Суы жоғын толтырар меспен тасып.

Сол күндегі жандардан Қодар асып,
[Денесіне] қайраты құп жарасып.
Қодекең шауып жүріп қимылдайды,
Аямай бедеуіне қамшы басып.

Сол күндегі жандардан Қодар епті,
Уағыда қылған сертіне анық жетті.
Жанды аямай қимыл [дап, айла тауып],
Не қылса [да] сол Бетпақтан алып өтті.
[Амалы жоқ], байталы болдырған соң,
Жаяу жүріп көреді көп бейнетті.
[Жаяу жүріп табаны шыдасын ба?]
Етік қажап, бақайы қанап кетті.

[Қодардың өлеңі:]
[– Алыс болса, ауылды жуытармын,
Байталды бір жолата суытармын.
Қанасаң да, аяғым, қарамаймын,
Баянжанды көрген соң ұмытармын.
Уәдесі Қарабайдың жалған ба екен?
Суын алып мырзасы барған ба екен?
Аяғымды қанатып мен келемін,
Белден төсек белгілеп салған ба екен?

Өзен суды Қодекең бұрған шығар,
Жалғаншыны құдайым ұрған шығар,
Қанаса да аяғым, қарамаймын,
"Күйеу қашан келед?" – деп, тұрған шығар].

Жылқысы суға қанып, тойып алды,
Қодардың әр нәрседен ойы бар-ды.
Мұны құдай жаратқан сонша зор қып,
Анық он кез өзінің бойы бар-ды.

Тоқсан мыңды не қылса да қандырды тез,
Әдебі жоқ, мінез жоқ Қодардан без.
Көпірдің денесінің бәрі де артық,
Жалпағы жауырынының үш жарым кез.

Қодардың өзі дара-ай, сөзі дардай,
Жүреді жанның бәрін көңіліне алмай.
Өзінің денесінің молын қара:
Сыңар ғана жұдырығы қол ағаштай.

Қарабай бұл жүргенін қылмас намыс,
Қодармен шөл далада болды таныс.
Өтірік қосқан емес осы сөздер,
Ұзыны жауырынының алты қарыс.

Бұралған тал шыбықтай ол, Баян қыз,
Тым сұлу көркемдігі жұртқа аян қыз.
Өзінің денесімен бір ісі жоқ,
Содан үміт қылатын Қодар [арсыз].

Қодар айтты: "Қареке-ау, құлағың сал,
Менің айтқан сөзімді жақсы ұғып ал.
Аягөзге жете алсаң тау бөктерлеп,
Ешқашан қауға тартып шөлдемес мал.
Арғы шеті Аягөз, Лепсі, Үржар,
Тоқсан мыңға лайық сонда жер бар.
Бұл жақта бұдан артық су болмайды,
Тоқсан мыңға өзге жер болады тар".
[Қарекең Аққайыңға мініп алды],
Қодарға, – "өзің біл", – деп, ақыл салды.
Қодардың сол тілімен көшіп келіп,
Жайлап, қыстап Аягөз жатып қалды.

Қарабай, Сарыбаймен мерген екен,
Күні жетіп Сарыбай өлген екен.
Бұл ауғалы он үш жыл болып қапты,
Қыз Баян да он төртке келген екен.

Тал шыбықтай бұралған, өзі керім,
Мінеки, оны айтатын келді жерім.
Қыпша бел, алма мойын, сұлу Баян,
Сипаты жаннан асқан ол бір серім.

Тал бойының міні жоқ, қолаң шашты,
Шашының ұзындығы тізін басты.
[Аузы гүлдің басындай], меруерт тісті,
Ондай жан дүниеде жаралмас-ты.

Аппақ, керік маңдайлы, қылығы наз,
Малың түгіл, басыңды берсең де аз.
Сыртынан күлімсіреп сөйлесе де,
Көңілі [қораш, менсінбес, жанмен] араз.

[Дауасы бар кісідей дидарында,
Тік қарап, жақын келмес Қодарың да.
Жасынан есітетұғын, сырттан ашық –
Есі-дерті, ынтасы өз жарында].

Жұрт айтатын темірлі күймесі бар,
Қозы Көрпеш дегенде дүниесі тар.

Анда-санда болмаса сөйлеспейді,
Жалғыз жатып Қозы үшін қылады зар.

Қас асыл бой жетті, кірпігі [тік],
[Жақындап] Қодар келсе үйтіп-бүйтіп,
Қара көзін қан басып қарағанда,
Маңына [н безер], жоламай, Қодар үркіп.

[Көңілінде ашық жары Қозы екем],
Алланың сызығы екі бола ма екен?
Маңайға тантық құлды жолатқызбай,
Қорқытып қойған оны Құдай екен.

Баянды сұлу қылса – Тәңірім қылған,
Атағы мен даңқына дүние толған.
Тоқсан байдың баласы тоқсан сері,
Сыртынан көзі көрмей, ғашық болған.

Жамағат, осы сөзден күдер үзбе!
Сипаты Баян қыздың жаннан өзге.
Баянға ғашық болып тоқсан бағылан
Бәрі де іздеп шықты жапан дүзге.

Бәрі де ғашықтықпен жаһан кезген,
Баршасы ғашық болып елден безген.
Тоқсан жолдың аяғы бір жол болып,
Сол жолда тоқсан сері кездей келген.

Іздеген Баян қызды соның бәрі,
Бірінен бірі артық ақылдары.
Бір өзінде он кісінің қайраты бар:
Баласы Нұрқара би Көсемсары.

Елінен іздеп шыққан тоқсан бала,
Ақылы тоқсанының тоқсан сала.
[Жүз кісілік өзінің қайраты] бар:
Баласы Қаратоқа Бұланқара.

[Әр елдің] іздеп шыққан тоқсан ері,
Әрбірі жанға өлшеусіз көңілдері.
Қайсы бірін айтайын – осалы жоқ,
Аяғы бес кісілік [өңкей] сері.

Бәрі де жапан дүзде бек сөйлесті,
Қайғысын Баян қыздың жеп сөйлесті.

"Біріміз бірімізді күндемелік,
Бағымызды сынайық", – деп, сөйлесті.

[Тазы тау, Тарбағатай белге келді,
Қатын суы, Майтөбе жерге келді.
Басына Ақшаулының шығып тұрып,
Аягөздің бойында елді көрді.]

Сол күндегі адамнан Қодар мықты,
Қарсыласқан дұшпанын жерге тықты.
"Ел шетіне жау келді", – деді дағы,
Айқайлап тоқсан ерге жалғыз шықты.

Сол күндегі жандардан Қодар [асты],
Сескенбей тоқсанымен араласты.
Ықты-жарды білетін Қодекең бе?
Сол жерде тау соққандай майдандасты.
Әрі-бері тоқсанмен айқасқан соң,
Біреуі беттемеді, бәрі қашты.

Бәрін бірдей Қодекең жеңіп салды,
Бейне малшы қылды да, малға салды.
Күймедегі Баянды [бірі]көрген жоқ,
"Бұқа-буға" деген сөз содан қалды.
Қарабайдың тоқсан бір құлы болып,
Иен суда мал бағып жатып алды.

Енді тоқта, қызықты бір көрелік:
Ұмытпасақ, айналып бір келелік.
Қодар, Тоқсан, Қарабай жата тұрсын,
Балталыдан бір жігіт әпкелелік.

Осындай болса керек ердің ері,
Жаңа бір [тыңдайтұғын] келді жері.
Елінен намыс үшін іздеп шықты,
Тайлақтың кенже інісі Айбас сері.

[Айбас:]
– Күшімді мың мен санға сынаймын, – деп,
Бір санды садағыммен бөгеймін, – деп.
Елінен намыс үшін іздеп шықты,
Сұраса, Қозы ер жетіп, не деймін? – деп.

Ойлайды: "Қай жекжатқа сенейін", – деп,
"Не қылып ажал жетпей өлейін", – деп,

Елінен Айбас сері іздеп шықты,
"Дұшпанға неге намыс берейін", – деп.

Қараңыз ер Айбастың қылған ісін,
Бойында аямайды қуат-күшін.
Туысқаны, туғаны, жақыны емес,
Іздейді жетім ұлдың хақысы үшін.

Ер Айбас ойланып жүр ол бір ниетті,
Қамшы басып бедеуін зар еңіретті.
Құр айыл, [құр] құйысқан тағып алып,
Тұлпармен Тайкөк деген іздеп кетті.

Ер Айбас Көктайменен өрге салды,
Ізімен тоқсан мыңның кетіп қалды.
Қазылған сара ізімен жүре-жүре,
Әйтеуір адаспастай болып алды.

Көктаймен кейде шапты, кейде желді,
Көреді [сергелдеңмен] талай жерді.
Аз жүрсе, көп жүрсе де аман-есен
Аяғы Жетісуға о да келді.

Сол күндегі жандардан Айбас мықты,
Болдыруды білмейді Көктай тіпті.
"Жұрттың айтқан мөлшері болды ғой", – деп,
Бір биіктің басына келіп шықты.

Көреді батыр Айбас талай жерді,
Ит Қарабай сенделтті [асыл] ерді.
Сол биіктің басынан қарап тұрып
Аягөзде отырған елді көрді.

[Айбастың өлені:]
– Астында патшалардың алтыннан тақ,
Болғай-ақ бұл ісіме Тәңірім жақ.
Не етейін бұрынғыңды, Көктайым-ай,
Барыңды бүгінгі күн қарыштап бақ!
Жер аулақ[та] үш қызға бір сөйлессем,
Одан артық құдайдан тілегім жоқ!

Бір құдай бұл тілегін қабыл алды,
Тал түсте ел шетіне жетіп барды.
Өзенде жиде теріп, ойнап жүрген,
Алдынан үш қыз душар бола қалды.

[Алдынан тұра қалды үш қыз кесе.
Ішінде біреуінің түрі өзгеше.
Таныды көрген жерден кім екенін,
Құмар болып келеді сөйлескенше.
Тал бойы қорғасындай еріп кетті.
Нұрына көзі Айбастың көріп кетті.
"Мынаны кешіктірмей іздеу", – екен,
"Жат жерге қайтіп қояр адам", – депті].

[Айбас:]
– Біреудің айтылмас пұл-бағасысың,
Кіреуке, алтын тонның жағасысың.
Елдің жөнін сұраймын, шырақтарым,
Тоқта, үшеуің, қай байдың баласысың?

[Қыздар:]
– Аға-еке-ау, асылзада сен бір ерсің,
Жадағай жапан дүзде кез келесің.
Қорықпай Қодекемнен мұнда келген –
Жүрек жұтқан жанбысың, не қып жүрсің?

[Айбас:]
– Шырағым, тал бойында жоқ екен мін,
Иманнан қуаттанып ашылар дін.
Қодайтып, – "Қодекем", – деп, сөз сөйлейсің,
Ол нәрсең қайдан шыққан, нәсілі кім?

[Қыздар:]
– Тартынбас әр нәрседен Қодар тайып,
Естісе бұл сөзіңді, үлкен айып.
Қодардың атасы [– тау], анасы – жел,
Кез болған [сары] далада [ол бір] ғайып.

[Айбас:]
–Ендеше Қодарыңды ойға ала[рмын].
[Не қылып] сол итіңнен кем болар[мын].
Құдайдан бұйрық болып, демеу болса,
Астына табанымның бір сала[рмын].

[Қыздар:]
– Аға-еке-ау, жақсы айт[асың], сөзің майда,
Бір пайда тигізе көр осындайда.
Қодарды жеңіп бізге кек әперер,
Алаштан асып туған ер ұл қайда?

[Айбас:]
– Астымда Көктайым бар тұлпармен тең,
Қодарды қылма уайым, маған сенсең.
Елімнен әдейі іздеп арнап шықтым,
Құдай қосса, керек-ті соны жеңсем.

[Баян:]
– Жоқ еді бір туысқан аға-[інім],
Көңілім жақын тартты [сізді тым-тым].
Жақындық бізге таман сөз айтасыз,
Аға-еке-ау, елі-жұртың болар кім-кім?

[Айбас:]
– Балталы, Бағаналы елден келдім,
Бақалы, балдырғанды көлден келдім.
Жұрты деп Сарыбайдың естуші ме ең?
Ел жақсысы Тайлақ би ерден келдім.

[Баян:]
– Аға-еке-ау, бұл бір қызық заман екен,
Сізге деген жамандық маған ба екен?
Су аяғы Құрдымнан келген болсаң,
Елі-жұрты, Қой-Қозысы аман ба екен?

[Айбас:]
– Сіздерге күмән шығар, өзіме аян,
Елімнен іздеп келген келінім – Баян.
Қозы Көрпеш падиша халқымызда,
[Бағаналы, Сақалы] халқым аман.

[Баян:]
– Адамға бірдей емес жат пенен өз,
Жапан дүзде, аға-еке-ау, келесіз кез.
"Қозы Көрпеш, Қыз Баян" – деп, сөйлейсіз, –
Апалар, жөнін ұқтыр, немене сөз?..

[Қыздар:]
– [Жасың кіші], артылмас [саған] кеңес,
Біреуге бұйырғанды біреу жемес.
Бір мұңшалық айтамыз, әншейін-ақ,
Шырағым, сен естітер [әңгіме] емес.

– Құлақ кәрі, бой кіші, ақыл дана.
Көктаймен ауылыңа келдім жаңа.

Апаларың жасырса, мен жасырман.
Сөзің рас, шырағым, бермен қара.
Су аяғы Құрдымнан іздеп келдім.
Қозы Көрпеш – шын жарың, келін бала.

[Қыздар:]
– Атамыз Қарабай да мерген шығар,
Талай жерді қаңғырып, көрген шығар.
Қозы Көрпеш дегенді біз білмейміз,
Қодарға суға сатып берген шығар.

[Айбас:]
– Шырағым, келіп едім гүл-гүл жанып,
Келгенмен, қуанбадым, сөзге қанып.
Көңілің шынымменен жат боп кетсе,
Елімнен неге келдім, азаптанып?

[Баян:]
[– Тастаңыз жамандықты көңілге алған,
"Қодар", – деп, айтқан сөздің бәрі жалған.
Қозы Көрпеш шын жарым болса менің,
Хабары жоқ, аты жоқ, қайда қалған?

[Айбас:]
– "Байлығын Балталының көрмеймін", – деп,
"Тіліне ер Тайлақтың ермеймін", – деп.
Қарекең ақылы жоқ өрге қашты,
"Қызымды жетім ұлға бермеймін", – деп.

[Баян:]
– Сәлем де, олай болса, дұғай-дұғай:
Біз жүрміз қайғы [менен] жылай-жылай.
Ба[йқа]ғалы айтқам-ды, ей, аға-еке-ау,
Көкіректе қаяу жоқ, Қуәм құдай!

[Айбас:]
– Ауыздан [шыққан] сөзің дін емес пе,
Қалжың сөз періштеге [кінә] емес пе?
Екі асыл, ай мен күндей, жар болған соң,
Өзіңді кірлегенің мін емес пе?

[Баян:]
– Аға-еке-ау, асылзада, сен бір ерсің,
Ініңе [барсаң], "сүйдеп" – айтты дерсің.

Қылмағын сөзге налып жамандықты,
Жазамды, арам болсам, Төңірім берсін.

[Айбас:]
– Қасыма Баян, Таңсық қыз келесіз,
Қозының Айбасы едім, сіз көресіз.
"Жылдам барып, сөйлесіп, тез қайт", – деген,
Іниме сәлемдеме не бересіз?

[Баян:]
– Сәлем де іниңізге: іздеп келсін,
Келмесе: – Сорлы Баян, – дегені, – өлсін.
Көңілім кетті Қозыға, жаным мұнда,
Айтқан сөзді іниңіз қабыл көрсін.
Алтынды тон, жүзігім белгі болсын,
Қасына не қосады, апам білсін!

Қосқан соң ақылына екі қызды,
Екеуі жыламсырап көңілін бұзды.
"Іниңе сәлемдеме" – деп береді,
Жүзік пен тоннан басқа бір тоғызды.

[Баян:]
– Апалар, мұны ешкім көрмес пайда,
Ойланбай іс қыласыз осындайда.
Бір тоғыз сәлемдеме бердіңіз-ақ,
Келген адам сый-сияпат [жөні] қайда?

[Айбас:]
– Көктаймен келіп едім, бір жыл желіп,
Көңілімді сіздер үшін аққа беріп.
Өз басым сабақты жіп тіпті алмаймын,
Шырағым, көңілім тойды сізді көріп.

[Қыздар:]
– Құдая, сапарыңа дем бере көр,
Аға-еке-ау, жылдамырақ жөнеле көр.
Жатырмыз Аягөзді жайлап-қыстап,
Іниңді кешіктірмей жеткізе көр!

[Айбас:]
– Сөздерің, шырақтарым, тым-ақ майда,
Кім білінбей кетеді осындайда?
Соғыспай, әдейі кеп, неге кетем,
Дейтұғын Қодар, Тоқсан итің қайда?

[Қыздар:]
– Әзір Қодар [кісіге] сөз бермейді,
Жалғыз сіздің өзіңе бөгелмейді.
Іниіңіз бен екеуіңіз екеулеңіз,
Көпірдің қайраты мол, бой бермейді.

[Айбас:]
– Көктаймен батыр Айбас өрге салсын,
Құдай берсе, ондағы халыққа барсын.
Көзіме көрсет дағы қоя берші,
Итіңнен таяқ жесем, Құдай алсын!

[Баян:]
– Көпір Қодар бір дәу ғой, кім таласар,
[Нұсқасын] көрген жанның қаны қашар.
Аға-еке-ау, тілімді алсаң, көрінбей қайт,
Кетпестей сүйегіңе таңба басар.

[Айбас:]
– Бәле, бала, сөзіңнің бұзығына,
Төңірдің тоқтау болмас сызығына.
[Бізге] өлшеусіз құлыңды мақтай берме,
Көрсет дағы қарап тұр қызығыма.

"Тіліне енді осының сенелік", – деп,
"Тілеуін біз де мұның тілелік", – деп.
Үш қыз қалмай соңынан ере жүрді,
"Қызығын екі алыптың көрелік",– деп.

Үш қыз да тамаша ғып бұған ерді,
Таудай болған Қодарды Айбас көрді.
"Қыздарға қайратымды көрсетем", – деп,
Тартынбай батыр Айбас жетіп келді.

– Мен Айбас, сен Қодарсың, жаңа көрдік,
Тоңранған сөзіңнен тамам өлдік.
Сізді білмей ауылға барып едік,
Қандай жаза қыласың, міне, келдік?

Айбас келіп Қодарды сөзбен шалды,
Қодар батыр шоқпарын жұлып алды.
Үш қызға мақтанды да келеңсіз құл
Айбасты шоқпарымен салып қалды.
Айбас[та] жауырынынан ұстап алып,

[Өңгеріп ап, алдына қойдай салды].
Көктаймен салақтатып желіп кетсе,
Көктайы көтере алмай жата [қалды].

Сол күндегі жандардан [Айбас]мықты,
Екеуінің аты ойнап бетке шықты.
Тұра сала екеуі [алысқанда],
Келістіріп итіңді тағы жықты.

Астында жатып Қодар ақырады,
Күндей болып күркіреп, бақырады.
Айбастың тізесіне шыдай алмай,
"Біздің Тоқсан қайда?" – деп, шақырады.

[Бұрқырап өңкей] сері келіп жетті
Япырым-ау, солар неден үміт етті?
"Қодекемді бас салып жатқан кім?" – деп,
Бәрі бір-бір сойылмен салып өтті.
Бәрінің де сойылын жұлып алып,
Көктайға міне қашып Айбас кетті.
Артынан Бақаайғырмен Қодар жетсе,
Ұрып жығып, серейтіп, тағы кетті.

[Серінің бірі:]
– Құбажон жығылғаның бетті, – деймін,
[Құдайға қылмысты құл шетті – деймін],
Не қып тұрсың, Қодеке-ау, жауға шаппай,
Дұшпаның анау қашып, кетті,- деймін.

[Қодар:]
– Бұл тоқсан дәулетімде киім киді,
Жалғыз кісі кетірді біздің күйді.
Бір суырдың ініне ат жығылып,
Ақ жартасқа бұл басым жаман тиді.

Қас қарайып барады көз байланып,
Кууға тұрсың [дар ма] ыңғайланып?
Сендер барып олжа қып әкеле ғой,
Қуа алмаймын, басым тұр шыр айналып.

Қырды, жойды ер Айбас бөріктіріп,
Үш қыз да қуанады көріп тұрып.
Нені қусын, Айбастан үміт етіп?
Басы Қодар ұйлығып, қалды тұрып.

Қуанып сұлу Баян жүре берді,
Қайратын ер Айбастың [қыздар] көрді.
"Тілдесіп мен үш қызға кетемін", – деп,
Жүгіртіп Көктайымен [Айбас] келді.

[Айбас:]
– Қорықпаңдар, түк қылмайды мұндай жандар,
Сөзімді менің айтқан сіздер аңғар.
Әл-қуаты інімнің тым-ақ артық,
[Қайраты] менікіндей үш есе бар.

[Қай адам ер Айбасқа тең келеді,
Үш қыз да қызығына кенеледі.
Қойға қасқыр шапқандай бөріктіріп,
Аманадасып, секіртіп жөнеледі.

Іс қылды батыр Айбас бойлай-бойлай,
Қырды, жойды, қиратты ерікке қоймай,
"Біздерге болысар жан бар екен", – деп,
Күймеде Баян отыр ойлай-ойлай.]

Жөнелді батыр Айбас бедеуменен,
Көңіліне алла салған демеуменен.
Мұның да керек күні бола ма деп,
Балға алды, қамшы-[жамшы] егеуменен.

Көктаймен батыр Айбас төмен шапты,
Мәнісін тамам жолдың оймен тапты.
Қыздың берген белбеуі түсіп қалып,
"Қызыл белбеу" – деп, құба жонды қоя сапты.

Сол Айбас тоқтамады, тағы шапты,
Тамам жолдың мәнісін оймен тапты.
Бір суытқан айғыры шығып кетіп,
"Шұбар айғыр" – деп, атын қоя сапты.

Сол Айбас тоқтамады, тағы шапты,
Мәнісін тамам жолдың оймен тапты.
Қыздың берген мейізі түсіп қалып,
"Мейізек" – деп, тау атын қоя сапты.

Сол Айбас тоқтамады, тағы шапты,
Мәнісін тамам жолдың оймен тапты.
Жанындағы жаулығы түсіп қалып,
"Абыралы, Жалаулы" – қоя сапты.

Сол Айбас тоқтамады, тағы шапты,
Тамам жолдың мәнісін оймен тапты.
Қыздың берген қарқарасы түсіп қалып,
"Қарқаралы" – тау атын қоя сапты.

Сол Айбас тоқтамады, тағы шапты,
Тамам жолдың мәнісін оймен тапты.
Жанындағы шідері түсіп қалып,
"Шідерлі" – деген өзен содан қапты.

[Ер Айбас бөгелмеді, тағы салды,
Құлдилап одан да әрмен кетіп қалды.]
Аз жүрсе, көп жүрсе де есен-аман,
Бір күні ел шетіне [жетіп барды].
Ел шетіне жақындап барған екен,
Бір қой жайған сол жерде, көрді шалды.

[Айбас:]
– Сейілде қой жайған бай, сізді көрдік,
Жасың үлкен екенсің, сәлем бердік.
Бұл қойың кімнің қойы, ақсақал бай,
Жолаушы көптен бері жаңа келдік.

[Шал:]
– Бар екен әр нәрседен мұның ойы,
Тартқан сымдай көрінер қыздың бойы.
Жарқыным, сен сұрасаң, мен айтайын,
Сарыбай ерте кеткен ханның қойы.

[Айбас:]
– Ақсақал, бай екенсіз сөзің майда,
Мен дағы жат кісі емес, мұны да ойла.
Сарыбай ханның қойы осы болса,
Жалғызы Қозы Көрпеш бала қайда?

[Шал:]
– Шырағым, [сыр бар, білем] сіздің бойда,
Білдім бе, білмедім бе, өзің ойла?
Қозыкең айдай болып жүрген шығар,
Осы жерде, қыз ұзатқан, жақын, тойда.

[Айбас:]
– Келгенім менің барып бір талай жер,
Бай-еке, бір пайданды тигізе көр.

Айтарлық шерім де көп, мұңым да көп,
Жалғызды, тіліңді алса, шақырып бер!

Мінезі шалдың дағы текті, – дейді,
Сөзіне әбден көзі жетті, – дейді.
"Шақырып, тілімді алса, келемін", – деп,
Аяңдап [тойға] таман кепті, – дейді.

[Шал:]
– Жалғыз ұл жастай қалған, кездей келдім,
Жолдас болған атаңның кісісі едім!
Бір жігіт ат арытқан қылды керек,
Жүрсең ертіп алғалы келіп едім.

[Қозы:]
– Не қылып танымадың, байым зерек,
Ол не қылған кісі екен жаннан бөлек?
Жауыр атты, [жабағы тоқымдылы]
Мен сықылды көрпілдес кімге керек?

[Шал:]
– Атаңды жасында алған жаббар Құдай,
Атадан жастай қалған сен сұмырай.
Жауыр ат[қа сен жабағы тоқым жапсаң],
Көктайын жауыр қылған саған орай!

Тіліне шалдың сонда ерді, –дейді,
Тілеген бір тілегін берді, – дейді.
"Не болса да, сөйлесіп келейін", – деп,
Шалмен еріп қойына келді, – дейді.

[Қозы:]
– Аға-еке-ау, қой қасында сізді көрдік,
Жасыңыз үлкен екен, сәлем бердік.
Шақырдың жас баланы неменеге,
Қандай іске жұмсайсыз, міне, келдік?!

[Айбас:]
– Өсіпсің, кішкене едің, Қозым дардай,
Қайратың басым еді, шығара алмай.
Қайының айлық жерде, жақын жатыр,
Сұм жалғыз неғып жүрсің, бір бара алмай?

[Қозы:]
— Аға-еке-ау, шақыртқан соң келіп ем тез,
Нанбаған айтқан сөзге жаманнан без.
Құлағым керең болсын, естігем жоқ,
Қайта айтшы, "қайын" деген немене сөз?

[Айбас:]
— "[Зорлығын]Балталының көрмеймін", — деп,
"Тіліне ер Тайлақтың ермеймін" — деп,
[Қайын] атаң ақылы жоқ өрге қашты,
"Қызымды жетім ұлға бермеймін", — деп!

[Қозы:]
—Көктайың астыңдағы желмеді ме,
Барсаң, көзің, аға-еке-ау, көрмеді ме?
[Көріп], барып, мәнісін біліп келсең,
Бір тоғыз сәлемдеме бермеді ме?

[Айбас:]
—Шырағым, барып едім сертке жетіп,
Көктайды қарыштатып мен еңіретіп.
Тоғыз берген, кінә жоқ келінімде,
Бір құлдың, түсіп қалды, ызасы өтіп.

[Қозы:]
— Сөзіңе қыздар сіздің ермеді ме,
Асылдан сәлемдеме бермеді ме?
Бір тоғызды бергені рас болса,
Шіркіннің бір белгісі келмеді ме?

[Айбас:]
— Қарабай қайын атаң бейілі тар,
Тоқсан, Қодар дейтұғын бір анты бар.
Сен бала, азырқанбай, алсаң мұны,
[Алтын тон мен бір бешпет, жүзігі бар].

Мақтады бастан аяқ Айбас оны:
Бір іздемей жатырсың қайтіп оны.
Азырқамай, сен, бала, алсаң керек,
Жүзік, бешпет, келді ғой алтын тоны.

Белгісін алып келді, Қозы көрді,
Көрген соң, Қозыкемнің көңілі сенді.

“Маған Тайлақ батасын берсін-ай”, – деп,
Алтын тонды Тайлаққа жіберді енді.

[Айбас:]
– Аққу құстай жарқылдап оның мойны,
Бұл дүниенің қызығы – қылған ойны.
Бұралған тал шыбықтай сұлу Баян,
Іздеусіз қайтіп жатар, [ойла оны]?
Өне бойдан [теңгедей] мін таппадым,
Көрмеген жаным екен, көңлім тойды.
Бармасаң осыны іздеп, арман кетпес,
Енді ізде, не қыласың бөтен ойды.
Мен көрдім тоқсан сері бірдей келіп,
Бәрі де Баян үшін басын жойды.
“Тарс берген соң, тайсалма!”-- деген сөз бар,
Бар көргенін ер Айбас айтып берді.

Қозыкең үйге келді беті терлеп,
Анасын шақырады, – “мұнда кел”, – деп.
“Ант бер!” – деп, анасының қолын алды,
– “Менің жарым кім еді, айтып бер!” – деп.

[Шешесі:]
– Түйеге сымбал тартқан теңдей болсын,
Суға аққан мұз бұзылып сеңдей болсын.
Атын атап, мәнісін айтқан қазақ,
Екі беті жаралы мендей болсын!

[Қозы:]
– Ат мініп сары табан желмей ме екен?
Ер жігіт жол бейнетін көрмей ме екен?
Неге жора бастайсың жалғызыңа,
Баласы үй ұзатып келмей ме екен?

[Шешесі:]
– Барайын деп келіпсің сөзге, –”е”, – деп,
Боз қасқаны [айтады], – “жолыңа”, – деп.
“Келмессің деп [қорқамын, жалғыз сорлы]”,
“Батыр Қодар шығыпты сорыңа”, – деп.

[Қозы:]
– Ажалым қайда жетсе, сонда өлермін,
Болмаса бір қызық жол мен көрермін.

Құдай кесел қылмаса қайратыма,
Не қылып бір Қодарға бой берермін?

[Шешесі:]
– Білемін, артық емес Қодар күші,
Ол сол елді қорқытып алған кісі.
Қанша күшті болсаң да, сен жалғызсың,
Қорқынышсыз бола [ма көптің ісі]?

[Қозы:]
– Қодарға болыс[са да] сол жа[қтағы] ел,
Қыламын бір Аллаға мен тәуекел.
Ажалдан қашып бенде құтыла ма?
Тағдырға не болса да байладым бел!

[Шешесі:]
– Байқасам, қажымайтын сен бір шоқсың,
Көзіме, туып менің күйік бопсың.
Мен түсімнен шошып ем, жалғызым-ау,
Әйтеуір тірі күнде маған жоқсың!

Қайтейін мінезіңді жастық жең[ген],
Не қылса да бір хабар саған келген.
Құйрығың жоқ, жалың жоқ, жалғыз қылып,
Қайғыңды тартқызбаққа маған берген.

Қарағым, бұл сапардан қалсаң не етер?
Көзіңді мен сорлыға салсаң не етер?
Бұл жалғанда көре алмай, жалғыз балам,
Қайғы ойлап бір сен үшін күнім өтер.
Артында иесіз қалды мың сан малың,
Отыз қатын алсаң да саған жетер.
Қуратып мен сорлыны тастап кетпей,
Елден таңдап бір бұлу алсаң не етер?
Қорқытып оны Қодар алды деген,
Айбастың айтқанының бәрі бекер.
Жамандықты көрмеген, ей, құлыным!
Жол табылмай, жапанда тентіретер.
Артында сен кеткен соң мен де өлермін,
Не қайғы бар көретін мұнан бетер?

[Қозы:]
– Алдымда неше қатар түрса да оқ,
Тартынып бұл сапардан қалуым жоқ.

Сұлуын дүниенің жисаң дағы,
Бір жарымдай болмайды көңіліме тоқ.

[Шешесі:]
– Бастаған ақтылы қой көсем серкеш,
Сарыбайдың жалғызы Қозы Көрпеш,
Өзің біліп қойыпсың, сенің жарың –
Қызы еді Қарабайдың Баян еркеш.

Бастаған ақтылы қой көсем серкеш,
Қызы еді Қарабайдың Баян еркеш.
Сансыз жылқың, сан қойың қалды артыңда,
Кімге тастап кетесің, Қозы Көрпеш?

[Қозы:]
– Бастаған ақтылы қой көсем серкеш,
Қызы ма Қарабайдың Баян еркеш?
Сансыз жылқы, сан қой деп несін айттың?
Бір күнде қырылса да керек емес.

[Шешесі:]
– Қарасам, қажыған соң барлап-барлап,
Қалмай ма сен кеткен соң анаң зарлап?
Сүйері, сүйенері жалғыз едің,
Оны кімге тапсырдың әдейі арнап?

[Қозы:]
– Қозының атқа мініп жүрер шағы,
Қиын-ды не десең де тоқтамағы.
Кетпесін деп айтасыз соның бәрін,
Бір төңірге тапсырдым Сізді дағы!

[Шешесі:]
–Жалғызым, бұл барғаннан қош барғайсың,
Екі тізгін қолыңда бос барғайсың.
Құдайың аман сақтап, жолың болса,
Көп сарғайтпай шешеңді еске алғайсың.

Шырағым, қартайғанда сені көрдім,
Тоқтар деп уайым қып айтып едім.
Қапы қалма шырағым, дұшпаның көп,
Жолың болсын, бар енді, рұқсат бердім!

[Қозы:]
–Япырым-ау, осы жүрттың бейілі тар,
Бөрінің [тоқтатпаққа] ниеті бар.
Мен жүрмей бұл сапардан тоқтамаймын,
Ер Айбас, мінуіме қандай ат бар?

[Айбас:]
–Жылқыны араладым ерте-кешті,
"Бірін жүйрік, біреуін берік", – десті.
Шыққыр көзім шықпаса, мен таныдым:
Дейтұғын бір атың бар Күрең бесті.

Жылқыдан бір Күреңді алып келді,
Ерттеп, дайын сапарға қылады енді.
"Арыздасып, қоштасып қаламыз", – деп,
Басы Тайлақ, ел-жұрты [келеді енді].

[Қозы:]
– Айтар сөзім бар, Тайлақ биім, саған,
Қайғымды ескеріпсіз жетім қалған.
Сапарымды тоқтатам дей көрмеңіз,
Құлдық ата, көңілің қалар маған.

[Тайлақ:]
– Шырағым, қайратыңа көңілім еріп,
Мен келдім, – қалайын, – деп, – сені көріп.
"Тоқтатар сапарымды", – деп, ойлама,
Амандасып қаламын, бата беріп!

[Қозы:]
– Ендеше, батыр Тайлақ, аз тоқтай қал,
Артымда қалды менің есепсіз мал:
Тапсырдым бар малымды, Тайлақ, сізге,
Соны бүгін түгендеп қолыңызға ал.
Жалғыздан тірі айрылған шешем қалды
Тапсырдым, көзіңіздің оң-қырын сал.

Көзінен елі-жұрты төкті жасты,
[Қозы іздемек]Баяндай қолаң шашты.
Қозының жүрмегіне көз жеткен соң,
Көрісіп, елі-жұрты амандасты.

[Ең соңында ер Тайлақ ұстай алды,
Шешесімен екеуі ортаға алды.]

Оңды-солды бетінен сүйді дағы,
Бата беріп артында тұрып қалды.
Қанша айтса да құлағына енер емес,
Қажымас қара болат, майталман-ды.

Ер Қозы жүріп кетті, қатты дінді,
Шуылдап елі-жұрты салды үнді.
Қоштасып ел-жұртымен жылағанда,
Құданың құдіретімен жер сілкінді.
Шешесі айтты: "Қуарып жалғыз қалдым,
Жүремін қуат қылып енді кімді?"

Ер Қозы амандасып жүріп кетті,
Еш уайым ойламайды қайғы тіпті.
"Осыған жолдас болып барайын", – деп,
Жүгіртіп Көктайымен Айбас кетті.

[Қозы:]
– Ер Айбас, мен ініңмін, сенсің ағам,
Артылды талай жаннан сенің бағаң.
Қалды шешем артымда, қалың малым,
Тапсырдым бар малымды, батыр саған!

[Айбас:]
– Бұл елге батыр Тайлақ би емес пе?
Бәрі де мал-басыңа ие емес пе?
Көріп келген жерімді тура бастап,
Сені ертіп апарғаным жөн емес пе?

[Қозы:]
–Айбас-ау, мені ойында кем дейсің бе?
Сен менің қайратыма сенбейсің бе?
Жалғызы Сарыбайдың Қозы Көрпеш,
Жетелетіп [жүргені] жөн дейсің бе?

Әкеңді жасында алды жаббар Құдай,
Ұқтырды: "Қайын атаң аулы бұлай", –
Үш жүзікті енді алып Айбас берді.
Сәлем [деді] үш қызға "дұғай-дұғай".

[Айбас:]
[– Үйдегідей, шырағым, балаң болма!
"Қалды шешем, малым", – деп, алаң болма! –

Қодар – Тоқсан бастығы дұшпаның көп,
Ендігісін өзің біл, қапы қалма!]

[Қозы:]
– Ойлашы, мен кімдерден қалысармын?
Есен болсам, бір барып табысармын.
"[Елде-ау малым] қалды", – деп, – қызықпан мен,
Қасық қаным қалғанша салысармын.

[Айбас:]
– Ойлама сені [өз]імнен кем көрермін,
Мал-басыңды өз [малым]мен тең көрермін.
Бұл жалғанда жолықпай өліп кетсең,
Құрттай санап соңыра мен берермін!..

Сол жерде Айбас қадды, Қозы кетті,
Көз ұшына бұлдырап барып жетті.
Қалдыруға Қозыкеңді көзі қимай,
Жүгіртіп Көктайымен тағы кепті.

[Айбас:]
– Жалғызым, жөнелдің бе, – бір Құдай, – деп,
Атының басын бұрмай, – ел бұлай, – деп.
Қалды шешең артыңда, қалың жұртың,
Қандай жауап айтасың, немене-ай, – деп?

[Қозы:]
– "Жалғызың көрмегенін көрді", – деп, айт,
"Құдайым сұрағанын берді", – деп, айт.
"Басымды көп қаңғыртпай халқыңа қайт,
Отқа түсіп балаңыз өлді", – деп, айт!

[Айбас:]
– Жалғыздың әр қиыны шешіле көр,
Періште, [жазуға] алмай, өшіре көр.
Айтады [албырттықпен] астапыралла,
Құдая, балалығын кешіре көр!

Ер Қозы жүріп кетті дамыл алмай,
Асады күннен-күнге Күрең талмай.
"Әйтеуір елдің жөні осылай", – деп,
Қисапсыз көп қаңғырды ел таба алмай.

Бір талай жүре-жүре заман кешті,
Атқан аңның етін жеп, сусын ішті.
Күнде мінген Күреңі арықтайды,
Басына ғарыпшілік сонда түсті.
Күрең[тай] кейде жортқан, кейде желген,
Бір қамысты қопаға азар келген.
Ер тоқымын, жүгенін сыпырып ап,
Сол жерге тәуекел қып, қоя берген.
[Сол күні Қозы жатса] дүзде жүдеп,
Үйінде шешесінің түсіне енген.

Шешесі ерте тұра айғай сапты,
Басы Тайлақ ел-жұртын жиып апты.
"Қозыкем дүзде жүдеп жүр ме екен?"– деп,
Бақсы, балгер, ойшыға ой [ойлатты].

Тайлақтай адам болмас асыл текті,
Не қылса да, қылғаны сондай епті.
"Мал айтыңдар жолына Қозының", – [деп],
Халқына батыр Тайлақ жарлық етті.

Ер Тайлақ ойланады осы ниетті,
Көндірді бұл сөзіне осы көпті.
"Мен де айттым, мен де айттым" де [генді] есеп қылса,
Қойы мыңға, жылқысы жүзге жетті.
Айтқан малдың бәрін де сойып алып,
Жоқ-жітік, аш-арыққа үлестіртті.

Жетім-жесір, аш-арық, молла-қожа,
Бәрінің бір Аллаға діні таза.
"Құдая, ер Қозының жолын қыл", – деп,
Баршасы көп зарланып қылған аза.

Құдайым құр тастамас, сірә, көпті,
Дұға қылып, тасаттық тарап кетті.
Құданың құдіретіне сіз қараңыз:
[Қозы]жатқан жеріне керуен кепті.

Керуен қонғаннан соң, Қозы барды,
Ішінде бір адам бар ақ сақалды.
Қозының аты менен түрін көріп,
Өзгелерін шығарып, қасына алды.

[Қожан:]
[– Атым Қожан] молламын және өзім бай,
Сауда қылып келемін барып Қытай.
Атың арық, түрің жат, жапан дүзде
Жалғыз жүрсің не қылып, шырағым-ай?
Қожанға Қозы айтады енді бәрін,
Қожан білді Баянға ынтызарын.
Бастан аяқ Қожанға бәрін айтты,
["Бір ақыл сұрайын", – деп, ірікпей бірін].

Қожаннан жасырмайды әсте сырды,
Бірігіп, он бес күндей дәурен сүрді.
Екеуі жапан дүзде уағыдаласып,
Қозыны қияметтік іні қылды.

Қозыны падишадан артық күтті,
Түс құбылтып жүретін дұға үйретті.
"Жанның бәрі дос емес, мендей саған,
Бұл түсіңмен көрінбе, балам", – депті.

Айырылды, он бес күндік азық беріп,
Бар сиқырын, білгенін жазып беріп.
"Ел-жұртыңа айтам", –деп, хабарынды,
Уағыда қылды табам деп, өзі келіп.

Екеуі екі айырылып жүре берді,
Уағыда қылды Аягөз деген жерді.
Арада бір-ақ қонып ертеңгі күн
Отырған Аягөзде елді көрді.

[Қозының өлеңі:]
– Ауылы алыс болса, жуықтайын,
Күреңді бір жолата суытайын.
Барыңды қарыштап қал, бүгінгі күн,
Баянды өксік болған уатайын!..

Бір жерге Қозы аттан түседі енді,
[Өзіне]бір тазшаның реңін берді.
Аягөзді [қуалап] келе жатса,
Өзіндей қой жайған таз кездей келді.

Бір тазды бір таз келіп көзі көрді,
Жолаушы таз қойшыға "сөйле", – дейді.
"Бұл қойың кімнің қойы, қой жайған таз,
Айта гөр елдің жайын бізге" – дейді.

[Қойшы:]
– Бар екен әр нәрседен бұның ойы,
Кесел екен бұл таздың өне бойы.
"Менің қойым деймісің осынша қой?
Қарабай деген дінсіз иттің қойы".

[Қозы:]
– Шадыр тазым, емессің сөзге майда,
Таз жел өкпе келеді осындайда.
Қарабай анттың қойы осы болса,
Тура сілте, антыңның аулы қайда?!

[Қойшы:]
– Япырым-ау, сен менімен таныс емес,
Неткен жансың өн бойың толған [кекес].
Кешке шейін үш барып, үш қайтасың,
Ауылы Қарабайдың алыс емес.

[Қозы:]
– Сенімен сөйлесемін аңдай-аңдай,
Қандай жан екеніңді байқай алмай.
Екі таз аулақ жерде сырласайық,
Бой жеткен Қарабайдың қызы қандай?

[Қойшы:]
– Тәубеңнен антұрған таз, жаңыласың,
Қой жүні бөстегіңді жамыласың.
Солардың [кесіріне] жолығарсың,
Сен қызын Қарабайдың не қыласың?

[Қозы:]
– Мұндар таз, сөз айтқанын өнер көрген,
Жәреукелі келеді жалшы деген.
О да біздей жаралған адам шығар,
Соларға әулиелік қайдан келген?

[Қойшы:]
– Көрмедім бұл жалғанда сендей тантық,
Соларға тең бола ма сендей шартық?
Сән-тұрмысы мүкәммәл, киім анау,
Соның үшін сені мен менен артық!

[Қозы:]
–[Қызы] сұлу деуші еді әр уағы,
Артық болса, артық та оның бағы.

Біз де адам ғой, айтсаңшы нең кетеді,
Қандай-қандай қызы бар сүйтсе дағы?!

[Қойшы:]
[– Сөйлейсің сен, қу тазша, барлай ғана,
Менің айтқан сөзіме нанбай ғана.
Екі қызы – Ай, Таңсық дардай ғана,
Артында Баян Сұлу айдай ғана.
Көзбен көрмей ауызбен айтып болмас,
Десе бол[ар] күн [нұрын] сондай ғана].

Өзі теңдес адам жоқ оған жолдас,
Жігітті ғашық қылмай, ерікке қоймас.
Мақтауға ауызым олақ, айта алмаймын,
Хор қызы кітаптағы ондай болмас.

Көргем жоқ оған орай бір жігітті,
Қолы жетпей жамандаса адам оңбас!
Тоқсан бір Қодарменен сер бойдақ бар,
Маңына алмақ түгіл бір бара алмас.

[Қозы:]
– Жапанда, тазша аға-еке-ау, жүресің бе?
Құрбыңмен сен де ойнап, күлесің бе?
Байдың қызы малшымен сырлас болар,
Солардың тамыры кім, білесің бе?

[Қойшы:]
– Япырым-ау, мұның өзі не қылған жан?!
[Еркіме сөйлеспеуге] еш қоймаған.
Сан қоймен ерте кетіп, кеш келемін,
Сен ант ал білмесіме, Құдайға нан!

[Қозы:]
[– Япырым-ау, мынау неден үміт еткен?
Жаныңды бекер бердің күтік еткен.
Оның несін жасырып, ант ішесің?
Алашқа "Қодар"деген даңқы кеткен.

[Қойшы:]
– Қодарды ақылменен барлағанда,
Қояндай басып ізін шарлағанда.
Ақылы жоқ, ессіз құл мақтанады
"Суға саттым", – деп, бекер алдағанға.]

[Қозы:]
– Тазша құл, көртәйіпсің, сені аяймын,
Сен кетсең, орыныңа мен тұрайын.
Азат бол, көрінбестен үйіңе қайт,
Сан қойды сенің үшін мен жаяйын.

[Қойшы:]
– Жақты ғой құлағыма мұның маған,
Жанға соқпай жөнелсін мен кәрі ағаң.
Сан қойды менің үшін жайсаң, балам,
Қолыңа қалағаның тисін, балам!

Екі таз жапан дүзде кез келеді,
Басы шалыс, аяғы жөн келеді.
Қарабай жаудың қойын аясын ба?
Түрғын тазға жүз елу қой береді.
"Тәшкен барсаң, еліңді табарсың", – деп,
Тазшаны түн қатырып жөнелтеді.

[Қойшы:]
– Шырағым, сен екенсің ердің ері,
Сендей ерді көргем жоқ көптен бері.
Көп қайта[лап] Қарабайды сен сұрайсың,
Шыныңды айтшы, Қозының [сенсің кімі]?

[Қозы:]
– Тазша құл, қой жаясың ерте-кеште,
Ғаріптік шаршағанда түседі еске.
Алашқа мені айтсаң, өлтіремін,
Қозы Көрпеш дегенің мен емес пе?

[Қойшы:]
– [Біте береді екен-ау] кісіге бақ,
Мақтаған шығушы еді сені әр уақ.
"Қандай жан", – деп, таң қалып, жүруші едім,
Талтайған таз екенсің өзімдей-ақ!

[Қозы:]
– Жетпейін мен нәлеттен тегіне енді,
Жай кетсең жараушы еді жөніңе енді.
Таз кепті басындағы жұлып алып,
"[Енді айналып қарашы мен қандаймын]?..
Мынау қолдан жасаған кебім", – деді.

[Қойшы:]
−[Қозы Көрпеш екенсің, көңілім сенді
Мақтауы жұрттың сені рас келді.
Айтуындай алаштың бар екенсің],
“Қосағыңмен қоса ағар, балам,” − деді.

Екі таз екі айырылып жүре берді.
Ақылы Қозыкеңнің кемел еді.
[Ел] жата қойды айдап Қозы Көрпеш
Ауылына Қарабайдың алып келді.

[Қарабай:]
− Ойласам, мынау ақыр заман ба еді?
Астында Күрең шардақ шабан ба еді?
Мұнша кеш қойымды неге ап қалдың,
Ит-құстан, одан-бұдан аман ба еді?

[Қозы:]
− Қарабай әлі ешнәрсе ойға алғам жоқ,
[Менің айтқан сөзімде еш жалған жоқ].
Сен қорқатын ешнәрсе көрінбейді,
Қойыңды оза шауып, жау алған жоқ!

[Қарабай:]
[− Балалар, таздың сөзін мақұл деме],
Білімсіздің айтқанын көп елеме!
Ойбай, қатын, бір нәрсе тамақ сайла,
Қарыны ашып келген бе тазша неме!

[Қозы:]
− Қарабай, ат мінесің бек тағалап,
Ақ қасқыр ауылыңды жүр сағалап.
Қара інген от басында шөгіп жатыр,
Жүгірген бозша тайлақ жар жағалап.

Бай айтады: “Үш қызым, мені көрші,
Үшеуің шапшаңырақ бері келші.
Тазшаның тұспалдаған сөзі өтті,
Соның маған мәнісін айтып берші”.

[Қыздар:]
− Бұл тазша үйде айтты ғой дүзде айтқанын.
Білмейсіз бе, “ақ қасқыр”, − деп, сізді айтқанын.
Қара інген от басында әжем пақыр,
Бозша тайлақ дегені − бізді айтқаны.

[Баян:]
– Апалар, жасың үлкен, ойың [кемеш],
Сіздерге салайыншы мен бір кеңес.
Түрі жат, төркіні жат, әр [сөзінің],
Мынау сіздің күндегі тазшаң емес.

Қозыкең бір білінді өнер бастап,
Не қылғанын тұрады қыз байқастап.
Иіліп ақ боз үйге кіріп келді,
Сол жағының тізесін сипап тастап.

Қозының не қылғанын қыздар [шалды].
Ішінен бір сұмдықты біліп алды.
"Әлі де болса алды-артын байқайық", – деп,
Сығалап босағадан тұра қалды.

[Баян:]
– Асыл ма алыс жерден іздеп келген,
Құбылып, бой жасырып біздің елден.
Шешем жатыр бір табақ өкпе сайлап,
Кім екенін білеміз осы жерден.

Бәйбіше сонда ішінен налып келді,
Табағына өкпесін салып келді.
Құлаш-құлаш [істікке өкпе] түйреп,
Қарағай табақ қайқайтып, алып келді.

[Қозы:]
– Қарабай менмін жарлы, сенсің малды,
Бір өкпеден басқа асың [қайда] қалды?
Қашанғы қорлығыңа көнейін? – деп,
Қақ басқа табақпенен салып қалды.
Ағаш табақ басына қатты тиіп,
Қабағын Қарабайдың жаман жарды.
Қой шетіне Күреңді мықты арқандап,
Күңкілдеп, тазша болып, жатып алды.

[Қарабай:]
– Біреу жарлы, біреу бай, күндемелік,
Қылған ісін жаманның мін демелік.
Жарса жарсын қабақты, ойбай қатын,
Малды бақпай кетеді, үндемелік.
Баянды сұлу дейді көрген халық,
Қозының Баянды ойлап, жүзі сарық.

Қой шетінде Қозыкең ұйықтап жатса,
Соның нұры мың қойды қылар жарық.

Баян кеп, апасына сөз айтады,
Ұялып, ибадатпен аз айтады.
Бата алмай оятуға Қозыкеңді,
Түнде үш келіп, үйіне үш қайтады.

[Сабыр, тақат тұта алмай Баян тіпті,
"Баралық, апа-екелер, тағы", – депті.
Сөйлескелі үшеуі және шықса,
Таң сарғайып, артынан атып кетті.]

Үлкен толғау түседі қыз ішіне,
Қой жайылып кетеді өрісіне,
Бір сұм қызды жіберді қоймен бірге,
Кигізіп тоқтының кеп терісіне.

Ер Қозы Күреңкейін мінеді ерлеп,
Елінен өзі жалғыз жүрген серлеп.
Бір қызды кеп кигізіп, қыздар қосты,
"Осының кім екенін біліп кел!" – деп.

Қой келді, Қозы келді, "тоқты" келді,
Жапанға елден аулақ шыға келді.
Ел жоқ, күн жоқ жапанға келгеннен соң,
Қозыкең мұңшылықпен жылайды енді.

[Қозының жыры:]
– Мұндайлыққа салды ием
Мен сықылды жалғызды.
Бір қыз үшін дертті етіп,
Иттің де қойын жайғызды.
[Мен елімде-ақ көруші ем
Не сықылды әр қызды.
Бәрінен де көңілімді
Жалғыз Баян қалғызды.
Жер дүзде қаңғыртып,
Тау мен тасты шалғызды.
Жөнін білмей тентіреп,
Жер түбіне барғызды.
Кездей қылып бір шалды,
Онан бата алғызды.
[Ғашықтық деген үлкен дерт

Ақылымды таңғызды.
Жарым Баян дегенде
Жүрегімді жаңғызды,]
Тазша кебін кигізіп,
Кемшілікті қылғызды.
Бере ме, төңірім, бермей ме,
Ынтық болған бір қызды?
Балдырғанды көлім жоқ,
Балталыдай белім жоқ,
Аққезендей елім жоқ,
Әттең Құрдым жерім жоқ,
Тайлақ бидей ерім жоқ.
Тай шаптырым жолым жоқ.
Алдымда менің ағам жоқ,
Мұнда менің бағам жоқ,
Іздеп келген қыз Баян
Болғаны ма маған жоқ?
Артымда менің інім жоқ,
Сүйегімде мінім жоқ,
Іздеп келген қыз Баян
Қосар, Төңірі, күнің жоқ.
Алдымда менің жаным жоқ.
Айдап берер малым жоқ,
Іздеп келген қыз Баян
Ғашықтық бар, алу жоқ,
Артымда менің құйрық жоқ,
Көңілден, сірә, жүйрік жоқ
Іздеп келген қыз Баян,
Болғаны ма бұйрық жоқ?
Темірлі күйме кілті жоқ,
Қыз Баяннан үміт жоқ,
Осында жүріп мен өлсем,
Сүйегімді іздер жігіт жоқ.
Талаппенен келіп ем,
Танымады қыз Баян.
Кемдікпенен келіп ем,
Келеке етті қыз Баян.
[Мен үшін сені жаратса,
Менмендігің нең, Баян?
Шын ғашығым сен болсаң,
Шиге жүгіріп кел, Баян.]
Шыбын жаным тұрғанда,
Бұл тілеуден қайтпаспын,
Сенен басқа хор қызы

Болса да көзім салмаспын.
Шашы күміс, басы алтын
Болса дағы алмаспын.
Танымасаң, қыз Баян,
Таныткалы бармаспын,
Қаймықпайын, тоқтайын,
Қайғы сөзге қанбаспын...
Жібекті көйлек желбіреп,
Жел көрмеген Баян қыз,
Ақ тамағы үлбіреп,
Ел көрмеген Баян қыз,
Қара да көзі мөлдіреп,
Қарамай ма Баян қыз?
Ғашық жарын көрген соң,
Танымай ма Баян қыз?]

Ер Қозы жырлайды екен жалғыз жүріп,
Жүргенін кемшілікпен қайғы көріп.
Манағы "тоқты" қашты енді ауылға,
Мәнісін осы сөздің естіп-біліп.

"Тоқтының" Қозы білді жайын тіпті,
Қайласы бар батыр ғой, өзі мықты.
"Андып жүрген дұшпанға жолығар", – деп,
[Қайта қуып Күреңмен] қойға тықты.

Қой келді, Қозы келді, "тоқты" келді,
Үш қыз да қой алдынан келіп еді.
"Мәнісін еш нәрсенің білдің бе?" – деп,
Оңаша ап, "тоқты" қыздан сұрайды енді.

["Тоқты":]
– Апалар, азар келдім, есен-аман,
Басыма түсті менің ақыр заман.
Білімсіздік қылмандар, әдеппен бар,
Мінезі Қозыкемнің тым-ақ жаман.
Апалар, әрбір түрлі сөз айтады,
Қайғы тартып, уайым жеп айтады,
Ендігісін біле бер өздеріңіз,
"Құйрығым жоқ, жалым жоқ" – деп айтады.

[Баян:]
– Тілегімді бір құдай берген дағы,
Күл болып дұшпан оты сөнген дағы.

"Құйрығым жоқ, жалым жоқ", – деп сөйлесе,
Құбылып тазша болып келген дағы.
[Қалқамды бар ма ед ойда] келер деген,
Көп сарғайған жарым ғой қайғы жеген.
Мен кешеден [біліп] ем тек емесін,
Жүрегім көрген жерден лүпілдеген!

Жүгіріп қой алдына қыздар келген,
Келе жатқан қыздарды Қозы көрген.
Соңынан қыздар еріп бір қалмады,
"Азырақ сөйлессеңіз қайтер", – деген.

[Қозы:]
– [Қараймын Аягөздің тереңіне],
Қыз Баян үкі таққан желегіне.
Қодар алып, тоқсан мен тұрған шақта,
Көбеген таз сендерге керегі не?

[Қыздар:]
– Қодар ма еді Баянның ғашық жары?
[Онымен] жолдас кісінің болмас ары,
Алыстан тоят алып, ұшып кел[ген]
[Сенбісің] жібек баулы ақ сұңқары?

[Қозы:]
– Не қылсам табылады бойымда еп,
Сиқырменен жүремін басымда кеп, –
Таз кепті басындағы жұлып алды –
"Ендеше мен ақ сұңқар болайын" , – деп.

Таз кепті жұлып алып, бетін ашты,
Баян қыз қуанғаннан жаман састы.
Екеуі бірін-бірі таныған соң,
Қуанып тұра сала құшақтасты.

Құшақтап қанша тұрды, кім біледі?
Екі қыз бір жыласып, бір күледі.
Ай мен күндей екеуін толықсытып,
[Жалтылдатып], шеткі үйге ап жүреді.

Киімі Баян қыздың бәрі жібек,
Алтын сырға, білезік жаннан бөлек.
Үлде-бүлде мамықтан төсектері,
Екі апаның көңілі тіпті зерек.

Төсекке бүгін олар жатқан да жоқ,
Бірін-бірі көрген соң болады тоқ.
Жиылды сері [ктер]дің бәрі ойынға,
Ішінде Қозы, Баян жайнаған шоқ.

Баян айтты: "Қозыкем, келдің", – депті,
"Аман-есен, қарағым, көрдім", – депті.
Есен-аман екеуі көріскен соң,
Қайғының ішіндегі бәрі кетті.

[Екеуі құшақтасып үйір болды],
Сол жерде бір [келісті] жиын болды.
Сол қалжыңмен [отырып], таң атқан соң,
Қайта кебін кимегі қиын болды.

[Баян:]
– Киіңіз кебіңізді, арланбаңыз,
Осылардан басқаға сыр бермеңіз.
Кішіліктен еш нәрсе кемімейді,
Аңдып жүрген дұшпан бар, еш сенбеңіз.

Некелеп, "адал жарым", – деп, жүріпті,
Аңдып жүрген дұшпан [нан] сақ жүріпті.
Күндіз тазша, ол түнде Қозы болып,
[Осылайша] бір жылдан көп жүріпті.

Іздеп жүріп Қозыкең тапты қайнын,
Нені іздесе, тамаша бәрі дайын.
Баян мен Қозы Көрпеш көңілі тынды,
Қодекеңнің айтайын енді жайын.

Қодекең жылқы жайып жүрер еді,
Ұялмай бұған қайтып қыз ереді?
"Жылқыдан көш ат бөліп айда[сын]", – деп,
[Қарекең бір кісіні] жібереді.

Жылқыда Қодар жүрген [қыстай жайлап],
Жүреді тоқсанымен күліп-ойнап.
"Көшеді, – деп, – ертең ауыл", – хабар барса,
Көш атқа алпыс саяқ келген айдап.

Қодекең Бақаайғырмен зыр желеді,
Мінезін Қодыкеңнің халық көрді.
Арсаңдап, жылқыны айдап жетіп кел[се],
Тысқарыда Қозы Көрпеш кез келеді.

[Қодар:]
– Бері кел, тазша, к.... қыс та, – дейді,
Адам жоқ сенен басқа тыста, – дейді.
[Бұлықсып], қара жорға ұстатпайды,
Жеңгеңнің атын келіп, ұста, – дейді.

[Қозы:]
– Мен тазша, сен Қодарсың, ой ойлаймын,
Қыңырайыссаң-қыңырайыс, бір болмаймын.
Атын ұстап, шұнақ құл, өзің жалын,
Ілгері Күреңменен қой айдаймын!

[Қодар:]
– Қап-қап тазша, қап тазша, мен не етермін,
Бақаайғырды қамшы[лап], еңіретермін.
Қиын жерде қысталаң сөзің өтті,
Көш жөнекей теперіш көрсетермін.

Көш келді, қыздар келді, Қодар келді,
Бұлықсып Бақаайғырмен желеді енді.
Үш қызға мақтанды да келеңсіз құл,
Тазшаның жауырынан ұстайды енді.

[Қодардың мінезіне жан таң қалған,
Жанның бәрі иіріліп саңылауланған.
"Екі алыптың қызығын көрелік", – деп,
Тамашаға қыздар да тұра қалған].

Қозыкең сол арада ой ойлайды,
["Аударыспаймын"], – десе де, құл қоймайды.
[Серейтіп] Бақаайғырдан жұлып алып,
[Алдына өңгеріп ап, қой айдайды].

[Қодар:]
– Тілесең, тілегіңді Тәңірім берер,
Құданың қылғанына бенде көнер.
Тіршілікте, тазша-еке-ау, ұмытпайын,
Қоя берші [көштегі] жеңгең көрер! [...]

Қозыкең әр өнерді бастайды енді,
Көңіліне жамандықты қоспайды енді.
"Не етейін қанын жұқтеп осы иттің", – деп,
[Аулаққа] лақтырып тастайды енді.

Басылып Қодар көңілі болды баяу,
Бір сұмдық көңіліне келді таяу.
Қарабай ерте көшіп, кеш қонады,
Келеді ұзақ күнге Қодар жаяу.

[Бір] жерде [Қарекең] шаршап отыр еді,
О дағы [жас кезінде] батыр еді.
"Бері кел, қойыңды айдап, қасыма ер", – деп,
Қозыкең Қарабайды шақырды енді.

[Қозы:]
– Қарабай шал қартайған, бері келші,
Өзіңе қас қылғанды "досым", – деші.
Қойыңды мен серкештеп өткізейін,
[Түсе түрып, Аққайыңды маған берші].

Қарабай, шақырған соң, келді, – дейді,
Боларын бір сұмдықтың білді, – дейді.
Қозыкемнің дегенін екі қылмай,
Амалсыз Аққайыңды берді, – дейді.

[Қозы:]
– Қарабай, жәйлі қоныс қыста, – дейді,
[Арыстың ішпес асын] қыспа, – дейді.
Құрдымнан су аяғы қашқан итсің,
Құйрығынан Аққайыңның ұста! – дейді.

Қарабай – "бармаймын", – деп, қарыспайды,
Сөзбенен ерегісіп, жарыспайды.
Қайратын Қозыкеңнің көргеннен соң,
Құйрығын Аққайыңның келе ұстайды.
Ұстатып құйрығынан өрге жүзді,
Қарабай ғарып жаннан күдер үзді.
Жалдатып өрге жүзіп келе жатса,
Байқамай бір жар тасты жаман сүзді.

[Құдайым ер Қозыға берген талап],
Қор қылды Қарабайды итке балап.
"Атаң қошқар болған ба, тас сүзеді!" – деп,
[Айтады]сонда Қозы қызға қарап.

[Қарабай:]
– Емін-еркін жапанда жүре алмадым,
Уайымсыз, қайғысыз тұра алмадым.

Су аяғы Құрдымнан қашып едім,
Жақсының қасиетін біле алмадым.

[Баян:]
– Әке, жалғыз жапанда жүретін ең,
Қартайсаң да Аққайың мінетін ең.
Оңалған соң, Тәңірді [сен] ұмытып,
Ыңқылдасаң, ақылға кіретін ең.

Қозыкең Құдайына сыйынады,
Қайраты Қозыкеңнің қызға ұнады.
Бір көште екі ақымақ бейнет көріп,
Қас қарая алды-арты жиылады.

Бас қосқан соң, сөйлейді екі ақымақ,
Қарабай Қодарға айтты: "Малыңды бақ!"
Сөзіне Қарабайдың бойы балқып,
Тантық Қодар жылқыға болды шықпақ.

Кодар айтты: "Қарабай, сөзіме ерсең,
Қодар батыр – күйеуім менің десең,
Биылғы жыл жылқыға жұт болады,
Қайраты бар тазшаны маған берсең?"

Қодардың сөзін[е қалай] Баян шыдар,
Қызығына тойған жоқ, күнде құмар.
"Қарағым, тілімді алсаң, Қодарға ерме,
Ақылы жоқ, тантық құл жазым қылар."

Қодарсыз Қарабайдың көңілі күпті,
"Жылқыға, тазша, барсаң қайтер", – депті.
"Осы иттің тілін бір жол алайын", – деп,
Тәуекел бір сапарға [Қозы] кетті.

Түйемойнақ, Жылытау айдап барды,
Қоймаңрақтан жылқысын әрі апарды.
[Бір жағы Садыр, ар жағы Шаштыға]
Жылқыны қоя беріп, жатып алды.

Жылқыға тіпті жайлы Қодар маман,
Сырт дүшпан бата алмайды бұл бір қабан.
Қодекең шүйгітеді қайдағы отқа,
Жылқысы семіз шықты есен-аман.

Жапанда батыр Қодар ой ойлайды,
Тарпаңды асауменен бір қоймайды.
Алты ай [өтіп], жаз шығып, қар кеткен соң,
Жылқыны елге таман қайта айдайды.

[Қодар:]
– Жолдастар, сөздеріңді оң көрейін,
Ауылға жылдам барып, бір [келейін].
Жеңгеңді сағындым ғой, жіберіңдер,
Сендерге өрік, мейіз ап келейін.

[Күйіне] Бақаайғырын Қодар салды,
Қостан шығып Аягөз елге барды.
Ауылға үш-ақ күндей еру қылып,
Төртінші күн жылқыға қайта [барды].

[Қодар:]
– "Ебін тапқан екі асар", амалдаған,
Тәңірім дәулет беріпті мұнша саған.
Жиырма жылқым [шығынды] осы қыстан,
Қара малың түп-түгел [бар ма?] аман?

[Қарабай:]
– [Қарасам сипатыңа, сенсің текті],
Жиырманың несі ол шығын [депті].
Мұндағы қара малым аман еді,
Сең [ойылып], жүз қойым суға кетті.

Жапанда өңшең жалшы қулық бастар,
Бірінің айтқан сөзін бірі қостар.
Өзің барып жылқыны қайтарып кел,
Арық-шеру уақытта қырып тастар.

Қаңтарда қарыс жауған қардай болды,
Алып атан сымбал артқан нардай болды.
Жылы сөзді есітіп қайта салды,
"Өзің баршы", – дегенге-ақ дардай болды.
Қодекең өстіп жүрер күндері өтіп,
Қарабай қойды мұны әуре етіп.
Баянды алмақ түгіл, көрген де жоқ,
Арсаң қағып жылқыға келді жетіп.

[Қозы:]
– Қодеке-ау, есен барып, тез келдің бе,
Жеңгемді күймедегі сен көрдің бе?

Кетіп ең дардай болып, сен мақтанып,
Қанеки, өрік, мейіз әкелдің бе?

[Қодар:]
— Не қыласың, көңіліңді енді суыт,
Жемес астан бұл неме қылады үміт.
Дәл бір аяқ мейізді қойып еді,
Асығыс боп ауылда қалыпты ұмыт.

[Қозы:]
— Қодеке-ау, олай болса, мен желейін,
Ел-жұртты сағындым ғой, бір көрейін.
Киімім кірлеп кетті, жеңім тозық,
Кір-қоңымды жуғызып, тез келейін.

[Қодар:]
— Барсаң, [жылдам] келе ғой, барып қана.
Бір мықты атпен келе ғой, салып қана.
Үш күн жатып жегенім жарты мойын,
Аштан өліп қаласың, тазша бала!
Кеше ғана кетіп ем, мен жолықпай,
Өрік, мейіз келе ғой алып қана!

Баянды көрген емес [Қодар] барып,
Мақтанып жүреді екен құр үйғарып.
Алты ай жүріп отарда батыр Қозы,
Сағынып ғашық жарын келді салып.

Айтайын ер Қозының келген жайын,
Қозыкең көп сағынған туған айын.
Кебін тастап, Қозы боп, күймеге енді,
Ойына алған нәрсенің бәрі дайын.
Үш қызбен қалжыңдасып отырғанда,
Айтады да күледі Қодар жайын.
Мінгені Қозыекеңнің жүйрік Кер-ді,
Тоғыз, он күн күймеде қызық көрді.
“Қарағым, [кірлеп, жүдеп кетіпсің]”, — деп,
Ішінен торғын көйлек тігіп берді.
“Қодар көрсе, қодандап ызыңдар”, — деп,
Көйлегінің жағасын бүгіп берді.

Қозыкең тар күймеде ой ойлайды,
Ойын менен күлкіге бір тоймайды.
Тоғыз, он күн күймеде ойнап-күлсе,
Қарабай: “Қайтпай ма?” — деп, ызыңдайды.

Жылқыға ертең Қозы бармақ болды,
Баянның нұрын ойға алмақ болды.
Баян айтты: "Қарағым, кешікпей кел!"
Осы сөзі Баянның салмақ болды.
[Қиындықтың] баршасы ойдан шығып,
Баянды көргеннен соң көңілі толды.

Мінгені Қозыкемнің Кер-ді, – дейді,
Қайраты мың кісілік ер-ді, – дейді.
Тоғыз, он күн Баянмен ойнап күліп,
Ер Қозы жылқысына келді, – дейді.

[Қодар:]
– Мұндар таз, асау [кермен] сен желдің бе?
Күймедегі жеңгеңді сен көрдің бе?
Он күн жатып, шіреніп азар келдің,
Көнеки өрік, мейіз әкелдің бе?

[Қозы:]
– Салалық кел, әңгіме десіп отыр,
Бір мейіз жанқалтадан жесіп отыр.
"Қодекеме мейіз бер", – деп айтып ем, –
"Қодарға ["дәрі"] ала бар", – десіп отыр.

[Қодар:]
– Құрық салса, Бақаайғыр бойлайтұғын,
Қоста жатып Қодекең ой ойлайтұғын.
"Кешегіде жолықпай кетіп едім,
Әзіл тастап жеңгеңіз ойнайтұғын".

[Қозы:]
– [Жақпады сол] қыздардың [маған] түрі,
Сен дегенде [көңілінде бар ма кірі]?
"Қодекеме мейіз бер", – деп айтым ем,
"Адыра қалсын Қодарың!" – деді бірі.

[Қодар:]
– Қарабай қайын атам, о да көрі,
Тар күймеде Баян қыз – Қодар жары.
Айтса айтсын, сұм тазша, дәнеме емес,
Түлпардың өз тұяғы – бізге "дәрі".

[Қозы:]
– Қарабай қайын атаң сені мақтап,
Мініп жүр бедеуіңді сендей баптап.

"Марғау кетсін Қодарың, тимеймін", – деп,
Баян [отыр ашуын саған] сақтап.

[Қодар:]
– Сұм тазша, олай айтсам, бұлай дерсің,
Мінезің тіпті жаман, өзің керсің.
Айтқаныңның бәрі де бейне мазақ,
Сен менен осы жерде таяқ жерсің!

[Қозы:]
– Қодеке-ау, тіпті жаман бұл мінезің,
Баянға үйленерлік келді кезің.
Қыздар да ғашық екен мінезіңе,
Қасақана айтып ем, қалжың сөзім.

Қарабай қайың атаң малын сойды.
[Халайық], жамағаты дәмге тойды.
"Бие бөліп жылқыдан әкел[сін", – деп]...
Қайын атаң [Қарабай] сәлем, – [деді].

[Қодар:]
– Олай болса, тазша-еке-ау, ой ойлалық,
Тарпаңды асау менен бір қоймалық.
Өзге жаман жанымды тындырмайды,
Екеуміз бие бөліп, елге айдалық.

Мен күйеу ғой, тұрайын мұнда қырын,
Сен білесің ағаңның ішкі сырын.
Мен барғаным ауылға ұят болар,
Желі, тоқпақ, құрық пен әкел бәрін!

Қозыкең әр өнерді бастап келді,
Күндей желпіп, Күреңі [бусап] келді.
"Осыған мен бір істі көрсетсем!" – деп,
Құрық, тоқпақ, желісін тастап келді.

Қозының алтын жүзі жарқылдайды,
Тантық Қодар күңкілдеп, тарқылдайды.
"Құрығы жоқ, тоқпақ жоқ, құр қол болып,
Мұны қайтіп ұстар", – деп, барқылдайды.

Қозы мерген садақпен қу атады,
Жазым болса орнында суды атады.
Желінің құлаш-құлаш қазығы бар,
Бармағымен басып-ақ зымыратады.

Қозының қайратына жұрт таң қалды,
Қайраттанып жылқыға жетіп барды.
Құйрығына қол тисе, алып [ұрып],
Бар асауды [ұстап ап], тізіп салды.

Көрген соң Қодар мұны болды дертті,
Ала бедеу байталмен келіп жетті.
"Менің айтқан сөзімді кер [алдың]", – деп,
Келістіріп қақ басқа салып кетті.

Мал бағар қысты күні малды кісі,
Балуандыққа түседі әлді кісі.
Су аяғы Құрдымнан келген болса,
Құлдан таяқ жей ме екен жанды кісі?

Қозыкең мұны естіп жетіп барды,
Қодардың жауырынынан ұстап алды.
Қодар да аянбай-ақ тартысса да,
Ала бедеу байталдан жұлып алды.

[Қодар:]
– Қап-қап, тазша, япырым-ау, не еттім, тазша?
Жақсылығым басыма жетті, тазша.
[Қоста отырып қымызды көп ішіп ем,
Ердің қасы ішімді езді, тазша]

[Қозы:]
– Қодеке-ау, сен де ойнадың, менде ойнадым,
Сенен артық, Қодеке-ау, нені ойнадым?
Бұзау тіспен кетіп ең тарсылдатып,
["Көтереді ағам", – деп, мен де ойнадым].
[Қодар:]
– Ойбай тазша, кәпір-ай, саған не еттім?
Түбіме ойнаған боп, әбден жеттің.
Өтірік айтсам, тазша-еке-ау, олда оңбайын,
Кел, қоя бер, бұтыма т.... кеттім.

Қозыкең бір біліңді өнер бастап,
Қодарды да қор етті ерге жаныштап.
Тұңғиық қара суға иірім-иірім,
Қозы кетті Қодарды атып тастап.

Қор болды батыр Қодар мысы құрып,
Суға кетіп қалсын ба қарап тұрып?

Қарбаң-құрбаң алақтап бойы ұзын құл,
Суға кетпей шығады құлаш ұрып.

[Қодар:]
– Мынау да мықты ит екен, ойға алалық,
Мұнымен табандасып не қылалық?
Аударысса қолында бар тәсілі,
Қатарлап он кетпенді оқ аталық.

Қатарлап он кетпенді [Қодар келді],
Өңшең батыр сауықшыл жиылды [енді].
"Бисмилла", – деп, ер Қозы тартып еді,
Он кетпеннен қол оғын еткізеді.

Қодар тағы келеді сертке жетіп,
Оғын [кезеп] бедеуін зар еңіретіп,
Мақтанып, батыр Қодар тартып еді,
Тұрады бесеуінен азар өтіп.

[Қодар:]
– Ажалсыз бұл жалғанда жан өлер ме?
Жиылған қайратымды жұрт көрер ме?
Оқ атқанда қолында бар тәсілі,
Күрескенде маған жан пар келер ме?

Қодарға күресуге Қозы барды,
Біле ме тантық Қодар ұят-арды?
Ең астына Қодарды салып қойып.
Бейне жүктей тоқсанды үйіп салды.

[Қодар:]
[– Ойласам, осы тазша кекті, – деймін,
Түбіме ойнаған боп, жетті, – деймін.
Ойның қалай мәніссіз, шіркін тазша?
Күрт-күрт сынып қабырғам кетті, – деймін.]

[Қозы:]
– Қодеке-ау, болған жоқ ед жазық менен,
Өлді деп сен антұрған қайғы [жемен].
[Сынбақ түгіл қабырғаң, өлсең дағы]
Өз обалың өзіңе, бәрі өзіңнен.

[Қодар:]
– Сұм тазша, енді сенің бейілің тар ма,
Көңіліңде бұзық-бұзық ойың бар ма?

Сындырдың қабырғамды мертіктіріп,
Қоя бер, тәңірі алғыр, тынышымды алма!

Қор болды тоқсан бірі есі кетіп,
[Қозыны] Құдай қойды тентіретіп.
Жылқы жайып не қылсын, дүзде жүріп?
Қойына жүре берді өлеңдетіп!

Қозыкең көрінеді өнер бастап,
Қыздар да қуанады сөзін қостап.
Аяңдап батыр Қозы жөнеледі,
Таудай қылып тоқсанын үйіп тастап.

Қиратып батыр Қозы жөнеледі,
Алысқан майдан жері кемер еді.
Жауды алып батыр Қозы келе жатса,
Алдынан сұлу Баян кез келеді.

[Қозы:]
– Баян-ау, менің айтқан сөзім тыңда!
Осы ма қорыққандарың, астапыралла!
Шақырды сені Қодар – "тез келсін", – деп,
Байғұстың қабырғасын барып сыла!

[Баян:]
– Жазылар өзі Қодар біздер бармай,
Байғұсты қор қылдың ғой, тілімді алмай.
Тірі тастап кеттің бе, [кектендіріп]?
Сақ боп жүр, ал, қарағым, қапы қалмай!

Сырты алтын, іші күміс оның үйі,
Күнде дәурен, не қылса келер күйі.
"Жеті күнде жиыл, тартар [асым] бар", – деп,
Сауын айтты сол елдің Сасан биі.

Ол Сасан сауын айтып, жарлық етті,
Елінде бір би еді қасиетті.
Асының айтқан күні болғаннан соң,
Басы Қодар, Қарабай асқа кетті.

Ауылда тірі жан жоқ, қалды тазша,
Қозы Көрпеш болады кебін ашса.
"Аман бол" – деп, таз кепті тастап, [Баян]
Күйеуін киіндірді бейне патша.

Ауылда тірі жан жоқ, тазша қалды,
Басы Қодар түк қалмай асқа [барды].
Он екі күн бұршақты төгілдіріп,
Күн жайлатып асшыны қамап салды.

Ел көрді өзен болып аққан селді,
Қамады он екі күн тамам елді.
[Қозы], Баян мауығын бас[қан кезде],
Күн ашылды, босатты [астағы елді].

Қызық көрді [Баян-Қозы] бір ғанибет,
Қодар қыздан қылады үлкен үміт.
"Малда тазшам бар еді, тойғызам!"– деп,
Тендеп алған Қозыға екі қап ет.

Қодар сырттан биледі бүткіл малды,
Мұндай адам көрмессің бейілі тарды.
"Мал баққан тазшам қайда, ет берем", – деп,
Келе сала ауылға айғай салды.

Дауыстап, айғай салып Қодар жүрді,
Ақымаққа Қозы менен Баян күлді.
Қозы менен Баянның жатқан жәйін
Бір қатын кеп Қодарға есіттірді.

[Жар-жар:]
– Бекер босқа жүресің, Қодар батыр, жар-жар,
Менің айтқан сөзімді тыңда да түр, жар-жар.
Құр буланып, Баяннан құры қалдың, жар-жар,
Ойлап тұрсам, жүзінде жоқ екен ар, жар-жар.
Сен кеткелі он екі күн болыпты, жар-жар,
Сонан бері бикешпен бірге жатыр, жар-жар.
Рахат онда, күнде жиын, күнде ойын, жар-жар,
Беріп жатыр мырза боп, елге сыйын, жар-жар.
Қозы Көрпеш жүр екен, тазша болып, жар-жар,
Көрсетейін, сен жүрсең, жатқан жерін, жар-жар.

Қодекең естіп білді осы халды,
Іші күйіп, көпірдің басы айналды.
Арты тисе, қапталы быт-шыт болып,
Бармақ етін тісімен жұлып алды.
Қозыны көруге де бата алмайды,
Бағана келген асқа қайта салды –
"Қызыңды, хан Қарабай, жау алды!" – деп,
"Суым бер", – деп, барды да аза салды.

[Қарабай:]
– Отырған биім Сасан, мені көрші,
Бұл не қылған құтырған адам деші!
Сенің суың Бетпақта қалмап па еді?
Не қылайын, бар дағы, ала берші.

[Қодар:]
– Отырсың, биім Сасан, малың сойып,
Тарқады жамағатың дәмге тойып.
Бұл несі Қарабайдың, мазағы ма?
Ал, кетемін еліңді қырып, жойып!

[Сасан:]
– Жарқыным, осы елдегі сен бір ерсің,
Шақырып қырық қатын Қозыны алып келсін.
Оны шақырып, арақты біз берелік,
Білмей ішіп арақты, улап өлсін.

Қозымен алыса алмай дауласасың,
Алыссаң, жәй белгілі, құр қаласың.
Ептеп-септеп Қозыны өлтірген соң,
Таласар саған жан жоқ, қызды аласың.

Елі жүр бұл Қодарды қорқып мақтап,
Қасына келген емес, сырттан жақтап.
Сасан би, елі болып ақылдасып,
Қозыны шақырады амал сақтап.

Шақырып қырық қатын келеді дөп,
[Елдің сырын білмейді олар да көп],
"Ақсақалдар шақырды сені тойға,
Күйеужан, бармағанын болмайды", – деп.

Баян айтты: "Ал, қалқам, қапы қалма,
Бұларды дос болар деп ойыңа алма,
Ептеп-септеп ниеті өлтірмекші:
[Бейілі тар, жиынына] тіпті барма!"

[Қозы:]
– Баянжан, жақсы айтасың, сөзің майда,
Ұрғашылық қыласың осындайда.
"Болжаусыз жан, мезгілсіз таң атпайды",
Қырық мылтықтың аузына мені байла.

Тура ажалым келмесе бір Құдайдан,
Періштелер қорғайды, өлім қайда?
"Қозы қорқып келмеді топқа", — деген
Маған жақсы емес қой, оны да ойла.

Тәуекел, бір сапарға мен барайын,
Жаман-жақсы болса да іс Құдайда.
Осы елдің не қылғанын мен көрейін,
Не табылар бос жатып бекер жайға?

Шақырып қырық қатын барған, дейді,
Солар да көріп [көркін, талған], дейді,
Ай мен күндей екеуін көргеннен соң,
Айран-асыр, таң-тамаша болған, дейді.

[Сонда жұрт, – "мұндай адам тумас", – деді,
"Мынаған қастық қылған оңбас", – деді.
"Осы екеуін бөлейін деп ойлаған
Тегінде егіз екі болмас", – деді].

[Қозыға Баян] асыл кигізеді,
[Күреңмен] жарқылдатып жүргізеді.
Жиылған тамам жаннан шоқтығы асып,
Құшақтап, Баян беттен сүйгізеді.
Ай, Таңсық апасына Баян келіп,
Іштегі қорқынышын білгізеді.
Қарабай жиып алған қауым елді,
"Қас қылып өлтірем", — деп, мұндай ерді.
"Осының не қылғанын көрейік", — деп,
Артынан екі апасы ере келді.

Жиылған бұл халықты [Қозы] көрді,
"Тәуекел, көрейін", – деп, келіп еді.
"Жиылған ақ ордаға жамағат көп,
Ассалаумағалейкум!" – деп, сәлем берді.

Қозының бұл келгені жұртқа ұнады.
Қыздар да біліп келді осы жайды.
"Күйеужанның қолына аяқ бер", – деп,
Арақты әрбіреуі ұсынады.

Қозы да шаттанады осы сөзге,
Екі мести тауысты көрер көзге.
Жайылды көп ішкен соң өне бойға,
Көгеріп, түсі кетіп, болды өзге.

Қыздар да аңдып келген бұған еріп
Қозының ессіздігін көзі көріп,
Не қылса да Қозымен бірге өлмек боп,
Ақ үйге Ай, Таңсық та келді кіріп.
“Бір соғыспай өлдің ғой, сұм жалғыз”, – деп,
Бетіне жібереді суық су бүркіп.

Қозы сонда сандалар іші күйіп,
Жақсылық қылар жан жоқ Құдай иіп.
Қыздар келіп салқын суды бүріккен соң,
Алады батыр Қозы есін жиып.

Қозының атын [бір] қыз дайын етті,
Күреңге ырғып мініп, Қозы кетті.
[Арағы] мен аузынан у төгіліп,
Күреңнің жалы жидіп, қолға кепті.

Ер Қозы жапан дүзге жөнеледі,
Өзі батыр болмаса, келер ме еді?
Әлсіреп, арақ ішіп келе жатса,
Алдынан сұлу Баян кез келеді.

[Баян:]
[– Демеп пе ем айтқан сөзі рас] емес,
[Сені алдап], өлтірем деп, қылған кеңес.
Мені алып қайт, қарағым, тура еліңе,
Енді саған жабылар, тыныштық бермес.

[Қозы:]
– Көрмеймісің, келемін болып дертті,
Аяқтатпай кетпеспін айтқан сертті.
Бір аулаққа шығып ап, оңалайын,
Қызығыма қарап тұр сонда, – депті!

[Баян:]
– Балталы, Бағаналы жерің қайда?
Бақалы, балдырғанды көлің қайда?
Әділ айтып дұшпанмен теңестірер,
Батыр Тайлақ сықылды биің қайда?

Қарағым, аман күнде еліңді тап,
Арманда боп кетерсің осындайда!
Бір өзімнен басқаның бәрі де жау,
Қайтіп тірі жүресің, мұны да ойла!

Қодар маған қоқақтар аламын деп,
Қайда барсаң, ала кет, мені қойма.
Байқашы, жан-жағыңа көз жіберіп,
Үш қыздан басқа сізге жан ұнай ма?

[Қозы:]
– Білемін, сұлу Баян, маған елсің,
Сенімен қайғысызбын ойнап күлсем.
"Қазан бұзар, үй тентек" толып жатыр,
Қайратымды бар дүспан, [алаш] білсін!
Оңалып ап, келейін соғысуға,
Қайратымды көп неме көзі көрсін.
Егер де қазам жетіп, өліп кетсем,
Ең болмаса артқы жұрт айта [жүрсін].

[Қайыспайтын мінезін Баян көрді,
Ол қайтсін іштен болат туған ерді].
"Өзі мас жығылар деп, есеңгіреп",
Басы Қодар жабылып оны қуды.

Осынша Қарабайға Қозы нетті?
[Неліктен] өлтірем деп кеңес етті?
Жабылған тамам жанның ең алдында,
Ала бедеу байталмен Қодар жетті.

[Қозы:]
– Сен келдің адырайып, мақтанған боп,
Құзғынға жем қылайын басыңды доп.
Осынша қыр соңымнан бір қалмадың,
Қай жеріңнен атсам да обалың жоқ.

Сарала, сай кез оқты еңіретті,
Тасыр құлдың зәресі ұшып кетті.
[Шауып жүріп]Күреңмен тартып кетсе,
Ала бедеу байтал[дан] құлап түсті.

Қозының өзі жалғыз, қайласы көп,
Қорықпайды "жалғызбын", – деп, уайым жеп,
Қодарды атып тастап жөнеледі,
"Бөлем құл, тұрмастай ғып, мықтадым", – деп.

Жатады батыр Қодар, Құдай атып,
Баян құлға сөйлеспес жауап қатып.
Қозының қарасы үзіліп кеткеннен соң,
Байталға қайта мінді, жатып-жатып.

[Қозы кетті, Қодар құл аман қалды],
Не қылсын қыздан аяп Қодар жанды?
Әлгі атқан оқ өтіпті қара саннан,
[Мініп алып байталға қайраттанды].

Алады батыр Қодар елді жиып,
"Қозыны өлтірем, – деп, – басын қиып"
"Шапқанда, осы балтам кеседі", – деп,
Алады балтасынан сүйіп-сүйіп.

Қарабай қайыры жоқ жиған малды,
Жан біткенді аузымен Қодар алды.
"Қашқын қашты, Баянды аламын!" – деп,
Барды да қалған жұртқа азап салды.

Айтты тоқсан: "Осыған көнеміз бе?
[Қодардың] қорлығынан өлеміз бе?
Бәріміз де жүріп ек Баян үшін,
Япырым-ай, бір соғыспай береміз бе?"

Десті де Қодарменен жамандасты,
Бәрі бірдей Қодармен сабаласты,
Басына темір шоқпар қатты тиіп,
Сол топтан Көсемсары шыға қашты.

Ер Көсем жапан дүзге жөнеледі,
Әлсіреп, ай далада [көп жүреді].
Қозыға бір бұлақта кез келеді:
"Далада не қып жүрсің, Көсем?" – [деді].

[Көсемсары:]
– Сен кеткен соң қоқиды бізге Қодар.
Көңілін балап жүрген жүзге Қодар.
"Баянды аламын", – деп, азап салды,
Бата алмай, қашып жүріп сенен Қодар.

Бәріміз Баян үшін жаннан кештік,
Ұрсысуға бәріміз, – "ehe" дестік...
"Баянды аламын", – деп, ел жиған соң,
Тоқсанымыз бірігіп, төбелестік.

Бәріміз де ұрыста кеттік қашып,
Басында бірігіп ек ақылдасып.
Темір шоқпар өзіме қатты тиіп,
Есеңгіреп мен кеттім, шыға қашып.

[Қозы:]
– Мен кеткен соң сендерді жеңген екен,
Өлмесіне көңілі сенген екен.
Ұрып жығып, қиратып кетіп едім,
Сірә, Тәңірім тілеуін берген екен!

Екі батыр жапанда бас қосады,
Бұрынғы өткен егесті тастасады.
Бірі өлсе, бірі жанын қиямыз деп,
Екеуі уағыдамен достасады...

Көсем мен Қозы [отырар Баянды ойлап],
Үйінде Баян қалды, – "а, құдайлап!"
"Қай жерді мекен қылды, біліп кел!" – деп,
Жіберді сұлу Баян бір қызды айдап.

Қозыны бір қыз іздеп кетті салып,
Бұлақтан алды тауып өліп-талып,
[Қозы менен Көсемді] көзі көріп,
Баянға қайта келді хабар алып.

[Ол] қыз күнде келеді тезек теріп,
Баян соңан жіберер тамақ беріп.
Осы қыздың жүрісін кәдік көріп,
Бір жау қатын жүреді соңына еріп.
Бұл көргенін Қодарға айтып берді,
Шоқтеректе сөйлескен қызды көріп.

Қодар естіп, ауылға шауып келді,
Қарабай елі-жұртын жиып берді.
[Екеуі қалың қолды бастап алып,
Қозы жатқан терекке жөнеледі].
Қойдан қошқар, жылқыдан айғыр айтып,
Іздеп Баян артынан о да желді.

[Сірә, Қодар білмейді ұят-арды,
Оқ бойы жұрт алдында зытып барды,
Шоқтеректің түбінде ұйықтап жатқан
Біреуді қамыс оқпен тартып қалды.
Оқ тиіп, тыпыр қағып қалғаннан соң,
[Балтамен] барып басын кесіп алды.]

Көсем батыр сол жерде қаза тапты,
Қодардың балтасы бар ырғай сапты.

“Қозының басы, міне, өлтірдім”, – деп,
Ауылға тантық Қодар қайта шапты,

[Шоқтерекке] Баян да тез келеді,
Және бір тыңдайтұғын сөз келеді.
Зар жылап, Баян сонда келе жатса,
Алдынан хан Қарекең кез келеді.

[Баян:]
– Әкем деп, көзім талды саған қарай,
Сақтадым ұят-арды мен де талай.
Ел болып кетіп едің, “өлтірем”, – деп,
“Жалғыздың жары құдай”, – жәйі қалай?

[Қарабай:]
– Жалғанда осы Қодар ер-ді, – дейді,
Тілеуін антұрғанның берді, дейді.
Шоқтеректің түбінде атып апты:
Өз көзіммен көргем жоқ, “өлді”, – дейді...

Жылама, сені ешкімнен кем көрмеймін,
Жаман менен жақсыны тең көрмеймін.
Қодар құлды жек көрсең, жамансынсаң,
Елден тандап, жігітке мен бергеймін.

[Баян:]
– Емін-еркін [ешқайда] жүрген емен,
Бір Қозыдан басқаны [білген] емен.
Елден бура жиып ап шөктіретін,
Мүйіз көк терімшелі інген емен.

Мақтанып, тантық Қодар желіп келді,
Соңынан тамам елі еріп келді.
“Бақыты қара, байыңның ал басы”, – деп,
[Кесік] басты алдына тастай берді.

Қозының басы емесін біліп алды,
[Бұл сырды Баян енді жасырады].
“Тастап кетсем, бұл танып, тағы іздер”, – деп,
[Сол басты етегіне түйіп алды].

[Қайда бар ер Қозыдай ерлік еткен?
Айтқан серттің бәріне қорықпай жеткен.
Таңертең бір түлкінің ізін көріп,
Күреңмен оны қуып Қозы кеткен.

Қозыға жәрдем болған Құдай патша,
Орнында Көсемсары ұйықтап жатса,
Оны өлтіріп, мақтанып Қодар кеткен,
Амал бар ма, бір Тәңірім қалжыратса?

Басты ап кетті, етекке Баян салып,
Қодар қайтты мақтанып, саңылауланып.
Көсемнің қанын шашып кеткен екен,
Қозы келсе түлкіні соғып алып.]

[Қозы:]
– Кеше сені дос қылып сүйдім, – дейді,
Достыма қапа болып күйдім, – дейді.
Алайын, тірі болсам, достың құнын,
Сен үшін шыбын жаным қидым, – дейді.

Ер Қозы досы үшін көп қамықты,
Қорықпайды тірі жаннан, өзі мықты.
"Қодарды мен көрейін өлтірген!" – деп,
Аңыратып бір белеске келіп шықты.

Белге шықса көреді жиылған ел,
Жанын қиып достына ағызып сел.
"Қодарды бір аулақта кез келтір", – деп,
Жүгіртіп, келді жетіп Қозыкең ер.

Құдайым ер Қозыға дем береді,
Жас бала қайласы [көп] тым ер еді.
"Қызды алам", – деп Қодекең шауып жүрсе,
Әредікте Қозыға кез келеді.

Сол күндегі жандардан Қозы мықты,
Қодар көріп, қаша алмай, көп ұйлықты.
"Әй, бәлем, сенің ызаң өтті ғой!" – деп,
Дәлдеп тұрып [ер Қозы] атып жықты.

Ер Қозы [Күреңімен желдей есіп],
[Қодарды] өлтіреді басын кесіп,
Жиылған елге кірді айғай салып,
Қанжығаға байлап ап, ернін тесіп...

Ел-жұрты [Қозыкеден] қылды қауып
Елінен Баян үшін келген ауып.
Өзге жұртқа көз салып қарамайды,

Қарабайды таба алмай жүрді шауып...
Құр құдықта Қарекең бұғып жатыр,
Қарап жүріп Қозыкең алды тауып.

Ешбір жан [Қозыкеңе] бата алмайды,
Қылыштап [Қарабайды] жаралайды.
Ағашқа таңып қойып ел көрсін деп,
Кескілеп итке салды Қарабайды.

[Қарабай өліп қалды, қазасы бар,
Көп еді сонда дұшпан жазасы бар,
Басылмаған ашудың жазасы бар,
Жауды түгел іздейді, ызасы бар.
"Қойыңыз!" – деп, жетектеп, үйге өп кетті
Өзінің Күлеп деген баласы бар.

Сол күнде Күлеп келген тоғыз жасқа,
Пішіні салғандай-ақ таңба тасқа.
Тар күймеде көрсетпей асыраған
Бөтенге Ай мен Таңсық қыздан басқа.

Сол елдің [Қозы] болды билеушісі,
Теріс емес шариғатқа қылған ісі.
Елдің бәрі сүйеді Қозыкені,
Көбейіп құрбысы мен сан білісі.

Құлақ қақпас еш адам жарлығына,
Жарасты мүлік-мүкәммәл байлығына.
Бір күнгі қылған асы,
Барабар өзге байдың айлығына.

Құй алыс, құй жақыннан келсе қонақ,
Түрлі тағам, салтанат, сәні мол-ақ.
Алдына алуа, секер, бал қояды,
Әр түрлі алтын, күміс аяқ-табақ].
Жемей тоқ, ішпей-ақ мас болар солар,
Екеуін көргеннен соң, соған бола-ақ.

[Ер-қатын екеуінің нұры өзгеше,
Ғашықтық бәрінен де сыры өзгеше.
Әзіл-қалжың, есітсең сөз тәттісін,
Көрген адам кеткісіз, түрі өзгеше.

Дем болған ер Қозыға шын әулие,
Не іздесе, оны берді көңілі сүйе,

Бір бенденің көргенін солар көрді,
Тоқсан мыңға жарасты ендігі ие...

Ер Қозы елді жақсы жолға салған,
Емес-ті бұл сөзімнің бірі жалған.
Қанша қызық көрсе де аты бенде,
Бенде ісінің аяғы болмай ма арман?
Жамандық, жақсылықты түгел көріп,
Жарықтық отыз бесте дүние салған.

Қолы жеткен хан еді өз шарқында,
Айыбы жоқ жан еді еш халқына
Он жетіде қосылған сұлу Баян,
[Күлеп пенен екеуі] қалды артында.]

[Өткен соң дүниеден Қозы-ке хан.
Койдай маңырап шулады тамам адам.
Ақ сүйегін ер Айбас өзі жуып,
Жаназасын батырдың өзі оқыған.

Қалған жұрттың билігін Айбас алды,
Қызметіне елу мың жұрт қамалды,
Үш көш жерден тас тасып, "тозбасын", — деп
Жүз ағаштан үстіне күмбез салды.
Күні бүгін тозған жоқ сол күмбезі,
Ұмытпастай артында белгі қалды.

Салуға алыс жерден ұста келді,
Тарқатпай Аягөзден қалың елді.
Бір жыл жасап күмбезін бітірген соң,
Құран оқи бейітке Баян енді.]

[Баянның жоқтауы:]
[– Арыстан жүрек, піл қуат,
Әр дүшпаннан кек алған.
Денесі болат, мыйы алтын,
Талаппенен ел алған.
Көңілі сарай, көркі артық,
Нәсілі нұрдан жаралған.
Сымбатын, нұрын көрген жан
Есі де кетіп қала алған.
Қылығын, ақылын білген жан
Елін де тастап, қамалған.
Адам да таппас түйіндер

Алдынан оның таралған.
Жүрекке сүйеу, көзге нұр,
Жұрт саяңда демалған.
Бейнеттен қорықпай, бел байлап,
Мейірі түсіп мені алған.
Сондайын ғашық жарымды
Бауырына суық жер алған.
[Күлепім менің] жас емес,
Ат жалын тартып, міне алған...
Ағасы батыр ер Айбас
Тұлпарды мініп, ту алған.
Мазарың бітті, мінекей,
Атыңа лайық ел салған.
Қосағым, сенен айрылып,
Арам ғой маған бұл жалған...

Соны айтып, [Баян] бейітті құшақтапты,
Сол жерде-ақ жаны ғашық жарын тапты.
Барып біреу сүйейін десе басын,
Шын ғашық әлде қашан өліп қапты.

Ойланшы: Солар шыны дос емес пе?
Өзге "доспын", – дегендер,- бос емес пе?
Бірі үшін жаратып бірін Құдай,
Ақ ғашық Алла қосқан осы емес пе?

Қозы менен Баянды көмген бірге,
Қайтіп ақыл жетеді мұндай түрге?
Жарын көріп, жан беріп, сап-сау Баян
Үлгі болған кейінгі білгендерге.]

...Ақ Баян ол Қозының сүйген досы,
Қозының ерлікпенен қылғаны осы.
Енді риза бол, жиылған жамағаттар!
Айтуынша Бейсембай аяғы осы.

ҚЫЗ ЖІБЕК

Мен сөйлейін, жарандар,
Тыңдап құлақ салыңыз!
Аз өңгіме қозғайын
Келгенінше халіміз.
Зекетсіз болса пайда жоқ
Қасықтап жиған малыңыз.
Қыз Жібекті тыңдаңыз,
Замандас, еркек, ұрғашы,
Ақ сақалды шалыңыз...
Қыз Жібектің сөзіне
Енді өбден қаныңыз...
Ал, тыңдаңыз, жарандар!
Өзге сөзді қоялық,
Қыз Жібектен сөз қозғап,
Қызығына тоялық.
Сыры түскен жерлерін
Жаңғыртып қайта боялық.
Сөз дүкенін құрған соң,
Тамақ керек әркімге,
Бір тоқтыны соялық.

Кешегі өткен заманда,
Дін мұсылман аманда,
Кіші жүздің ішінде
Жағалбайлы елі бар,
Жағалбайлының мекені –
Ақтеңіз деген көлі бар.
Жаз жайлауын сұрасаң –
Қаратеңіз жағасы,

Ұлан, Жәмбіл белі бар.
Жағалбайлы елінде
Базарбай атты байы бар.
Байлығын оның сұрасаң –
Өлшеу қылып айтуға
Есеп жетпес жайы бар.
Байлығында өлшеу жоқ:
Жеті жүз түйе жүк екен
Ділләсі менен жамбысы.
Мың түйеге жүк тағы да
Қант пенен шайы бар,
Аяқты малда есеп жоқ
Айдалып бағып жайылар.

Сол байда үш қатын бар тоғыз ұлды,
Есепсіз тәңірі берген сонша пұлды.
Еліне оба келген бір кеселден
Бірі қалмай тоғыз ұл бәрі де өлді.

Тоғыз ұл ажал жетіп, бәрі де өлді.
Ашумен алты қатын тағы да алды.
Базарбай сексен жасқа келген шақта,
Тауыпты кіші қатын бір ұғылды.

Оны тапқан қатыны қырық төрт жаста,
Бала жоқ өзгесінде мұнан басқа.
Періште сипатты бір ұл берді құдай,
Жүргенде көзі толып қанды жасқа.

Төлеген деп қойыпты ұлдың атын,
Құдай артық жаратқан оның затын,
Баланы сипат қылып айтып болмас:
Көрген жан ақылынан бір [танатын].

Базарбай баласына көңілі тойды,
Қайғыны ішіндегі бәрін жойды.
Тоғыз жылда артынан бір ұл туып,
Жұрт жиып, Сансызбай деп, атын қойды.

Жүріпті екеуіне қалың бермей,
Дұспанның әр не деген тіліне ермей,
“Тірі жүрсе, өздері алар бір қыз,
Өліп қалса, күйігін тағы көрмей.

Алса да патша қызын, малым жетер,
Менікін жаратпаса, сәнім кетер,
Күйікті қатты тартып жүрген басым,
Жазым болса, күйермін онан бетер".

Төлеген сонда он екі жасқа келді,
Қыз іздеп аралады [талай] елді,
Он алты жасқа шейін қыз жаратпай,
Ат жетер жерді арылтып, тамам қылды.

Еліне бір саудагер келді, – дейді,
Бұлардың әбден жайын білді, – дейді.
"Дүниеқор Базарбайдай көрмедім", – деп,
Саудагер мазақ қылып күлді, – дейді.

Бұл малды бекер жиіп керегі не?
Бермепті ұлының қалың біреуіне,
Көзінің ағы менен қарасындай
Артында жанға мирас, малға ие, тіреуі не?

Сонда біреу айтады оның жайын:
– Бақ, дәулет берген артық бір құдайым,
Ел-жұрттан қыз жаратпай жүр Төлеген,
Малын аяп жүрген жоқ Базарбайың.

[Саудагер мұны естіп ойға қалды,
Шақырып Төлегенді қасына алды.
– Сұлу қыз таппай жүрсең, айталық, – деп,
Бұлай деп Төлегенге ақыл салды:]

– Қыз жақпай өз еліңнен жүрсе саған,
Төлеген, сүйінші бер енді маған!
Елі бар Ақжайықта Алты Шекті,
Аласың жақсы қызды барсаң соған.

Жайықта қызы сұлу артық ел бар,
Ерінбей, қыз іздесең, сен соған бар.
Шетінен-ақ аласыз бір сұлуды,
[Өзіңе лайықты хор сипат жар.]

[Төлеген қыз іздеуге көңілі кетті,]
– Жолы бар неше күндік оның? – депті.
Саудагер айтты жолын – жүз күндік, – деп,
Төлеген іздемекке талап етті.

Төлеген он жетіге келген шағы,
Аз емес бір тәңірінің берген бағы.
– Шөлі бар, – дейді саудагер, – қырық күншілік,
Төте жол жетпіс күндік болса-дағы.

– Онымен жүре алмайсың барғанменен,
Өлесің жолда шөлдеп арманменен,
Жүр, — дейді, алыссынбай, су жағалап,
“Әрқашан бардың ісі пәрменменен”.

Төлеген Ақжайыққа жүрмек болды,
Тәңірінің жазған ісін көрмек болды.
Басшы болып сол елді тапқан жанға
Жүз жамбы сүйіншіге бермек болды.

Жаратты бір Қаракөк тұлпар атты,
Өзі жорға жануар құс қанатты,
[Ат-тұрманының бәрін де алтындатып],
Күміспенен төрт аяғын тағалатты.

Шам-шырақ тас орнатты жүген, ерге,
Басшы, қосшы жүз жігіт алды бірге,
Тоғыз нарға алтын мен күміс артып,
Бес жігіт тағы алды қызметкерге.

Ерлерге жәрдем болсын бір Құдайы,
Қырық түйе болды азық, қант пен шайы,
Азық-түлік барлығын даярлап ап,
Жөнелді туғаннан соң Наурыз айы.

Әлқисса, ендігісін жырлайын:

Базарбайдың Төлеген,
Ерте туған көбеген,
Сексен жігіт қосшы алып,
Он бес жігіт басшы алып,
Ақжайыққа жөнеген.
Айдың өткен нешесі,
Ай қараңғы кешесі,
Падишадан кем емес
Ер Төлеген мүшесі.
Әулиеге ат айтып,
Қорасанға қой айтып,

Шыбын жанға жан айтып,
Артынан қуып келіпті
Өлгенде көрген шешесі.
Шешесі келіп сөйлейді,
Сөйлегенде, бүй дейді:
– Мінген де атың аласың,
Менен туған баласың,
[Адал] бала тастай ма
Атасы менен анасын?
Қал дегенде, қаласың,
Айтқан тілді аласың,
Қал дегенде, қалмасаң,
Айтқан тілді алмасаң,
Құрттың анаң шарасын.
Өлгенде көрген, қарағым,
Ата-анаңды зарлатып,
Қай жаққа кетіп барасың?
Анаң келді зарланып,
Әкең отыр сандалып,
Көре алмаған көп дұшпан
Сыртыңнан келер қамданып.
Сен кеткен соң, қарағым,
[Малымды алар олжа қып].
Сансызбай болса жас еді,
Жүреміз кімге алданып?
Төлеген сонда сөйлейді:
– Қой, шешеке, жылама,
Жылағаның бола ма?
Бекер, босқа шешеке-ау,
Көзіңнің жасын бұлама!
[Он жетіге] келгенше,
Маған қалың бермеген,
Тең құрбымдай көрмеген
Құм құйылсын көзіңе,
Осы екен сізге сыбаға.
Шешесі сонда сөйлейді,
Сөйлегенде, бүй дейді:
– [Қойғын], балам, қайт-сана,
Әкеңе сырың айт-сана,
Патша қызын алсаң да,
Өз елінде жат-сана!
Біреудің тілі тимей ме?
Қартайған әкең Базарбай

Сенің үшін күймей ме?
Ел ішінде тентек көп,
Жиһан кезіп жүргенде,
"Тентіреген" – демей ме?
"Ата-анасын зарлатып,
Бір қыз үшін кетті", – деп,
Дос-дұшпаның күлмей ме?
Төлеген сонда сөйлейді:
– Айналайын, шешеке-ау,
Қай құнан қой қаңғырып
Бұралқы болар қораға?
Бір сұлу алмай, шешеке-ау,
Сірә да, көңілім тынар ма?
Талап қылған ісінен
Ат басын ерлер бұрар ма?
Жаман, жақсы болса да,
Алланың болар әмірі, –
Өз айтқаның болар ма?
"Тілімді алмай кеттің", – деп,
Қам көңіл болып, жылама!
Мен Жайықтан келгеше,
Жүзіңді аман көргенше
Тапсырдым ата-анамды
Жаратқан қадір Құдайға!
Анасы сонда сөйлейді:
– Өлкенің көркі тал болар,
Өзеннің көркі жар болар,
Жігіттің көркі мал болар.
Малың болса, қарағым,
Қара басың хан болар,
Алуа асап, іштің бал,
Жая шайнап, жедің жал,
Кетер болсаң, қарағым,
Жылқыдан таңдап қырық жорға ал!
Сансызбай болса жас еді.
Сен кеткен соң, қарағым,
Сүйеніп кімге күнелтер
Артында қалған кемпір-шал?
Төлеген сонда сөйлейді,
Сөйлегенде, бүй дейді:
– Мінген де атым аламын,
Сенен туған баламын,
Көңіліме түсіп бір қиял,

Сапар шегіп барамын,
Алла нәсіп айдаса,
Бір сұлуды аламын,
Алла нәсіп қылмаса,
Ендігі сөздің қысқасы
[Мәңгіге] таман барамын.

Әлқисса, онда анасы ойлады: "Менің балам бұл сапардан қайтпайын деп талап қылған екен. Бұған ризалық батамды беріп жіберейін", – деп, әуелі Аллаға, екінші әнбия-әулиелерге тапсырып, мінәжат қылғаны:

Анасы ғаріп жылайды,
Жылайды да толғайды,
Қой десе де баласы
Оған, сірә, болмайды,
Бір сұлу алмай Төлеген
Дүниеге көңілі толмайды.
Шешесі сонда сөйлейді:
–Ah! – дедім, Құдая,
Даргаһыңа бас ұрдым,
Сөзді сөзге әпкеліп,
Күйгенімнен жапсырдым.
Кетер болсаң, қарағым,
Әуелі құдай мен сені, –
Кәміл пірге тапсырдым.
Көл иесі, Қамбар-ау,
Шөл иесі, Қамбар-ау,
Қарағыма көз сал-ау,
Рахым қылсаң, Құдая,
Сенен өзге кім бар-ау?
Ғашықтардың пірі едің,
Ләйлі-Мәжнүн, сіз орау,
Ғашықтардың саруары –
Зылиха – Жүсіп пайғамбар,
Әйелдің пірі, Бәтима,
Баламды сізге тапсырдым.
Адасса, жолға салып жүр,
Сүрінсе, қолдап, алып жүр,
Пәлекет келсе, қағып жүр...
Хазірет Әлі ер Сұлтан,
Рахым қылып сіз тұрсаң,
Баба түкті шашты Әзиз,
Баламды сізге тапсырдым!

Әлқисса, бұл сөзді айтып, анасы қайтып кетті. Онда Төлеген қасындағы жігіттерге айтты:

– Анамның маған не айтқанын білдіңіздер ме? – деді. Жігіттер айтты:

– Ешнәрсе білмедік, – деп.

Төлеген айтты:

– Мен кірекеш емеспін, болмаса көп жігіттер ертіп баратын жортуылшы болмасам, мұным жарамайды екен. "Жылқыдан жорға ал", – деді ғой – деп, сол жерге тоқтап, қайтып келіп, жылқыдан екі жүз елу жорға алып, бірнеше күн жол жүріп, Шекті деген елге келіп, шатырды тігіп, жорғаларын жайып салып, жұртқа жар салды.

– Әркім жақсы қызы болса, әкеліп көрсетсін, өзі әпкеліп көрсеткен адамға қызын алсам да беремін бір жорға, алмасам да беремін бір жорға, – [дегенін] жұрт естіп, қыздарын жиып келіп, көрсетті. Бір жорғадан келген алып, қайта берді. Ешбірін жаратпады, бірнеше күнде екі жүз он қыз көрді, екі жүз он жорға берді. Сонда қасындағы сексен жігіт ойлап, кеңесті:

– Бұл Төлеген малды бекер ысырап қылды, ендігі келген қыздарды өзіміз көрелік, жаһаннан асқан сұлу қыз болса, Төлегенге көрсетелік, болмаса Төлегенді білмейміз, – деп, жасырып, көрсетпелік, әйтпесе, Төлеген қалған қырық жорға біткен соң, біздердің астымыздағы атымызды да берер, онан соң жаяу қалып, елден жүген алып, ат іздегеніміз жарамас, – деп, келген қыздарды даладан қайтарды.

Онда Төлеген:

– Бұл елдің қыздары сұлу, – деп, саудагер шал бекер айтқан екен, – деді.

Сол уақытта Алты Шекті елінің ханы Сырлыбай деген бар еді. Ол ханның алты ұлы бар еді және ханның ең кенжесі Жібек сұлу деген жалғыз қызы еді және ханның Қаршыға жыршы деген ақын-уәзірі бар еді. Ол Қаршыға сенімді еді. Ханның тоғыз мың жылқысы бар еді, жылқыны отарға шығарып, Қаршығаны жылқышылардың басы қылып қойған еді. Сол Қаршыға Төлегенді естіп, бармақ болды. Қаршыға ойлады: "Мен Төлегенді көрейін, Төлеген маған жақса, Қыз Жібек те жақтырар", – дейді. Мұны ойлап, бір бедеу атты алдырып мініп, Төлегенді іздеп келеді.

Отарда жатқан Қаршыға
Бір бедеуге мінеді,
Алладан пәрмен тіледі,
Ойпаң жерден орғытып,
Жарлау жерден ырғытып,
Тегіс жерден сырғытып,
Аяңдамай желеді,
Сексен жігіт елшіге
Салып жетіп келеді.
Келе сөйлей береді:
– Асу да, асу, бел, – дейді,
Аса бір соққан жел, – дейді,
Сексен жігіт ішінде

Базарбайдың баласы
Төлеген мырза кім? – дейді.
Басыр, басыр, басыр-ды,
Аққа құлпы жасыл-ды,
Сексен жігіт, ал, сонда
Төлегенді жасырды.
– Мінген де атың дөнен-ді,
Көкке тойған көбен-ді,
Біз білмейміз, Қаршы-еке-ау,
Төлеген мырза дегенді.

Сонда Қаршыға бұлардан жол болсын сұрап айтқаны:

– Ассалаумағалайкум, көп жігіттер,
Сайланған бәрің бірдей, бек жігіттер,
Сайланып шыға қапсыз табыңыздан
Сөйлей тұр, сөзің болса,ей, жігіттер!

Келеміз елімізден біз жолаушы,
Бет алып шыққан жерім Көкбояушы,
Үйірін қысырақтың жауға алдырып
Келеміз сұрау салып біз сұраушы.

Күн көріп жүруші едім өнерменен,
Төтелеп келдім сізге кемерменен,
Көрдім де қараларың, жанай шаптым
Баласы Базарбайдың дегенменен.

– Келіпсіз, бізді көріп, қарамызға
Жауапқа жауап таппай қаламыз ба?
Сыртынан Базарбайды естуші едік,
Төлеген біздің жоқ-ты арамызда.

— Әр жерде асып туған тегім, — деп, ем,
Төлеген жүрттан асқан бегім, — деп, ем,
Сұрасам жолаушыдан, сіздер, — дейді,
Жасырдың Төлегеннің несін менен?
Осынша ол Төлеген жасырынып,
Ол өзі кімнің ұрлап атын жеген?

Әлқисса, сонда Төлеген шатырда жатыр екен, Қаршығаның сөзін естіп, — бұлар мені неге жасырып тұр, — деп, сығалап қараса, Қаршығаның түрі жақсы адам екен. Шатырдың есігінде тұрған көп жігіттерге бұлай тұр демей, шатырдың іргесін көтеріп шығып, Қаршығаға өзін танытып, бір сөз деді.

— Ассалаумағалайкум, Қаршы-еке!
Мен едім Базарбайдың Төлегені,
Қозының ерте туған көбегені,
Қаршы-екем араз ба еді бұрын маған,
Қасыма, танып тұрып, келмегені?

Мен едім Базарбайдың үлкен ұлы,
Алланың шынымен сүйген құлы,
Қаршы-екем сәлем берсем қарамайды,
Бар еді Төлегеннің неден міні?

Шетте тұрған Қаршыға
[Мына сөзді есітіп,]
Төлегенге келеді,
Келіп, сөйлей береді:
— Ауыл алды бел, — дейді.
Белден көшкен ел, — дейді.
Сексен жігіт ішінде
Базарбайдын баласы
Төлеген мырза, — сен, — дейді
Нәсіліңе қарасам,
Қас патшамен тең, — дейді.
Мен жайымды айтайын:
Алты Шекті елінде
Сырлыбай ханның уәзірі —
Қаршыға жыршы мен, — дейді.
Төлеген болсаң сен, — дейді,
Кел, соңымнан ер, — дейді.
Жұртқа берген олжаңнан
Білдірмей маған бер, — дейді.
Мен бір сұлу табайын,
Патшамыздың жалғызы
Аты Жібек, сұрасаң,
Кереметім көр, — дейді.
Базарбайдың Төлеген
Қаршығадай ақынның
Бұл сөзін мақұл көреді,
Айдап жүрген жорғадан
Екі жорға береді.
Сексен жігіт елшіден
Бес жігітті бөледі.
Өзгесін елге қайтарып,
Қаршығамен ілесіп,

Ақжайыққа жөнеді.
Неше дүркін бел болып,
Ойпаңды жер қыр болып,
Төлегеннің сөздері
Соңғыларға жыр болып.
[Ойнап балық] шығады,
Айдын көлдің шетіне,
Адам қарап болмайды
Ер Төлеген бетіне.
Қамшы басып, – кіш-кіш, – деп,
Көкжорға аттың [етіне],
Дәл сегіз күн жол жүріп,
Аз ғана емес, мол жүріп,
Сонда жеткен секілді
Ақжайықтың шетіне.
Құланнан атты қодықты,
Көлден тартты борықты,
Арада неше қоныпты.
Жетемін деп зорықты.
Сәске махал болғанда,
Қыз іздеген Төлеген
Көшкен бір елге жолықты.

Әлқисса, сонда Қаршыға айтты:

– Біздің ел жайлауға қарай бұзыла көшкен екен, мен енді Жібекті Төлегенге көш жөнекей көрсетейін; – дейді.

– Сіздер асықпай түстеніп, артымыздан жай келіңіздер, – деп, қасындағы бес жігітті сол жерге тастап кетті.

Екеуі қалың көшті аралап, аттарына қамшы басып, "шүу!" – деді.

Базарбайдың Төлеген
Талай көштен өтеді,
Сонда бір көшке жетеді,
Көш алдына қараса,
Бір қыз кетіп барады:
Шытырма көйлек үстінде,
Нұр сәулесі бетінде,
Бұралып кетіп барады
Перінің қызы секілді.
Өзі он төрт жасында.
Жарқыратып маңдайын,
Айырып қойған кекілді.
"Осы екен, – деп, – Қыз Жібек"

Жетіп келді қасына
Базарбайдың Төлеген.
Артынан келіп, Қаршыға:
“Жібек емес”, – деген соң,
Онан бір өтіп жөнеген.

Енді онан өтеді,
Және бір көшке жетеді.
Көш алдына қараса,
Бір қыз кетіп барады:
Таң мезгілі болғанда,
Шолпанның туған жұлдызы,
Кигені [алтай құндызы].
Бейіштен шығып келмесе –
Бұл жалғанда хор қызы.
Сондай-ақ болып туар да
Адамзаттың бір қызы.
“Осы екен, – деп, – Қыз Жібек”
Жетіп келді қасына
Базарбайдың Төлеген.
Артынан келіп, Қаршыға:
“Жібек емес”, – деген соң,
Онан да өтіп жөнеген.
Қаршығамен ілесіп,
Төлеген көңілі түзелді,
Асығып жүрді тез енді.
Бір көрмекке Жібекті
Төлеген мырза кезенді.
Қаршыға мен Төлеген
Жағалай салды өзенді.

Сол уақытта алдынан
Бір көш шықты түбектен,
Көш алдына қараса,
Бір қыз кетіп барады.
Отыз түйе жетелеп
Сары мая үлектен.
Мұрындығы сары жез,
Бұйдасын ескен жібектен,
Толған айдай толықсып,
Ақ сазандай бұлықсып,
Бұралып кетіп барады,
Неше алуан қылықсып.

Мұны көріп Төлеген
Атының басын бұрады,
Әңгіме-дүкен құрады,
"Осы ма, – деп, – Қыз Жібек"
Қаршығадан сұрады.
Қаршыға жетіп келеді,
Әзіл айтып күледі,
"Бұл емес, – деп, – Қыз Жібек",
Онан да өтіп жөнеді.

Онан өтіп Төлеген
Атына қамшы басады,
Тұлпардан туған Көкжорға ат
Аузынан көбік шашады.
Жер тарпынып жануар
Ауыздықты басады,
Алдындағы белестен
Орғытып келіп асады.
Белестен түсіп желеді,
Ойға түсіп келеді.

Тағы айқасты бір көшке:
Көш алдына қараса,
Бір қыз кетіп барады,
Жанасалай сұлудың
Қасына жетіп келеді,
Төлеген мырза көреді,
Көш алдында сұлудың
Он қыз нөкер қасында,
Өзі он бес жасында.
Ақ маңдайы жалтылдап,
Танадай көзі жарқылдап,
Алтын шашбау шашында.
Қырық нарға жүк арттырған
Қымқап зерлі кілемді
Жүк үстіне жаптырған.
Қазинелі қырық нарға
Жібектен арқан тарттырған.
Әсемдіктің бәрін де
Бұл жиһаннан арттырған.
Дүрия бешпент [бел салып],
Бұл дүниені кең салып,
Алтынды қамшы колға алып,

Абжыландай толғанып,
Бұралып кетіп барады
Жың соққандай теңселіп.
“Осы екен, – деп, – Қыз Жібек”
Жетіп келді қасына
Базарбайдың Төлеген.
Артынан келіп, Қаршыға:
“Жібек емес”, – деген соң,
Онан да өтіп жөнеген.
Тау басында қарағай,
Төлегеннің мінезі
Болып кетті баладай.
Осындай болып әр жерден,
Он бір қыз өтті сәулетпен,
Бәрі де қалды жарамай.
Тағы айқасты бір көшке
Көш алдына қараса,
Бір қыз кетіп барады.
Орта бойлы, дембелше,
Алтынды камзол, жидеше,
Сипатына қарасаң,
Бұрынғы қыздан өзгеше:
Алтын шыны кеседей
Екі көздің шарасы.
Бейіште жанған шам-шырақ –
Көзінің гауһар қарасы.
Туған айдай иілген
Екі қастың арасы.
Сымға тартқан күмістей
Он саусақтың саласы.
Сондай-ақ болып туар да
Адамзаттың баласы.
“Осы екен, – деп, – Қыз Жібек”
Жетіп келді қасына
Базарбайдың Төлеген.
Артынан келіп, Қаршыға:
“Жібек емес”, – деген соң,
Онан да өтіп жөнеген.

Енді онан өтеді
Және бір көшке жетеді.
Көш алдына қараса,
Бір қыз кетіп барады,

Қара жорға мінгені,
Қара торқа кигені,
Екі көзі сүрмелі,
Бұл сияқты перизат
Қыз іздеген Төлеген
Жоқ еді, сірә, көргені.
Сексен түйе қомдаған,
Сексені де болмаған,
Сексен түйе үстінде
Алтынды жағдан орнаған,
Асфаһани кілемдер
Жібектен гүлін торлаған.
Қыз сипатын қарасаң,
Ақ бетінде кіршік жоқ –
Айдын көлдің қуындай.
Екі көзі жалтылдайд
Патшаның алтын тонындай.
Сөйлеген сөзі мазалы
Әп-зәмзәмнің суындай.
Аузынан шыққан лебізі
Сары алтынның буындай.
"Осы екен, – деп, – Қыз Жібек"
Жетіп келді қасына
Базарбайдың Төлеген.
Артынан келіп, Қаршыға:
"Жібек емес", – деген соң,
Онан да өтіп жөнеген.
Атқа қамшы салады,
Тұлпардан туған Көкжорға ат
Көзі оттай жанады.
Сымға тартқан күмістей
Сүмбідей болып жарады.

Тағы айқасты бір көшке:
Көш алдына қараса,
Бір бәйбіше нұр жүзді
Көшті тартып барады.
Көш алдында бәйбіше
Сары алтыннан жабдығы.
Екі жүз түйе казине
Қызыл алтын сандығы.
[Көрұғлы сұлтан қатыны]
Ағажүніс перідей,

Көркі раушан [гүліндей].
Жазығы қатын демесең,
Қартайса да ілгері
Әлгі қыздан салдығы.
Айдың өткен нешесі,
Ай қараңғы кешесі,
Жазығы қатын демесең,
Қартайса да ілгері
Әлгі қыздан мүшесі.
Асылдай болып есіліп,
Нұрдай болып шешіліп,
Ақ маңдайы жарқылдап,
Танадай көзі жалтылдап,
Алтынды кебіс сартылдап,
Көшті тартып барады
Жібекті тапқан шешесі.
Берсе тәңірі жігітке
Ертесі мен кеші не?
Ертеңгі күн бесінде
Зорға жеткен секілді
Қыз Жібектің көшіне.
Көш сәулетін қараса, –
Асфаһанның жауһары,
Стамбулдың гауһары.
Тамаша қылған адамның
Құяды көзінің баһары.
Есебі жоқ дүниені
Есептелік несіне?
Келсе, Жібек жоқ екен
Сол секілді көшінде.
Мұны көріп, Қаршыға
Атының басын бұрады,
Әңгіме-дүкен құрады:
– Жібекжан қайда кеткен? – деп,
Әккі болған Қаршыға
Шешесінен сол жерде
Сылтауратып сұрады.
– Жібекжан ерте кеткен, – деп,
Болжалды жерге жеткен, – деп,
Көшпенен бірге жүргенде,
Бетіме тозаң тиер, – деп,
Көк пәуеске күймемен
Азаннан тұрып кеткен, – деп,

Шешесінің сол жерде
Бұларға берген жауабы.

Әлқисса, енді Төлеген менен Қаршыға Жібектің көшінің алдына шықты, Жібектің арбасының ізі менен көш басшыларының ізінен басқа ешкімнің ізі жоқ екен, оны көріп, аттарына қамшы басып, "шүу", – деді.

Найзасы аумай қолынан,
Желі тұрып оңынан,
Ай мүйізді қошқардың
Бөрі тартар қоңынан.
Төлеген сонда жөнелді
Кеткен Жібек соңынан.
Базарбайдың Төлеген
Енді біліп, түйінді,
Асыл киім киінді,
"Бағымды, Алла, ашқын!" – деп,
Пірлеріне сиынды.
Атқа салды [сәндікке]
Төгілдіріп кілемді.
Енді ойланып, Төлеген,
Келгеніне өкінді.
Тұлпардан туған Көкжорға ат
Ор қояндай секірді.
Төлеген сынды еріңіз
Қаршығаменен ілесіп,
Атқа қылды өкімді.
Ертеңгі күн бесінде
Қыз Жібектің ізімен
Келе жатқан секілді
Алмас қылыш сартылдап.
Алтынды жүген жарқылдап.
Көкжорға тұлпар қаһарланды
Екі көзі жалтылдап.
Өмілдірік сом алтын
Омырауда алқылдап,
Солқылдайды қара жер,
Көкжорға басса, былқылдап.
Ұршықтай саны бұлтылдап,
Құйындай шаңы бұрқылдап.
Алмас қылыш белінде,
Қолында найза қылтылдап,
Төрт тұяқтан шыққан от

Шақпақ тастай жылтылдап,
Құлақ салсаң, дыбысы
Тау суындай сылқылдап.
Қолтығынан аққан тер
Төгіледі сыңқылдап.

Шамның жанған шырағы.
Жанның болмас жырағы
Жеті қырдан асқанда,
Күлдірлеген қоңырауды
Есітті сонда құлағы.
Шапса, балта өтер ме
Шыңғырлаудың тасына?
Нелер келіп, не кетпес
Ер жігіттің басына?
Қоңырау дауысы келгенсін,
Төлегендей мырзаңыз
Көкжорға атты ағызып,
Жетіп бір келді қасына.

Әлқисса, Төлеген күйменің қасына келіп, алдына бір шықты, артына бір шықты, Жібекті көре алмады, пәуескенің қақпағы жабулы. Үш қара жорға атты тройкеге жегіп бара жатыр екен. Қайтерін білмей, артына қараса, Қаршыға көзінің ұшында қалған екен. Тақат қылып тұра алмады және көшірінде отырған кісі жоқ, Жібектің ешнәрсеменен ісі жоқ, сонда Төлегеннің қызды шақырып айтқаны:

– Кім бар? – деп, – бұл күймеде, – дауыстады,
Ақылын ашуланып тауыспады.
Төлеген үш қайтара шақырса да,
Қыз Жібек сөйлесуге намыстанды.

Төлеген сонда тұрып, қапа болды,
Өзінің елін ойлап, іші толды,
– Қыз түгіл өз елімде еркек қорыққан
Қайран басым бұл жерде бекер болды.
Өз елімде тең едім хан затымен,
Алдыма келмеуші еді жан атымен,
Мынау қыз жауап бермей, қапа қылды,
Жүргенсіп өз елінде сәулетімен.

Төлеген қапа болып, қалды тұрып,
Атының кейін қарай басын бұрып.
Сол уақта Қаршыға да жетіп келді,

Сөйлеспей Жібек кетті құдай ұрып.
Қаршыға Төлегенге келді жетіп,
Атына қамшы басып екпіндетіп.
Төлеген Қаршығаға сөз сөйлейді:
– Кетті, – деп, – жауап бермей, қапа етіп.

Әлқисса, сонда Төлеген айтты:

– Бұл Жібек маған, шақырсам, жауап бермейді, ақымақ адамдарға ұқсап, бұл қалай? – дейді.

Сонда Қаршыға айтты:

– Мұның бектігі бар, ешкім бұған ондай дауыстап сөйлескен емес, енді мен сөйлесейін, – деп, Қаршығаның Жібекке келіп айтқаны:

– Ұядан ұшқан балапан
Қанаттарын тарайды.
Асыл туған анадан
Әрбір іске жарайды.
Сенің үшін, қарағым,
Тігемін алтын сарайды.
Данышпан адам дүниенің
Парасатын қарайды.
Ақы алып қызмет қылғанды –
Оны да іске санайды.
Көтергін, Жібек, басыңды,
Ертіп келдім бір жігіт
Тап өзіңе лайық,
Жақтырмап едім талайды.
Басыңды көтер, Жібекжан,
Құлағың салып сөзіме.
Қасымда тұр бір жігіт
Тап лайық өзіңе.
Нұр жігіттей жүзі бар,
Бал шекердей сөзі бар,
Талай бекзат көріп ем,
Мыңын жисаң осының
Жетпейді басқан ізіне.
Қаршыға сынды көкеңді
Қапа қылмай, қарағым,
Бір қарашы жүзіне!

Сонда Жібек сөйлейді,
Сөйлегенде, бүй дейді:
– Көке болмай жерге кір,

Салмаймын құлақ сөзіңе,
"Бай тауып маған әпкел", – деп,
Қашан айттым өзіңе?
Жөндеп баққын малыңды,
Бет алдыңа сандалмай,
Жолама менің ізіме!
Екі тайға ұялмай
Мені сатып сыртымнан,
Не бетіңмен сөйлейсің?
Көрінбей жөнел көзіме!

Қаршыға сонда сөйлейді:
– Рас, менің, Жібекжан,
Екі жорға алғаным,
Неге айтайын сөзімнің
Расын айтпай, жалғанын.
Мақұл ма екен, Жібекжан,
Сөздің жөнін байқамай,
Өтірік жанжал салғаның?
Екі жорға мен алдым
Төлегенге дос болып,
Нан, қарағым, сөзіме,
Көңілің маған қош болып,
Жолыңа сенің басымды
Бәйгіге тігіп мен келдім.
Сегіз күн ұдай жол жүріп,
Ерте көшіп, кеш қонып,
Басыңды көтер, Жібекжан,
Қайтпасын еңбегім еш болып.

Әлқисса, сонда Жібек ойлады: – Бұл Қаршыға адамсынып келген екен, бұған көрінбесем, ұят болар және әбден бетімді ашып отырсам тағы жарамас, – деп, бетін бір ашып, жарық етіп көрініп, амандасты да, қайтадан бетін жауып, пәуескенің қақпағын түймелеп, жатып қалды. Қасында үш қыз бар екен. Сол уақытта Жібектің сипаты Төлегенге бұл сықылды көрінді.

Әлқисса, сондағы Жібектің формын баян қылалық:

Қыз Жібектің құрметі
Жиһаннан асқан сәулетті,
Ләйлі-Мәжнүн болмаса,
Өзгеден артық келбеті.
Үш қызы бар қасында-ай,
Өзі он төрт жасында-ай,

Кебісінің өкшесі
Бұхардың гауһар тасындай.
Ақ маңдайы жалтылдап,
Танадай көзі жарқылдап,
Алтын шашбау шашында-ай.
Қыз Жібектің дидары –
Қоғалы көлдің құрағы.
Көз сипатын қарасаң –
Нұр қызының шырағы.
Дүрі жауһар сырғасын
Көтере алмай тұр құлағы.
Бой нұсқасын қарасаң, –
Бектер мінген пырағы.
Қыз Жібектің ақтығы
Наурыздың ақша қарындай.
Ақ бетінің қызылы
Ақ тауықтың қанындай.
Екі беттің ажары
Жазғы түскен сағымдай,
Білегінің шырайы
Ай балтаның сабындай.
Төсінде бар қос анар
Нар бураның санындай,
Оймақ ауыз, құмар көз
Іздеген ерге табылды-ай.
Өткірлігін байқасаң,
Ұсталар соққан кетпендей
[Қыз Жібектің дидары]
Нұр тұқымын еккендей.
Екі ауыз сөз сөйлескен
Мұратына жеткендей.
Тірісі түгіл Жібектің
Өлігіне адам қайрылып,
Бетінен келіп өпкендей.
Қыз Жібекті Төлеген
Ақылыменен танып тұр,
Көз мейірі қанып тұр.
Бейіштен жанған шам-шырақ –
Көзі жайнап жанып тұр.
Белі нәзік талып тұр.
Тартқан сымнан жіңішке –
Үзіліп кетпей нағып тұр?

Әлқисса, енді Төлеген ойлады:

– Жиһанда бұл сипатты әйел көргенім жоқ еді, енді мұны алайын, – дейді. Оған шейін бір-екі ауыз сөз сөйлесіп кетейін, бекер кеткенім жарамас, – деп, жамандауға тал бойынан тарыдай мін таба алмай, байлығынан және кемдік таба алмай, "кесірлі екенсің", – деп, Төлегеннің айтқан жауабы:

– Басыр, басыр, басыр-ау,
Аққа құлпы жасыл-ау,
Басыңды көтер, ей, Жібек,
Төлеген келді қасыңа-ау!
Қыз басыңмен алшақтап,
Бүйте берме, ей, Жібек,
Жұртыңа тиер кесір-ау!
Қыз Жібек мінген күймесін,
Күймеге тағып түймесін,
Қыз басыңмен алшақтап,
Бүйте берме, ей, Жібек,
Кесірің жұртқа тимесін!
Жібек сонда сөйлейді,
Сөйлегенде, бүй дейді:
– Олай болса, Төлеген,
Мен жайымды айтайын:
Ағыным судай ағады,
Халқым малдай бағады,
Жұртым қойдай қағады.
Менің қылған кесірім
Саған кесір болса да,
Өзіме майдай жағады.
Жалғыз атты жолаушы,
Жақындамай, әрмен тұр.
Үстімдегі кесірлер
Саған таман барады!
Ат байлаған [ақыр] тас,
Арқама біткен қолаң шаш,
Қайдан келіп кез болдың,
Қаңғырып өскен, бір қу бас?
Жалғыз атты жолаушы,
Кесірім ұрып кетпесін,
Қасыма келмей, аулақ қаш!
Төлеген сонда сөйлейді,
Сөйлегенде, бүй дейді:
– Қыз Жібек мінген күймесін,
Күймеге тағып түймесін,

Қайдан білдің, Жібек-ау,
Іздеп келген Төлеген
Мал беріп сені алмасын?
Аш қойныңа енбесін,
Ақ төсіңе мінбесін?
Сонда Жібек сөйлейді:
– Жақсы айтасың, Төлеген,
Сіздей-сіздей әр жерден
Неше жігіт келмеген?
Бәрі де айтқан: "Жібек-ау,
Сені [аламын мен деген]"
Көбісі келмей шеніме
Бидарха болып жөнеген.
Келсең келгін, Төлеген,
Шай мамығым басыңа,
[Ап жатайын қасыма].
Шербет, шекер беремін
Ішетұғын асыңа.
Құрметім мұндай, мінеки,
Келмесең, әрмен кете бер,
Бар, дамбалым, басыңа.

Әлқисса, енді Төлеген айтты:

– Олай десең, мен саған жеңген жерде сөйлесейін, – деп, атының басын бұрып алып, қайтып келіп, Қаршығаны басшы қылып жүріп, екі жүз елу ат сатып алды. Осының бәрін бата аяққа берсем де құда болармын, – деп, екі жүз елу жылқыны алдына салып, айдап, Сырлыбай ханның артынан қуалап келе жатыр еді, алдынан он шақты жасауыл шыға келді. Сәлем берісіп, жол сұрасты. Онда жасауылдар айтты:

– Біздің ханымыз ашу қылып жатыр, Қаршығаның қылып жүргені немене? – деп. Менің сыртымнан билеп, Жібегімді бір жалғыз атты жолаушыға көрсетіп жүр, – дейді. Басын базарға салып, бұл қалай, ұялмай, масқара қылып, ол Қаршығаны қасындағы жігітіменен алып кел, екеуінің де жазасын берейін, – деп, біздерді жіберді, – дейді. Сонда Қаршыға айтты: – Олай болса, жүріңдер, өзіміз де келе жатырмыз, – деп. Зәулап, ауылға жақындаған соң, қараса, хан бектеріменен төбенің басына шығып отыр екен. Оны көріп, Қаршыға айтты:

– Біздер жасырынып, тасада тұралық, жолдастарыңменен өзің бар, Төлеген екеніңді біліп, ашуланбай, өзі де жөнделіп қалар, – деп, жіберді.

Төлеген жылқыны ауылының үстіне жая салып, төбенің басында отырған хан мен бектерге келіп сәлем беріп, Төлегеннің айтқан жауабы:

– Болғанда айдай әлем, күндей күлем,
Аузымды ашсам, денемнен қайнайды өлең.
Отырған мәслихат қып, ақсақалдар,
Сіздерге Төлеген кеп, берді сәлем.

Ханның Төлегенге берген жауабы:

– Уағалейкүм ассалам, жаным балам,
Жүріпсіз ат жаратып бәрің тәмам.
Келіпсіз ат сабылтып алыс жерден,
Сөйлей түр, сөзің болса, шырақ-қанам!

[Төлеген:]
– Ойлаймын келе жатып ақыл, айла,
Ойлаған ақыл, айла жанға пайда,
Ат сабылтып келеміз алыс жерден,
Жібек сұлу дегеннің ауылы қайда?

[Хан:]
– Бәріңіз бір-бір бедеу мініпсіңіз,
Ойын, күлкі сәулетпен жүріпсіңіз.
Жібек сұлу дегеннің ауылы жақын,
Бар еді, балам, қандай жұмысыңыз?

[Төлеген:]
– Көріп ем Қыз Жібектің бұрын түсін,
Бітпеген еш бендеге ондай пішін.
Қыз Жібек Төлегенге тимек болған.
Қаршекем арасында жүрмек болған,
Келемін ат [сабылтып] соның үшін.

[Хан:]
– Тіккені саудагердің қосы ма еді?
Ғайып ерен қырық шілтен досы ма еді?
Кешегі Төлегенді жамандаған
Көп дүшпан көре алмаған қасым ба еді?
Жібегім тисе тисін, өз теңі екен,
Кешегі айтқан Төлеген осы ма екен?
Жібегім Төлегенді көрген екен,
Жібекжан енді өлмесін білген екен.
Ризамын Қаршығаға не қылса да.
Кемітпей құрбысынан жүрген екен.

Әлқисса, енді Төлеген айтты:
– Хан, мен көп сөзді білмеймін, бата аяққа не аласыз?
Онда хан айтты:
– Бата аяққа осы айдап жүрген жылқының бәрін аламын, – деді, Төлеген айтты:
– Енді осындай жылқы қос деп айтады екен деп едім, бұған разы болсаңыз,

үйіңе бар, тойыңды қыл, – деді. Хан той қылмақ болып, үйіне барды. Төлеген жігіттеріменен бір төбенің арғы жағына барып түсіп, шатырын тігіп, қанша өнерлі жігіттерді жиып алып, ойын, күлкі, қызықпенен жата берді.

Кешіне қырық қатын жиылып: "Жібекті Төлегенге алып барамыз", – деп жеңгелік сұрады. Төлеген қатын басына бір жамбыдан берді, бұл іске қатындардың ақылдары шығып, Жібекті үш күн аңдып, қолдарына түсіре алмады. Қырық қатын Жібекті аңдып жата берсін.

Ол ел – Алты арыс Шекті деген ел еді. Алты арыс Шектіден алпыс жігіт кеңес қылып айтты:

– Ай, жігіттер, Жібекті шыныменен жіберіп, бекер қалғанымыз ба? – дейді. Енді біреуі айтады:

– Жібек бізге тимейді, Төлеген тірі тұрғанда, – дейді. Онда алпыс жігіт айтты: – Олай болса, Төлегенді өлтірелік, – дейді. Онда – қайтып өлтіреміз, күндіз-түні қасынан думан тарамайды, – дейді. Онда Жібектің қасына алып барғанын аңдып тұралық, сол уақытта қызбенен екеуі оңаша болады ғой, сонда өлтірелік, – деп, уәде қылысты.

Онда олардың бұл мәслихатын бір мүсәпір естіп, келіп, Төлегенге баян қылды. Төлеген мұны естіп, дереу Қаршығаны шақыртты. Қаршыға келіп айтты:

– Мені бір жұмысқа шақырдыңыз ба? – деп, онда Төлеген мұңайып, төмен қарады.

Сонда Қаршыға сөйлейді:

– Көлге біткен, құрағым,
Суырылып озған, пырағым,
Ақ орда болды кіргенің
Қызық дәурен сүргенің.
Неге қапа боласың,
Ешбір бенде көрген жоқ
Бұл күнде сенің көргенің.
[Төлеген мырза, шырағым]
Біреудің тілі тиді ме,
[Білмеді ме қадірің],
Естісің, айтшы, құлағым?
Ертелі, кеш әр уақытта
Жад етемін пірімді.
Шошыдым ғой, Төлеген
Көрген соң сенің түріңді.
Тірі болсам, табамын
Көңіліндегі кіріңді.
Неге маған мұңайдың,
Айтсаңшы, жаным, сырыңды?

Төлеген сонда сөйлейді.
Сөйлегенде, бүй дейді:

– Ай, Қаршеке-ау, Қаршеке-ау,
Мен сырымды айтайын,
Құдай басқа салған соң,
Сізге айтпай, қайтейін?
Жібекке ғашық көп екен,
Едіреңдеген неме екен,
Елінде қанша жігіт бар,
Іші толған [ыза] екен,
Төлеген [сынды] мырзаны
Өлтіреміз дер екен.
Жалғыз жатқан жерімде
Жазым боп кетсем, қайтемін?

Қаршыға сонда сөйлейді,
Сөйлегенде, бүй дейді:
– Асу да, асу, бел, – дейді,
Аса бір соққан жел, – дейді,
[Сенген] болсаң сен, – дейді,
Кел, соңымнан ер, – дейді.
Өлтіретін кім екен,
Кереметін көр, – дейді.

Базарбайдың Төлеген
Қаршығадай ақынның
Бұл сөзін мақұл көреді,
Алдырып атын мінеді.
Қаршығамен ілесіп
Шаңқай түсте ауылға
Шатырдан шыға жөнеді.
Алты Шекті елінде
Қаршығаға сенеді.
Иілмей, тіпті бүгілмей
Ауылға жетіп келеді.
Сырлыбайдың алты ұлы,
Алтауы бірдей бөрі еді.
Ең кенжесі Жиренбай
Сол жылы түскен отауы,
Сонда келіп енеді.
Басшы болған Қаршыға
Кереметін көргізді,
Төлегенді атымен
Шаңқай түсте ауылға
Іркілместен жүргізді.

Жиренбай мырза үйіне,
Жаңа түскен отауға
Ертіп келіп кіргізді.

Әлқисса, бұларды шеттегі отауға кіргізіп, төсекті жайлап салып беріп, енді мен сіздерге қызмет қылайын, – деп, шығып бара жатыр еді,
Төлеген Қаршығаның етегінен ұстай тұра келіп, айтқаны:

– Асу да, асу, бел, – дейді,
Аса бір соққан жел, – дейді,
Анықтап бүгін көрейін:
Жібекті ертіп кел, – дейді.
Кеше бердім қос жорға,
Берейін бүгін үш жорға,
Бесеу қылып мін, – дейді.
Осы шаңқай талтүсте
Ертіп келгін Жібекті,
Айналайын, Қаршеке-ау,
Жігіт болсаң [сен], – дейді.

Келген осы Қаршеке
Епті туған ер еді.
Ептіліктің белгісі –
Жібекке жетіп келеді.
Келіп, сөйлей береді:
– Айналайын, Жібегім,
Шыныдан аппақ сүйегің.
Осы емес пе еді Құдайдан
Қарағым, сенің тілегің?
Басыр, басыр, басыр-ды,
Аққа құлпы жасыл-ды,
Қаршыға көкең келгенде,
Көтергін, шырақ, басыңды.
Ат байлаған ақыр-ды,
Көк түскен жер тақыр-ды.
Шеттегі отау ішінде,
Жаңа түскен жеңешең,
Қарағым, сені шақырды.

Сонда Жібек сөйлейді:
– Ау! Қаршеке-ау, Қаршеке-ау,
Өзің шешен, батырсың,
Шешендікпенен айтасың,

[Жеңешем қайдан шақырсын?]
Кеше алдың қос жорға,
Бүгін алдың үш жорға,
Бәрі болды бес жорға,
Сыйғыза алмай, Құдайға
Жазып бір келген көпірсің
– Ау, Қаршеке-ау, Қаршеке-ау,
Мінген де атың қарагер,
Барайын өзім, бара бер.
Шақырғанда бармасам,
Қаршекем тілін алмасам,
Ақыр бір күн болармын
Сол жігітке қызметкер.

Қаршыға сөзін есітіп,
Жібек енді түйінді,
Асыл киім киінді,
Шақырғанда бармасам,
Қаршекем тілін алмасам,
Ақыры бір күн болармын
Сол жігітке сыйынды.
Абиыр алсын Қаршекем,
Бармай қалсам қиын-ды.
Қаршығадан өзгеге
Жібектен жауап алмағы
Қиыс-қыстау іс еді.
Жібектің жайын сұрасаң:
Асып туған анадан
Шаһизада кісі еді.
Кісі бойы кіреует –
Алтын тақтың үстінен
Қояндай қарғып түседі.
Ақ маңдайы жарқылдап,
Танадай көзі жалтылдап,
Алтынды кебіс сыртылдап,
Жүйрік аттай ойқастап,
Құнан қойдай бой тастап,
Қалмайын деп ұялып,
Жан-жағын қарап байқастап,
Кер маралдай керіліп,
Сары майдай еріліп,
Тәңірі берген екі аяқ,
Бір басарға ерініп,

Үйден шықты Қыз Жібек
Көрінген көзге дүниенің
Баршасынан жиреніп.
Ауыл алды бел еді.
Белден көшкен ел еді,
Атқан оқтай жылысып,
Ор қояндай ырғысып,
Қылаң етіп, қылт етіп,
Сылаң етіп, сырт етіп,
Тау суындай құлтылдап,
Сүмбіледей жылтылдап,
Буындары бұлтылдап,
Мықындары былқылдап,
Айдынды туған Қыз Жібек
Отауға қарай жөнеді,
Ғашық жарын көрмекке,
Қызмет қылып бермекке,
Шаһизада Қыз Жібек
Жалт-жұлт етіп келеді.
Сол уақытта қарасаң:
Қыз Жібектің дидары
Нұр ішінде піскендей.
Қыз Жібектің екпіні
Бейіштен самал ескендей.
Қыз Жібекті бір көрген
Шыбын жаннан кешкендей.
Сылдырлап Жібек жөнелді
Неше түрлі сәулетпен,
Іңірде шайтан көшкендей.
Құланнан атты қодықты,
Көлден тартты борықты,
Бір көрмекке ынтық боп,
Төлеген мырза шондықты.
Талма түстің шағында,
Ақ отаудың ішінде
Айдынды туған Қыз Жібек
Төлегенге жолықты.
Моллалар басы қосылса,
Мәселе, кітап оқыр-ды.
Насихатты жақсылар
Ақылменен тоқыр-ды.
Айдынды туған Қыз Жібек
Төлегеннің мойына
Асыла барып отырды.

Төлеген сонда сөйлейді,
Сөйлегенде, бүй дейді:
– Келдің, Жібек, қасыма,
Отыра кеттің асыла,
Кешегі сәлдең қай жақта?
[Дөп] болды, салсаң басыма.

Жібек сонда сөйлейді:
– Қынама бешпет қынадым,
Әзілмен сізді сынадым,
Сынамаққа бір сөзді
Әзіл қылып айтып ем,
Әлі ұмытпай жүр ме едің,
Төлеген, мырза, шырағым?

Екі ғашық қосылып,
Әңгіме-дүкен құрады.
Екеуінің суреті
Ләйлі-Мәжнүндей болады,
Екі бекзат қосылып,
Күндей балқып толады.
Екеуінің нұрына
Көрген жанның бәрі де
Тамаша қайран қалады.
Ойын-күлкі, сәулетпен
Жездеңіздің қасында
Кеш батқанша отырды.
Кеш батқан соң, апаңыз
Күйеуге төсек салады,
Төсекті жайлап салған соң,
Жатар мезгіл болған соң,
Жездеңіздің мойнына
Асыла барып құлады...
Ендігі сөздің қысқасы,
Айтушы ердің ұстасы,
Біз де соны айтамыз:
Бұрынғылардың нұсқасы.
Сығалап атқан ақ берен
Қалаған жерден ұрады,
Қаршыға ілген үйректей
Жұмарлап мойнын бұрады,
Тебетейін сындырып...
Мергендер атқан бөкендей

Мүшелеп, жайып салады...
Жібек сынды апаңыз
Жас құлындай шыңғырды,
Саулы інгендей ыңқылдап...
Екі ғашық қосылып,
Көңілдері тынады...

Әлқисса, Төлеген үш ай жатып, қалыңдық ойнап, бір күні еліне қайтпақ болды. Аттарын байлап қойып, сол күні түннен жүреміз деп жатқанда, Жібек түс көреді, түсінен шошып оянып, кіші жеңгесін шақырып алып: – Төлегенге барып айтқын, тілімді алса, жүрмесін, – деп бір сөз дейді:

Шақырып алды Қыз Жібек
Өзінің жақын жеңгесін –
Омырауда алтын теңгесін,
Сырласатұғын жерінде
Келтірмейді екен өңгесін.
– Ау, жеңеше-ау, жеңеше-ау,
Мінезің еді өзгеше-ау,
Төлегенге барып кел,
Тілімді алса, жүрмесін.
Ата-анасы бар ма екен?
Жал-құйрығы сай ма екен?
Я болмаса, Құдай-ай,
...Қаңғырып өскен құ ма екен?
Атасының аты кім болар,
Анасының аты кім болар,
Сұрап келгін, жеңеше-ау,
Қандай заман, күн болар?
Мен бір бүгін түс көрдім,
Түсімде жаман іс көрдім,
Төлеген мінген Көкжорға ат
Ер-тоқымсыз бос көрдім.
Ел жайлаған Ақжайық,
Жағалай біткен бидайық,
Алдымда жанған шырағым
Біреу үрлеп өшіріп,
Көзімнен болды сол ғайып.
Қолымдағы түйғынның
Заулап келіп аспаннан
Желкесін қиды бидайық.
Бендем десең, Құдая,
Бұл түс емес еді ғой

Көруге маған лайық.
Айналайын, жеңеше-ау,
Төлегеннің мен білдім
Бір кеткен соң келмесін,
Жарық дүние опасын
Білдім көзге ілмесін.
Мұнан кетсе Төлеген
Білгізді Құдай мен қуға
Бұл жерді қайтып көрмесін.
Мұндай қорлық, жеңеше-ау,
Тірлігінде Құдайым
Еш бендеге бермесін.
Базарбайдың Төлеген
Ерте туған көбеген,
Жеңгесі келсе алқынып,
"Не қып жүрсің?" – демеген.

Жеңгесі сонда сөйлейді:
– Айналайын, Төлеген,
Бикешжан бүгін түс көрді.
Түсінде жаман іс көрді:
Астыңдағы Көкжорға ат
Ер-тоқымсыз бос көрді.
Ел жайлаған Ақжайық
Жағалай біткен бидайық,
Алдында жанған шырағын
Біреу үрлеп өшіріп,
Көзінен болды сол ғайып.
Тілімді алсаң, жүрмегін,
Айналайын, күйеужан,
Атаңның аты кім болар?
Анаңның аты кім болар?
Айтып кеткін, шырағым,
Қандай заман, күн болар?..
Құдайға біз де жылайық.

Төлеген сонда сөйлейді:
– Ау, жеңеше-ау, жеңеше-ау,
"Түс түлкінің боғы" еді,
Әрнеме деп, келмеші-ау.
Жаратқан мені бір Құдай,
Өлім десе көңілім жай.
Атамның атын айтайын –

Халқынан асқан Базарбай
Қой ішінде марқадай.
Омырауда ділдә алқадай,
Шешем атын айтайын –
Алпыс жасар Қамқа еді-ай.
Өліп кетсем, артымда
Сансызбай атты інім бар,
Жібегім неге қорқады-ай?
Жаман-жақсы болса да
Алланың болар әмірі.
Жалғыз ағаш кесілсе,
Қуарып қалар тамыры,
Олай-бұлай боп кетсем,
Тоғыз жасар артымда
Жеткіншегім бар еді-ай.
Қараша болып, жауды қар,
Дұшпандардың пейілі тар,
Сәлем де, Жібек қорықпасын,
Өліп кетсем, артымда
Еш жаманға қор қылмас
Сансызбай атты інім бар.
Шын тілесе, бендеге
Тәңірім тілек береді,
Көктемде мұнда келіп ем,
Енді қыс боп келеді.
Елімнің ақын көсемі
Батыр Шеге дер еді.
Ақылға [дарқан] кен еді.
Олай-бұлай боп кетсем,
Сансызбайға басшы боп,
Еліңізге келеді.
Тірі тұрса жанымыз,
Есен болса тәніміз,
Көктем шағы болғанда,
Қазбенен бірге келем, - деп,
Не салса да Құдайым,
Жібек үшін көрем, – деп,
Жібекке дұғай сәлем, – деп.
Енді атына мінеді.
Жеңгесі менен Төлеген
Қол ұстасып қоштасып,
Қош, Алла! – деп жөнеді.

Әлқисса, енді Төлеген неше мүдәт жол жүріп, аман-есен еліне келді. Атасы менен анасы қуанып, той қылды. Тойдың үстінде жұрт жиылып отырғанда, Базарбай баласынан жауап сұрады: Төлеген бәрін баян қылды, Базарбай айтты:

– Шырағым, қайныңа қашан барасың – дейді. Төлеген айтты:

– Жазғытұрым барам, – деді. Атасы айтты:

– Шырағым, мен бір тілек тілейін, бересің бе? – дейді, Төлеген байқамай:

– Берейін, – дейді. Онда Базарбай айтты:

– Берсең, қарағым, жолыңда жаным құрбан, – дейді. Ендігі жылы осы уақытқа шейін ол жаққа бармағын, жыл өткізіп бар, тілегім осы еді, берсең, уәде қыл, – дейді. Онда Төлеген айтты:

– Ай, ата, Сізден қорқып айтып едім, ешкімнің де қызын көргенім жоқ, ел-елден артық болмайды екен, қыз жаратпай келдім, – дейді. Барма десеңіз, ешқайда бармай-ақ қояйын, қайным жоқ баратұғын, – деп, үйден шығып кетті...

Онда Базарбай көп жұртына арыз қылып айтты:

– Ай, жарандар, менің мынау балам тілегімді бермей кетті, қайнына баратынын білгенің маған ұстап бер, – дейді. Егер де біреуің қошемет қылып ерсең, мен тұзыма салып, теріс батамды беремін, – деді.

Жұрт қарияның бұл сөзінен қорқып, ешкім Төлегенге ермейтұғын болды, әм көрсе, ұстап бермекші болды. Онда Төлеген ер-тоқымын далаға сақтап, Көкжорға атты далада бағып жүрді. Күндерде бір күн Төлеген қолына түйғын алып, құсқа салып жүр еді, аспаннан қаңқылдап екі қаз өте берді. Қараса, жаз болып қалған екен, Көкжорға атты ерттеп, далада сақтап жүрген жүз мың діллә, сегіз пұт күмісі бар екен, оны қоржынға салып алып, жалғыз інісі қасынан қалмай бірге жүр екен, оны елге хабар қылады да, атынан жерге алып қойып, өзі Көкжорға атты мініп алып, Жайыққа қарап жөнеледі.

Асып туған Төлеген
Жағалбайлы халқынан
Жабдықтап атын мінеді
Гауһар, лағыл, алтыннан
Жолдас ермей елінен,
Жалғыз өзі жөнелді
Бір ғашықтың зарынан.
Қаздың даусын есітіп,
Сабыр қылып тұрмады,
Дүниеге мойнын бұрмады,
Кетіп бара жатқанда,
Сансызбай жылап жүгірді
Төлегеннің артынан.
Рахымы түсті басына.
Көзден аққан жасына,
Қу бауырды қия алмай,
Қайырылып келді қасына.

Сансызбайдың Төлеген
Пәруана болды басына.
Бала келді жүгіріп,
Аш күзендей бүгіліп.
Төлеген тұрды кете алмай,
Көзінен жасы төгіліп.
Көзінен ағып қалды жас.
Қандай қиын бауырлас:
Төлегеннің сүйегі
Бордай болып үгіліп,
Артынан жылап келген соң,
Ат үстіне Төлеген
Көтеріп алды алдына
Қабырғасы сөгіліп.

Әлқисса, сол халде Төлеген айтты, Сансызбайды бауырына қысып тұрып: – Қарағым, неге жылайсың? Жылама, жеңешеңді әкеліп беремін, – дейді.

Сансызбай сонда сөйлейді,
Сөйлегенде, бүй дейді:
– Жыламаймын, көкежан,
Өзің де енді жыламай,
Көзіңнің жасын тый, – дейді.
Жылап отыр ата-анаң,
Сапарыңды қи, – дейді.
Көп жолдаспен барсаңшы,
Ел-жұртыңды жи, – дейді.
Жалғыз қайтіп барасың?
Жалғыздың ісі қиын-ды.
Менің жайым мінекей –
Танымаймын ешкімді.
Сіз кеткен соң, көкежан,
Кемпір-шалдың қасында
Өзім жалғыз, өзім жас
Боламын кімге сый, – дейді.
Бұл барғаннан келмесең,
Қайғыменен қан жұтып,
Қобыз алып қолыма
Тартамын сонда күй, – дейді.
Төлеген сонда сөйлейді.
Сөйлегенде бүй дейді:
– Айналайын, қарағым,
Жауға барсам – жарағым,

Қабырғамда – қанатым,
Артымдағы – құйрығым,
Жетегімде – жанатым,
Айналайын, жылама,
Жібек сынды жеңгенді
Әпкелмекке барамын.
Бендесін Құдай қарғаса,
Қабыл болмас тобасы,
Басына оның түсіп тұр
Ғашықтықтың саудасы.
Айтып кеткен Жібекке
Жақындап қалды уағдасы.
Үйде, түзде болса да,
Неден қашып құтылар
Басы жұмыр бендесі?
Құдіретіне Алланың
Бенденің жоқ – дүр көнбесі.
Қай іске талап қылмайды
Жер бесікке кіргенше
Адамзаттың жан-басы?
Айналайын, Сансызбай,
Қол-қанатым, құйрығым,
Судан шыққан сүйрігім,
Суырылып озған жүйрігім,
Көрмей бенде қоймайды
Жаратқан қадір Алланың
Тағдырда жазған бұйрығын.
Тірі болсам, қарағым,
Жеті айда келемін,
Ажал келсе Алладан,
Үйде болсам да өлемін.
Амандық бер, – деп, жолына, –
Құдайдан сен де тілегін.
Кешіргей, Алла, бенденің
Ғасилық еткен қатесін.
"Тілімді алмай кеттің", – деп,
Бермеді әкем батасын,
Басыма құдай салған соң,
Тоқтата алмадым [кеудемде]
Ғашықтықтың қапасын.
Қыз Жібектің дертінен –
Көрейін деп барамын
Михнатты жолдың жапасын.

Мен кеткен соң, қарағым,
Кемпір-шалға ие бол,
Ғинаят тіле Құдайдан,
Мәдет тіле пірлерден.
Ақылмен ойлап іс қылғыл,
Көзіңді кімге сатасың?
"Тілімді алмай кеттің", – деп,
Ризалық әкем бермеді.
Әкемнен қорқып, елімнен
Жалғыз жолдас ермеді.
Сөзімді тыңда, қарағым,
Өзіңді Құдай жеткізсе.
Алып қойдым бәрін де:
Ат-тұрман, сауыт-жарағың.
Олай-бұлай боп кетсем,
Сенен өзге кімім бар?
Алды-артыңа қарағын!
Қарағым, сені бір Құдай
Мұрадыңа жеткізсін,
Көкбурылдай тұлпар бар,
Биыл құнан, былтыр тай.
Қас қылмаса Құдайым,
Мінетұғын бас атың.
Шырағым, саған сайма-сай.
Ат болғанда, мінгейсің,
Алтын балдақ, ақ семсер
Саған арнап соқтырып,
Салдырып қойдым қынапқа,
Аш беліңе ілгейсің.
Талап қылып әр іске,
Теңіңмен ойнап, күлгейсің.
Бұл сөзімді тыңдағын,
Жеткіншегім, Сансызбай,
Жақсыменен жанасып,
Жұрт қадірін білгейсің.
Бадана көзді кіреуке,
[Шар айнасы бес қабат],
Тоғыз қабат көк сауыт
Саған арнап соқтырып,
Будырып кеттім кілемге,
Оны үстіне кигейсің.
Олай-бұлай боп кетсем,
Асыл туған Жібекті

Еш жаманға қор қылмай,
Өзің бір алып сүйгейсің.
Шағына Құдай жеткізсе,
Үстіңе баса киіп ал,
Алтынды сауыт көбені,
Жау дегенде жайнатып,
Толғамалап қолыңа ал
Қозыжауырын жебені,
Сапар шегіп жол жүрсең,
Жолдасын жауға алдырмас
Басшы қылғыл Шегені,
Айтқаны болмас адамның,
Алланың болар дегені.
Бұл сөзді айтып Төлеген
Сансызбайдың бетінен
Үш қайтара сүйеді,
Жерге алып қойып інісін
Қол ұстасып, қоштасып,
Хош, алла! – деп, жөнеді.
Бектер мінер сұр қасқа,
Шаба алмаса, ұр басқа,
Батырлық, байлық кімде жоқ?
Ғашықтық жөні бір басқа
Інісіменен қоштасып,
Базарбайдың Төлеген
Белін буды тұрмасқа.
Базарбайдың Төлеген,
Жайыққа қарап жол тартып,
Алладан пәрмен тілеген.
Жайық пенен Теңіз арасы
Үш айшылық жол екен,
Үш айлық жолдың атырабы...
Қырық бес күндік шөл екен.
Шөл жазира ішінде
Қособа деген көл екен,
Ұры, көзеп, қарақшы
Мекен қылған жер екен.
Төлеген сынды мырзаның,
Шалдығып келген уақытта,
Соғып бір кетер кезі екен.
Атаңа лағнат Бекежан
Қыз Жібектің сыртынан
Көп ғашықтың бірі екен.

Алпыс жігіт қасында,
"Төлеген енді келер", – деп,
Қособаның көлінде
Жолын тосып жүр екен.
Төлеген тап сол күні келмесе,
Азықтары таусылып,
Қайтып бір кетер күні екен.
Құланнан атты қодықты,
Көлден тартты борықты,
Арада неше қонышты,
Тұлпардан туған Көкжорға ат
Жүз күншілік жолынан,
Қырық бес күндік шөлінен,
Он жеті күн-түн су ішпей
Шөлдеуменен зорықты.
Шөлдеген соң, Төлеген
Атынан көңілі торықты.
Жақындап суға келгенде,
Бесін махал болғанда,
Базарбайдың Төлеген
Бір шұбалған шаңға жолықты.
Шаңға таман салады,
Қасына жетіп барады,
Алдынан шығып алпыс жау
Төлегенді қамады.
Базарбайдың Төлеген
Алды-артына қарады.
Бесінде жаумен атысып,
Намаздігер болғанша,
Алдырмай кетіп барады,
Еркімен аты жеткен соң
Жау ортаға алады.
Сол уақыттар болғанда,
Жамандатқыр Көкжорға ат,
Шөлдеуменен зорығып,
Басын жерге салады.
Жау қамалап жеткен соң,
Атынан қайрат кеткен соң,
Базарбайдың Төлеген
Төңіріне қылды наланы:
– Құдіреті күшті, Құдая,
Батар күнмен батайын,
Өзінен бұрын атайын,

Тым болмаса, Құдая,
Бекежанды өлтіріп,
Жастығымды ала жатайын.
Мұсылман болса бұл жаулар,
Жақындап жауап қатайын...
Атым шаршап бұл жерде,
Қайратым менің жасыды.
От болып жанған көңілім
Су сепкендей басылды.
Жүгірмек өлім қылмаққа,
Он сегіз жаста алмаққа,
Жазып па едің, Тәңірі, жасымды?
Құдіреті күшті, Құдая,
Алыстан жарға ғашық қып,
Әуреге салдың басымды.
Бұл сөзді айтып Төлеген
Қорамсаққа қол салды,
Бір салғанда, мол салды,
Садақты қолға алады,
Толғап, тартып қалады,
Кірістен [әрі] кетеді,
Топ Арғынға жетеді,
Селдірлеген шетінен
Жетеуінен озып өтеді.
Енді оғын алғанша,
Қорамсаққа қолын салғанша
Атаңа лағнет Бекежан
Арғыннан шыққан қу екен,
Әккі болған сұм екен,
Төлегеннің артында
Алпыс қадам жақындап,
Бір қурайды паналап,
Жеткен екен жағалап,
Төлегенді атқалы
Жақындап келіп тұр екен.
Мылтыққа білте басады,
Аруағы оның асады,
Төлеген сынды мырзаның
Қанын судай шашады.
Қой боғындай қорғасын
Ажал болып жабысты,
Атаңа лағнет Бекежан
Жібермеді намысты.

Базарбайдың Төлеген
Талықсып атта тұрғанда,
Қолтығынан сүйейтін
Таба алмады таныс.
Бекежан атқан жалғыз оқ
Маңдайдан келіп ұрады,
Алтынды сүйек Төлеген,
Алланың салған қорлығы-ай,
Иттердің қылған зорлығы-ай,
Талықсып аттан құлады.
Жалғыздық түсіп басына,
Қамығып, сонда жылады.
Атаңа лағнет алпыс ит:
– Жанын өзі берсін, – деп,
Қорлықпенен өлсін, – деп,
Анталап келіп тұрады.

Әлқисса, сол халде Төлеген есін жиып алып, көзін ашып қарап еді, өзі шалқасынан жатыр екен, барлық киімдерін тонап алып қойыпты. Сонда: – "Тым болмаса көміп кетсеңші!" – деп, Бекежанға қарап, – замандас емеспісің, – деп, бір сөз, – дейді.

– Пұл жібердім қалаға,
Бисағат күн, Құдая.
Мен шығып па ем далаға?
Шығып едім, жолықтым
Бұл сықылды пәлеге,
Қарға, құзғын жемесін,
Жасыра кеткін жүзімді,
Замандас едің, жан аға!
Пұл жібердім бақшаға,
Қызыл тіл, енді қақсама,
Қарға, құзғын жемесін.
Жасыра кеткін жүзімді,
Замандас едің, жақсы аға!
Төлегеннің тілдері
Осы сөзге келеді,
Екінші сөзге келмеді,
Атаңа лағнет алпыс ит
Не айттың, сірә, демеді,
Бір баланың олжасын
Алпыс адам бөледі.
"Мал опасыз" – деген сол:
Төлеген мінген Көкжорға ат

Су ішіп, әбден қанған соң,
Бір қарақшы астында
Ойнақтай басып жөнеді.

Әлқисса, сонда Төлегенменен жерінен бірге шыққан алты қаз бар екен. Сол суға Төлеген қазбенен бірге келген екен. Қаздар суға қонайын десе, қарақшылар мылтық атып, қондырмады. Айналып ұшып жүргенде, Төлеген көріп, хайуан да болса, елімнен бірге келген жолдасым, – деп, қаздарға қарап, қоштасып, бір сөз дейді:

– Әуелеп ұшқан, алты қаз,
Етің шекер, сорпаң баз.
Атайын десем, оғым аз.
Қонар болсаң, жануар,
Міне – майдан, міне – саз.
Өлмеген құлға, Құдая,
Болып қапты енді жаз.
Әкемді айтып қайтейін,
Шешемді айтып қайтейін,
Мен кеткен соң, дариға,
"Көкешім", – деп, Сансызбай
Еркелеп кімге қылар наз?
Әуелеп ұшқан, алты қаз,
Жерге неге қонбайсың?
Сендер тірі, мен өлі,
"Жатырсың не қып" демейсің?
Қасірет, қайғы халімді
Неге келіп бімейсің?
Тілсіз мақұлық, жануар,
Бірге келген, жолдасым,
Қасыма неге келмейсің?
Мұнан былай кеткенде,
Теңізге таман жеткенде,
Төбеге шықса, – "белім", – деп,
Ойға түссе, – "тізем", – деп,
Қартайған әкем Базарбай
Алдыңнан шығып, жануар,
"Қарағым менің – Төлеген
Көрдің бе?" – десе, не дейсің?
Онан әрмен өткенде,
Үйге таман жеткенде.
Жая десе, жал берген,
Шекер десе, бал берген,
Майға салып, нан берген,

Әр алуан дәм берген,
Алақандап өсірген,
Еркелік қылсам, кешірген
Алпыс жасар сорлы анам
Алдыңнан шығып, жануар.
"Құлыным менің – Төлеген
Көрдің бе?" – десе, не дейсің?
Онан әрмен өткенде,
Малға таман жеткенде,
Қарға жүнді қаттасым,
Үйрек жүнді оттасым,
Таласып емшек еміскен,
Тай, құлындай тебіскен,
Бір төсекке жатысқан,
Көп қызыққа батысқан,
Асық ойнап алысқан,
Өлгенін аға көре алмай,
Қолынан сусын бере алмай,
Арыздаспай, қоштаспай,
Ажалым жетті алыстан.
Жалғыз інім, бауырым,
Қанатымда қияғым,
Табанымда тұяғым,
Жылжымас жерден ауырым,
Алдыңнан шығып, Сансызбай
"Көкешім менің – Төлеген
Көрдің бе?" – десе, не дейсің?
"Сауытының көзі сөтіліп,
Сетіней кетті", – дегейсің.
"Баратұғын жеріне
Жетпей кетті", – дегейсің.
"Алтынды сауыт, шөже көз
Түймеден кетті", – дегейсің,
"Өлі екенін білмейміз,
Тірі екенін білмейміз,
Қособаның жонында
Қоса кетті", – дегейсің.
"Мандайынан аққан қан
Жоса кетті", – дегейсің.
"Алтынды жабдық Көкжорға ат
Бір қарақшы қолында
Босқа кетті", – дегейсің.
"Қособаның жонында

Құс қонбас, құла жапанда
Жылай-жылай бір жалғыз
Дүниеден өтті", – дегейсің.
Төлегеннің тілдері
Осы сөзге келеді.
Ендігі сөзге келмеді,
Батқан күнмен қарайып,
– О дариға, Құдай, – деп,
"Лә илаһа ил-Алла", – деп,
Жұлдыз шыға Төлеген
Ақірет сапар жөнеді.
Маңдайдан тиген жалғыз оқ
Желкеден ағып, өтіпті,
Алланың жазған пәрмені –
Ажалы бүгін жетіпті.
Айтып-айтпай, немене,
Сол секілді асылдар
Кебіні жоқ, көрі жоқ,
Ит пенен құсқа жем болып,
Мұратына жете алмай,
Арманда болып кетіпті.

Әлқисса, бұлар Төлегенді өлтіріп, атын-тонын алып, елдеріне келіп, еш адамға сездірмей, жата береді. Сегізінші жыл болғанда, бір күн Бекежан ойлады: "Жібекті енді өзім алайын, – деп. – Әуелі Жібекке Төлегенді өлтіргенімді естіртейін, онан соң Жібек маған тимей, кімге тиеді", – деп ойлайды.

– Өлгенін естімесе, маған тимес,
Күдер үзсе, өзгені, сірә, сүймес,
Білген соң анық менің ерлігімді,
Өзі де Төлегенге қатты күймес.

Бұған мен бекер жерде естіртпейін,
Жай жерде айтып, шошытып кештірмейін,
Бір тойда айтысумен естіп қалсын,
Адамға оған шейін сездірмейін.

Бекежан мұны ойлап, той қылады,
Жібекті алайын деп ой қылады.
Көкжорға атты сыдыртып, жетіп келіп,
Тұсына кеп, Жібектен сөз сұрады.
Көкжорға ат ерттеулі тұр алтын жабдық,
Көп жігіт жеңілген соң кетті қаңғып,

Бекежан түн болғанда айтыспаққа
Тұсына Қыз Жібектің келді аңдып.

Әлқисса, Бекежанның Қыз Жібекке айтқан өлеңі:

[Бекежан:]
– Айтамын, айт дегеннен, арма, Жібек,
Ботасы өлген түйедей зарла, Жібек,
Кеткелі жаман жарың көп жыл болды –
Хабары сол жездемнің бар ма, Жібек?

[Жібек:]
– Арасы екі ауылдың бүрген шығар,
Етегін түнде жүрген түрген шығар.
Артымда жеткіншегім жас деуші еді:
Айналып сұм дүниеге жүрген шығар.

[Бекежан:]
– Қыз Жібек, тарылтармын заманыңды,
Білмей жүрсің айырылып қалғаныңды,
Ат ізін сегіз жылдай бір салмаған
Мырза деп мақтай берме жаманыңды.
[Жібек:]
– Алаштың несін алып, не бермеймін?
Дүниеде тірі жүрсем, не көрмеймін?
Арғында Алты Шекті алпыс мырза
Ізіне басып кеткен теңгермеймін.

[Бекежан:]
– Айтамын, айт дегенде, әуелім жар,
Қыз Жібек, әлі-ақ болар пиғылың тар,
Өліп қалған немеңді сонша мақтап,
Көкжорға ат астымдағы – [салғын назар!]

[Жібек:]
– Жоқ екен, ей, Бекежан ақыл, айлаң,
Каніки, құрбы болып тиген пайдаң?
Атаңа алты лағнет, ит қарақшы,
Көкжорға астындағы алдың қайдан?

[Бекежан:]
– Жол тосып Қособада жатып алдым,
Біреуді мергендікпен атып алдым,

Өзім батыр болған соң, кімді аяйын?
Өлтіріп Төлегенді тартып алдым.

Бекежанның бұл сөзі
Мұңды болған Жібектің
Өкпесінен ұрады,
Өксіп-өксіп жылады,
Ғашық болсаң, сондай бол!
"О, дариға, Құдай!", – деп,
Керегені құшақтай,
Етбетінен құлады.
Қыз Жібектің беттерін
Кереге көгі жырады.
Лажын таппай Қыз Жібек
Ішінен судай тынады.
Біреудің қуаныш тойы еді,
Адыра талқан қылады.
Бекежанға сөйлейді:
– Атаңа лағнет, Бекежан
Көрсетпе маған түсіңді,
Бітіріпсің ісіңді
Қайтіп көзің қиды екен,
Сол сықылды мүсіңді?
Алдыңа Құдай келтірсін
Маған қылған ісіңді.
Атаңа лағнет, қарақшы,
Құдайым сені қарғасын!
Тәңірі мені жаратса,
Қатын, балаң зарласын!
Басына қиын іс түссе,
Қасыңа досың бармасын!
Қыз Жібектің айласын!
Айласының мен көрдім
Осы жерде пайдасын:
– Туыспай кеткір, алты аға,
Бармысың тойда, қайдасың?
Сырлыбайдың алты ұлы,
Алтауы бірдей бөрі еді,
Отырған жылап Жібектің
Тұсына жетіп келеді,
Қыз Жібектің тұсында
Бекежанды көреді,
Көкжорға атты таниды,
Бір сұмдықтың болғанын

Сонда бұлар біледі.
Бекежандай батырды
Енді ортаға алады,
Мойнына арқан салады,
Сүйретіп барып алтауы
Төлегеннің жолына
Құрбандық қылып шалады.

Әлқисса, бұлар мұнда тұра тұрсын. Ендігі сөзді Сансызбайдан естіңіз. Сол кезде Сансызбай он жеті жасқа келді. Төлегенді сағынып, бір күндері қару-жарағын киіп, Төлегенді іздемекші болып ойлайды.

–"Атамнан бата алып кетейін", – деп, атасына келіп, арыз қылып айтқаны:

Он [жеті] жасқа келген соң,
Сансызбай атқа мінеді,
Батасын алып кеткелі
Атасына келеді,
Келіп сөйлей береді:
– Айналайын, жан ата,
Ботаңның айтқан сөзіне
Құлағыңды сал, ата!
Арызға келді балаңыз:
Рұқсат бата бер, ата!
Айналайын, жан ата,
Көтергін бермен басыңды,
Төлегенді сағынып,
[Санаменен сарғайып],
Қайғыменен қан жұтып,
Іше алмадым асымды.
Төлегенді іздейін,
Жеткізді Құдай жасымды.
Төлегенді іздейін,
Жер шаршысын кезейін.
Жоқтаусыз кеткен лайық па
Туған соң іні біздейін?
Разылық берсең, жан ата,
Ешкімге көзім сүзбейін,
Батаңды бергін, жан ата,
Тірі-өлісін білгенше
Күдерімді үзбейін!

Әлқисса, сонда атасы басын көтеріп: "Балам, ағаңды іздейін деп пе едің?" – дейді.

"Хұп, іздейін! Рұқсат бер!" – дейді.

Сол күнде атасының көзі көр болып, көңілі жер болып, Төлегеннің қасіретінен санаменен сарғайып, қайғыменен қарайып жатады екен. Сонда Сансызбайға: "Қолыңды жай, батамды берейін!" – дейді. "Әуелі Алла тағала, екінші әнбия-әулиелерге аманат!" – деп тапсырып, зар-зар жылап айтқаны:

Баласына қол жайып,
Батасын берді Базарбай.
Тұра келіп, қол жайды,
Әумин, – деп, Сансызбай,
– Бақытын ашқын баламның,
Жаратқан Алла, бір Құдай,
Патшасысың, Құдая,
Он сегіз мың ғаламның,
Ғарыш пенен Күрсінің,
Лауых пенен Көләмнің.
Жаратқан Алла, жар болсын,
Бақытын ашқын баламның.
Балама менің, рахым қыл,
Қадір Алла, Құдайым,
Құрметі үшін Көләмнің.
Қызыр, Ілияс, Қырық шілтен,
Балама менің назар сал,
Адасса жолдан жаңылып,
Тура бастап, жолға сал.
Жазатайым сүрінсе,
Ғауас, Ғаяс әулие,
Бahауиддин, қолыңа ал.
Жарандар, мәдет қыла көр,
Сіздерсіз менде жоқ-дүр хал.
Бір өзіңе аманат,
Тапсырдым мынау баламды.
Жаратқан, тәңірім, Зүлжәләл.
Разылық бермей жіберіп,
Төлегеннен айырылдым.
[Қызылға] соққан қырандай,
Қанатымнан қайрылдым.
Тасқа тиіп тұяғым,
Табанымнан майрылдым.
Жол жүруге қимаған,
Бір сағаттай көрмесем,
Дидарына тоймаған,
Төлеген сынды баламды
Ақырында, Құдая.
Бір көруге зар қылдың.

Жұмлә ғайып иранлар,
Мәдеткер болғыл балама.
Үйде, түзде болса да,
Бұйрықтан адам қала ма?
Жолың болсын, бар, балам,
Тапсырдым сені Аллаға,
Іздеп келгіл ағаңды.
Екінші және тапсырдым,
Шарафатты өткен бабама.
Бұлайша деп ұлына
Батасын берді Базарбай,
Атасы рұхсат берген соң,
Батасын алып, Сансызбай,
"Рахым қыл, – деп, – бір Құдай",
Төлеген айтқан Көкбурыл
Ат болған екен он жасар.
Фрәнкіменен белдіктеп,
Шұғаменен желдіктеп,
Мақпалменен терліктеп,
Айылын жұптап салады,
Жел тимейтін бауырға
Орай тартып қалады.
Ер Шегені басшы қып,
Екеу ара үш тұлпар –
Қос атқа бірін алады.
Амандасып, айрылып,
Қоштасып жұрты қалады.
Төлегенді іздеп Сансызбай
Сапарға басын салады.
Жол көрмеген жас бала –
Тәуекел, Алла, Құдай, – деп,
Әркімге Тәңірі пана, – деп,
Жайыққа кетіп барады.

Әлқисса, бұлар бірнеше күн жол жүріп, Жайыққа келеді. Ханның ауылын сұрап келе жатып, бір белге шықса, ханның ауылының үстінде жүрген атты адамның көптігін есеп етіп бола алмастай.

Енді мұны көріп: – "Мәнісін білейік", – деп, бір қойшыға келіп, – "Бұл жиылған атты қалай?" – деп сұрады. Қойшы айтты: – Ханымыз Сырлыбайдың Жібек деген қызы бар еді, өзі жиһаннан асқан сұлу еді, соның атағын естіп, қалмақтан Қорен деген хан шығып, іздеп келді. Тоғыз мың әскерменен келіп; – "Жібекті маған беріңдер, бермесең, еліңді шабамын", – деді. Оған ханымыздың халі келместей болған соң бермек болды.

Енді Жібек атасына арыз қылды: – "Мені шыныменен көпірге бермек болсаңыз, тым болмаса қырық күн той қылып, отыз күн ойын қылып ұзатыңыз", – дейді. Онда бұлар айтады:

– Ол Жібекті күйеуге берген бе еді? – дейді. Қойшы айтты:

– Төлеген деген жиһаннан асқан күйеуі бар еді, Қособаның көлі деген жерде Бекежан қарақшы деген атып өлтіріпті, – дейді. Мұны естіп, Сансызбайдың көз жасы атының жалына төгіліп, жылап жүріп кетті. Шеге артынан келсе, Сансызбай жер бауырлап, жылап жатыр екен. Сонда айтқаны:

Сансызбай сонда жылады,
Көзінің жасын бұлады.
"Бауырың өлді" – деген соң,
Неше мықты болса да,
Қайтіп шыдап тұрады?
– Екеуміз бірдей жыласақ
Жұбататұғын кім бар, – деп,
Шеге ақын сабыр қылады.
Бір жердерге келгенде,
Сансызбай аттан құлады.
Құбылаға қарай бас қойып,
Мінәжәт айтып Аллаға,
Сәждеге басын салады.
Сонда жатып жылайды,
Жылайды да толғайды:
– Падиша туған, көкешім,
Бұл дүниеден өтіпсің,
О дүниеге жетіпсің
Мен мүсәпір ініңді
Хасіретке тастап кетіпсің,
Жолбарыс қашар қалыңмен
Айқайлаған дабыстан,
Басына құдай салған соң,
Көкешімнің ішіне
Ғашықтық оты жабысқан.
Жиһан кезіп жүргенде,
Қыз Жібекті тауыпсыз
Осынша қиын алыстан.
Тапқаныңмен не көрдің?
Кебінің жоқ, көрің жоқ,
Жапанда жатып, жан бердің.
Қайран да, менің көкешім,
Ит пенен құсқа жем болдың.
Өлгенде, жаудан өлмедің

Ту байласып шабысқан.
Батырлар жауға шабады
Қолына жасыл ту алып,
Төлегенді табам, – деп,
Мініп ем атқа қуанып.
Бұл жерлерге келгенде,
Дария шалқар көліміз
Жер болып, қашан су алып,
Қайран да менің көкешім
Кебінің жоқ, көрің жоқ.
Ит пенен құсқа жем болып,
Жапанда қапсыз қуарып.
Айналайын, көкешім,
Жүрегінде қимадым,
Тоқтатып алып қалам, – деп,
Шыбын жаның қинадым,
Алтынды сүйек көкешім,
Атам менен анамның
Мандайына симадың.
Өлгеніңді есітіп,
Көзімнің жасын тыймадым.
Асылық қылмай сөйлейін,
Рахыман атты, Құдая,
Төлеген сынды бенденің
Жолдас қылғын иманын.

Әлқисса, сол кезде Шеге келіп, атынан Сансызбайдың қасына түсіп, басын сүйеп тұрғызып алып: "Өткенге өкініш қылма", – деп, насихат қылып айтқаны:

– Айналайын, Сансызбай,
Көлге біткен құрағым,
Суырылып озған пырағым,
Жасын тыйғын көзіңнің,
Жыламағын, шырағым!
Рас болса өлгені
Төлеген сынды ағаңның,
Ұжмақтан жазсын тұрағын.
"Ноқталы басқа бір өлім" –
Өкініш қылма өлімге,
Өз тілегің сұрағын.
Бәрі де өлген, ойласаң,
Жүз жиырма төрт мың пайғамбар.
Бұрынғы жаннан біреу жоқ,

Өлмей тірі кім қалар?
Қазаға разы болмаған
Төңірі алдына барғанда,
Рахметтен нәумез құр қалар.
Өлімге қатты налиды
Ғафілдікпен бенделер.
Шайтанға, сірә, өлім жоқ,
Жақсылық тағы көру жоқ.
Өлмесек, шайтан боламыз,
Рахметтен құры қаламыз,
Қарғысы тиер Алланың.
Одан бенде не табар?
Қанаты бүтін сұңқар жоқ.
Тұяғы бүтін тұлпар жоқ,
Алладан үкім келген соң.
Өтешек өмір, сұрау жоқ,
Құдай ісі болған соң,
Қанша айтсақ та бұру жоқ.
Айы біткен айында,
Күні біткен күнінде,
Дәм таусылса, журу жоқ.
Айналайын, Сансызбай,
Құлақ салғын сөзіме!
Төңірі өзі айдады,
Ата-ана менен інісін
Көрсетпеді көзіне,
Жиылған қалың дүниенің,
Төрт түлік малдың бірісін.
Айдап барып Құдайым
Бұйырған жері топырақ,
Келтіріпті кезіне.
Құдай ісі, амал жоқ –
Зар болып қалдық, мінекей,
Кешегі жүрген Төлеген
Басып бір кеткен ізіне.
Өкініш қылма өткенге,
Мүсәпір жолда жүргенде,
Қуат берсін өзіңе.

Әлқисса, Шеге Сансызбайды атқа мінгізіп, айтты:

– Енді, шырағым, елге қайталық. Көп елдің халі келмеген көпір қалмаққа біздің де халіміз келмес, Төлегеннің өлгенін естідік. Енді Жібекті ала алмаспыз, неміз бар! – дейді. Онда Сансызбай айтты:

– Жәке ол не дегенің? Құдай тағала нәсіп қылса, Жібекті алып кетелік, болмаса – жүзін көріп кетелік, – дейді. – Барыңыз, Жібекті тауып, қандай жайда, қандай күйде отыр екен, көріңіз, мен де көрейін, – деді.

Мұны айтып келе жатып өзі ойлады:

– Бұл Шеге мені аяп жүрген шығар, не де болса, әуелі көпір-мұсылман араласқан тойы қандай екен, мен өзім барып көріп келейін, – дейді.

Атын Шегеге беріп, өзі жүгіріп тойға келді. Келсе, қалмақ-қазақ араласып, ойын-тамаша қылып жатыр. Әр жерлерге келіп, қарап тұрса, бір үлкен үйден зарлаған дауыс шығады. Ол адамның даусын тыңдаса, Жібектің даусы екен. Сол уақытта Жібектің айтып отырған зары үшбу-дүр:

– Жайықтың суы ылай-ай,
Көр болды көзім жылай-ай,
Төлеген сынды мырзадан
Айырдың өзің, Құдай-ай.
Көргеннен-ақ қорқып ем
Көрінбегір түсімді.
Төлегеннен айырып,
Ондамаған екенсің,
Қадір Алла, Құдая,
Басынан-ақ ісімді.
Құдіреті күшті, жан Алла,
Жаратсаң мені бенде қып.
Осы қалмақ алып-ақ
Құрта ма менің місімді?
Жайықтан көшкен көп Шекті
Қонады барып [қабаққа],
Не пиғылмен, Құдай-ай,
Іліндім мұндай қармаққа?
Жаратқан ием, жаппар-ай,
Бендең емес пе едім мен?
Шыныңмен нәсіп қылдың ба?
Нәсілі жаман қалмаққа-ай?

Әлқисса, бұл сөзді естіп, Сансызбайдың тап-тақаты қалмады. Қайтадан жүгіріп Шегеге келіп: "Жібектен бір жауап алып келгін", – деп, айтқан сөзі:

– Айналайын, Шеге аға,
Артық туған, ер аға,
Жібек сынды жеңгеме
Жұмсадым сізді мен, аға.
Дереу барып кел, аға!..
Жалғыз-ақ арыз сөзім бар:

Қыз Жібектей жеңгемнен
Бір жауап әкеп бер, аға!
Жау жағадан алғанда,
Кіріптар қылып бәлеге
Кетпейін тастап сені, аға,
Жалғыз-ақ арыз сөзім сол;
Шерменде болып Құдайға
Өтірік айтып келме, аға.
Батыр туған Шеге ақын –
О да бір асқан ер еді,
Қолындағы тұлпарды
Сансызбайға береді.
Жаяу басып Шеге ақын
Елге таман жөнеді.
Өлең айтқан ақ үйдің
Тұсына таман келеді.
Тойдың ішін аралап,
Қалмақтың қалың әскерін
Тамаша етіп көреді.

Әлқисса, Шегенің келген уақытында, Жібектің айтып отырған сөзі бұл екен. Шеге тыңдап тұра қалды;

– Әуелі бас қосқаным Жағалбайлы,
Жылқысын көптігінен баға алмайды.
Өлгені Төлегеннің рас болса,
Құдайым Қыз Жібекті неге алмайды?

Тағы да бас қосқаным Жағалбайлы,
Жылқысын көптігінен баға алмайды.
Сол елде, сірә, жігіт жоқ па, тәңірі-ай,
Жесірін іздеп келіп, неге алмайды?

Тағы да бас қосқаным Жағалбайлы,
Жылқысын көптігінен баға алмайды,
Сол елді өзім іздеп кетер едім –
Жіңішке әйел жолы: таба алмай [мын].

Мұны естіп, ал, сонда,
Жібекті Шеге біледі.
Алладан пәрмен тіледі,
Ұмтыла басып Шеге ақын
Жібекке таман жүреді.

Қалың қолды қақ жарып,
Арық қойдай тырысып,
Баз біреумен ұрысып,
Баз біреумен жұлысып,
Өлдім-талдым дегенде,
Қыз Жібектің тұсына
Шеге де жетіп келеді.

Әлқисса, сонда Шеге өлең айтқан жігіттердей болып, Жібектің тұсына келіп, өлең айтады. Бұрын Жібекке ешкім өлең айтпайды екен. Айтайын десе де батпайды екен, өзі қайғылы болып отырған соң. Енді Шегенің айтқаны:

[Шеге:]
Жібекжан... туа бермес сіздей перзент,
Бітіпті хор қызындай саған келбет.
Тәуір сыйлап өлең жарқын айтқыл маған,
Адамға о да болса бір ғанибет.

[Жібек:]
– Басы екен өлеңімнің айым-қайым,
Бітеді қия тауға тал мен қайың,
Қашан өлең адыра қалған менен,
Білмейтін қандай жансыз менің жайым?

[Шеге:]
– Көрдім де шырай жүзің, көңілім толды,
Бейіштегі көреді сарай жолды.
Естіп ем осы тойды сіздікі, – деп,
Жарқыным, не себептен болдың мұңды?

[Жібек:]
– Көргендей жол бейнетін жүзің сарық,
Тұсыма қалың топты келдің жарып.
Торға түскен түйғындай беңде болып,
Айрылған ел-жұртынан мен бір ғаріп.
Ай, Жәке мен көрмеген жан екенсіз.
Отырмын форымыңа қайран қалып,
Нәсілің асыл жердің адамысыз.
Қай жақтан келіп тұрсыз арып-талып?

[Шеге:]
– Бітіпті хор қызындай саған көрік,
Сүйегім әр сөзіңе барады еріп,

Жарқыным, қалайша боп түстің торға,
Мәнісін айтыңызшы, есітелік?

[Жібек:]
– Алланың үкіміне жүрмін көніп,
Зар болдым жаққан шырақ отым сөніп,
Құдайым айырған соң қосағымнан,
Отырмын жау қалмаққа бенде болып.

[Шеге:]
– Сары ағаш қиған сайын құм болады,
Замана жылдан-жылға сұм болады,
Қайын ата, қайын енең қай рудан,
Аттары күйеуіңнің кім болады?

[Жібек:]
– Жақсының бал тамады тіл-жағынан,
Өлімнің кім құтылар қармағынан?
Алдында жүріп қызмет қылғаным жоқ,
Қорқамын ат атауға... аруағынан.

[Шеге:]
Жақсыға жаман адам, сірә, жетпес,
Жамандар жақсыларды басып өтпес.
Сұрадым зәруратпен білмек үшін,
Бір жолға атай қойсаң, ештеңе етпес.

[Жібек:]
– Қыз-бозбала жиылып,
Ертеңді-кеш тамаша
Әңгіме-дүкен құруы,
Білгенімді мен айтсам,
Сөзімнің болмас бұруы,
Қайын атам аты Базарбай –
Жағалбайлы руы.
Төлеген оның баласы
Ілгері еді падишадан
Ақылының данасы,
Қайран да, Тәңірім, қайтейін,
Болмады аз-күн жүруі.
Төлегеннен айрылып
Құрыды, Құдай қылған соң
Екі де жұрттың шарасы.

Ат ізін бір де салмады,
Жоқ па екен деп ойлаймын
Сансызбай ердің санасы.
Қой ішінде марқа-ды-ай
Омырауда ділдә алқа-ды-ай,
Қайын енем атын айтайын:
Алпыс жасар Қамқа-ды-ай.
Қуантар ма екен Құдайым
Біздей ғаріп бендесін:
Қабағым неге тартады-ай?
Тірі болса Сансызбай
Жетер уақыты боп еді,
Біздей ғаріп міскінді
Неге бір іздеп келмейді-ай?
Кешегі өткен Төлеген
Ақылға [дарқан] кең еді.
Білімнің ақын көсемі
Батыр Шеге деп еді.
Қайтейін-ау, қайтейін,
Қайсы бірін айтайын,
Кешегі өткен Төлеген
Айтқан бір сөзі көп еді.
Сонда Шеге сөйлейді:
Сөйлегенде, бүй дейді:
– Асу да, асу бел, – дейді,
Аса бір соққан жел, – дейді,
Мойныңды созып, Жібекжан
Бері таман кел, – дейді.
– Мен бір жауап айтайын:
Бұл сөзімді біл, – дейді.
Сансызбайға басшы боп,
Іздеп келген өзіңді
Ақын Шеге мен, – дейді.
[Әккі] болған Қыз Жібек
"Алдап жүрген біреу", – деп,
Бұл сөзіне сенбейді.
Шеге тағы сөйледі:
– Шын айтқан сөзге нанбасаң,
Жарқыным, саған не дейін?
Бекер деп білсең шын сөзді,
Қасыңа қайтып келмейін.
Дұшпан деп білсең досыңды,
Қапалықпен өлейін.

Мұсылманды қас көріп,
Жау қалмақты дос көрсең,
Расыңды айтшы, Жібекжан,
Ізімше қайтып жөнейін.

Сонда Жібек сөйлейді:
– Шын айтқан болсаң, ай, Жәке,
Соңыңнан жүріп өлейін,
Ақылым танған уақытымда.
Кім екенің білейін:
Сансызбай қайда, көрсетші!
Айналайын, Жәкежан,
Сөзіңе сонда сенейін.

Ат байлаған ақыр-ды,
Көк түскен жер тақыр-ды,
Көп дүшпанның ішінде
Атын айтсам, білер, – деп,
"Атқосшым, кел!" – деп, шақырды.
Сансызбайдың тұрғаны
Бір шақырым жер еді.
Ер Шегенің дауысын
Естіп, танып біледі.
Асығып тұрған ер сабаз
Алла деп атқа мінеді.
Екі тұлпар жетелеп,
Ер Шегенің қасына
Іркілмей, жетіп келеді.
"Жалғыз қайның келді", – деп,
Батыр туған Шеге ақын
Жібекке хабар береді.
Жарық алып, Қыз Жібек
Сансызбайды көреді.
Көріп, сонда сөйлейді:
– Алтыннан соққан қияғым,
Күмістен соққан тұяғым,
Құдай қайдан ұқсатқан.
Көкесіне сияғын?!
Жаратқан Алла жар болып,
Жанды ғой өшкен шырағым
Ашылсаңшы, қабағым!
Өлгенім тіріліп келіп тұр,
Жарылсаңшы, жүрегім!

Жаратқан ием жар болып,
Бергей де менің тілегім!
Сансызбайды көрген соң,
Жібектің көңілі тояды,
Басындағы [істі] ұмытып,
Қайғысын [іштен] жояды.
Көп дүшпанның ішінде
Көрісуге жер қиын:
[Бірі тыста, бірі іште
Жібек пенен Сансызбай]
Амандасып қояды.
Бір-біріне екеуі
Көңілі өбден тояды.

Әлқисса, бұлар сонда амандасты,
Көңілі ғарыптардың судай тасты.
Сансызбайды Шегемен құрмет етіп,
Алдырып бір табақпен қойды асты.

Ас жеген соң аттарыңа мінгіл, – дейді,
Ізіңмен кейін қайта жүргіл, – дейді.
Мені алғалы кеп жатқан жау қалмақтың
Екі тұлпар аты бар, білгіл, – дейді.

Қараағаш кезеңінен жол асады,
Сол жолда мені тосып тұрғыл, – дейді.
Құдай оңдап, тұлпардың мінсем бірін,
Ертең түсте сол жерде көргіл, – дейді.

Біздің ел ертең тұра көшер, – деймін,
Түннен-ақ үйдің бауын шешер, – деймін,
Құдай біздің тілекті берсе егер,
Шырағы жау қалмақтың өшер, – деймін.

Екеуін жөнелтеді уағда қылып,
Көшеді ханның елі түннен тұрып.
"Бүгін кешке мінейін бір тұлпарын,
Жүрейін деп қыздармен ойнап, күліп", –

Жұмсады жеңешесін алып кел, – деп,
Қоренге бізден хабар салып кел, – деп,
Көңілімді көтерейін тұлпарменен,
Жеңгесін жібереді барып кел, – деп.

Әлқисса, жеңгесі келіп, Корен қалмаққа: "Бикеш сәлем, – дейді, – тұлпарының бірін берсін көшке мінемін", – деп, сұратып еді дегенде, қалмақ: "Бикеш маған тимеймін, – деп айтады дейді, – атымды бермеймін", – дейді. Онда жеңгесінің қалмақты алдап айтқан жауабы:

– Ау, күйеужан, күйеужан,
Еркелікпен қылады,
Бикештің сырын білесің,
Біле тұрып дұшпанның
Тіліне неге ересің?
Бүгін көшке мінеді,
Сандалкөкті бересің,
Бүгін күннің батысы
Ақ отауға кіресің.
Ойын-күлкі, тамаша,
Көп қызықты көресің.
Нұр сипатты Бикештің
Кеудесіне мінесің,
Шытырасы алтын көйлегін
Басына таман түресің.

Сонда Қорен сөйлейді:
– Ау, жеңеше-ау, жеңеше-ау,
Мінгенде атың құла ма?
Алтыннан жүзік бұрама...
Біреу жарлы, біреу бай,
Бәрін де Құдай қыла ма?
Тимесе Жібек, тимесін,
Сандалкөкті сұрама!
Тимесе Жібек, тимесін,
Сандалды сұрап, күймесін.
Ерлер мінер тұлпарды
Әйелдер мінер бола ма?

Әлқисса, қалмақ атын бермеген соң, жеңгесі ыза болып, Жібекке жылап келеді. Сонда Жібек ойлады: "Енді өзім барайын. Өзім барсам, тұлпарды алып мінермін", – деп, қасына он бес қызды ертіп алып, Қорен қалмаққа келді. Келе жатып өзі ойлады: "Құдай тағала тілегімді берер, қалмақтың кеудесін бастырар", – деп, ырым қылды және қыздарға айтты:

– Сіздер жездеңменен ойнасаңдаршы, – дейді. Сол халде Жібек Қоренге жетіп келді. Қорен Жібекті көріп, есі шығып, балқып кетті, мас болды. Сонда Жібек айтты:

– Атыңды мен сұрағанда, неге бермедің?

Қорен айтты:

– Мен сенен ат аяйын ба, мен мұнда келгелі екі ай жарым болды, сонан бері маған бір көрінбегеніңе өкпелеп бермеп едім. Енді қайсысын аласың? – деді.

Жібек айтты:

– Сандалкөкті мінемін – дейді.

Қалмақтың екі тұлпарының екі ер-тоқымы бар екен, өз ер-тоқымы болмаса өзге ер-тоқым тұлпарға тұрмайды деп, өз ерін ерттеп берді. Қалмақ тұлпарды ерттеп жатқанда, Қоренің төсегінің жанында тығулы он бес құлаш ақ семсері бар екен. Жібек ішінен беліне байлап алды. Атты қалмаққа ерттеп, болғанда, жылдам атқа мініп алып, тізгін, шылбырын қолына алғанда, көңілі тасып кетіп, қалмаққа қарап айтқаны:

– Атаңа лағнет, хан Қорен,
Хандығың сенің қайда бар?
Алдауменен бердің атты әрең.
Тәңірі берсе қолыма,
Жерге бір сені таптар ем.
Сандалкөк сынды тұлпарың,
Қынабы алтын қырқарың,
Я сенікі, я менікі.
Тұзымды Құдай көтерсе,
Мұнда жоқ сенің тең жарың.
Атаңа лағнет, хан Қорен,
Ұғып тұрғыл сөзімді,
Ұлық біліп сен тұрсың
Осы күнде өзіңді,
Ердің бағын тәңірі ашса,
[Құс ұшпас құла жапанда]
Қарға, құзғын, шыбынға
Шұқытармын көзіңді.
Атаңа лағнет, қу қалмақ
Тұрмайын сенің қасында.
Аламын деп келіп ең
Адырайып басында.
Тәубе еттім, Құдая,
Күнәкәршілік асылға:
Әуелінде амалсыз
Үкіміне көнген ем,
Тілеуді Құдай бергені –
Сандалкөкті мінгенім,
Ит қалмақ, көзің ағарды.
Ақымақтықпен білмейсің
Ажалыңның келгенін.

Әлқисса, Жібек мұны айтқаннан кейін көңіліне түсіп, асылық сөйлеп жібердім бе? – деп, тәубе қылып, бір сөз дейді.

– Тәубе қылдым, Құдая,
Қателік сөзім кешіргіл,
Жүз мың лағнет көпірдің
Шырақ отын өшіргіл!
Тәубе қылдым, жан Алла,
Тәуекел қылдым өзіңе –
Не қылсаң да, өзің біл!

Әлқисса, Жібек бұл сөзді айтып, Алла тағалаға сыйынып, атының басын бұрып, жүріп кетті. Тұлпарының етін қыздырып алайын деп, алай-бұлай орғытып шапты. Сонда Қорен қалмақ Жібекті көріп, тұлпарының еті қызған соң, алып қашып, жығып кетер ме екен! – деп, Қазмойынды қара тұлпарды ерттеп мініп, Жібекке келе жатыр. Семсерін алайын деп келе жатып, Қорен қалмақтың айтқаны:

– Япырым-ау, япырым,
Байқадың ба, бозбала,
Қыз Жібектің ғафылын?
Көксандалды жүгіртер
Қыз Жібек менің қатыным,
Басы қатты Сандалкөк
Тастап кетіп жүрмесін,
Айналайын, Жібек-ау.
Ақырын шапшы, ақырын!

Әлқисса, сонда Жібек келе жатқан қалмақты көріп ойлады: "Бұл қалмақтың маған деген сйын ұмыттырып жіберейін", – деп. Алдынан шығып, Қоренге қарсы келіп, айтты:

– Ай, тақсыр! Сіз неше атаңыздан бері хансыз? Хан болған өз басыңыз ба, арғы атаңнан бері хансыз ба? – дейді. Сонда Қорен айтты:

– Мен жеті атамнан бері ханмын, – дейді. Онда Жібек айтты:

– Сіз хан болмай жерге кіріңіз, – дейді. Хан кісі сіздей бола ма, бойында биттей билік жоқ. Шын дегдәр хан болсаңыз, мен сіздің қатыңыныз болсам, көш жөнекей құл-қойшыға ұқсап, неге менің қасыма келесіз? –дейді. Бұл жерде тұрмаңыз, ілгері барып, шатырыңызды тіккізіп жатыңыз, біз көшпенен барамыз, – дейді. Онда Қорен айтты:

– Мен сенің қасында жүрмеймін. Әншейін, мына тұлпардың еті қызса алып қашып кетеді, соны айтайын деп келдім, семсерімді өзіме бер, – дейді. Онда Жібек айтты:

– Міне, сенің ақымақтығың! Мен мына елдің көңілін сескендірейін, – деп жүрмін. Бізді кешіктірмей жөнелтсін, – деп. Түнеугіден бері өз ақылыңмен жүрдің ғой, енді жүре бер, – дейді. Онда қалмақ иланып:

– Ендеше, мен ілгері барайын. Намаздігерден кейін қалдырмай атымды өзіме бер, – деп, жүріп кетті.

Жібек атының басын бұрып, артына қараса, Жібектің сәукелесін киіп жеңгесі кетіп бара жатқанын көріп, "қыздың көзі қызылда" деген, дүниелік қандай, сәукелесін ала кетейін, – деп, жеңгесіне келіп, Жібек сәукелесін сұрады:

– Асу да, асу, бел, – деді,
Аса бір соққан жел, – деді.
Айналайын, жеңеше-ау,
Бері таман кел, – деді.
Мен бір жауап айтайын,
Бұл сөзімді біл, – деді.
Басындағы сәукеле
Алып маған бер, – деді.
Ақыр ертең киемін,
Бүгін көшке киейін,
Жарасар ма екен, жеңеше-ау,
Өз көзіңмен көр, – деді.
Қыз Жібектің бұл сөзін
Жеңгесі мақұл көредІ,
Басындағы сәукеле
Жібекке алып береді.
Қолына Жібек алады,
Асыл гауһар тастарын
Бытырлатып үзіп ап,
Жанқалтаға салады.
Атының басын бұрады,
Қашығырақ тұрады.
Айтуға бармай ауызы
Сонда бір Жібек жылады.
Жылап тұрып сөйлейді:
– Айналайын, жеңеше-ау,
Мінезің еді өзгеше-ау,
Сапар тарттым алысқа
Барасың қайда демеші-ау.
Жаратқан бәрімізді Алла тағалам,
Қолында молдалардың дәуіт, қалам.
Піруардігер жар болса,
Алыс жолға барамын.
Айтыңыз ата-анама дұғай сәлем.
Тұзымды Құдай көтерсе,
Ниет қылдым алыс жол,
Мұндай істі қылмас ем,

Қорен қалмақ алғалы
Қамап жатыр қалың қол,
Көп кешікпей кетейін,
Ел-жұртқа дұғай сәлем де,
Жеңеше-ау, өзің аман бол!
Жеңгесі сонда сөйлейді:
– Айналайын, бикешжан,
Мінген де атың пырағың,
Қалай талап қылсаң да,
Ашылсын сенің мұрадың.
"Бағыңды Құдай ашқай", – деп,
"Көпірдің көңілін басқай", – деп...
"Мұсылманға қосқай", – деп,
Ертелі-кеш Құдайдан
Зар қылып мен де сұрадым.
Мән-жайыңды айта кет,
Барасың қайда, шырағым?

Жібек сонда сөйлейді:
– Тұлпар мініп астыма,
Асындым алмас беліме,
Тұлпардың қалған тұяғы
Сансызбай іздеп келіпті,
Тілекті берсе Құдайым,
Қосылайын деп түрмын
Басында қосқан теңіме.
Барайын деп мен түрмын,
[Жағалбайлы еліне.]
Жеңеше-ау, қайтіп көнемін
Қу көпірдің кеміне?
Жеткізсе Құдай мұратқа,
Қалмақтың көзі ағарсын
Нан пісіп тұрған деміне.
Талап қылдым, жеңеше-ау,
Осылай қиял қылмаққа,
Тұлпар мініп жол тарттым,
Басымды жолға салмаққа,
Тәуекел қылдым Аллаға,
Қайтіп қатын болармын.
Құдайымның дұшпаны,
Нәсілі жаман қалмаққа?
Дінсіз жауды кез қылып,
Басыма салды ғаламат,

Басында Жібек атанып,
Көпірге қатын болғаным
Есіткен жұртқа мінәмәт
Ақ сүтін кешсін анамыз,
Разы болсын атамыз,
Ел-жұртқа дұғай сәлем де,
Жеңеше, болғыл сәләмәт!

Мұнан кейін Қыз Жібек
Басқа сөздер демеді,
Атының басын бұрады,
Уәде қылған Қараағаш
Бет қоя соған жөнеді.
Кетерін анық білген соң,
Атының басын бұрған соң,
"Сансызбайға сәлем, – деп,
Хош, аман бол, Бикеш" – деп,
Жеңгесі тұрып жылады.
Жөнеді Жібек, жөнеді.
Шеге менен Сансызбай
Ағашқа шығып екеуі
Қарауылдап тұр еді,
Келетін Жібек қарасын
Сансызбай, Шеге көреді.
Табан жолмен тартысып,
Ауыздықпен алысып,
Ұшқан құспен жарысып,
Маядай мойнын созады,
Тарта-тарта Жібектің,
Алақаны тозады.
Томарша жерден сырғытып,
Ойпаң жерден орғытып,
Жарлау жерден ырғытып,
Тегіс жерден зырғытып
Әне, міне дегенше,
Ашып, көзді жұмғанша,
Сансызбай мен Шегеге
Ұйытқып бір саулап келеді.
[Ізеттікпен бас қосқан]
Бір Алланың досы деп,
Аттан түсіп Қыз Жібек
Шегеге сәлем қылады.
– Ашылсын, балам, бағың, – деп

Тәңірі болсын панаң, – деп,
Ер Шеге бата береді.
Жетелеп атын жаяулап,
Байпаңдап қаздай, баяулап.
Қасына Жібек келеді.
Бірін-бірі көрген соң,
Шүкір қылып Аллаға,
Енді атына мінеді.
Екеу еді, үшеу боп,
Алла деп елге жөнеді.
Елге қарап шуу – деді,
Өңкей тұлпар мінгені,
Соққан желдей гуледі,
Шапқанда Жібек озады,
Сансызбайға жүр, – деді,
"Жете алмаса өз атың,
Сандалкөкті мін" – деді.
Ар көріп бала бойына
Жібектің атын мінбеді.
– Жүре бер, Жібек, жүре бер,
Мінетін жерге Құдайым
Жеткізсе біздей ғаріпті,
Мінермін сонда мен, – деді.

Әлқисса, бұлар бара тұрсын, ендігі сөзді Қорен қалмақтан естіңіз. Намазшам болған соң:

– Атымды беріп жіберсін, – деп, кісі жіберді. Бұлар айтты:

– Атыңды білмейміз, қайда? – дейді. Қалмақ айтты:

– Жібек мінген, – деп. Бұлар қараса, аты түгіл Жібектің өзі де жоқ. Енді бұлар ойлады, Жібекті атыменен еліне жіберген екен, енді бізден несіне сұрайды? – дейді. Шынын айтса да біз не қыламыз, – дейді. Бұл сөзге қалмақ ашуланып, әскерін шақырып, елін шаппақ болып, ханның ордасына келді.

Кеш болған соң хан Қорен
– Қайда, – деп, атын сұрады.
Бұлар солай деген соң:
– Атымды шапшаң тапқын, – деп,
Тауып берсең атымды,
Тыныш ұйықтап жатқын, – деп,
Атым менен Жібекті
Қазір тауып бермесең,
Қайратыма баққын, – деп,
Жиып алып әскерін,

Қаһарланып қу қалмақ
Айғай салып ақырып,
Қораға келіп тұрады.
Зәһәрінен қорқып қалмақтың
Қатын менен баласы,
Ел-жұрты шулап жылады.

Әлқисса, Сырлыбай хан сонда өзі барып айтуға ар қылып, Қаршығаға:
– Сіз барып, қалмаққа жөнін айтыңыз, – дейді.

Осы жүрген Қаршыға
Жауапқа шешен ер еді,
Ерлігінің белгісі –
Қаһарланған қалмаққа
Іркілмей жетіп келеді.
Жан батпаған көпірге
Сүрінбей жауап береді.
– Мен айтайын бір жауап.
Сөзімді, тақсыр, тыңдаңыз!
Әйтеуір, әлім келед, – деп,
Қисынсыз қаһар қылмаңыз,
Жасырған болсақ Жібекті,
Сонан соң, тақсыр, шындаңыз.
Ашуыңды басыңыз,
Қосыңа барып түсіңіз,
Алып-қашып кеткен-ді,
Тұлпар ізі жоғалмас,
Даладан ізін кесіңіз.
Жасыратұғын Жібекті
Бар ма еді әлде қасыңыз?
Мың кісіге барабар
Бір өзіңнің басыңыз.
Хандығында мінің жоқ.
Өзіңіз, тақсыр, ойлашы,
Дұрыс па қылған осыңыз?
Хан болсаң да, тақсыр, айтайын,
Әйелге тұлпар мінгізген
Өзіңіз иттің насыңыз.
Жібектің аты ұрғашы,
Тұлпардың сырын білесің,
Біле тұрып әйелге
Тұлпарды неге бересің?
Өзің беріп атыңды,
Елден неге көресің?

Қатты айтуға батпаймыз,
Ел билеген төресің,
Өз мініңді ойламай,
Тентектік қылып, куйеужан,
Алмағыл елдің зәресін!

Әлқисса, сонда қалмақ айтты:

– Маған бағана неге осылай, – деп, айтпайсыздар. Жібекті еліне өзі жөнелтіп жіберген екен, бізден неге сұрайды дегеніне ашуланып едім. Рас, қайда барса да, менің Сандалкөгімнің ізі жер ошақтай болып жер қазылып қалады. Өзім ізін танимын, – деп, қосына қайтып барып, жатты. Таң атқанша шыдай алмай жатып, таң сарғая атына мініп, қалмақтар із қарады. Жүртқа барғанда, ізін тауып алды. Мойынсуға барғанда тұлпардың ізі төртеу болды, онда қалмақ Қорен әскерді бөлді. Екі мың жеті жүз кісімен қуа жөнелді. Өзгесін: "Біз келгенше, осында тосып жатыңыздар", – деп, қойып кетеді. Қаршығаны басшы қылып, жиырма кісі қазақтан алды. Алты күн қуып, жете алмаған соң, Қорен өзі жалғыз қуды.

– Мен барып жауды өлтірген соң. алдыңнан қайтып шығармын. Еліне барғанша жеткізбесе, сіздер келгенше мен тосып жатайын, елін "бұрхан, бақшы" болса да, шауып қайтармыз, – дейді.

– Жөнеді, қалмақ жөнеді,
Шәгбір ұрып келеді.
Көк қабандай арсылдап,
Тебінгісі тарсылдап,
Құйысқаны сартылдап,
[Қазмойынды тұлпардың]
Аузынан аққан ақ көбік
Омырауда балшылдап.
Қазмойын қара тұлпарды
Сауырға сипай қамшылап.
Сауырынан аққан тер
Көктен құйған тамшыдай
Борбайынан тамшылап.
Шүу десе, қалмақ дауысы
Тастүлек құстай шаңқылдап,
Көпір қалмақ жөнеді,
Қаһарланып келеді.
Дәл он бір күн болғанда,
Сансызбайдың қарасын
Қорен қалмақ көреді.
Келе жатқан қалмақтың
Күндік жерден қарасын,
Жібек бір болжап біледі.
Көпір қалмақ жетті, – деп,

Басымнан дәурен өтті, – деп,
Сансызбай мен Шегеге
Жібек бір хабар береді.
Толғана мойнын бұрады,
Алладан пәрмен сұрады,
Жібек пенен Шегені
Ілгері қарай жөнелтіп,
Келе жатқан қалмақтың
Жолын тосып Сансызбай
Көлденең тартып тұрады.
Өзі ілгері барған соң,
Жау бетінде жас бала
Жалғыз тұрып қалған соң,
Мұңлы болған Қыз Жібек
Бір төбеге барады,
Құбыла жаққа қарады,
Көксандалдың шылбырын
Мойнына орап салады.
Бір Құдайға зар айтып,
Мінәжәт қылып сол жерде
Қыз Жібек қылды наланы.
– Құдіреті күшті, Құдая.
Басымнан кетті сәулетім,
Жүзімнен кетті гәурәтім.
Сақтаған, Құдая, көп екен
Маған деген дәулетің.
Ажалым жақын таянып,
Жетті ме енді нәубетім.
Бір сайқалдың жолында
Құртамысың, Құдая,
Бір бишара жанның әулетін?
Әуелі қолдап, Құдая,
Рахметіңмен құтылдым,
Ақырында, Құдая,
Не пиғылменен тұтылдым?
Қайтадан қолға түс болсам,
Не болар менің сиқыным?
Бір сайқалдың жолында
Құртамысың, Құдая,
Бір бишара жанның тұқымын?
Бұлайша деп, Қыз Жібек
Зарланып қатты жылады,
Көзінің жасын бұлады.
Мұңлы болған Жібектің

Тәубесін қабыл қылады.
Қылғаны қабыл емес пе?
Аз кідірсең, қызығы
Арт жағында болады.
Сол уақыттар болғанда,
Әне, міне – дегенше,
Айтып ауыз жиғанша,
Сансызбайдың қасына
Қорен жетіп келеді.
Келіп, сөйлей береді:
– Қарсы алдыңнан қарасам,
Жасың кіші баласың,
Оттай қаулап жанасың,
Менің атым хан Қорен –
Неден үміт қыласың?
Мен жайымды сөйлесем,
Ақылыңнан танасың.
Жібек – менің қатыным,
Қай жаққа алып барасың?
Жібекті ілгері жіберіп,
Мойныңды маған бұрасың,
Соғысатын кісідей
Көлденең тартып тұрасың,
Меніменен соғыссаң,
Құдайыңа барасың.
Соғысар болсаң, жөніңді айт,
Не қылып жүрген баласың?
Сансызбай сонда сөйлейді:
– Қорен қалмақ сен болсаң,
Сансызбай бала мен едім,
Мен де өзіңдей кен едім.
Жібек сынды жеңгемді
Елімнен іздеп кеп едім.
Жеңгемді тауып алған соң.
Мәдет тілеп Алладан
Еліме алып жөнедім.
Артымнан келе жатқан соң.
"Не қылып жүрген адам?" – деп,
Білейін сені, – деп, едім.
Мұсылман болсаң, саған мен
Болайын жолдас, – деп, едім.
Нәсілің кәпір жау болсаң,
Алла тізгінімді оңдаса,
Жәһеннәмдегі орныңа

Жіберейін деп едім.
Сонда қалмақ сөйлейді:
– Асу да, асу, бел, – дейді,
Аса бір соққан жел, – дейді,
Әуелгі кезек менікі,
Соңғы кезек сенікі,
Бұл сөзімді біл, – дейді.
Қарсы алдыңнан қарасам,
Жасың кіші жас ұлсың,
Кезегімді бер, – дейді.
Сансызбай атты жас берен
Толғана мойнын бұрады,
Алладан пәрмен сұрады.
Қашатұғын қатын ба,
Кезегін беріп қалмақтың
Қасқайып қарап тұрады.
Атаңа лағнет қу қалмақ
Қорамсаққа қол салды,
Бір салғанда, мол салды.
Садақты қолға алады,
Толықсып тұрған баланы
Толғап тартып қалады.
Кірістен оғы кетеді,
Сансызбайға жетеді.
Тоғыз қабат сауыттың
Сегізінен өтеді.
Жыртыла жазды сауыттың
Қатарланған жағасы,
Сансызбайдың жасынан
Қабыл еді тобасы,
Өтер еді мұнан да,
Жібермеді бұл оқты
Ғауас, Ғаяс, Қырық шілтен,
Болған екен панасы.
Бұрын жауды көрмеген
Сансызбай сонда жылайды:
– Қор қылма, – деп, көпірге
Алладан пәрмен сұрайды,
– Рахым қылса бір Құдай,
Бенденің несі құриды?
Құдіреті күшті, Құдайым,
Бір өзіңе жылайын,
[Қиын жауға кез қылдың,
Өзіңнен мәдет болмаса,

Бұған не айла қылайын?]
Рахым қылғыл, Құдая,
Көргенім жауды осы еді.
Қайратымды сынайын.
Құдіреті күшті, Құдая,
Батар күнмен батайын.
Қалмақты мен де атайын,
Рахым етсең, я, Алла,
Қу қалмақты өлтіріп,
Қызығына батайын.
Мен құлыңның кешіргіл
Пазылыңменең, я, Алла,
Ғасилық өткен қатесін,
Бұлайша толғап, Сансызбай
Қорамсаққа қол салды,
Бір салғанда, мол салды.
Садақты қолға алады,
Толықсып тұрған көпірді
Толғап тартып қалады,
Зырқырап оғы кетеді,
Қалмаққа таман жетеді,
Көкірек қысқан көбеден,
Қармаулы қабыл жебеден
Зырлауменен өтеді.
Мұнан да өтіп кетеді,
Бір төбеге жетеді,
Үй орнындай бір жерді,
Төңкере тастап кетеді.
Оқ тоқтаған кезінде
Қорен аттан сұлады,
Туы қолдан құлады.
Лай-лай-лама-лоқ – деп,
Бәлем қалмақ сұлады.
Жығылған соң қалмақтың
Қасына жетіп барады,
Ат үстінен қылышпен
Денесінен жұда қып,
Басын кесіп салады.
Қазмойын қара тұлпарды
Жетегіне алады.
– Тоқтағын, Жібек, тоқта, – деп,
Менде көңілің жоқ па? – деп,
Айғай салып Сансызбай

Жібекке атой береді.
Атой беріп жүргенін
Шеге мен Жібек көреді.
Қуаныш қылып тұрғанда,
Сансызбай жетіп келеді.
Шүкір қылып Аллаға,
Көпір жаудан құтылып,
Бірнеше күн жол жүріп,
Еліне аман келеді.
Ата-анасын қуантып,
Қырық күн ұдай той қылып,
Сансызбай Жібекті алады.
Сипатын көріп Жібектің
Ел-жұрты қайран қалады.

* * *

Бір құдай, әр бенденді өзің онда
Айналды жұлдыздары енді оңға,
Түс көрді Жібек түнде ұйықтап жатып,
Айтады Сансызбайға тұрып сонда:
– Түсімде бір топ қарға көрдім, – дейді,
Соңынан бір түйғынның ердім, – дейді.
Түйғын қырып, сап қылды көп қарғаны,
Қызығын тамаша ғып тұрдым, – дейді.

Сонда Сансызбай түсін жорыды:

– Қалмақтың көп әскері келеді екен,
Құдай біздің тілекті береді екен.
Қарға қырған түйғының мен екенмін,
Келген қалмақ бәрі де өледі екен,
Мұны айтып, Сансызбай жұртын жиды,
Ғизатқа Құдай үшін жанын қиды,
Сансызбай жұртын жиып алған шақта,
Көп әскер келді деген хабар тиді.

Сансызбай сол қалмақтың бәрін қырып,
Өлігін жота-жота қылып үйді.
Мұсылманнан бар екен жиырма адам,
Оларға инғам, ихсан қылды сыйды.

Қаршыға екен басшысы мұсылманның,
Панасы – патша Құдай қысылғанның,

Қыдыр дарып, бақ қонды Сансызбайға,
Ешбірін жібермеді ұсынғанның.
Әскерден Қаршыға озып жүрген екен,
Қореннің сонда өлгенін көрген екен.
Өзімізді өлтіріп кете ме? – деп,
Көрсетпей қалмақтарды бұрған екен.

"Ханымыз қуып кетіп барады", – деп,
Қаршыға қалмақты алдап ұрған екен.
Еліне Базарбайдың алып барып,
Ақылмен осылай қып қырған екен.

Әлқисса, Сансызбай Қаршығаны бірнеше күн сыйлап және Сансызбай екі мың әскер алып, Қаршығаны алдына салып, еліндегі қамап жатқан көп қалмақты, хабарсыз жатқанда, түнде барып тиіп, көбін атына мінгізбей, таң атқанша қырып, таң атқан соң [соғыстың] амалын қылатұғын ханы жоқ, қалған қалмақ еліне қашып жүріп береді.

Сансызбай жау артынан қуып берді,
Қолға тиген қалмақты қырып берді,
Қалмақтың бес мың қолын бәрін қырып,
Қызыл қанға бояды қара жерді.
Мұсылманды дұспаннан айырып алған,
Жігіттер, тамаша қыл мұндай ерді!

Бақ берді жас балаға патша Құдай,
Мұсылманның болып түр көңілі жай.
Қалмақты әбден қырып бітірген соң,
Қайнына келді қайтып ер Сансызбай.
Басшысы Сырлыбай хан өзі болып,
Алдынан шықты елі бәрі шулай,
Оңаша бір отауды салып беріп,
Қызмет қып, сыйлап тұрды екі айдай.

Еліне, екі ай жатып, жүрді, – дейді,
Қызметін қайын жұрттың көрді, – дейді
Сексен нарды толтырып жасау артып,
Бес жетім, алтын отау берді, – дейді.
Тоғыз жорға ат жабдықтап Жібек үшін
Қайын енесі қасына ерді, – дейді.
Жібекті жаңа ұзатып бергендей боп,
Еліне үш ай жүріп келді, – дейді.
Еліне аман-есен келгеннен соң,
Қайтадан қырық күн той қылды, – дейді.

ПЕРЕВОДЫ

КОЗЫ-КОРПЕШ И БАЯН-СУЛУ[1]

Узоры из слов сплетает искусный акын*,
Немало времени протекло с тех пор,
[Как] в далекие от нас времена
Жили на свете два бая*.

Ушли из жизни они задолго до нас.
Знатные, родовитые люди, вникайте в мои слова!
Прожил свою жизнь ненормальный бай Карабай,
Девяносто тысяч коней он имел, да тенгри забрал [его][2].

Неисчислимым богатством владел [Карабай],
Много сокровищ дал ему бог!
Девяносто тысяч коней он имел,
Но дома и приличного чапана* не было у него.

Сказывали [акыны] Сыбанбай, Жанак, Бекбау[3],
Что родом [Карабай] был из туркмен.
Одарил его бог несметным богатством, скотом без числа,
Но не было ребенка у него, кого бы он мог приласкать.

О роде-племени Сарыбая говорили,
[Что] он один из сорока баев Орманбета[4],
[Что], рассорившись с сородичами, уехал он,
Обиделся на сплетни, наветы их.

Из сородичей никто за ним не пошел,
С обидой покинул он свою страну.
Завидуют, мол, посланному мне богом богатству –
Уехал и раздосадованный Кареке*.

И Сареке* уехал, обиду затаив,
Глуп народ, что такого мужа отпустил!

Без остановок он день и ночь кочевал
И [приехал в края] племени балталы и баганалы*.

Видел народ, как приехал он к балталы,
Роскошью и убранством отличался он от других.
С сотней людей приехал Тайлак-бий*,
[Но] и волоска не дал Карабай от девяноста тысяч [коней].
"Вот ведь какой невежа оказался!" – говоря,
Обиделись люди на Карабая.

Всех гостей одарив девяткой[5],
С почетом проводил их Сарекен.
"У благородного, мол, хватит милостей на многих", – решив,
Доверили они Сарыбаю над племенем власть.

Собравшись, долго совещался народ,
Ведь прежде не было у них царя.
Прикинув, что не простой человек Сарыбай,
Решили люди избрать его царем.

Оба бая одновременно приехали к балталы,
[Но] какое дело Карабаю до людей?
Мало ему и девяноста тысяч коней,
Встав спозаранку, на охоту отправился он.

Не такая, как Чингис*, Калба* и Мыржик*,
Но богатая зверем там гора была.
Скакал хан Карекен, не сворачивая никуда,
И стельную маралуху увидел впереди.

Мелькнула она и вмиг за перевал ушла,
Растерялся, засуетился [Карабай],
И пока тер глаза, высматривая ее,
Отстал от зверя, из вида его потерял.

Сметкой [Карабай] превосходил других,
Вот ныне на охоту отправился он.
"Жаль, ну да завтра в полдень ее подстрелю!" –
Сказал и, затянув коню Аккаину узду, улегся спать.

< И Сарыбай азартным охотником был,
И он спозаранку на охоту приехал к той же горе.>
Когда он ехал по горам напрямик,
Увидел человека, затянувшего узду коню.

Быстро подъехал Сарекен, увидев коня,
Многое повидал он, разъезжая по степи!
— Кто ты, до полудня лежащий, коню узду затянув,
Кто ты, надежды утративший в этом мире? — спросил.

[Карабай:]
— Не такой я, как тысячи других,
Не достоин я [внимания] людей.
До восьмидесяти трех лет дожил, а ребенка у меня нет
Я — надежды утративший в этом мире Карабай.

[Сарыбай:]
— Не говори так, Кареке, богу ведомо [все],
Еще, может, увидит он, как плачет его раб,
Никогда не поздно богатства и ребенка ожидать,
Может, еще пошлет нам бог [детей].

[Карабай:]
— Разве не в силах бог такое сотворить?
Разве желание рабов своих не исполняет он?
Разве не видит он, что мне уже восемьдесят три,
Если хочет мне [дитя] подарить?

[Сарыбай:]
— Раньше не знал я тебя, Кареке,
На божьи дела я не ропщу.
До семидесяти пяти я дожил, а ребенка нет.
Как и ты, я бездетный старик Сарыбай.

[Карабай:]
— Ты печален, что некого тебе приласкать, сынок!
А приласкаешь, и успокоится сердце твое,
Мне вот, сынок, восемьдесят три,
А у тебя на лучшее еще надежда есть.

[Сарыбай:]
— Достойным мужем [в свое время] ты был, Кареке,
[Не случайно] Всевышний свел нас с тобой.
Вижу: старше меня ты на восемь лет всего —
Восемьдесят три и семьдесят пять — разница невелика!

[Карабай:]
— Оба мы, свет мой, достигли склона лет,
И жизнь прожили, ребенка не приласкав,

Есть скот у нас, да нет детей, оба несчастны мы,
Так станем друзьями до гроба с тобой!

Нелегкую участь послал им бог.
Клятву о дружбе друг другу дали они.
В безлюдной степи душевную беседу вели,
Именем бога поклялись быть друзьями навек.

[Карабай:]
– Так давай воле божьей покоримся,
Убедимся в милости его к нам[6].
Если случится, что родятся у нас сын и дочь,
Верные клятве, без калыма поженим их.

Взгляни на меня, сидящий рядом хан Сарыбай,
"Старец Карабай – мой друг" скажи.
Убежала вчера маралуха, раздосадовала меня,
Если встретится, пристрели ее для меня.

[Сарыбай:]
– В безлюдной степи свела меня с тобой [судьба],
Хоть и в преклонных я летах, ясны мои глаза.
Не упустит зверя, что предназначил мне бог,
Мое ружье в шесть карысов*, укажи мне, где [она]?

[Карабай:]
– Как поразмыслю, мой свет, ты щедр душой,
Неведомое даешь человеку познать.
Впереди тебя, на косогоре, маралуха залегла.
Осторожно, сынок, не обнаружь себя.

[Сарыбай:]
– Захочет бог – и дома у тебя будет Кыдыр*.
Ты единственный друг, с кем я искренне говорил.
Маралуха ведь стельная, не буду стрелять:
Келин* твоя беременна, накличу на нее беду.

[Карабай:]
– Если не тебе, кому же я слово свое скажу,
Как же, не стыдясь, домой ни с чем я вернусь?
Подстрели – пусть умру, да досыта поем,
А грех на том свете я на себя возьму.

[Сарыбай:]
– Твои слова не одобряю я,
Ты заришься на маралуху и не слушаешь меня.
Ведь встретится еще богом предназначенный нам зверь,
Боюсь я стрелять, не поднимается рука.

[Карабай:]
– Неужели слова своего не сдержишь ты, сынок?
Неужто хочешь бездетным покинуть мир?
Неужто жалеешь зверя, что предназначен мне,
Неужто и в правду отказываешься от дружбы ты?

Душевной широты лишил Карабая бог[7],
Зарядил Сарыбай свое ружье.
И только, прицелившись, пулю в маралуху пустил,
Как тотчас там же в лесу упал.

[Карабай] на Сарыбая и не взглянул,
К маралухе, неуклюже переваливаясь, подбежал.
Глупым рожденный хан Карекен
Еще живой маралухе брюхо вспорол.

Подумать, так силен и крепок Карабай!
А ведь Сарекен долго не решался стрелять.
Задетые ножом Карабая невзначай,
Двойняшки-маралята, заблеяв, вывалились из утробы,

“Для всех шестиколенных казахов я одинаков[8], – сказал, –
Ничьих не приму я советов”, – сказал.
Трепещущих маралят зарезал [Карабай],
“Отвезу домой и вволю поем свежины!” – сказал.

Чувства меры лишил Карабая бог,
Поражаешься нраву поганого бесстыдника.
С усами и бородой в крови [к Сарыбаю] вернулся он,
Куражась и хвастаясь, будто сам добычу взял.

[Карабай:]
– Что ты расселся, иль не видишь пути?
Когда же не исполнял мои желания бог?
Ты подстрелил зверя, что богом был предназначен мне,
Так что же сидишь здесь, не подходишь ко мне?

[Сарыбай:]
— Очень ехидны слова твои, Кареке,
В безлюдной степи познакомились мы.
Три раза пытался я встать и не смог, —
Крепко отдало ружье мне в плечо!

От предков достался нам добрый обычай,
Верно ли говорю, дай людям судить.
Кара божья правая постигла меня,
Ты, не мешкая, голову мою к югу поверни[9].

Живыми-здоровыми встретились мы с тобой,
А здесь конец света устроил ты для меня.
Ты пристал, все твердя: "Маралуху подстрели!"
Сколько тяжких слов ты мне наговорил.

Увидишь ли ты еще мое лицо или нет?
Последуешь ли моим словам или нет?
Дав клятву, мне сватом ты стал навек,
Если дочь у тебя родится, отдашь ее или нет?

[Карабай:]
Для того, кто мне не по душе, я — безводный арык,
Для того, кто стал мне другом, я — прохладный родник,
[От клятвы своей может лишь пес отступить],
Коль наступит такой день, уж точно отдам я [дочь].

[Сарыбай:]
— Вот пришел, Кареке, моей смерти час,
Ты старший, я в твоей воле, — сказал.
Еще несколько прощальных слов промолвить смог
И в положенный срок покинул мир Сарекен.

<Коварное дело задумал пес Карабай,
Никто из людей его бы не поддержал.
Навьючив маралуху и близнецов-маралят,
Покинул он друга, кому недавно тайны свои поверял,
И часа он не был верен клятве своей,
Обговоренное сватовство забвению предал.
Мертвого Сарыбая выкинул из сердца он
И, напевая песенку, домой поскакал.>
Карабай свой поступок похвальным счел —
Кому же нужен проклятый дурень?[10]
Спускаясь по тропинке с лесистой горы,

Впереди клубы пыли он увидал.
Подстрелил маралуху меткий Сарыбай,
А пес Карабай за маралуху душу свою продал[11].
Оказывается, у Сарыбая ханым – на сносях была
И дома благополучно сына родила.
И чтоб суюнши* от Сарыбая получить,
Из его аула, оказывается, скакал человек.

[Слуга Сарыбая:]
– В безлюдной степи встретил я вас, Кареке[12],
Я Сарыбая слуга,
Ханым Сарыбая сына родила,
Не видали ль вы его? Приветствую вас.

[Карабай:]
– Кто этот несчастный, что хочет своего добиться,
Когда его помыслы и дела [уже] напрасны[13].
Зачем о Сарыбае ты спрашиваешь зря,
Туда Сарыбай ушел, откуда возврата нет.

[Слуга Сарыбая:]
– Что это за бай? Глупы слова его!
Видать, невдомек ему, что невечна жизнь.
До того места за сколько дней
С запасным конем я мог бы доскакать?

[Карабай:]
– В верховья Иртыша*, к Черному холму*, уехал он,
К озеру по названию Бейнетениз* он уехал.
Наткнулся на пятьсот кийков и в погоне за ними
Тяжелой дорогой в пустыню Бетпак* уехал он.

В любом деле усерден Карабай,
Лишь по своему разумению поступает он.
"Далеко посылает, дороги не найти", – подумав,
Измученный слуга повернул назад...

"Ловко я его провел", – порадовался бай
И дальше к аулу своему поскакал,
А ханым Карабая, оказывается, дочь родила,
Вот картавая заика на дороге и поджидала его.

[Картавая заика:]
– Я вас искала кайын ага*, и вы встретились [мне].
Вы видите лицо мое – белое, как айпара*,

На старости лет вы обрели дитя,
Что ж в суюнши мне дадите, кайын-ага?

[Карабай:]
— Когда я слышу дурные слова, мне жжет нутро,
Когда слышу хорошие слова, блаженствует тело.
Ты, косноязыкая, не болтай!..
А то отхлещу тебя плетеной камчой*.

[Картавая заика:]
— Разве не знаете вы, что один беден, другой богат?
Разве не видите вы мое белое, как луна, лицо?
На старости лет обретя дитя,
Разве и вправду не подарите даже чапана мне?

Дни и ночи ехал хан Кареке,
Навьючив маралуху и близнецов-маралят.
Плетеной камчой, что была у него,
Он косноязыкую исхлестал и дальше поехал.
Примолкнув, засеменила картавая заика,
Из головы ее кровь ручьем за ворот потекла.
Развалившаяся лачуга стояла у обрыва —
Туда убежала картавая и скрылась там.

[Карабай:]
— За восемь лет — у меня восемьдесят тысяч [скота],
восемь дворцов.
С седьмого предка нас осчастливил бог!
Наказана ты, картавая, за речь свою,
Поколотил бы я за это твою свекровь, ну как я?!

[Картавая заика:]
— Япырмай, да не будешь ты примером другим[14],
Сгореть бы тебе, раз бьешь меня без вины.
Суюнши я попросила, а ты угостил меня камчой,
Пусть твои дети будут так же унижены, как я.

Дальше в сторону аула поехал Кареке,
Навьючив маралуху и близнецов-маралят,
Смягчилась душа Карабая, расщедрился он,
Двадцать чапанов у какого-то торговца купил.

Черно-белые письмена читают муллы,
Днем и ночью в доме усопшего читают их.

Сказал [Карабай]: “Умер в степи мой сват Сарыбай”.
И велел наполнить кумысом девяносто саба*.

[Карабай:]
– Здесь подождите меня, сородичи мои.
Я только в аул свата моего загляну,
Придержите пока верблюдов с навьюченными саба,
Я туда сначала съезжу один.

Что-то задумал этот Карабай,
Никто бы нечестивца не поддержал.
В юрту без хозяина вошел безумный старик,
Своего Аккаина к опояске юрты привязав.

Как знатнейший из баев в своем сорокатысячном народе,
Как стригунок из табуна чистопородных иноходцев,
Будто месяц ясный, лежал в пеленках Козы,
Когда в юрту без хозяина вошел безумный старик.

Совсем растерялся, ополоумел глупый старик:
[Малыша] Козы испугался, опозорился пес вконец[15].
“Чудище народилось, чтобы сожрать меня!” – сказав,
Сел на Аккаина и пустился глупый старик наутек.

Где-то в пути остановился он,
Видел ли кто такого глупца?!
Все саба на девяноста верблюдах распорол
И уехал, залив кумысом овраг.

Меткими стрелками были Карабай и Сарыбай,
Вот вернулся хан Карабай в свой аул.
Сказала ханым [Сарыбая]: “Заезжал сюда Карабай, –
[Так, значит], хан Сарыбай скончался в степи!

Расставлена белая с позолотою юрта моя,
Как прежде уже мне не жить.
Я сна своего испугалась сегодня,
Не мешкай теперь, бий Тайлак, не сиди!”

Согласился с ее словами Тайлак-бий,
Вести разослал, чтобы собрать народ.
Биям, чтимым в народе, он, оказывается, был –
Народу ровно одиннадцать тысяч собралось[16].
Множество народа собрав, Тайлак-бий

В раздумье долго молчал перед людьми.
Все, как писано, у Тайлака в душе[17],
Но собравшиеся не ведали ни о чем.

Десять певцов во главе с Тайлаком,
Выстроившись в ряд, к лесной горе пошли.
Разбрелись они, стали [Сарыбая] искать,
И кто-то наткнулся на мертвеца.

Разыскивая, ездили во все концы,
Домочадцы и подданные опасались, что умер [Сарыбай],
Одиннадцать человек ехали в ряд,
И нашли умершего человека...

Горевали люди, потеряв падишаха*,
Когда искали, надеялись найти его [живым],
Среди тех выехавших вместе десяти человек
Был плешивец-тазша – на пегом годовалом стригунке.

Он сказал: "Все вы невежды, братья,
А я сызмалу повидал немало людей.
Если я еще не ослеп, узнаю:
Этот мертвец – хан Сарыбай".

[Певцы:]
– Ухо старо, молодо тело, а разум мудр.
Не позор ли, когда падает знамя?
Главу народа – хана своего ты видишь в мертвеце,
Сгореть бы тебе с твоим добром и домом, плешивый малец!

[Тазша:]
– Как подумаю, братья, никому не желаете вы добра,
Людям рот затыкать привыкли вы,
Служивший ему печатью во время тяжб –
С красным отливом перстень золотой у него на руке.

Увидев мертвого Сарыбая, люди зарыдали,
Спокойно на месте устоять не могли.
Как овцы без козла-вожака, сгрудились все,
Не в силах были и шагу ступить они.
Собрались [люди] и пришли туда,
Как калмаки, сильно расстроились они.
Одна лишь ханым не слышала ничего,
А лю и во главе с Тайлак-батыром уже знали все.

Много народу съехалось туда,
Но разве с ер* Тайлаком сравнится кто?
<"Эй, певцы, известить ханым
Кто хочет из вас?" – он спросил.>

[Тазша:]
– Виден отсюда, близок для всадника их аул,
<Ты самый сведущий в нашем народе бий.>
Я отправлюсь известить ханым о беде,
Раскрой ладони, благослови меня, Тайлак.

Ехать немедля тазше велел ер Тайлак,
И плешивый на своем пестром шелудивом стригунке
К ханым, гуляющей в окружении сорока человек,
Никуда не сворачивая, поехал прямиком.

[Тазша:]
– Моя белая соколица, ханым, увидел я тебя,
С давних пор я ханский простой слуга,
Устрашился сегодня я своего сна,
Не растолкуешь ли его, моя госпожа?

[Ханым:]
– Быстро скачешь ты на своем шелудивом стригунке,
В бренном мире этом, говорят, избегай глупцов.
Не теряй времени, попусту не болтай!
Ну так что же испугало тебя?

[Тазша:]
– Всесилен бог, создавший нас,
О бренности мира думаю я.
Поэтому испугался я своего сна,
Что упала чалма на землю у меня с головы.

[Ханым:]
– Если так, плешивый, ты будешь резать скот,
[Бог пошлет тебе обильную пищу], и ты насытишься.
Если с твоей головы на землю упала чалма,
Значит, ты будешь творить пятикратный намаз.

[Тазша:]
– Думаю, что ханым всех превзошла умом!
В растерянности твой слуга перед тобой.

Еще потому сегодня испугался я сна,
Что с привязи шелковой, с руки моей сокол улетел.

[Ханым:]
– Вижу, у тебя особый нрав,
Не испытать ли меня ты приехал?
Если с шелковой привязи сокол улетел,
Значит, за зайцем он полетел.

[Тазша:]
– Кто так целей своих достигал, как Сареке?
Много людей покинуло этот мир до нас.
Волею судьбы я лишился сокола своего,
Нечаянно слетевшего с моей руки.

[Ханым:]
– Беда в твоих словах, безродный плешивец,
На шелудивом стригунке ты приехал [сюда].
Если сокол нечаянно слетел с твоей руки,
Значит, народ на месте, а хан на троне.

[Тазша:]
– Еще лишь слово добавлю, моя госпожа,
Перечить не буду, я согласен с тобой,
Еще то испугало сегодня меня,
Что во сне я тонул в глубокой реке.

[Ханым:]
– Бог да поможет тебе теперь,
Часто посещающий базар познает дорогу.
Всегда ты в нужде, в лишениях жил,
Большое, как море, богатство теперь пошлет тебе бог.

[Тазша:]
– Мне понятно, чего ты желаешь, ханым,
Не буду тянуть – растолкую свои слова:
Намеков моих ты не поняла,
Так скажу тебе правду напрямик[18].

[Ханым:]
– Ты весь бледный приехал ко мне сюда, безродный плешивец,
Не сбил ли тебя, проклятого, с пути бес?
Я не тот человек, с кем можно шутить,
Скажи-ка прямо, что на самом деле есть![19]

[Известие тазши:]
– На охоту уехал мой Сареке
По утренней прохладе,
Он без изъяна был рожден,
Лишнего ничего не было в нем.
Пришелец, он ханом стал
В народе балталы,
Пастбища заполнились его скотом,
Золото заполнило его казну.
Воле Аллаха нет пределов,
За недосягаемым не гонись!
Боже, пошли благую жизнь
Осиротевшему Козы-жану*.
Нет человека, превосходящего тебя,
Не падай духом, разумной будь!
Вместо хана управляй!
Мой Сареке, народом правя,
Советовался со многими?!
[Так] не бойся, что не дадут тебе управлять.

[Ханым:]
– Раз умер хан Сарыбай, смириться должен народ.
Плакать не буду, да пошлет ему бог иман*[20].
Если хан Сарыбай покинул мир,
Пусть ниспошлет господь благо остальным.

[Утешение тазши:]
– Как увидишь, ханым, так заплачешь,
Горюя по моему Сареке.
Кроме терпенья, нет избавления
[От пожара] в душе.
Взглянешь, ханым, [так не сдержишься],
Не совладаешь с собой,
Еще путь наш далек, ханым,
[Приди в себя], крепись.
Честь твоя понесет урон,
Если клятвы своей не сдержишь ты.

[Ханым:]
– Не думай, что я заплачу, безродный плешивец,
Веди же меня, не мешкая, к праху его.
Не вернется усопший, сколько ни рыдай,
Что пользы, если я предамся плачу?

Тазша с известием ездил к ханым,
Люди в удивлении притихли, как гладь воды.
Обливаясь слезами по Сарыбаю,
Ханым к умершему они подвели.

Покойного Сарыбая увидела ханым,
Не бывало средь женщин стойкой такой!
Не пала духом, не растерялась она,
Ободрила людей, советы им дала.

[Ханым:]
— Не плачь, батыр Тайлак, смертен и ты,
Бог повелит — и ты из этого мира уйдешь.
Богу не жаль: сам создал — сам прибрал,
Встретишься с ним в день Страшного суда.

О народ мой, плакать перестань,
Коль бывает смерть, бывает для живых и пир!
А если думаете слезами чего-то добиться,
Так плачьте, может воскресите его!

А ты, бий Тайлак, поближе подойди!
Посоветовались они с Тайлаком и решили:
"Здесь его предадим земле, не будем увозить!"
И послали в аул за припасами и юртами.
Все, что они велели, из аула привезли,
Что все готово, народ воочию увидал.
"Могилу соорудим и поставим кумбез*, — сказали. —
Там и предадим Сарыбая земле!"
Сколько ни съехалось на поминки народа,
Всех отправили с подарками.

Ханым сказала: "Я жила, не зная горя,
А теперь такое горе перенесла.
Скачки ли устроить, тризну ли проводить — воля твоя,
Бразды правления, батыр Тайлак, тебе я отдаю!"
Кто же с ер Тайлаком сравнится?!
Ведь множество родов съезжается на поминки.
Как только принял Тайлак бразды правления,
Гонцов послал известить народ о сауне*.

Выслушайте, люди, эти слова!
Вы, благородные, выслушайте их внимательно.
Если солгал я, пусть покинет акына душа:
Пятьсот коней награда победителю скачек была.

Без подарков не остался никто,
Не ослушался Тайлака ни один человек.
Все одиннадцать тысяч народу
Съехались как один в назначенный день.

– Думайте, люди, – Тайлак сказал. –
Не ставьте рядом озорников и забияк.
Пусть без споров, как положено, скачут,
Пусть от каждого рода скачет по одному коню,

Пусть божьей воле подчинятся все,
Пусть бог покарает за распри и раздор.
С ложбины Караениса* пустите коней,
В верховьях Аккезена* пусть будет скачкам конец.

Богатство Сарыбая увидел народ.
В дальний путь погнали коней.
На версту обогнав пятьсот коней,
Первым прискакал Телькызыл – от хозяйской юрты конь.
Никто не сделал дурного, раздора не учинил.
Всех собравшихся спокойно проводили.
Почтил народ хана дом,
Вдоволь накормили там бедняков и сирот.
Батыра Тайлака не осуждал никто.
Люди разъехались тихо, спокойно.

Нравом Карабай не похож на других,
Клятва о сватовстве народу стала известна.
Сказала тогда ханым бию Тайлаку:
– Съезди, переговори с ним о сватовстве!
– Да сгинет этот Карабай, ханым, – [сказал Тайлак]. –
Коли приехать не смог, пусть бог приберет его,
Если сам я поеду, то схвачусь с этим псом,
Пусть едет единственный сын мой Танаш.

Со словами Тайлака ханым согласилась,
Эти слова точно дошли до народа.
Взяв с собой одиннадцать джигитов,
К Карабаю отправился ер Танаш;

Хан Кареке в ту пору был один,
К нему подъехал ер Танаш.
Остановился насупротив Карекена
Ер Танаш и сказал такие слова:

[Танаш:]
– Кареке, за хана почитаем мы вас,
Как старейшего [бая] приветствуем вас.
Во времена ушедшего [от нас] Сареке
Без печали и горя жили мы,
А когда Сареке покинул этот мир,
Чего только испытать не заставила нас судьба!
Ваш сверстник Тайлак и ваша сватья прислали нас,
Вам привезли мы приветствие от них.
Какой же ответ дадите, хан Кареке?
Мы приехали договориться с вами, байеке*.

[Карабай:]
– Понапрасну твоим уговорам не поддамся я,
Давно забытое слово не приемлю я.
Зажмите... вы, двенадцать, и уезжайте.
Не отдам свою дочь за сироту и сватом не стану.

[Танаш:]
– Умом своим, Кареке, завораживаете нас, что ли?
Создателя бога обманываете, что ли?
По воле своей ведь стали вы сватом до гроба,
Предстать перед Страшным судом не думаете, что ли?
И если там бог сведет вас с вашим сватом,
Опозоренным, что ли, оказаться не боитесь?

[Карабай:]
– Удивляют меня ваши слова,
Когда же получал я от вас калым?
Если вы, двенадцать, не перестанете болтать,
Всем вам голову я проломлю.

[Танаш:]
– Пристало ли тебе веру ради богатства предавать,
Какую же вину ты можешь нам приписать?
Если ты не переломишь свой нрав, старец Кареке,
Тело твое испытает все муки ада.
Если ты лжешь, говоря, что Сарыбай лежит в земле,
Уж непременно придется гореть тебе в аду.

[Карабай:]
– Вы, беднота, приехали договариваться со мной,
[Так] возвращайтесь, пока целы, назад.
Толкую-толкую я [вам], а вы, двенадцать, все не уйметесь,
Возвращайтесь, покуда не отведали моей палки.

[Танаш:]
Ты зря говоришь дурные слова, Кареке,
Тебя покоя лишает твой нрав,
Не выдав дочь, не сможешь тут жить,
В скитаньях пройдет остаток твоих дней.
А услышит отец – тебе несдобровать,
Он свяжет арканом и замучает тебя.
Ты, в крайности, попросил бы калым,
У Сарыбая для тебя хватит скота.

Не встретишь такого скупца, как Карабай,
Поймав в табуне Бакаайгыра, он сел на него
И своей из восьми ремней сплетенной камчой
Исхлестал всех, головы им рассек.
Что поделаешь, такой уж у Карабая нрав,
Всегда уверен он в своей правоте.
Да если бы целую гору на шею повесил он им,
Все вернулись бы, как положено, ни слова не сказав[21].

Без ссоры уехали двенадцать [посланцев],
Испытав на себе Карабая нрав.
"Если поссоримся с ним – обидится ханым!" – сказав,
Вернулись они с израненными головами.

[Танаш:]
– Ты ехать велела, ханым, и мы поехали,
Никогда не испытывал я таких обид и насилья,
Зная дурной Карабая нрав,
К твоему свату проклятому ездили мы вчера.
Ваше желание уважили мы
И получили в подарок по красной такия*.

[Ханым:]
– Он уедет, не останется в этих местах,
Уж откочевал бы проклятый отсюда совсем.
Одно у меня желание: когда вырастет Козы,
Чтобы никто об этом ему не рассказывал.

Тайлак-бий запретил людям об этом говорить,
Да и кому был нужен нечестивец Карабай, –
А раз никто проклятого имени не произносил,
То всеми было забыто оно.

А теперь мы следующий начнем рассказ,
[Раз сказывать] решили, что же медлить нам?

Пусть пока ханым и Козы останутся здесь,
А мы Карабая заставим откочевать.

[Карабай:]
— Эй, жена, где ты, иди-ка сюда!
Богоданным супругом меня назови.
Мне покоя от Сарыбаева аула нет,
Откочую отсюда, иди юрты разбирай!

[Жена:]
— Эх, бедняга, кто ж отступает от клятвы своей?
Разве же щадит отступника бог?
Девяносто тысяч скота отсюда не гони,
Где ты найдешь такие, как эти, места?

[Карабай:]
— Чему-чему, а этим речам я не поддамся,
На старости бедствовать я согласен,
Но жить по соседству с балталы я не буду,
Даже если все девяносто тысяч отдам врагу!

[Жена:]
— Что же делать мне с дьявольским нравом твоим,
Шайтан тебя совратил, и проклял тебя бог.
Даже голову если мне снесешь,
С насиженного места — умру, а не тронусь я.

Известно, что не тает в душе человека лед,
Совсем не слушает Карабая жена.
Не зная, как разобрать и навьючить юрты,
Он вспомнил о двух дочерях — Ай и Тансык.

Позвал дочерей и ласково им сказал:
— Где вы, дочки мои — Ай и Тансык?
Ваша старая мать перечит мне,
Хоть вы помогите мне теперь!

Им давно надоело ворчанье отца,
Нехотя на зов его явились они.
С плачем развязали веревки юрт
И навьючили разобранные юрты на девяносто наров.

[Мать:]
— Милые мои доченьки, послушайте меня,
Поглядите-ка на выходки старого пса,

Разлученную с суженым своим
Бедняжку Баян приведите ко мне.

Мое несчастное дитя, чьей рабыней ты станешь?
Мой несчастный скот, чьей пищей ты станешь?
На совести отца – ваши беды и муки,
Трое бедняжек моих, где унижены вы будете?

В верховья погнал Карабай девяносто тысяч скота,
Выбрал из табуна Аккаина и сел на него,
А Бакаайгыра повел в поводу,
И шелудивого стригунка на стоянке не оставил.
Чтобы проститься с землей, горами, водой и камнями,
Девушки отстали от кочевки.

Не будет удачи ему, раз покинул он эти места,
Он был богачом, а роскоши не знал,
Когда Карабай тайком отправился в путь,
С родным краем девушки простились так.

[Прощание Ай и Тансык:]
– Прощай, народ балталы-баганалы,
Прощайте, озера, поросшие зарослями,
Прощай, земля, поросшая хвойным лесом,
Где нам прохладно было в жару.
Прощай, земля, где мы вволю веселились,
Где джиду* и плоды-ягоды собирали.
Земля, где мы родились и издали первый крик,
Земля, где мы девушками ощутили себя,
Земля, что заботилась о нас – в чем, мол, еще недостаток у вас?
И делала нашу талию тонкой, как у каракурта.

Прощайте, восемь оврагов, горы, склоны, луга,
Прощайте, люди, которые остались здесь.
Безумный тесть сбежал от тебя,
Малютка Козы-Корпеш, и ты, прощай!

Прощайте, просторы, реки, ущелья, низины,
Прощай, бий Тайлак и благородные люди.
Прощайте, ковыль, изень*, белая полынь —
Все сочные травы, нужные скоту.

Прощайте, сородичи, старшие и младшие,
Прощайте, могучие мырзы – наша опора.

Твой тесть Карабай в верховья откочевал,
Прощай Козы вместе с матерью.

"Великолепие балталы видеть я не хочу", – сказал.
"Речам Тайлак-бия внимать я не хочу", – сказал.
"За сироту свою дочь я не отдам!" – сказал
Безумный старик и в верховья откочевал.

Рожденный благородным, когда выстругает стрелу?
Когда силу, мощь и ум он обретет?
Когда Козы джигитом станет и Баян найдет?
Наступит ли день, когда друг к другу они прильнут?

Карабай – прибрал бы его господь – скотины не заколет,
Всласть не поест, как следует не отдохнет.
Но если бог соединиться им судил,
Куда ни уедет Карабай, Козы найдет Баян.

В доме, полюбившемся богу, заночует Кыдыр,
Святой муж станет опорой этому дому.
Если однажды разыскивать отправишься нас,
Следы девяноста тысяч станут опорой тебе.

Прощай, народ балталы-баганалы,
Прощай, Козы-Корпеш, единственный [сын] своего отца.
Прощайте матери, молодухи, женге* и наши ровесницы,
Прощайте, люди, – все, кто помнит нас.
В забавах быстро проходит время,
Погнали девушки своих иноходцев.
Утром отстав от своей кочевки,
К вечеру девушки нагнали ее.

Поехали девушки, затянув туго пояса,
С луной схожа их красота.
С трудом догнали они кочевку,
Слезами омыв гривы коней.

Обливается потом, без остановки едет Карабай,
Другим путем ему не пройти – тесно скоту.
Без покоя, без отдыха он все кочевал
Вдоль Иртыша и пришел в верховья его.

Кочуя, много земель миновал Карабай.
Но куда б ни приехал, покоя не находил,

Достигнув берегов озера Карасу*,
Назад, вдоль песков, повернул [Карабай]
И, двигаясь вдоль Алатау* по горным хребтам,
Добрался до Кульджи* у истока Или*.

Как только насытится скот, он снова кочует,
О стоянке совсем не помышляет.
Повернув от Или*, достиг реки Чирчик*,
Без остановок дошел до Сырдарьи*.

Отдохнув немного на берегах Сырдарьи,
Он дальше двинулся и забрел в Коканд*.
Там пояс купил за девяносто коней.
Спросили: "Зачем?" – "На портянки", – сказал.

Кочевал он без отдыха, летом и зимой,
Часть людей его отстала, за ним не пошла.
Тоскуя по Сары-Арке*, обратно он повернул –
Покоя не знал он среди мирных людей.

Не встретить такого полоумного, как Карабай,
Была поумнее его жена.
В сорокадневную жару он снова откочевал
И оказался в пустыне Бетпак.

[Карабай:]
– Повеяло бы с севера прохладой – стало б свежей,
Есть ли преграда труднее, чем эта?
Ведь мои стригунки и сосунки в пустыне падут!
Ой-бой*! Что же делать, жена, подскажи?!

[Жена:]
– Что мне ответить на эти слова?
Это бог за твой нрав покарал тебя.
Пусть падут твои стригунки и сосунки,
Этого еще мало тебе, бежавшему от людей!

[Карабай:]
– Ой-бой, жена, умру, а по-твоему не бывать,
Не соглашусь я с тем, что ты говоришь,
Плевал я на народ балталы и сакалы,
С одним стригунком останусь, а к ним не вернусь.

Не встретить такого полоумного, как Карабай!
Немало дней в кочевке он провел,

Что же попусту ему в Бетпаке стоять?
Откочевал оттуда Карекен к реке Чу*.

Ни с чем не считаясь, доехал Карекен до Чу.
Столько скота бог даровал глупцу!
"Бай с красавицей дочкой из Арки откочевал", – сказав,
Кодар родом из торгоута* на скакуне помчал.

Что-то задумал, [быстро] скакал Кодар,
Камчой заставлял коня мчаться во весь опор,
Расспрашивая всех, кто встречался ему,
Он нагнал бая, застрявшего на берегу реки Чу.
– Кто ты, застрявший в пути,
Чьи жеребята и стригунки жаждут воды? – спросил.

[Карабай:]
– Сотни, тысячи [людей] я с собой не сравню,
Людского сочувствия я не приму.
От Курдыма* с низовьев бежавший Карабай,
По воле бога скитаюсь я.

[Кодар:]
– Я искал и встретил тебя, Кареке,
Кодара-батыра ты видишь перед собой.
Если я твой скот через Бетпак проведу,
Что ты за это в уплату мне дашь?

[Карабай:]
– Сын мой, коль меня ты искал, вот он я,
Разве пропаду я, коли бог мне послал тебя?
Если из пустыни Бетпак ты выведешь мой жаждущий скот,
Без калыма отдам свою дочь за тебя.

[Кодар:]
– Коль отдашь мне дочь, ты – отец, я – сын,
Почему же от сверстников я должен отстать?
Я не возьму твоих приемных дочерей,
Баян, твою единственную дочь, хочу я взять.

[Карабай:]
– Сын мой, я вижу твою силу и задор,
Как же плохим мне тебя считать.
Если выведешь из пустыни жаждущий скот,
Свою дочь Баян, полюбившуюся тебе, и отдам.

[Кодар:]
– Раз клятву даешь, хотелось бы верить мне,
Поверив, я готов последовать за тобой.
Но простая девушка мне не нужна,
Только белоликую Баян отдашь за меня!

[Карабай:]
– Гибнут мои сосунки, Кодар,
Поскорей воду отыщи, Кодар,
Если ты напоишь мой скот,
Белолицую Баян отдам за тебя, Кодар.

[Кодар:]
– Слова твои ладные, Кареке,
Поспешность вам не к лицу,
Помучаюсь, но выведу из пустыни твой скот,
Но уж тогда не обмани, Кареке!

[Карабай:]
– Кто не по душе мне, тому я – иссохший арык,
Кто со мной хитрит, тому я – заклятый враг.
Зачем мне бросать на ветер клятвы слова,
Не отступлю от клятвы, непременно свою дочь отдам.

[Кодар:]
– Господи, дай мне силы,
О Кареке, отправляйся скорей.
Две лопаты, два больших кетменя
И восемь мехов из своей кочевки удели мне.
Вникни в мои слова, – сказал. –
Садись, не мешкая на коня, – сказал. –
И длинный след прочертив, Кодар:
"По этому следу езжайте!" – сказал. –

Иди спокойно моя кобылица, людей теперь нет,
Такой прозрачной, как Аягуз*, реки здесь нет.
Если обещание выполнить я не смогу,
Наверняка, красавицы Баян для меня нет.

[Не устает] проклятый Кодар, не теряет надежды,
Как сотня людей работает, расчищает везде колодцы,
Одни из колодцев сами заполнялись водой,
В другие Кодар мехом таскал.

В ту пору Кодар в силе всех превзошел,
Телу могучему было усердие его под стать.
Все время на скаку, в работе, не зная передышки, Кодар
И кобылицу не щадил, камчой ее хлестал.

Самым ловким среди людей был Кодар.
Верность обещанию он на деле доказал,
Работал, нисколько не жалея себя,
И вывел весь скот из пустыни Бетпак.
А когда выбилась кобылица из сил,
Пошел он пешком, много мук испытал,
Ступни ног не выдержали тяжелого пути –
Ноги до крови он сапогами растер.

[Песня Кодара:]
– Если аул далек – приближу его,
Там отдохнуть кобылице дам.
Хоть кровишь ты, моя нога, мне нипочем,
Все забуду, лишь увижу милую Баян.

Обещание Карабая не обман ли?
Воду их мырза не доставил ли?
Иду я с окровавленной ногой,
А постель высокая готова ли для меня?

Выходит, повернул Кодеке воду реки,
Выходит, обманщика бог наказал!
Я не посмотрю, что у меня кровит нога,
Ведь ждут меня: когда, мол, прибудет наш зять?

Кони утолили жажду, насытились,
И стал на многое рассчитывать Кодар.
Великаном сотворил его бог,
Ростом он был в десять аршин.

Девяносто тысяч коней он быстро напоил,
Но как же отвратителен был невежда Кодар!
Чересчур велик нечестивец был:
Ширина лопаток – три аршина с лишним.

Одинок Кодар, а хвастун.
К другим с презрением относится он,
Посмотрите, как тело его велико!
С дубину только один кулак у него.

Не стыдится своего положения Карабай,
В пустыне спознался с Кодаром он –
В моих словах нет ни капли лжи, –
Ширина его лопаток – шесть карысов.

А девушка Баян, как прутик тала, гибка,
Самой красивой она в народе слыла,
Но, не думая о том, как выглядит сам,
Бесстыжий Кодар позарился на Баян.

[Кодар:]
– Выслушай меня, Кареке, – сказал. –
Получше вникни в мои слова,
Если поедешь к Аягузу склонами гор,
Не понадобится тебе из колодцев вода.
В краю от Аягуза, Лепсы* до Урджара*
Найдется земля для девяноста тысяч скота.
В здешних краях больше не будет воды,
А иные места тесны для твоего скота.

Сел верхом на коня Аккаина Кареке,
Доверился Кодару. "Как знаешь!" – сказал.
По совету Кодара откочевал туда
И на Аягузе стал летовать и зимовать.

Охотниками были Карабай и Сарыбай,
Пришел его срок, и скончался Сарыбай.
Минуло тринадцать лет, как откочевал Карабай,
И четырнадцать лет исполнилось Баян.

Как прутик тала, гибка, величава она,
Время пришло мне о ней говорить.
С тонкой талией, с округлой, как яблоко, шеей,
Красотой своей Баян всех превзошла.

В теле ее нет изъяна, шелковисты волосы ее,
Длинные косы ее доходят до колен.
Как бутон цветка ее рот, зубы – как жемчуг,
Не сотворена еще в мире девушка, подобная ей.

Белый лоб высок, нежна и кокетлива Баян.
Не пожалеешь за нее и головы – не только скота,
Всегда с улыбкой говорит она,
Но печальна душа гордой Баян!

Словно завораживает своим лицом –
Не смеет Кодар подойти, глянуть ей прямо в глаза.
В детстве услышала и заглазно полюбила
Суженого своего Баян, все мысли ее о нем.

Известная народу железная карета у нее была,
При мысли о Козы земля становилась тесной для Баян.
Лишь изредка она разговаривала с людьми,
В одиночестве Баян тосковала о Козы.

Стройный стан у нее, прямые ресницы.
Только приблизится к ней Кодар,
Взглянет гневно черными очами Баян,
И в страхе бежит от нее Кодар.

В сердце у нее суженый, Козыке*,
Разве предначертание свое изменит бог?
Раба-вымогателя близко к Баян не подпуская,
В страхе держал его, оказывается, бог.

Красавицей всевышний сотворил Баян,
Во всем мире славно имя ее,
Девяносто богатырей – девяноста баев сыновья,
Прослышав о ней, заглазно влюбились в нее.

Не сомневайтесь, люди, в правоте моих слов! –
Красоту Баян не сравнить с красотой других!
Девяносто богатырей-храбрецов, полюбившие Баян,
Отправились на поиски ее в безлюдную степь.

Полюбив, скитались по свету они,
Полюбив, покинули они свои края.
Девяносто их путей в один сошлись,
И девяносто храбрецов встретились на этом пути.

Все они искали девушку Баян,
Друг друга превосходили они умом.
Один из них силой десятерых был наделен –
Косемсары, сын бая Нуркары.

Девяносто юношей покинули родные края,
Каждый из них отличался силой и умом.
Силой сотней людей обладал один из них –
Сын Каратока, удалой Буланкара.

Девяносто храбрецов, вышедших из разных родов,
Себя в душе не равняли ни с кем.
О ком из них мне сказать? Слабых нет,
Самый слабый не уступал пятерым.

Разговорились юноши в безлюдной степи,
Высказал каждый свою тоску о Баян:
"Пусть зависти не будет друг к другу у нас, –
Попытаем свое счастье!" – договорились они.

Они достигли горы Таз* на Тарбагатае*,
Доехали до реки Катон* и Майтобе*.
Поднявшись на вершину Акшаулы*,
Они увидели на берегу Аягуза аул.

Сильнее любого был в ту пору Кодар[22],
Врага в землю он мог вогнать.
"К нашим пределам враг подошел", – сказав,
Один против девяноста храбрецов выступил Кодар.

В ту пору в силе всех превосходил Кодар,
Не испугался он, в бой с ними вступил.
Разве ведомы Кодекену правила битвы?
Такой бой он затеял, будто горы разворотил,
С девяноста [храбрецами] схватился он,
И все они разбежались, об отваге забыв.

Всех до одного одолел Кодеке,
Всех послал пасти скотину.
Баян в карете не видел никто из них,
"Бугай ярится!" – с тех пор в поговорку вошло.
Девяносто один раб у Карабая теперь,
Пасут его скот они у необжитой реки.

Здесь остановимся и потехи дождемся,
А потом, коли не забудем, назад вернемся.
Оставим пока Кодара, девяносто джигитов и Карабая
И джигита из балталы сюда приведем!

Таким и должен быть храбрец из храбрецов,
Пришло время послушать о нем рассказ.
Во имя чести выехал на поиски
Айбас-храбрец, Тайлака младший брат.

[Айбас:]
– На сотнях и тысячах силу пробую я,
Сотню одной стрелой поражаю я.
Во имя чести выехал на поиски,
Что же Козы отвечу я?

На кого из сородичей положиться мне? – сказал.
Не умру, пока не придет смертный час, – сказал.
Из родных мест на поиски выехал храбрец Айбас,
"Как же перед врагом я нашу честь не отстою!" – сказал.

Посмотрите на дела Айбаса-храбреца,
Не жалеет ни силы, ни мощи своей,
Ни близкий, ни родственник, ни брат он Козы,
А отправился на поиски ради сиротской правоты.

Только об этом думал храбрый Айбас,
Камчой подгонял скакуна, мчался во весь опор.
Шерстяные подпругу и подхвостник надев на коня,
На поиски отправился Айбас на тулпаре* Тайкок*.

На Коктае* в верховья отправился Айбас,
Он ехал по следам девяноста тысяч коней,
Ехал по глубоко протоптанным следам,
Чтобы дорогу не потерять в степи.

Где скакал, где рысью ехал на Коктае [Айбас],
Долго ехал, много мест повидал.
И долго ли, коротко ли, но живым и здоровым
В Жетысу* наконец приехал он.

В ту пору никем не одолим был Айбас,
И Коктай его усталости не знал.
"Видно, эти места указали мне люди!" – подумал он
И поднялся на крутую вершину.

Много земель повидал батыр Айбас.
Из-за пса Карабая бродил по свету храбрец.
С этой высокой вершины глянул он
И на берегу Аягуза увидел аул.

[Песня Айбаса:]
– На золотых тронах сидят цари,
Поддержи меня, о тенгри[23]!

Что толку в былом, мой Коктай!
Ты нынче свою прыть покажи!
С тремя девушками мне бы тайно поговорить,
Других просьб к богу, кроме этой, у меня нет!

Бог исполнил эту просьбу его:
Когда в полдень к аулу подъехал он,
Собиравшие джиду у реки, резвясь,
Три девушки встретились ему.

Три девушки заступили ему дорогу,
Одна из них отличалась от сестер.
Как глянул он – так сразу узнал ее
И страстно захотел с ней поговорить.
Впервые увидел Айбас ее красоту
И смягчился, словно расплавленный свинец.
Подумал: "Такую давно надо было отыскать,
Ее нельзя оставлять в чужом краю".

[Айбас:]
– Чье же ты бесценное сокровище?
Драгоценный воротник на златотканой шубе?
О здешнем народе справляюсь я, светы мои,
Постойте, какого же бая дети вы?

[Девушки:]
– Ты знатным рожден, ага*-еке*,
В безлюдной степи ты встретился нам.
Не устрашился Кодекена, приехал сюда,
Что здесь ты делаешь, храбрец?

[Айбас:]
– Нет изъяна в стане твоем, светик мой,
Благодаря иману, вера сильна.
Кого так почтительно ты называешь "Кодеке"?
Что он за человек, откуда родом?

[Девушки:]
– Ни перед чем не остановится Кодар,
Если услышит твои слова – не сдобровать тебе!
Ему отец – гора, ветер – мать,
Он явился из неизвестности к нам.

[Айбас:]
– Ну что ж, теперь о вашем Кодаре буду знать.
Неужели я окажусь слабее этого пса?
Явит бог свою власть, поддержит меня,
Как-нибудь я подомну его под себя.

[Девушки:]
– Твои слова добры и приятны, ага-еке,
В такую пору нам помощь очень нужна.
Но кто одолеет Кодара, за нас отомстит?!
Где в алаше* рожден подобный храбрец?

[Айбас:]
– Коктай подо мной тулпару под стать,
Не бойтесь Кодара, если верите мне,
С ясной целью покинул я родные места,
Я одолею Кодара, если захочет бог.

[Баян:]
– У меня нет братьев – ни старших, ни младших,
К вам же душа моя приязни полна.
Вы нам говорите теплые слова,
Какого же вы рода сами, ага-еке?

[Айбас:]
– Я приехал оттуда, где живут балталы-баганалы,
Я оттуда, где озеро поросло травой.
О народе Сарыбая слыхала ли ты?
Я оттуда, где правит благородный Тайлак-бий.

[Баян:]
– Счастливое время наступает, ага-еке,
Пусть ваши беды нашими станут.
С низовья Курдыма приехали вы,
Здоровы ли Козы-Корпеш и его народ?

[Айбас:]
– Вы сомневаетесь, но знаю я,
Я приехал, чтобы отыскать келин Баян,
Царь моего народа – Козы-Корпеш,
Мой народ – баганалы-сакалы – здоров.

[Баян:]
– Чужое и свое для человека не равны,
В безлюдной степи повстречались вы нам, ага-еке,

Вы называете имена Козы-Корпеша и Баян,
Сестры, объясните, что значат эти слова?

[Девушки:]
– Ты еще молода, чтобы советоваться с тобой,
Что суждено одному, не получит другой.
Просто мы изливаем души свои, светик наш,
Милая, эти речи не для тебя.

[Айбас:]
– Ухо – старо, тело – молодо, а разум – мудр.
Только что на Коктае приехал я к вам в аул.
Пусть твои сестры скрывают, но не скрою я,
Повернись ко мне, светик мой, и выслушай меня,
С низовьев Курдыма приехал я,
Твой нареченный, келин, – Козы-Корпеш.

[Девушки:]
– Был метким стрелком наш отец Карабай,
Скитаясь, во многих он краях побывал.
Никакого Козы-Корпеша не знаем мы,
А Баян за воду отец Кодару продал.

[Айбас:]
– Искрясь радостью, свет мой, я ехал сюда[24],
А приехал, не радость, а грусть в душе у меня.
Если и в правду ты душой ему чужда,
Зачем же с такими муками я ехал сюда?

[Баян:]
– Выкиньте все дурное из сердца,
О Кодаре мы сказали неправду.
Если Козы – мой настоящий жених,
Где он, почему от него нет вестей?

[Айбас:]
"Великолепия балталы видеть не хочу", – сказал.
"Речам мужа Тайлака внимать не хочу", – сказал.
Да, безумный Кареке в верховья бежал
И "Дочь за сироту отдавать не хочу!" – сказал.

[Баян:]
– Если так, передайте Козы горячий привет:
Мы проводим дни в слезах и тоске,

Ага-еке, я говорила, испытывая вас,
Бог свидетель: я сердцем чиста!

[Айбас:]
– Если слово дано, разве не священно оно,
Тебе, ангелу, разве шутить не грешно?
Коль наречены двое, подобные солнцу и луне,
Разве не дурно себя грязнить и хулить?

[Баян:]
– Ты знатного рода и мужествен, ага-еке,
Все как есть поведай брату своему,
А за ложные слова бедой
Пусть покарает меня господь.

[Айбас:]
– Подойдите поближе, девушки – Баян, Тансык,
Я – Айбас, приехал к вам от Козы!
Он велел мне: "Съезди скорей и все разузнай!"
Что вы дадите в подарок младшему брату моему.

[Баян:]
– Передайте ему, пусть приедет сюда,
Разве хочет он, чтоб несчастная Баян умерла?
Сама я здесь, а душа моя с Козы,
Пусть узнает это ваш младший брат.
Златотканая шуба и перстень – мой подарок,
А что к этому добавить, сестры сами знают.

Раз она обратилась к ним за советом,
Растрогались сестры, прослезились.
"Передай младшему брату!" – сказав,
Добавили тогыз[25] к шубе и перстню.

[Баян:]
– О сестры, никто не присвоит ваш дар,
Иногда не подумав поступаете вы.
Только жениху вы дарите тогыз,
А где же подарок и уважение гонцу?

[Айбас:]
– Год я на Коктае сюда скакал,
Только ради вас, без всякой корысти, скакал.
И нитки я в подарок не возьму,
И тем доволен, что вас повидал.

[Девушки:]
– Пусть поддержит тебя бог в пути,
Скорей поезжай обратно, ага-еке.
На Аягузе мы будем летовать и зимовать,
Младшего брата сюда доставь поскорей!

[Айбас:]
– Очень уж сладки ваши речи, светики мои,
Но как же уеду я, не дав о себе знать?
Как же не сразившись уеду, коли за этим приехал я,
Где же Кодар и девяносто его псов?

[Девушки:]
– Ныне не дает Кодар людям и слова сказать,
Вам одному его не одолеть.
С младшим братом вдвоем идите на него,
Силен нечестивец – не даст над собой восторжествовать.

[Айбас:]
– В верховья на Коктае отправился богатырь Айбас,
И доберется до тамошнего народа, коли даст бог.
Покажите его, дайте разгуляться мне,
Пусть приберет меня бог, если окажусь слабей.

[Баян:]
– Нечестивец Кодар – великан, никому его не одолеть,
От страха бледнеет всякий, кто увидит его.
Послушай меня, ага-еке, уезжай, не показывайся ему,
А то на всю жизнь запятнает он честь твою[26].

[Айбас:]
– Слова неразумны твои, Баян,
Божье предначертание не предотвратить!
Не хвали мне безмерно своего раба,
Покажи-ка мне его и посмотри на потеху мою.

– Доверимся ему, – девушки сказали, –
И будем бога молить за него, – сказали.
Следом за ним все трое пошли,
– На потеху двух великанов посмотрим! – сказали.

Три девушки последовали за ним,
Кодара огромного, как гора, увидел Айбас.
Чтобы девушкам силу свою показать,
Не отступил богатырь Айбас, смело подъехал к врагу.

[Айбас:]
– Вот и свиделись мы с тобой, я — Айбас, ты — Кодар,
До смерти надоела нам твоя похвальба.
Не зная вас, я в ауле уже побывал,
Вот я прискакал, какое наказание дашь?

Подъехав, Кодара словами задел Айбас,
Выхватил Кодар-батыр дубину свою
И, хвастаясь перед девушками, глупый раб
Дубиной Айбаса огрел.
А Айбас его за лопатки схватил,
Как барана, его на седло положил,
Рысью Коктая пустил, Кодара поволок,
Но свалился от тяжести его Коктай.

В ту пору Айбасу не было равных,
Их кони, взыграв, умчались на холм.
Когда, поднявшись, снова схватились они,
Еще раз Айбас подмял пса под себя.

Лежит под ним Кодар и кричит,
Орет, будто гром гремит.
Давит коленями Айбас – Кодару невмочь,
“Где вы, мои девяносто удальцов?” – он зовет.

С шумом прискакали его удальцы,
Ой, ой, на что они надеялись?
“Кто подмял Кодеке под себя?” — крича,
Каждый дубиной ловчился Айбаса огреть.
Вырвав дубинки у них из рук,
Айбас вскочил на Коктая и умчался прочь.
Когда же на Бакаайгыре Кодар его догнал,
Он сшиб Кодара с коня, избил и ускакал.

[Один из удальцов:]
– На склоне холма в безлюдной степи ты упал,
Говорят, что богу не угоден грешный раб.
Что же ты медлишь, Кодеке, не нападаешь на врага?
Вон там скачет, убегает твой враг.

[Кодар:]
– Я вас, девяносто, поил и кормил[27],
А один человек всех нас посрамил.
О сусличью нору оступился мой конь,
О белый камень ударившись, я голову разбил.

Уже темнеет, наступает мрак,
Разве не хотите вы его догнать?
Скачите, захватите и приведите его,
Я не в силах гнаться – кружится голова.

Храбрый Айбас всю ватагу всполошил,
Три девушки смотрели и радовались тому.
На что надеяться погнавшимся за Айбасом?
Сникли, сгрудились вместе – [удальцы] и Кодар.

Красавица Баян радостная пошла к себе,
Силу Айбаса девушки увидели воочию.
"Надо поговорить с девушками!" – подумал [Айбас]
И быстро на Коктае к девушкам примчал.

[Айбас:]
– Ничего не смогут сделать эти люди,
Не бойтесь, поверьте моим словам.
Сила брата больше моей,
Он в три раза меня сильней.

<Кто сравниться может с храбрым Айбасом!
Вволю насладились три девушки его потехой.
Всех переполошил он, как в отаре волк,
И, распрощавшись с девушками, умчался.

Все обдуманно совершил батыр Айбас,
Воли не дал врагам, их сокрушил.
"Есть заступник, оказывается, у нас", –
Сидя в своей карете, думала Баян.>

На своем скакуне в путь отправился Айбас,
С надеждой, что бог ему в душу вселил.
"Может и понадобится", – подумал он
И камчу, молоток и напильник с собой прихватил.

На Коктае в низовьях богатырь Айбас скакал,
Верную из множества дорог выбирал[28].
В пути пояс уронил, что девушка ему дала,
И местность эту "Кызыл белбеу" он назвал[29].

Не знал передышки Айбас, все скакал,
Верную из множества дорог выбирал.

Жеребец выстоянный отбился от него,
И местность эту “Чубар айгыр” он назвал.

Не останавливался Айбас, все скакал,
Верную из множества дорог выбирал,
В одном месте потерял он подаренный девушкой изюм,
И эту гору “Меизек” он назвал.

Не знал остановки Айбас, все скакал,
Верную из множества дорог выбирал,
Где-то уронил он платок,
И местность эту ”Абралы, Жалаулы” он назвал.

Не делал привала Айбас, все скакал,
Верную из множества дорог выбирал.
Где-то уронил он подаренную девушкой каркару*,
И горы эти “Каркаралы” он назвал.

Этот Айбас без устали все скакал,
Верную из множества дорог выбирал.
Где-то он конские путы потерял
И реку ту “Шидерли” он назвал.

<Снова двинулся в путь храбрый Айбас,
И еще дальше в низовье спустился он.>
Но сколько ни ехал, живым и здоровым
Добрался до границ своих земель.
Поближе к стоянкам аула подъехал Айбас
И встретил старика, пасущего овец.

[Айбас:]
– Я вижу вас, бай, пасущего на выгуле овец,
И как старшего первым приветствую вас.
Чьи это отары, бай-аксакал,
Я путник, приехавший издалека.

[Старик:]
– Рассчитывает на многое этот человек,
Как натянутая проволока, у девушки стан.
Коли спрашиваешь, свет мой, отвечу я –
Рано умершего Сарыбая это стада.

[Айбас:]
– Ваши речи очень приятны, аксакал,
Я не чужак здесь, рассуди-ка сам.

Если это овцы хана Сарыбая,
Где же Козы-Корпеш, его единственный сын?

[Старик:]
Что-то скрываешь ты, светик мой,
Уж сам решай – знаю я или нет.
Словно луна, сверкает Козы-еке,
Здесь он, близко, на свадебном пиру.

[Айбас:]
– Много мест объехав, вернулся я,
Окажи мне услугу, бай-еке,
Нужно многое мне ему рассказать,
Позови одинокого, если слушается тебя.

Старик с характером был, говорят,
В правоту слов Айбаса поверил, говорят,
"Позову, если придет", – сказав,
Он побрел потихоньку на пир, говорят.

[Старик:]
– Эй, одинокое сызмала дитя, я пришел за тобой,
Твоему отцу я был другом и слугой.
В тебе нуждается приезжий джигит,
Хочешь пойти – иди за мной!

[Козы:]
– Как же не узнал ты, мой мудрый бай,
Что это за человек, не похожий на других?
Кому же понадобился такой несмышленыш, как я,
Что ездит на кляче с растертой спиной.

[Старик:]
Ты был еще младенцем, когда бог призвал твоего отца,
Оставшись без отца, презренным ты стал[30].
Если ты ездишь на кляче с растертой спиной,
То он спину Коктаю растер ради тебя.

Старика послушался тогда, говорят,
Уважил желание старика, говорят.
"Что бы ни было, съезжу, поговорю", – подумав,
Поехал со стариком к отаре овец, говорят.

[Козы:]
– У отары овец я вижу вас, ага-еке,
Вы старше по возрасту, приветствую вас,
Для чего недоростка ты позвал,
Вот он я, какое у вас дело ко мне?

[Айбас:]
– Ты был мал, мой Козы, теперь подрос,
Силы много у тебя, но ты ее еще не показал.
Невеста твоя с родней – кайын – недалеко живет
Что ж ты, презренный, ни разу не съездил к ним?

[Козы:]
– Вы позвали, ага-еке, и я сразу пришел,
От того, кто не верит словам, беги прочь.
Оглохнуть мне, но не слышал я никогда,
Повтори-ка и растолкуй, что значит "кайын".

[Айбас:]
– "Насилий балталы не потерплю!" – сказав,
"Советам ер Тайлака не последую", – сказав,
Твой полоумный тесть Карабай в верховья откочевал,
"Дочь не отдам за сироту", – сказав.

[Козы:]
– Может, рысью твой Коктай скакал?
Коль ты ездил туда, может, их повидал?
Коли видел их и все разузнал,
Может, дали в подарок они тогыз?

[Айбас:]
– Чтобы слово сдержать, ездил я, свет мой,
До седьмого пота гнал Коктая я.
Келин моя не виновна, дала тогыз,
Только вот из-за раба одного я все растерял.

[Козы:]
– Может, не поверили девушки вашим словам?
Может, не передали они тогыз и поклон?
Если и вправду девятку послали они,
Неужели вы ничего не привезли?

[Айбас:]
– Твой тесть Карабай неширок душой,
У него девяносто рабов и Кодар дурной.

Ты, детка, прими, за малое не сочти:
Вот бешмет да перстень с шубой золотой.

Айбас, не скупясь, Баян восхвалял,
Как же ты ее не пытался искать?
Ты, детка, прими, за малое не сочти,
Перстень, шубу золотую и бешмет!

Подарки Айбас разложил, их увидал Козы
И всем сердцем поверил Айбасу,
"Пусть Тайлак меня благословит!" – сказал
И Тайлаку шубу золотую послал.

[Айбас:]
– Шеей лебединой сверкает она,
Нежны ее движенья, отрада сего мира она.
Как прутик тала, гибка Баян,
Подумай только: ведь не найдена тобой она?
Даже с монету изъяна я не нашел в ней,
Я такой и не видывал и остался доволен ею,
Будешь жалеть всю жизнь, если не поедешь искать ее!
Поезжай да отыщи и не думай ни о чем другом.
Видел я, как девяносто храбрецов
Потеряли голову из-за Баян.
Как говорится: "Решил – не отступай!" –
Все поведал ему Айбас.

Весь в поту пришел Козыке домой,
"Идите-ка сюда", – позвал он мать.
Взял ее за руку и сказал: "Поклянитесь
И все о моей невесте мне расскажите".

[Мать:]
– Пусть, подобно вьюку на верблюде, скособочится,
Пусть, подобно льду во время паводка, раскрошится
Тот казах, кто назвал ее имя и о ней рассказал.
Пускай его щеки будут в ранах, как у меня!

– Разве храбрый джигит не испытывает трудностей в пути?
Разве, сев на коня, не отправится он в дальний путь?
Зачем же ты единственному сыну пророчишь беду?
Разве с невесткой он не вернется домой?

[Мать:]
– “Поеду” говоришь, поверив чьим-то речам,
Белого коня в жертву тебе я принесу[31].
Я боюсь, что не вернешься ты, бедный сирота,
Там ведь Кодар-богатырь объявился на твою беду!

[Козы:]
– Если смерть настигнет меня, я умру,
А может, мне предстоит добрый путь,
Если только силу мою не отнимет бог,
Разве Кодару я уступлю?

[Мать:]
– Я знаю, что Кодар не сильнее тебя,
Но он подчинил всех тамошних людей.
Ты – как ни силен, одинок,
Нельзя не опасаться – там много людей!

[Козы:]
– Пускай там все помогают Кодару,
Надеясь на помощь Аллаха, я рискну.
Разве можно бегством от смерти спастись?
Стойко встречу я все, что мне суждено.

[Мать:]
– Чувствую я: словно пылающий уголь ты,
На горе мне родился ты.
Мой единственный, меня пугает мой сон:
Не доведется мне в живых увидеть тебя.

Что же делать, если юность берет верх,
Что же делать, если о невесте знаешь ты?
Одного тебя, без хвоста и без гривы[32],
Судьба на горе подарила мне.

Зрачок мой, а что если ты откажешься от этой поездки?
А что если взор свой обратишь на меня, несчастную?
Если не увижу тебя я больше, мой единственный,
Оставшиеся дни мои пройдут в тоске и горе.
Останутся без хозяина несчетные табуны,
Их хватило бы уплатить и за тридцать невест.
Чем оставлять меня, несчастную, сохнуть от горя,
Не лучше ли в нашем краю выбрать себе красавицу?
Запугав, Кодар ее в жены взял, говорили,

Все, что сказал Айбас, – болтовня пустая.
Плохого не видавший, жеребенок мой,
Заблудишься в степи, дорогу не найдешь,
Когда ты уедешь, оставшись одна, я умру,
Что может быть хуже этой беды?

[Козы:]
– Пусть хоть сотни стрел угрожают мне,
От решенья не отступлю, выйду в путь.
Хоть со всего света красавиц соберешь,
Ни одна, как суженая, [жажды] сердца не утолит.

[Мать:]
– Всю отару овец ведет мудрый серкеш[33],
Сарыбая единственный сын, Козы-Корпеш,
Раз ты сам все узнал, твоя суженая –
Дочь Карабая – Баян-еркеш*.

Всю отару ведет мудрый серкеш,
Дочь Карабая – Баян-еркеш.
Свои несчетные табуны и отары
На кого оставляешь ты, Козы-Корпеш?

[Козы:]
– Всю отару ведет мудрый серкеш,
Дочь Карабая – Баян-еркеш.
Что говорить о несчетных табунах и отарах?–
Пусть все падут в один день, мне они не нужны.

[Мать:]
– Все внимательней я смотрю на тебя,
Остается в одиночестве рыдающая твоя мать?
Мой любимый, единственная отрада моя,
Кому же поручаешь ты меня?

[Козы:]
– Время пришло Козы сесть на коня,
Все равно не удержишь ты меня.
Чтобы не ехал я, все это ты говоришь,
Богу одному я поручаю тебя!

[Мать:]
– Единственный мой, счастливого тебе пути,
Пусть не будут натянуты поводья [твоего коня][34],

Если бог сохранит, благополучно доедешь ты,
Долго меня не томи, вспомни о матери своей.

Светик мой, я под старость тебя родила,
Горюя, упрашивала, чтоб остался ты,
Много врагов у тебя, светик мой, не оплошай,
Добрый тебе путь, я разрешаю, поезжай!

[Козы:]
– О боже, как стали люди мелки душой,
Все стараются удержать меня.
Но я от поездки не откажусь,
Храбрец Айбас, готов ли для меня конь?

[Айбас:]
– С утра до вечера выбирал я коня в табунах,
У одного хорош бег, а другой выносли, говорят.
Если зорок мой глаз, я нашел [что искал]:
Конь по кличке Куренбести есть в твоих табунах.

Курена привели из табуна,
Оседлали его, снарядили в путь,
“Попрощаемся, проводим”, – говоря,
Приехали все сородичи с Тайлаком во главе.

[Козы:]
– Есть слово у меня к тебе, Тайлак-бий,
Ты не бросил в беде сироту.
Не стремитесь от дороги меня удержать,
Почитаемый мною отец, не то останется обида на меня.

[Тайлак:]
– Светик мой, сердце радует сила твоя,
Проститься с тобой приехал я,
Не думай, что буду удерживать тебя,
Приехал проститься и благословение дать.

[Козы:]
– Тогда подожди немного, Тайлак-богатырь,
Ведь остаются здесь несчетные табуны.
Вам, Тайлак, я поручаю свой скот,
Сегодня же пересчитайте и примите его.
И при жизни разлучившуюся с единственным сыном
Мать свою оставляю на вас, заботьтесь о ней.

Плакали сородичи, прощаясь с Козы,
Но <Козы пожелал отыскать> чернокосую Баян.
Убедившись в твердом намерении его,
Прослезились сородичи и простились с ним.

<В конце ер Тайлак его задержал,
Среди других рядом с матерью Козы он стоял.>
В обе щеки расцеловали они Козы,
Благословили его и отстали.
Сколько ни уговаривали, не послушал он [их],
Неутомимый булат, силач.
Твердый и решительный, тронул Козы коня,
Зашумели, зарыдали сородичи его.
А когда, прощаясь, заплакал и он,
Содрогнулась по божьему велению земля.
И воскликнула мать: “Сохнуть остаюсь я одна!
Кто же теперь станет опорой мне?”

Распрощался Козы и пустился в путь,
Не раздумывал, не печалился он.
“Я спутником буду ему”, – подумав,
Айбас на Коктае выехал ему наперерез.

[Козы:]
– Ер Айбас, я — твой младший брат, ты – мой старший брат,
Для меня ты дороже всех других.
Остались у меня мать и без счета скот,
Вам, батыр, все, что имею, поручаю я.

[Айбас:]
– Не Тайлак ли батыр – бий в нашей стране?
Не он ли хозяин твоего добра и скота?
К той земле, где я уже побывал,
Будет лучше, если я провожу тебя.

[Козы:]
– Ты считаешь, Айбас, что я хуже других?
Или в моей силе не уверен ты?
Единственному сыну Сарыбая Козы
Не зазорно ли с провожатым отправляться в путь?

Бог призвал отца, когда Козы был мал.
Указал ему Айбас в аул тестя путь
И вдобавок три перстня дал ему,
Чтобы вместе с приветом трем девушкам передал.

[Айбас:]
<– Как дома, мой светик, ребячливым не будь,
Мол, без призора остались мать и скот, не тужи.
Во главе с Кодаром девяносто – твои враги,
Дальше все знаешь сам – беспечным не будь.>

[Козы:]
– Только подумай, кому я в чем уступлю?
Благополучно доеду, знакомство с ними сведу.
Что мне оставленное имущество и скот?
До последней капли крови буду вести борьбу.

[Айбас:]
– Не думай, что я ставлю тебя ниже себя,
Для меня нет различий – где твой скот, где мой.
Если умру и на этом свете больше не встречу тебя,
Весь твой скот на том свете тебе верну.

Здесь остался Айбас, а Козы умчался,
Далеко уехал, еле виден вдали.
Не решаясь оставить Козы одного,
На Коктае Айбас за ним поскакал.

[Айбас:]
– Помянув бога, отправился мой единственный в путь,
В сторону народа не повернул коня,
Остались мать и многочисленный народ,
Что ты хочешь им передать?

[Козы:]
– Чего не видывал, увидел ваш единственный, скажи,
Бог исполнил его желание, скажи,
Не морочь мне голову, к народу вернись,
Умер ваш сын, сгорел в огне, скажи.

[Айбас:]
– Пусть единственный все трудности преодолеет легко,
Ангел, не записывай его слова, забудь их.
Он по молодости все это говорит,
Боже, прости ему ребячество его!

Не зная отдыха, ехал храбрый Козы,
Курен день ото дня все быстрее скакал.
Казалось Козы, что в нужную сторону едет он,
Но в поисках аула он долго в степи блуждал.

Ехал долго и многое в пути повидал,
Дичью кормился, водой запивал.
От беспрерывной езды Курен исхудал,
Впервые Козы беду испытал.

То рысью, то вскачь шел его Курен,
До камышового болота еле-еле доплелся он.
Снял с него Козы узду и седло,
Пустил без дороги, куда глаза глядят.
А когда Козы, изнуренный, лежал в степи,
Дома мать увидала его во сне.

Спозаранку встала она и запричитала,
Всех людей во главе с Тайлаком созвала.
"Не обессилел ли мой Козыке в степи?" – сказала
И велела гадателям свой сон растолковать.

Нет человека, равного в благородстве Тайлаку,
Все, что ни делает он, – разумно.
"Жертву принесите, чтобы благополучной была дорога Козы", –
Приказал народу богатырь Тайлак.

Мысль Тайлака благородна была,
Весь народ согласился с ним.
Когда стали подсчитывать [жертвенный скот],
Овец набралось до тысячи, коней – до ста.
Закололи весь пожертвованный скот
И по слову Тайлака раздали неимущим, голодным,

Вдовы, сироты, беднота и муллы с ходжами –
Все они преданы одному Аллаху.
"О боже, пошли удачу храброму Козы!" –
Рыдая, просили они у Аллаха.

Волю многих без внимания не оставит бог,
Когда они уехали, молитву сотворив, –
О, всесилие бога! Вы посмотрите:
Туда, где находился Козы, караван подошел.

Козы приблизился, когда караван на ночевку встал,
В том караване был один аксакал,
Увидал он Козы и его коня,
Всех людей выпроводил, позвал Козы к себе.

[Аксакал Кожан:]
– Я — богатый мулла, мое имя Кожан,
Из Китая возвращаюсь, где я торговал,
Ты чужой здесь, и конь твой исхудал,
Что же ты, свет мой, делаешь здесь один?
Все тогда Кожану рассказал Козы,
Узнал Кожан и о его страсти к Баян.
Подумал Козы: "Совета у него попрошу",
И поведал Кожану все до мелочей.

Ничего он от Кожана не скрыл,
Пятнадцать дней прожил он вместе с ним,
В той степи клятву дружбы дали они,
Младшим братом Кожану стал до гроба Козы,

Лучше, чем царю, услуживал он Козы,
Научил его заговору – обличье свое менять.
"Не все люди тебе друзья, как я,
Не показывайся людям в своем обличье", – сказал.

Как расстались, дал ему Кожан на пятнадцать дней еды,
И свое волшебство и уменье ему передал.
"Твоим людям я дам о тебе знать, – сказал, –
И сам тебя отыщу", – пообещал.

В разные стороны разъехались они,
Условившись встретиться на Аягузе.
И однажды, переночевав в пути,
На утро аул у Аягуза увидел Козы.

[Песня Козы:]
– Если далек их аул, я приближусь,
Курена на выстойку поставлю.
Ныне, Курен, свою прыть покажи,
Да утешу я горюющую Баян.

У аула сошел Козы с коня,
Обличье плешивца принял он.
Идя вдоль берега реки Аягуз,
Такого же плешивого, как он сам, встретил пастуха.

Встретился плешак с другим плешаком,
И путник обратился к пастуху: "Скажи,
Плешивец, чьих овец ты пасешь?
Скажи, какой род здесь живет?"

[Пастух:]
– Этот плешивец себе на уме,
Уж больно много хитростей в нем.
"Откуда мне иметь столько овец?
Это – отары неверного Карабая-пса".

[Козы:]
– Ты заносчив, плешак, неласкова твоя речь, –
Всегда глупыми бывают плешаки.
Если это овцы проклятого Карабая,
Где его аул? Прямо дорогу мне укажи!

[Пастух:]
– О боже, ты ведь не знаешь меня,
Откуда столько ехидства в тебе?
До вечера трижды съездишь туда,
Аул Карабая отсюда недалеко!

[Козы:]
– Я осторожно говорю с тобой,
Все еще не пойму, что ты за человек,
Мы оба плешивы, так давай поговорим –
У Карабая дочь на выданье – какая она?

[Пастух:]
– Ты забываешься, проклятый плешак,
Дырявой овчиной укрываешься ты,
Из-за нее навлечешь на себя беду,
Дочь Карабая тебе к чему?

[Козы:]
– Ты свою речь искусной считаешь, безродный плешак,
Льстивым бывает наемник, слуга.
Такие же они люди, как мы с тобой,
Откуда же на них святость снизошла?

[Пастух:]
– Я не видывал такого самонадеянного, как ты,
Разве равный им может быть такой, как ты?
Видишь, какие одежды и убранство у них,
Этим они превосходят и тебя, и меня.

[Козы:]
– Ходит молва, что всегда прекрасна она,
Если превосходит она [нас], то – в счастье!

Мы ведь тоже люди, что тебе стоит, скажи:
Какие у бая дочери есть?

[Пастух:]
<– С хитрецой ты, плешак, говоришь,
Моим словам не веришь никак.
Две дочери на выданье – Ай и Тансык,
А за ними – луноподобная красавица Баян,
Ее не опишешь – надо увидать!
Только с солнцем можно ее сравнить!>

Нет человека, что был бы под стать Баян,
Всех джигитов заставляет она страдать.
Прославить ее не в силах убогий мой язык,
Даже гурию* из книги с ней не сравнить.

Я не видывал джигита, достойного ее,
Негоже хулить ее – недосягаема она,
Там Кодар и девяносто холостяков
Не только жениться – подойти не смеют к ней.

[Козы:]
– Разве ты только гуляешь по безлюдной степи, ага-еке,
Разве со сверстниками своими не развлекаешься ты?
Байские дочки поверяют свои тайны пастухам,
Кто их дружки, не знаешь ли ты?

[Пастух:]
– О, боже мой! Ну что ты за человек!
Выспрашиваешь, тянешь за язык?
С утра до ночи я с отарой брожу,
Поверь моей клятве, не знаю я ничего!

[Козы:]
– О, боже мой! На что же надеешься ты?
Зачем ты богу хочешь душу свою вручить?
Зачем все скрываешь и клятву даешь?
Ведь в народе известно имя Кодара!

[Пастух:]
– Кто с умом возьмется, выследит Кодара,
Пусть хоть зайцем тот скачет во все стороны,
Ведь попусту хвастает безумный раб,
Поверив, что за воду продали ему Баян.

[Козы:]
– Ты стар, плешивый раб, мне жаль тебя,
Если захочешь, я подменю тебя.
Ты свободен, ступай тайком домой,
Я буду пасти отару вместо тебя.

[Пастух:]
– Приятно мне услышать эти слова,
Скроется без следа твой старший брат,
Если станешь пасти отару за меня,
Пусть сбудутся все желания твои, сынок.

Два плешивца встретились в безлюдной степи,
Сначала заспорили, потом помирились.
Что же жалеть Карабаевых овец? –
Старому тазше отсчитал [Козы] полторы сотни овец.
"Поезжай в Ташкент, там найдешь ты свой род", – сказав,
Ночью отправил плешивца в дорогу Козы.

[Пастух:]
– Свет мой, ты храбрец из храбрецов,
Давно не видал я таких смельчаков.
Много расспрашивал ты о Карабае,
Скажи по правде, кем доводишься ты Козы?

[Козы:]
– С утра до вечера ты отару пасешь, плешивый раб,
Бессилье чувствуешь, когда устаешь.
Убью тебя, если выдашь людям меня.
Я ведь и есть тот самый Козы-Корпеш.

[Пастух:]
– Есть, оказывается, счастливые люди,
О тебе всегда добрая слава шла.
Я все гадал, каков же [на самом деле] ты?
А ты, оказываетея, такой же плешак, как и я.

[Козы:]
– Ох, как бы мне не задеть твой род,
Ехал бы ты спокойно своим путем, –
Личину с головы Козы сорвал, –
"А ну-ка, взгляни теперь на меня,
Эту личину я сделал сам!" – сказал.

[Пастух:]
<– Чует мое сердце, что ты Козы-Корпеш,
Не зря ведь так хвалят люди тебя.
Ты стоишь того, чтоб говорил о тебе весь народ,>
До седин тебе жить со своей нареченной, сынок!

В разные стороны разъехались два плешивца,
Всегда отличался мудростью Козы-еке.
Когда в ауле стали собираться спать,
Козы-Корпеш пригнал Карабаю овец.

[Карабай:]
– Я уж подумал было, не наступил ли конец света?
Курен-Шардак под тобой не заленился ли?
Что это ты допоздна задержал отару?
От волков и всяких бед уберег ли ее?

[Козы:]
– Карабай, у меня в мыслях худого нет,
<В сказанных мною словах обмана нет.>
Не случилось ничего страшного для тебя,
И врагов, желающих угнать твои отары, нет.

[Карабай:]
– Дети, не слушайте плешивца речей,
Слов невежды не принимайте всерьез.
Ой-бой, жена, ты дала бы ему поесть,
Проголодался [с дороги], видно, плешак!

[Козы:]
– Ты садись на коня, Карабай, хорошо его подковав,
А вблизи аула белый волк кружит,
У очага черная верблюдица лежит,
По берегу белый верблюжонок бежит.

Бай сказал: “На меня взгляните, дочери мои,
Все трое быстрее подойдите ко мне.
Меня задевают недомолвки плешака,
Смысл его слов разъясните мне!”

[Девушки:]
– Свои думы степные высказал здесь плешак,
Разве не догадались вы: белым волком он вас назвал,
А черная верблюдица у очага – это наша мать,
Белым же верблюжонком он нас назвал.

[Баян:]
– Вы старше меня, сестры, а думаете не так,
Я поделиться с вами хочу:
И обличьем, и словами чужой это человек,
Он не тот плешивец, что был у нас.

Козы-еке уже отличился умением своим.
Девушка внимательно следила за ним.
С поклоном в белую юрту он смело вошел
И левое свое колено потер.

Все повадки Козы-еке девушки подмечали,
Что-то неладное они про себя отмечали.
"Тут что-то не так, последим", – говоря,
Через порог [за Козы] они наблюдали.

[Баян:]
– Не мой ли дорогой издалека к нам приехал?[35]
Облик свой изменив, может быть, он приехал?
Блюдо легких подаст ему мать моя,
Вот тогда мы узнаем, кто он такой.

Недовольная в душе байбише*
Положила на блюдо легкие.
Нанизав их на длинный шампур,
Полное сосновое блюдо подала [Козы].

[Козы:]
– Я беден, Карабай, а ты богат,
Получше легких нет ли у тебя еды?
Сколько еще мне поношенье терпеть? – сказав,
Бая по темени он блюдом хватил.
Крепко ушибло деревянное блюдо,
Бровь рассекло оно Карабаю.
Близ отары Курена надежно привязав,
Поворчал, как плешивец, Козы и улегся спать.

[Карабай:]
– Не будем сетовать, что один богат, а другой беден,
Не будем осуждать плешивца за дурной поступок.
Ой-бой, жена, пусть рассек мне бровь,
Лучше промолчим, а то уйдет и бросит скот.

Кто видел Баян, красавицей ее считал,
В думах о Баян лицом пожелтел Козы.

Когда Козыке близ отары спал,
Озарял своим светом он тысячу овец.
Старшей сестре доверилась Баян,
Но застыдилась, сказала ей не все.
Разбудить не осмелилась она Козыке,
Хоть за ночь три раза подходила к нему.

<У Баян не хватило терпения ждать,
"Сестры, сходим к нему еще раз", – сказала,
Когда, сговорившись, все трое пошли к нему,
Наступило утро, и солнце засияло.>

Волнение охватило сердце девушки,
А овцы уже на пастбище выходили –
С овцами вместе плутовку отправили,
Надев на нее шкуру ягненка.

Храбрый Козы на Курен-тае едет своем,
С родимой стороны он выехал один.
Девушку в овечью шкуру зашив,
Сестры наказали: "Иди и узнай, кто он!"

Ехал Козы, шел "ягненок", овцы шли,
В безлюдной степи далеко от аула забрели.
Когда же в степное безлюдье зашли,
Разрыдался Козыке в тоске.

[Песня Козы:]
– Такую горькую участь,
Одинокому, послал мне господь.
Заставил из-за девушки занемочь,
Заставил овец Карабая-пса пасти,
У себя на родине я видал
Разных красивых девушек.
Но из всех из них только одна –
Только Баян обидела меня,
Заставила в степи бродить,
По горам, по камням
Заставила блуждать в пути,
На край света скакать заставила.
Встретиться со старцем заставила
И благословение от него получить.
<Тяжкий недуг – любовь –
Свел меня с ума.

Моя суженая Баян
Мое сердце заставила пылать,>
Личину плешака заставила меня надеть;
Ничтожным заставила стать.
Присудит мне мой бог или нет
Девушку, которую я страстно люблю.
Моего озера с зарослями нет,
Балталы – моей страны нет.
Моего холма Аккезена нет,
Как жаль, что моей земли – Курдыма – нет!
Храбреца Тайлак-бия нет,
Стригунку, чтоб скакать, простора нет.
Старшего брата у меня нет,
Здесь никто не ценит меня.
Баян-кыз, которую я отыскал,
Неужели теперь не для меня?!
Младшего брата у меня нет,
В моем теле изъяна нет[36].
Баян-кыз, которую я отыскал,
Соединить со мной божьей воли нет.
Впереди у меня гривы нет,
Нет скота у меня, чтоб пригнать за калым,
К Баян-кыз, которую я отыскал,
Любовь есть, а свадьбы с ней нет.
Позади у меня хвоста нет,
Нет ничего легче, как мечтать о ней.
Баян-кыз, которую я отыскал,
Неужели не предназначена мне?
Ключа от железной кареты нет,
Никакой надежды на Баян-кыз нет.
Вдруг умру я, здесь находясь,
Джигита, чтобы кости мои отыскать, нет.
С надеждой сюда приехал я,
Но Баян-кыз не узнала меня.
Унижаясь, сюда приехал я,
Но посмеялась надо мной Баян.
Коли ты создана для меня,
Что ж ты кичишься, Баян?
А если и вправду любишь ты,
В заросли прибеги, Баян.
Пока жива моя душа,
Не отступлюсь от своей любви.
Ни на ком, кроме тебя,
Даже на гурии свой взор не остановлю,

Среброголовую, златоволосую
Я в жены не возьму.
Если не сможешь узнать, Баян,
Не подойду, чтобы узнала меня,
Не стану тосковать, сдержусь,
Словами мне горя не утолить...
<Шелковым платьем колыхая,
На ветру не ходила Баян-кыз.
С тонкой, нежной, белой шеей
Мужчин не видела Баян-кыз.
Поблескивая черными глазами,
Неужели не взглянет на меня Баян-кыз?
Увидев возлюбленного своего,
Неужели не узнает его Баян-кыз?>

От людей вдалеке песню пел Козы
О бедах и невзгодах, что испытать ему довелось,
А давешний "ягненок" в аул побежал,
Когда смысл слов Козы уразумел!

Догадался Козы, что это за "ягненок",
Не зря он смекалкой обладал.
"Может недругов повстречать", – подумал он
И обратно "ягненка" в отару загнал.

Пришел Козы, пришли овцы и "ягненок",
Три девушки вышли навстречу отаре.
"Ну хоть что-нибудь ты узнала?" –
Оставшись наедине, у "ягненка" девушки спросили.

["Ягненок":]
– Я вернулась, сестры, чуть жива,
Едва меня не постигла беда.
Грубо не ведите себя, будьте учтивы,
Очень тяжелый нрав у Козыке!
Сестрицы, он много разных слов говорил,
Тоскуя, горюя, он говорил.
А дальше можете сами смекнуть,
"Нет ни хвоста, ни гривы у меня", – он говорил.

[Баян:]
– Исполнил мое желание бог,
Погасла надежда у врага,
Если он сказал: "Ни хвоста, ни гривы нет",

Значит, это Козы в обличье плешака.
Думала ли я, что приедет мой любимый,
От тоски по которому пожелтело мое лицо!
Еще вчера поняла я, что он непрост,
Как увидела его – забилось мое сердце.

Девушки выбежали навстречу отаре,
Бегущих девушек Козыке увидел,
Следом они бежали, не отставали,
"С нами хоть немного поговори!" – просили.

[Козы:]
<– Я смотрю в глубины Аягуза,>
На головной убор Баян, украшенный перьями[37].
Когда есть Кодар и девяносто его молодцев,
Зачем вам понадобился тот, у кого на голове плешь.

[Девушки:]
– Разве Кодар – возлюбленный Баян?
Только бесстыжий может с ним дружить.
Что за добычей издалека прилетел,
Белый сокол на шелковой привязи – не ты ли это?

[Козы:]
– Силы и уменья много во мне,
Благодаря волшебству – личина на голове.
Личину плешака с головы сорвал,
"Вот я и белый сокол!" – сказал.

Сбросив личину, открыл свой лик,
От радости растерялась Баян.
Узнали друг друга Баян и Козы
И, радостные, обнялись.

Кто знает, сколько они простояли обнявшись?
Сестры Баян то плакали, то смеялись.
Влюбленных, подобных луне и солнцу,
В крайнюю юрту девушки завели.

Одежда у Баян-кыз вся из шелка,
Браслет и серьги у Баян из золота,
И постель у нее из пуха и шелка,
Очень внимательны старшие сестры.

В постель Козы и Баян не легли,
Глядя друг на друга, страсть свою утоляли,
Все их друзья собрались на веселье,
Среди них, как огоньки, Баян и Козы сверкали.

Сказала Баян: "Мой Козыке, ты приехал,
Мой милый, мы видим тебя здоровым".
Когда друг друга они увидали,
Тоска, что мучила их, исчезла.

В объятиях сблизились они душой,
Хорошо повеселились их друзья.
Играми и шутками встретили они рассвет,
Тяжело Козы вновь личину надеть.

[Баян:]
– Наденьте личину, не стыдитесь,
Тайны своей никому не открывайте.
От этого ничего не убудет,
Есть соглядатаи-враги, никому не доверяйте.

Помолвленной, женой считал Козы Баян,
Был осторожен, остерегался врагов.
Днем плешивцем, ночью джигитом он был,
Больше года так прожил он.

Искал Козы и нашел невесты род,
Что ни пожелает он – все готово.
Успокоились души Козы и Баян,
Рассказать о Кодеке настал черед.

Днем и ночью пасет Кодеке табуны,
Любая девушка устыдится ехать рядом с ним.
"Пусть для кочевки пригонит лошадей!" – сказав,
Человека к нему послал Кареке.

Всю зиму прожил Кодар при табунах,
И девяносто джигитов вместе с ним.
Получив из аула об откочевке весть,
Он [в селенье] пригнал шестьдесят коней.

На Бакаайгыре ехал рысью Кодеке,
Весь народ видел поступок Кодеке.
Когда, куражась, он пригнал коней,
С Козы неожиданно встретился Кодеке.

[Кодар:]
– Эй... плешак, подойди-ка поближе, – сказал. –
Никого, кроме тебя, здесь не видно, – сказал. –
Рвется черный иноходец, не дает себя внуздать,
Подойди, подержи-ка коня своей женге! – сказал.

[Козы:]
– Как поразмыслю, ты – Кодар, а я – плешак,
Коли упрямишься – упрямься, я не уступлю.
Сам, корноухий раб, держи своего коня,
Я же на своем Курене дальше овец погоню.

[Кодар:]
– Ну погоди, плешак, я посчитаюсь с тобой,
Помчусь, Бакаайгыра плетью хлестнув,
В недобрый час ты задел меня,
В пути я шкуру с тебя спущу.

Тронулась кочевка, поехали девушки, поехал Кодар,
Рысью на Бакаайгыре поехал он.
Бахвалясь перед девушками, уродливый раб
Плешивца за шиворот ухватил.

<Нраву Кодара дивился народ,
Тесно люди окружили двоих.
“Посмотрим на схватку великанов”, – сказав,
Девушки тоже остановились.>

А Козы-еке о схватке и не помышлял,
Он и отказался, да привязался раб.
Стащил тогда его с Бакаайгыра Козы,
Перекинул через седло и дальше отару погнал.

[Кодар:]
– Да исполнит твои желания бог!
Человеку от божьей воли не уйти.
Век буду жить, не забуду, плешак,
Отпусти меня, а то увидит твоя женге.

Тут Козыке свое уменье показал,
Зла на сердце ни на кого он не держал:
“Зачем кровь этого пса буду брать на себя?”
Сказал и подальше его швырнул.

Притих Кодар, невесел стал,
А в душе зло затаил.
Рано откочевал, да поздно станет Карабай,
И весь день Кодар пешком прошагал.

Истомившись, Карабай устроил привал,
И он в пору юности богатырем себя считал.
“Иди сюда, со мной овец погоняй!” – сказав,
Козыке Карабая теперь подозвал.

[Козы:]
– Старик Карабай, сюда подойди,
Того, кто тебе зло творит, “другом” назови!
<Переправлю через реку отару твою,>
Только слезь с Аккаина и мне его уступи.

Коли позвал, Карабай подошел, говорят,
Чувствовал, что недоброе предстоит, говорят,
Словам Козыке перечить не смел,
Поневоле Аккаина уступил, говорят.

[Козы:]
– Карабай, здесь привольно, зимуй, – сказал, –
Но арыса* нелюбимую пищу есть не заставляй, – сказал,–
Ты, паршивец, что с низовья Курдыма сбежал,
Хватайся за хвост Аккаина, – сказал.

Карабай не упорствует, не говорит: “Не пойду!”
Не перечит Козы, не спорит с ним,
Как убедился, что силен Козыке,
Покорно ухватился за Аккаина хвост.

Заставив Карабая взяться за хвост, против течения поплыл,
Карабай уж надежду на жизнь потерял.
Когда волочил его конь по воде,
<Ненароком головой он камень боднул.>

Козы от бога уменьем одарен,
Словно собаку замучил Карабая.
“Что это, камни бодает твой отец? Уж не баран ли он?” –
Глядя на девушку, Козы спросил.

[Карабай:]
– Я привольно в степях не кочевал,
Без тоски и без горя я не жил.

От устья Курдыма я бежал,
В людях хорошего не оценив.

[Баян:]
– Отец, ты всегда в одиночку в степи кочевал,
И на старости ты Аккаина седлал.
Выздоравливая, ты бога забыл,
При болезни ты бога призывал.

Стал богу молиться Козыке,
По нраву девушке его сила пришлась.
А Карабай и Кодар намучились, глупцы,
Лишь к вечеру едва пришли в себя.

Сойдясь, беседовали два глупца,
"Паси-ка скот!" – сказал Кодару Карабай.
От этих слов растаял Кодар,
И в табуны собрался, дурак.

[Кодар:]
– Выслушай меня, Карабай,
Если зятем считаешь своим меня,
Знай, что в этом году будет джут*,
Дай мне плешивца, он силен.

Как слова Кодара вынести Баян?
Еще сильна, не насытилась ее страсть.
"Милый мой, послушай меня, с Кодаром не уезжай,
Безмозглый раб зловреден, погубит тебя!"

Карабай без Кодара совсем духом пал.
"А что, плешак, если поедешь в табуны?" – сказал.
"На этот раз не откажу псу", – решил Козы
И ехать в табуны согласие дал.

В Туйемойнак* и Жылытау* коней они погнали,
Даже за Койманрак* табуны отогнали.
<От пастбищ Садыров до земли Шашты*>
Коней они пасти пускали.

Кодар привязан к табунам, ценит их,
Враг не нападает, он словно кабан.
На сочные травы загоняет Кодекс табуны,
Разжиревшими коней он вывел из зимы.

В степи Кодар-богатырь размышлял,
Строптивых и необученных коней объезжал.
Шесть месяцев прошло, снег сошел, лето пришло,
Коней обратно в аул он погнал.

[Кодар:]
– Друзья мои, ваши слова сочту-ка верными я,
Быстренько съезжу-ка я в аул.
Отпустите, соскучился я по вашей женге,
Привезу-ка урюка и изюма вам.

Бакаайгыра поставил на выстойку он,
В аул, что на Аягузе, приехал он.
Три дня всего в ауле пробыл,
А на четвертый собрался обратно он.

[Кодар:]
– Кто ловок, тот двойную долю съел,
Бог такое богатство дал тебе,
У нас двадцать коней пало этой зимой,
Полностью ли уцелел у вас рогатый скот?

[Карабай:]
– Как погляжу на тебя, ты особенным рожден,
Разве двадцать коней потеря для меня?
Крупный скот у меня цел и невредим,
Лишь утонула сотня моих овец.
В степи же рабы хитрить начнут,
Что скажет один, другие поддержат.
Поезжай и сам пригони коней,
А то в бескормилицу погубят их.

Взыграл Кодар, как снежный вихрь зимой,
Стал как атан*, как покрытый дорогой кошмой нар*.
Наслушавшись приятной лести, обратно поехал,
Довольный, что сказали ему: “Сам поезжай”.
Так протекали дни Кодеке,
На муки обрек его Карабай,
Не только не взял, даже не видел он Баян,
А с улыбкой вернулся в табуны.

[Козы:]
– Что же так скоро ты вернулся, Кодеке?
Повидал ли в карете нашу женге?

Когда уезжал, похвалялся нам привезти,
Где же обещанные тобой урюк и изюм?

[Кодар:]
— Свой пыл охлади, зачем все это тебе?
Надеется на пищу, которой ему не есть!
Целую миску изюма подали мне,
Да миску с изюмом я в ауле забыл.

[Козы:]
— Если так, Кодеке, я поскачу,
Соскучился я, на аул посмотрю.
Рукава поистерлись у меня, одежда грязна,
Попрошу, чтоб выстирали, и скоро вернусь.

[Кодар:]
— Поезжай, да возвращайся побыстрей,
Крепкого коня выбери себе.
Лишь половину шеи за три дня там я съел,
С голоду там помрешь, плешивый пастух.
Вчера я уехал, не встретившись с твоей женге,
Урюк и изюм поскорее нам привези.

Ни разу Кодар не видел Баян,
Напрасно, хвастаясь, называл ее своей великан.
Шесть месяцев пас овец богатырь Козы,
Соскучившись по любимой, примчался он в [аул].

Расскажу-ка о жизни Козы в ауле,
Сильно соскучился по любимой Баян[38].
Сбросив личину, он в кибитку вошел,
О чем ни подумает — все тут как тут.
Радостный с тремя девушками сидит
И рассказом о Кодаре потешает их.
Скакун мухортый у Козы-еке,
Дней десять тешился в повозке Козы.

“Ты устал, мой милый, и обносился”, — говоря,
Для него из шелка сшила сорочку Баян.
“Кодар вспылит, если увидит ее”, — говоря,
Ворот рубашки подогнула и обшила Баян.

В тесной повозке Козы размышлял,
Играми и шутками не пресыщался.

Дней десять в повозке тешился он,
"Не пора ли возвращаться", – стал ворчать Карабай.

Решил на завтра же ехать в табуны Козы,
Но не переставал думать о красоте Баян.
"Милый мой, долго не задерживайся там!" – сказала Баян.
Силы ему придали эти слова Баян.
Все трудное позабыв,
Счастлив он был, что повидал Баян.

Козы ездил на мухортом коне, говорят,
Его сила равна силе тысячи, говорят.
Девять либо десять дней потешившись с Баян,
Ер Козы вернулся в табуны, говорят.

[Кодар:]
– Уж не на неуке ль ты прискакал, безродный плешак?
Свою женге хотя бы ты повидал?
Заважничал ты, прожил там десять дней,
Привез ли в подарок урюк и изюм?

[Козы:]
– "Иди садись! Побеседуем!" – они говорят,
А сами сидят и изюм едят.
"Дайте изюма для Кодеке", – я говорю.
"Лекарства отвези Кодару", – они говорят.

[Кодар:]
– Бакаайгыр вздыбится, когда накинешь курук*, –
Размышляет Кодар, лежа в шалаше. —
Не простившись с ней, уехал я,
Вот почему шутит со мной твоя женге.

[Козы:]
– Что-то мне эти девушки не по душе,
Похоже, не искренни они с тобою.
Я попросил: "Дайте изюма моему Кодеке".
"Пусть сгинет твой Кодар", – ответили они.

[Кодар:]
– Карабай – мой тесть. Он уж стар.
В тесной карете сидит Баян-кыз – невеста моя.
Пусть себе болтает, не беда, плешак,
И копыта тулпара – "лекарство" для нас!

[Козы:]
– Твой тесть хвалит тебя, Кодар,
Ты хорошо ухаживаешь за скакуном, Кодар.
"Я не выйду за Кодара, пусть сгинет он!" – говоря,
Гневается Баян на тебя, Кодар.

[Кодар:]
– Что ни скажу, ты все перечишь, смутьян-плешак,
Стал дурным твой нрав, а сам ты чванлив.
Похоже на насмешку все, что ты говоришь,
Достанется тебе за это сейчас от меня.

[Козы:]
– Ты плохо ведешь себя, Кодеке,
Пора тебе жениться на Баян.
Оказывается, и девушки влюблены в тебя,
Я назло тебе говорил, просто шутил.

Твой тесть Карабай скот заколол,
Всех людей досыта накормил.
"Пусть пригонит кобылиц отдельно от табуна",– сказав,
Такой привет твой тесть Карабай тебе прислал.

[Кодар:]
– Раз так, давай-ка прикинем, плешак, что и как,
Давай отделим от табунов неуков и строптивых [коней].
Эти негодники сами не могут сделать ничего.
Давай вдвоем отделим кобылиц и отгоним их в аул.

Я ведь зять – здесь тайно укроюсь[39],
Ты же знаешь тайну своего старшего брата.
Негоже мне ехать в их аул,
А ты съезди и привези жели*, токпак* и курук.

Козыке ловкость-сноровку свою проявил.
Поскакал на своем Курене,
"Покажу ему кое-что", – решил.
И без курука, жели и токпака прискакал.

Златолицый Козы лучился весь,
А никчемный Кодар насмехался над ним.
"Что же курук, токпак и жели ты не взял?
Как же ты думаешь ловить коней?"– ворчал.

Козы – меткий стрелок, лебедя подбивал
Или в то место, где только что лебедь был, попадал.
Колья у жели были с кулаш,
А он их в землю пальцами втыкал.

Дивились люди силе Козы,
Воодушевленный, он прискакал в табуны.
Хватая за хвост, коней на землю валил,
Всех неуков повалил и в ряд их привязал.

Увидел это, занемог Кодар,
На пегой кобылице к Козы примчал,
"Ты слова на ветер пустил", – сказав,
Ударом по голове Козы ошеломил.

Зимой пасет скот тот, кто его имеет,
В борьбу вступает тот, кто силу имеет.
Если приехал от устья вод, из Курдыма,
Разве позволит рабу бить себя тот, кто душу имеет.

Услышав [Кодара слова], Козы подскакал,
За шиворот крепко Кодара схватил.
Как ни силился, ни сопротивлялся тот,
С пегой кобылицы его Козы стащил.

[Кодар:]
– Что я сделал тебе худого, плешак?
Меня погубило добро, что я тебе сотворил, плешак.
Много кумыса я выпил, посиживая в шалаше,
Лука твоего седла воткнулась мне в живот, плешак.

[Козы:]
– Ты пошутил, Кодеке, и я пошутил,
Больше, чем ты, Кодеке, я не шутил.
Ты плетеной камчой без жалости хлестнул,
Надеясь на твою понятливость, я пошутил.

[Кодар:]
– Ой-бой, нечестивец, что же я сделал тебе?
Прикинувшись, что шутишь, ты доконал меня,
Пусть богом я буду проклят, если лгу,
Отпусти ж поскорее, а то я... в штаны, плешак.

Козыке показал раз силу свою,
Он с издевкой придавил Кодара к седлу.

А потом в черный омут глубокий
Кодара далеко зашвырнул.

Осрамился Кодар вконец,
Не тонуть же ему в воде.
И так и этак барахтался верзила-раб,
Вразмашку поплыл и выбрался из воды.

[Кодар:]
– Силен этот пес, надо это запомнить,
Зачем упорствовать, против него [идти напролом]?
В борьбе на коне не одолеть его,
Лучше состязаться с ним в стрельбе.

Десять кетменей в ряд поставил Кодар,
Немало веселых богатырей там собралось,
Произнес "Бисмилла"* Козы и тетиву натянул,
Десять кетменей пробил стрелой насквозь.

Выполняя свое обещание, Кодар,
Прицеливаясь, на скакуне примчал.
Бахвалясь, Кодар-батыр тетиву натянул,
Но с трудом только пять кетменей пробил.

[Кодар:]
– Ни один человек не умрет, если смертный час его не пришел,
Разве силу мою не увидит народ?
В стрельбе из лука искусен Козы,
А в борьбе разве меня ему одолеть?

Бороться с Кодаром вышел Козы,
Чести и совести лишен ведь Кодар,
Под самый низ Кодара Козы уложил,
А девяносто джигитов сверху, как тюки, навалил.

[Кодар:]
<– Этот плешак зло на меня таит, думаю я,
Прикинувшись играющим, погубил меня, думаю я.
Эй, плешивый бедняк, что это за глупая игра у тебя!
Затрещали и сломались мои ребра, думаю я.>

[Козы:]
– Не было в этом моей вины, Кодеке,
Из-за смерти твоей не стану горевать,

Пусть сломались ребра, пусть даже ты умрешь,
Сам виноват, во всем пеняй на себя.

[Кодар:]
– Так-то ты теперь заговорил, смутьян-плешак,
Что-то неладное ты затаил, плешак.
Ребра мне переломал, перебил,
Отпусти, дай мне покоя, черт бы тебя побрал.

Растерялись, осрамились все девяносто рабов,
По божьей воле вынужден скитаться Козы.
Так что же ему пасти коней в степи?
Распевая песни, ушел к своей отаре он.

Так Козы показал сноровку свою,
Девушки радостно поддакивали ему.
Не спеша, спокойно уехал батыр Козы,
Всех девяносто в кучу свалив.

Богатырь Козы уехал, всех разгромив,
Там, на месте схватки, был обрыв.
Когда, одолев врага, уезжал Козы,
Навстречу ему вышла красавица Баян.

[Козы:]
– Послушай-ка меня, Баян!
И такого боялись вы! О боже!
Звал тебя Кодар, велел быстрей прийти,
Ступай, смажь горемыке ребра!

[Баян:]
– Оправится Кодар и без меня,
Ты опозорил его, не послушав меня.
Оставил в живых, а он зло затаил,
Теперь остерегайся, чтоб врасплох не застал тебя!

Его юрта снаружи в золоте, внутри в серебре,
Каждый день в состоянии веселиться он.
"Я всех приглашаю на семидневный ас*", – сказав,
Сасан-бий объявил саун в этих местах.

Этот Сасан, что известие о сауне разослал,
Бием чтимым в своем народе был.
Настал назначенный день – начался ас,
[Все] во главе с Кодаром и Карабаем уехали на ас.

Кроме плешивца, в ауле не осталось ни души,
Свою личину можно теперь Козы-Корпешу снять.
Сказала Баян: "Довольно, прощай!" – и личину выкинула прочь,
А мужа своего разодела как царя.

Кроме плешивца, в ауле не осталось ни души,
Во главе с Кодаром все до единого уехали на ас.
Внезапно начался град, и двенадцать дней он шел,
Задержав всех, кто приехал на ас.

Все видели, как сель бурной рекой стал,
Всех на двенадцать дней задержал.
Лишь когда Козы с Баян утолили свою страсть,
Прояснилось и вернулись домой все, кто ездил на ас.

Счастливые были Козы и Баян,
А Кодар на девушку свои надежды возлагал.
"Накормлю пасущего скот плешака!" – сказал,
И для Козы навьючил мяса два мешка.

Всем скотом Карабая ведал Кодар,
Не встретишь такого завистника, как этот Кодар!
"Где же мой плешивый пастух? Я мясо для него привез!" –
Приехав, на весь аул закричал Кодар.

Кодар шумел и во весь голос кричал,
Козы и Баян глупый Кодар потешал.
О том, что спали вместе Козы и Баян,
Кодару какая-то женщина рассказала.

[Жар-жар* этой женщины:]
– Попусту ты ходишь, Кодар-богатырь, жар-жар!
Постой-ка, послушай, что я скажу, жар-жар!
Зря ты хвастал, Кодар! Ты лишился Баян, жар-жар!
Думаю я, что ты честь потерял, жар-жар!
Двенадцать дней прошло, как уехал ты, жар-жар!
И все это время он с бикеш* спал, жар-жар!
Каждый день там веселье и наслажденье, жар-жар!
Одаривают щедро они людей, жар-жар!
Притворялся пастухом Козы-Корпеш, жар-жар!
Идем, покажу тебе, где они, жар-жар!

Когда об этом услыхал Кодеке,
От злости закружилась у нечестивца голова.

От злой натуги рассыпалось седло под ним,
И палец свой от злости он прикусил.
Но не посмел на Козы взглянуть
И обратно на ас умчался он.
"Хан Карабай, твоя дочь досталась врагу,
Верни мне мою воду!" – кричал он.

[Карабай:]
– Мой Сасан-бий, взгляни на меня,
И скажи мне, что это за сумасброд?
Не в Бетпаке ли осталась твоя вода?
Зачем она мне – поезжай, да воду свою забирай.

[Кодар:]
– Мой Сасан-бий, ты резал скот,
Ты щедро угостил всех людей.
Зачем же насмехается Карабай?
Раз так, уничтожу я ваших людей.

[Сасан-бий:]
– Свет мой, ты у нас единственный герой,
Пусть сорок женщин пригласят Козы домой.
Как приедет, араком напоим его,
Выпив арака, отравится он и умрет.

Не в силах схватиться с Козы, с нами ссоришься ты,
А схватишься, так дело известное – останешься ни с чем.
Если мы как-нибудь умертвим Козы,
Не будет у тебя соперника, женишься на девушке ты.

Страшась Кодара, все расхваливали его,
Но сторонились, не дружили с ним.
Сасан-бий и люди долго советовались
И пригласили Козы, замысел затаив.

Сорок женщин с приглашением приехали,
О тайном сговоре они не ведали.
"Аксакалы тебя приглашают на той,
Не годится не ходить, "зятек", – сказали.

– Милый мой, будь осторожен, – сказала Баян, –
Не думай, что все они твои друзья.
Хитрят они, задумали убить тебя:
Не езди совсем, это – западня!

[Козы:]
– Баян-жан, ласковы твои слова,
Только по-женски ты судишь иногда.
"Не жди до срока ни смерти, ни зари,
Хоть к сорока ружьям меня привяжи".

Если смерти мне бог не пошлет,
Ангелы защитят – какая там смерть?!
Пойдет молва: "Струсил Козы, не приехал на той".
Разве к лицу мне такое, подумай о том.

Все же съезжу, рискну,
И добро и зло в божьих руках.
Посмотрю, что они сделают,
А без действия, что толку лежать?!

Сорок женщин, ездивших пригласить его, говорят,
Сознания лишились, увидев его красоту, говорят.
Увидев [Козы и Баян], подобных луне и солнцу,
Они от восхищения разинули рты, говорят.

"Другому такому человеку не родиться!" – люди сказали.
"Не будет удачи тем, кто им повредит", – сказали.
"Если кто задумает их разлучить,
Пусть рода и потомства лишится", – сказали.

Драгоценности на Козы надела Баян,
Весь сверкая, на Курене красовался он.
Всех во всем он превосходил,
Обняла его и расцеловать себя позволила Баян.
К старшим сестрам – Ай и Тансык – подошла Баян
И о своих опасениях поведала им.

Множество людей собрал Карабай,
Поведал им, что коварно убьет он Козы.
"Посмотрим, что будет", – говоря,
Две сестры пришли вслед за Козы.

Собравшихся людей увидал Козы,
"Ладно, рискну, посмотрю!" – сказал.
Всех, собравшихся в белой орде,
Произнеся: "Ассалаумагалейкум!"* – приветствовал.

Людям понравилось поведение Козы.
Девушки пришли ведь, зная об этом.

"Чашу подайте жениху", – говоря,
Со всех сторон протягивали ему арак.

Козы обрадовался этим словам,
У всех на виду осушил два бурдюка.
Когда же выпитое по телу разошлось,
Вдруг посинел Козы, изменился в лице.

Девушки, тайком пришедшие за ним,
Видя, что в беспамятстве Козы,
Решили умереть вместе с ним
И смело в белую юрту вошли.
"Одинокий, без боя умираешь", – говоря,
Холодной водой брызнули ему в лицо.

Шатался Козы, горело у него нутро,
Не было никого, кто бы желал ему добра.
Как только девушки обрызгали его холодной водой,
Сразу же пришел в себя Козы-богатырь.

Одна из сестер коня к Козы подвела,
Вскочив на Курена, Козы ускакал.
Яд и водка текли у него изо рта,
Там, куда яд попал, облезла у Курена грива.

В безлюдную степь поскакал храбрый Козы,
Не будь он богатырем, разве приехал бы сюда?
Когда, ослабев от арака, ехал он,
Повстречалась ему красавица Баян.

[Баян:]
– Разве не говорила я, что лживы их слова,
Они же сговорились обманом убить тебя.
Светик мой, увези меня на родину к себе,
Теперь покоя не дадут, ополчатся против тебя.

[Козы:]
– Разве не видишь ты, что недужен я,
Не уеду, пока не исполню клятвы своей,
Уеду далеко, поправлюсь, приду в себя,
Тогда ты посмотришь, как потешусь я.

[Баян:]
– Где твои края балталы-баганалы?
Где твои озера с зелеными берегами?

Своей справедливостью врагов усмиряющий
Бий Тайлак твой храбрый где?
Пока жив ты и невредим, светик мой, на родину вернись,
А то можешь умереть с несбывшейся мечтой.
Здесь, кроме меня, все твои враги,
Подумай и о том, как будешь ты жить?
Кодар будет меня донимать: мол, в жены меня возьмет,
Куда бы ты ни поехал, не оставляй, увези меня.
Присмотрись, оглянись вокруг,
Кто здесь, кроме нас троих, любит тебя?

[Козы:]
– Красавица Баян, я знаю – ты мне друг,
Когда ты со мной, не ведаю печали я.
Много в аулах смутьянов и глупцов,
Пусть и народ, и враги узнают силу мою.
Как только поправлюсь, с ними сражусь,
Пусть эта толпа убедится в мощи моей.
Если же смерть настигнет меня и я умру,
Пусть потом народ помянет меня добром.

<Убедилась Баян, что непреклонен Козы.
Как ей справиться с богатырем, что булатом рожден?>
Думая, что, опьянев, где-нибудь свалится в беспамятстве Козы,
Все во главе с Кодаром погнались за ним.

Что Карабаю сделал Козы?
За что убить его сговорились все?
Всех преследователей опередив,
На пегой кобылице его нагнал Кодар.

[Козы:]
– Чванясь и похваляясь, подъехал ты,
Круглую твою башку я пищей сделаю для ворон.
Никак не отстанешь ты от меня,
Выстрелю в тебя – поделом будет тебе.

Он пустил желто-пеструю аршинную стрелу,
До смерти испугался чванливый раб.
Скача на Курене во весь опор, метнул Козы,
И с пестрой кобылицы свалился Кодар.

Козы сноровист, но он одинок,
И одиночество нисколько не пугает его.

Свалив Кодара, он дальше поскакал,
Думая: "Смертный час раба настал!"

Опозоренный, лежал Кодар-богатырь,
Баян не желает с рабом говорить.
Лишь когда Козы-Корпеш совсем исчез с глаз,
Лежавший Кодар с трудом на кобылицу влез.

<Козы ускакал, а раб Кодар остался жив,>
Без девушки незачем ему жить[40].
Стрела, оказывается, попала ему в бедро,
<Сев на кобылицу, расхрабрился он.>

Весь народ собрал Кодар-богатырь,
"Убью Козы, башку ему снесу, – сказал. –
Вот этим самым топором снесу", – сказал
И свой боевой топор поцеловал.

Без пользы копил богатство Карабай[41],
А Кодар на словах всех побеждал.
"Беглец бежал, я женюсь на Баян!" – говоря,
Всем людям уши он прожужжал.

Девяносто джигитов говорят: "Долго ли будем терпеть?
Погибать что ли нам от насилий Кодара?
Ведь все мы жили здесь ради Баян,
Неужто без боя ее отдадим?"

Так договорились они и рассорились с Кодаром,
Все до единого с Кодаром подрались,
Получив по голове удар железной дубинкой,
Косемсары, вырвавшись из общей свалки, ускакал.

В безлюдную степь поехал Косемсары
И, обессиленный, долго блуждал по степи.
Там у ручья он встретил Козы:
"Косем, что делаешь ты в степи?" – спросил Козы.

[Косемсары:]
– Как уехал ты, куражился перед нами Кодар,
К целой сотне себя приравнял Кодар,
Крича: "Женюсь на Баян!" – замучил всех,
Ведь при тебе на это не решался Кодар.

Ради Баян мы жизнь были готовы отдать,
Все согласились сразиться с Кодаром,
Когда он собрал народ и сказал: "Женюсь на Баян!",
Мы, девяноста джигитов, схватились с ним.

Но во время боя все разбежались,
Хотя договорились вначале всем вместе быть.
Когда он железной дубиной ударил меня,
Не помня себя я оттуда бежал.

[Козы:]
– Как уехал я, он вас, оказывается, одолел,
Ишь, как уверился, что останется жив.
Ведь до полусмерти избил я его,
Но, видно, бог внял его мольбам.

В безлюдной степи побратались богатыри,
Старые распри свои оставили они.
"Друг за друга насмерть будем стоять", – сказали,
И быть друзьями поклялись.

Часто думали о Баян Косем и Козы,
А Баян дома сидела, молилась богу.
"Где он укрылся, поди узнай!" – сказав,
Отправила девушку красавица Баян.

Девушка тотчас же на поиски ушла
И с трудом нашла Козы у ручья.
Воочию увидев Козы и Косема,
Вернулась к Баян с известием она.

Каждый день эта девушка собирала кизяк,
С ней Баян посылала им еду.
Подозрительными показались прогулки этой девушки
Одной коварной женщине, и она пошла тайком за ней,
И Кодару она рассказала,
Как в Шок-Тереке* девушка говорила с беглецами.

Как услышал Кодар – немедля в аул прискакал,
А Карабай всех своих людей ему собрал.
<Вдвоем возглавили они толпу
И к тополю, где укрылся Козы, людей повели.>
Называя в жертву жеребца и барана,
Баян отправилась следом за ними.

<Ни стыда, ни совести Кодар не знал,
На выстрел всех опередил, прискакал
И кого-то, кто под тополем спал,
Он камышовой стрелой сразил.
А когда тот забился, сраженный стрелой,
Он голову ему отсек боевым топором.>

Тут же смерть настигла Косемсары,
У Кодара топор с рукоятью из ирги.
"Вот голова Козы, я его убил", – говоря,
Хвастун Кодар обратно в аул поскакал.

И Баян поспешно добралась до Шок-Терека,
Но вот послушай-ка еще о другом!
Когда шла Баян, горько рыдая,
Ей повстречался хан Кареке.

[Баян:]
– Отец, я устала оглядываться на тебя,
Сколько могла, я не перечила тебе.
Вы всем скопом помчались его убивать,
Каково же ему, ведь одинокому помогает только бог, говорят.

[Карабай:]
– Во всем мире один герой Кодар, – сказал. –
Бог исполнил желания окаянного, – сказал.–
Говорят, что в Шок-Тереке он подстрелил Козы,
Сам я не видел, но говорят, что умер тот, – сказал.

Не плачь, я ни с кем не равняю тебя,
Хорошего с плохим не равняю я.
Если недостойным считаешь раба Кодара, не любишь его,
Я выдам тебя за того, кого выберешь в народе сама.

[Баян:]
– Я никуда не ходила свободно,
Кроме Козы, я не знала другого.
Чтоб собирать по аулам верблюдов-самцов,
Я ведь не верблюдица, что случки ждет.

Кодар, бахвалясь, к ним прискакал,
Всех своих за собой привел.
"Возьми голову мужа, несчастная!" – сказав,
К ногам Баян отрубленную голову швырнул.

Что это не голова Козы, узнала Баян,
<Но истину эту утаила Баян.>
“Если не унесу, он станет искать Козы”, – подумав,
<Взяла голову и завернула в подол Баян.>

<Кто еще, как храбрый Козы, подвиг совершал,
Не боясь ничего, свою клятву сдержал.
На рассвете он заметил лисий след,
И по тому следу на Курене поскакал.

Господь-бог помог Козы, поддержал,
В тот день на его месте Косемсары спал.
Кодар убил его и, бахвалясь, ускакал,
Что же поделаешь, если господь с толку сбил.

Баян ушла, завернув голову в подол,
А Кодар, бахвалясь, вернулся в аул.
Оказывается, пролил кровь Косема Кодар,
Увидел это Козы, когда вернулся с охоты на лису.>

[Козы:]
– Я вчера подружился с тобой, полюбил тебя, – сказал. –
О тебе, моем друге, теперь горюю я, – сказал. –
Если буду жив, отомщу за тебя,
Жизнью пожертвую ради тебя, – сказал.

О друге долго горевал храбрый Козы,
Был он могуч и страха не знал.
“Испытаю-ка я этого Кодара, что друга убил”, – сказав,
На всем скаку выехал он на хребет.

С хребта увидел он собравшуюся толпу,
Весь в слезах, для друга жизни не щадя,
С мыслью: “Встретить бы мне Кодара наедине!” –
Он стремительно туда поскакал.

Бог милосердный поднял дух храброго Козы,
Очень храбр и сноровист, хоть и молод Козы.
“Женюсь на девушке!” – кричал и скакал Кодар,
Да неподалеку от аула встретился с Козы.

В ту пору всех сильней был Козы,
Опешил, замешкался Кодар, завидя Козы.
“Ты мне много зла причинил!” – сказав,
Метким выстрелом свалил Кодара Козы.

Вихрем вертелся на Курене храбрый Козы,
Убил Кодара, голову ему отрубил.
С криком въехал в собравшуюся толпу,
Голову за губу к торокам подцепив.

Ждали люди, что расправится с ними Козы,
Но лишь за Баян приехал он издалека,
На остальных людей и не посмотрел,
Одного Карабая он искал.
В высохшем колодце спрятался Кареке,
Там его Козыке и отыскал.

Никто не смел подойти к Козыке,
Мечом Карабая изранил он,
Привязал его к дереву, чтобы видел народ,
Потом изрубил и выбросил Карабая псам...

<Умер Карабай, смерть его пришла.
Людям много он зла принес,
А гнев Козы все не стихал.
Рассерженный, он хотел всех врагов истребить,
Но отвел его домой, говоря: “Успокойтесь!” –
Родной сын его по имени Кулеп.

Тогда Кулепу было девять лет,
Он, словно отпечаток на камне, на отца походил,
В тесной повозке вырастили Кулепа Ай и Тансык,
Никому не показывая его.

Правителем этого народа стал Козы,
Все дела по шариату он решал.
Весь народ полюбил Козы,
Множились у него друзья и знатные люди.

Не было человека, кто бы ослушался его,
Богатство и роскошь его были под стать ему.
То, что в день уходило у него на еду,
Месячному расходу иного бая было равно.

Издалека ли приезжали гости, из ближних ли мест,
Всех торжественно встречал и угощал щедро [Козы],
Всем гостям подавали мед, сахар, халву,
Доверху заполняли золотые и серебряные чаши.>

Без еды насыщались, без питья пьянели
Гости, видя красоту супружеской четы.

<Отличалась от всех их красота,
И любовь их была особой.
Кто слышал их шутки и речи,
Кто видел их, не мог от них отойти.

Святой покровитель поддерживал храброго Козы,
Чего бы ни пожелал Козы – все ему посылал.
Все повидал Козы, что может увидеть человек,
Вот истинный хозяин девяноста тысяч коней.

Хорошо управлял храбрый Козы людьми,
В этих моих словах нет ни капли лжи.
Но сколько бы хорошего ни повидал человек,
Все равно о чем-то сожалеет божий раб.
И хорошее и худое испытав,
В тридцать пять лет почтенный покинул мир.

Он всего достиг, пока ханом был,
Ни перед кем не провинился он.
В семнадцать лет Баян сочеталась с ним,
Теперь же осталась <с Кулепом вдвоем.>

<Когда покинул мир хан Козыке,
Будто овцы заблеяли – так зашумел народ.
Храбрый Айбас сам омыл белые кости Козы
И заупокойную молитву богатырю прочел.

Бразды правления пока взял в руки Айбас,
Пятьдесят тысяч человек на службу собралось.
С трехдневного расстояния камень везли, чтоб прочным был,
И сверху из ста бревен построили мавзолей.
Этот мавзолей и до наших дней не обветшал,
Незабываемым памятником остался [для людей].

Чтобы построить мавзолей, были призваны мастера,
Далеко от Аягуза людей не отпускали они.
Когда же за год был построен мавзолей,
Чтобы читать Коран, Баян в мавзолей вошла.>

[Плачь Баян:]
<– С сердцем льва, с силой слона
Ты мстил своим врагам.

С телом стальным, с умом золотым
Ты благородно правил народом[42].
Ты был умен и статен,
Ты был рожден от луча.
Кто видел твою красоту, твою стать,
Рассудок вполне мог потерять.
Кто твой ум и нрав узнавал,
Тот свой народ оставлял.
Любые запутанные дела
Ты всегда распутывал [легко].
Опорой – сердцу, глазам – радостью ты был.
В тени твоей отдыхал народ.
Женился ты на мне, милость мне оказав, рискуя, не страшась,
И такого любимого мужа моего
Забрала к себе сырая земля!
<Мой Кулеп уже> не мал,
Достиг уже юности он...[43]
А твой старший брат батыр Айбас,
Сидя на Тулпаре верхом, знамя держал.
Вот построен народом мазар,
Достойный имени твоего.
Без тебя, супруг мой,
Жить на свете мне грешно.

Пропела Баян и могилу обняла,
А душа ее тотчас любимого нашла.
Кто-то хотел поддержать голову ее,
Но, истинно любившая, она была мертва.

Вдумайся: это ли не подлинные друзья?
Разве не лживы другие, кто о дружбе говорит?
Бог их друг ради друга сотворил,
Это ли не чистая, созданная богом любовь?

Вместе погребли Козы и Баян,
Уму непостижима была смерть Баян.
Ради любимого, расставшись с душой,
Примером живущим стала Баян.

Любимой подругой его была Баян,
Таковы славные дела, совершенные Козы.
Будь доволен теперь, собравшийся народ,
Бейсенбая повествованье кончается тут!

КЫЗ-ЖИБЕК[1]

Речь поведу я, друзья,
Слушайте внимательно.
Поведаю небольшой рассказ,
Насколько мне хватит сил.
Если ты не давал зекета*,
Пользы не будет от богатства[2].
Слушайте [повесть] про Кыз-Жибек,
Сверстники, мужчины и женщины,
Старцы белобородые...
Рассказом о Кыз-Жибек
Насладитесь сполна...
Внемлите же мне, друзья!
Оставим иные речи.
Поведем рассказ о Кыз-Жибек
И вкусим усладу его.
Где сошли старые краски,
Свежие положим и подновим.
Коль повели мы рассказ,
Каждому нужно угощенье,
Так зарежем-ка ягненка.

В стародавние времена,
Когда вера была сильна,
Средь народа Младшего жуза*
Был род жагалбайлы*.
Обитал род жагалбайлы
У озера Актениз*,
Если спросишь про летовку его –
На берегу Каратениза* она,
Где перевалы Улан*, Жамбил*.

В роду жагалбайлы
Был богач по имени Базарбай.
Если спросишь про богатство его –
Так не хватит меры,
Чтобы его подсчитать.
Богатство бая велико:
Груз семисот верблюдов –
Его тилля* и жамбы*.
Груз же тысячи верблюдов –
Его сахар с чаем.
Счета нет скоту его,
Что пасется на отгонах.

Было у бая три жены и девять сыновей,
Творец его деньгами, коих не сосчитать, одарил.
Вот настигла холера его род –
Девятерых сыновей унесла, не оставила ни одного.

Умерли все девять сыновей его,
Еще шесть жен взял сердитый бай.
Когда восьмидесяти лет достиг Базарбай,
Самая младшая жена сына ему родила.

Роженице было сорок четыре года,
У других жен бая не было детей.
Сына, подобного ангелу, бог ему дал,
[Не зря] кровавыми слезами плакал Базарбай.

Толегеном мальчика он назвал,
Щедро создатель его одарил.
Невозможно красоту дитяти описать:
Рассудка лишится тот, кто взглянет на него.

Сердце Базарбая утешило дитя,
Горе былое покинуло его.
Через девять лет еще один родился сын,
Собрав людей, Базарбай Сансызбаем его нарек.

Никого за обоих не сватал он,
Наветам недругов не внимал.
"Будут живы – сами выберут девушек себе,
А умрут – горя мне не пережить", – [решил.]

"Пускай хоть на царевнах женятся – хватит на калым скота,
А посватаю сам да не угожу – чести лишусь.

И без того немало горя я испытал,
А коли умрут, и того горше будет мне", – [решил.]

Толегену в ту пору исполнилось двенадцать лет,
Во [многих] странах искал он невесту себе.
Никто не приглянулся ему, и к шестнадцати годам
Он объехал уже все места, куда мог доскакать [его] конь.

Раз в его края заехал купец, говорят,
Все о них разузнал, говорят.
"Жаднее Базарбая никого не видал", –
Насмехаться над баем стал купец, говорят.

– Для чего собрал он столько скота,
Коли никому из сыновей калыма не выделил.
Разве не дорожит ими он как зеницей ока?[3]
[Разве] не наследуют они его скот, не опора ему?

Тут кто-то все растолковал купцу:
"Бог скотом и богатством их одарил,
Да Толеген не находит здесь девушку по душе,
А Базарбаю скота [для калыма] не жаль".

<Услышал это купец, призадумался,
Позвал Толегена к себе:
"Коль не можешь красавицу найти, я подскажу", – сказал
И такой Толегену он дал совет:>

– Раз здешние девушки тебе не по душе,
Можешь теперь же, Толеген, дать мне суюнши*!
Есть на Ак-Жаике* род алты шекты*,
Хорошую девушку там ты найдешь.

Богат красавицами на Жаике* народ,
Коли ищешь девушку, не ленись, поезжай.
Легко ты выберешь там красавицу себе,
<Подобную гурии подругу, достойную тебя.>

<Толеген загорелся желанием отправиться на поиски.>
"А сколько дней туда пути?" – спросил.
"Путь стодневний", – ответил купец,
И Толеген на поиски ехать захотел.

Толеген в семнадцатилетие тогда вступил,
Немало счастья бог ему даровал.

— Пустыня там есть, на сорок дней пути, — сказал купец. —
А всего надо ехать семьдесят дней.

Но прямым путем не проехать тебе,
Умрешь в дороге, не исполнив мечты.
Берегом рек поезжай, дали не страшись,
"Всяк живущий подвластен судьбе!" — [говорят.]

Решил ехать на Ак-Жаик Толеген,
Решил испытать, что богом ему суждено.
Тому, кто проведет его в ту страну,
Решил сто жамбы в подарок дать.

Выходил он серого скакуна,
Иноходца с крылами птицы.
< Седло и сбрую золотом отделал,>
Серебряными подковами подковал коня.

Узду и седло самоцветами украсил,
Проводниками сто джигитов с собою взял,
На девять верблюдов злато-серебро нагрузил,
Еще пять джигитов взял для услуг.

Да поможет бог храбрым мужам!
На сорок верблюдов навьючил еды, сахару и чаю —
Разных припасов заготовил впрок
И в месяц наурыз* отправился в путь.

Теперь сказ я поведу жыром*[4].

Базарбая Толеген, —
Старший сын — кобеген[5], —
Взяв с собой восемьдесят слуг,
Да еще пятнадцать проводников,
Отправился на Ак-Жаик.
Сколько в месяце дней прошло,
Ночь безлунная вчера была[6].
Падишаху под стать
Осанкой своей Толеген.
Святому в жертву коня,
Корасану* — барана пообещав[7],
Людям душу пообещав,
Отправилась сына догонять
Родившая его под старость мать.

Догнала и заговорила мать,
Сына так увещевала она[8]:
— Пегой масти под тобой конь,
Ты мой сын, я тебя родила.
Разве [верное] дитя покинет
Родного отца и мать?
Сказать "останься" — останешься!
Ты меня не ослушаешься!
Если же не останешься,
Если меня ослушаешься,
Знай — загубил ты свою мать.
На склоне лет моих я тебя родила.
Заставив рыдать отца и мать,
Куда же ты держишь путь?
Мать твоя, сокрушаясь, пришла,
Сидит отец в растерянности твой.
Полные зависти многочисленные враги,
Готовые на все, следом за тобой придут.
И как уедешь ты, светик мой,
<Скот захватят они, уведут.>
Молод Сансызбай — твой брат,
Кто же нас будет утешать?
Тогда Толеген так сказал:
— Перестань, матушка, не плачь,
Разве плакать тебе к лицу?
Понапрасну, матушка,
Слез не лей!
Мне уже семнадцать лет,
А для меня не выделен калым,
Не приравнен я к сверстникам своим.
Пусть песком засыплет твои глаза!
Вот тебе доля твоя!
Тогда сказала ему мать,
Вот что сказала она:
— [Не езжай,] сынок, воротись,
Тайну свою отцу открой.
Хоть царскую дочь бери —
[Только] останься в своем роду.
Не оскорбит ли кто словом [нас]?
И престарелый твой отец Базарбай
Разве не будет страдать из-за тебя?
Ведь в народа много глупцов!
А будешь ты по свету бродить —
Не назовут ли бродягой тебя?

"Отца и мать заставив слезы лить,
Из-за девушки ушел", – говоря,
Не осмеют ли тебя враги и друзья?
Тогда Толеген ей сказал:
– Ох, дорогая матушка моя,
Разве трехлетний баран
Приблудным пристанет ко двору?
Пока красавицу не найду,
Разве успокоится душа моя?
Храбрец, имеющий свою цель,
Разве повернет коня назад?
Плохое, хорошее ли случится –
Все по воле божьей,
Не по желанию нашему.
Думая: "Не послушался меня – уехал",
Не тужи и слез не проливай.
А до тех пор пока с Жаика не ворочусь,
Пока в здравии не увижу Вас,
Отца и мать поручаю я
Всемогущему богу-создателю!
Мать тогда сказала [ему:]
– Тальник – земли краса,
Обрывы – реки краса,
А скот – джигита краса.
Есть у тебя скот, светик мой, –
И в ханы можешь метить ты.
Ты халву вкушал и пил мед,
Жевал жая* и жал* ты ел[9],
Коль ты ехать решил, светик мой,
Сорок иноходцев из табуна возьми!
Ведь юн еще Сансызбай,
А как уедешь ты, светик мой,
На кого опереться, как жить
Твоим оставшимся старикам?
Тогда Толеген ей сказал,
Вот что он сказал:
– Пегой масти подо мной конь,
Я твой сын, ты меня родила.
Мечта запала в душу мою,
Отправляюсь я в дальний путь,
Коли будет божья воля на то,
Красавицу в жены себе возьму,
А не будет божьей воли –
О чем тогда говорить?
Покину я этот мир.

Словом, подумала мать: "Оказывается, мой сын твердо решил ехать, он не вернется. Лучше уж благословлю его в путь", – и начала молиться сперва богу, а затем пророкам и святым, поручая им сына:

Плачет несчастная мать,
Плачет, причитает.
" Не плачь", – утешает ее сын,
А она все плачет.
Не возьмет красавицу Толеген –
Не успокоится его душа!
Сказала тогда матушка его:
– О господи! С мольбой
Припадаю головой к порогу твоему,
Слово со словом
В горе связываю я.
Коли едешь ты, светик мой,
Тебя всевышнему богу –
Истинному покровителю – поручаю я.
О Камбар*, хозяин озер!
О Камбар, хозяин пустынь!
Ох, взор обрати на светика моего!
Будь милосерден, о боже,
Кто же поможет, как не ты!
Покровители всех влюбленных
Лейли* и Меджнун*, вы – защита ему!
Предводители всех влюбленных
Зулейха* и Жусуп*-пророк,
Покровительница женщин Батима*,
Вам сына поручаю я.
Если заблудится – выведите на [верный] путь,
Если споткнется – поддержите[10],
От беды его избавьте...
О храбрый султан хазрет Али*,
И Вы милосердным будьте,
Волосатый Прадед Азиз*,
Вам поручаю сына я!

Итак, сказала мать эти слова и воротилась назад. А Толеген джигитов своих спросил:

– Вы поняли, что сказала моя мать?

– Ничего не поняли, – они отвечали.

Тогда Толеген сказал:

– Я не караванщик и не грабитель, чтобы ехать без скота со многими джигитами, – так не годится, оказывается. "Возьми из табуна иноходцев", – вот что сказала моя мать.

И вернулись они, взяли из табуна двести пятьдесят иноходцев и, проехав несколько дней, доехали до шектинцев, раскинули шатер, пустили иноходцев пастись.

Сказанные Толегеном слова: "Каждый, у кого есть красивые дочери, пусть приведет их, покажет. Тем, кто сам приведет и покажет дочь, все равно, возьму ее в жены или нет, подарю по иноходцу!"

Услышав это, люди повели девушек на показ. Каждая девушка возвращалась домой с иноходцем. Ни одну из девушек не выбрал Толеген. За несколько дней он увидел двести десять девушек и двести десять иноходцев отдал.

Тогда посовещались его восемьдесят спутников-джигитов и порешили: "Разбазарил скот Толеген. Давайте отныне сперва сами будем девушек встречать. И если только девушка окажется несравненной красоты, будем показывать ее Толегену, а нет – скроем его [от девушек], не знаем, мол, Толегена. Не то, он раздаст оставшихся сорок иноходцев, а потом начнет отдавать и наших верховых коней. А нам ведь негоже пешими остаться и идти с уздой в руках просить коней у людей".

Так они и порешили и отправляли всех девушек обратно ни с чем.

А Толеген подумал: "Зря говорил старик-купец, что в этом краю много красавиц".

В то время у народа алты шекты ханом был Сырлыбай. У хана этого было шестеро сыновей и дочь-последыш, красавица Жибек. И был еще у него верный визир – акын* Каршыга. Был Каршыга очень надежным. Было у хана девять тысяч лошадей. Каршыга ведал табунами, гулявшими на выпасах. Прослышал этот Каршыга про Толегена и решил поехать. Каршыга подумал: "Посмотрю-ка на Толегена я. Если он мне понравится, то, может быть, сделаю так, что и ему понравится Кыз-Жибек". С этими мыслями он велел привести ему скакуна и отправился искать Толегена.

Находившийся на отгоне Каршыга
Сел на бедуинского коня,
Помощи у Аллаха попросил.
По оврагам скача,
Через яры перепрыгивая,
По ровной степи скользя,
Рысью помчал его конь[11].
К восьмидесяти джигитам-послам
Он подъехал, даже не сделав остановки в пути,
И сразу заговорил Каршыга:
За хребтом – хребет, говорят,
Там сильный ветер бьет, говорят[12].
Из вас, восьмидесяти джигитов, здесь
Кто же Базарбая сын –
Толеген-мырза?* – он спросил.
На узор кладут узор,
Зеленым замыкают белый узор[13].
Восемьдесят джигитов
Толегена утаили:

– Четырехлетний конь под тобой,
Сочной травой вскормлен он.
Мы не знаем, о Каршеке*.
Кто такой Толеген-мырза!

Тогда Каршыга обратился к ним:

– Ассалаумагалейкум*, ей джигиты!
Вы все как на подбор славные джигиты!
Зачем, снарядившись, вы едете из родных мест,
Скажите, если вам есть что сказать, джигиты!

– Из краев родных едем мы,
В края Кёкбояуши* держим мы путь!
Косяк кобылиц угнали враги,
Разыскивать его едем мы.

– Я своим искусством зарабатываю на жизнь,
Ехал к вам по склону я напрямик.
Как увидел вас – пустил коня вскачь,
Слышал я, что с вами Базарбая сын.

– Завидев нас, вы примчались к нам,
Разве для ответа вам не найдем мы слов?
Слышали много мы про Базарбая,
Но Толегена среди нас нет.

– Себя я всегда благородным считал,
Толегена в народе знатным беком считал.
Я у путника спросил, он на вас указал,
Зачем же Толегена скрываете от меня?
Почему же прячется Толеген,
Чью это лошадь он украл?

А Толеген в это время лежал в шатре. Услыхал он слова Каршыги и подумал: "Почему джигиты скрывают меня?" – и, глянув сквозь щель шатра, увидел почтенного Каршыгу. Он не стал тревожить стоявших у шатра джигитов, а, подняв полу шатра, вышел сам и, обращаясь к Каршыге, сказал о себе:

Ассалаумагалейкум, Каршеке!
Я сын Базарбая – Толеген,
Среди ягнят я – кобеген.
Разве мой Каршеке в обиде на меня,
Почему он не сразу подошел, узнав меня?

Я – старший сын Базарбая,
Раб, истинно любимый богом.
Каршеке мой не отвечает на мой привет –
В чем провинился перед ним Толеген?

Каршыга в сторонке стоял.
<Услышав эти слова,>
Он к Толегену подошел,
Подошел и сказал:
– Возле аула – перевал, – сказал. –
Аул кочует через перевал, – сказал[14]. –
Среди восьмидесяти джигитов
Базарбая старший сын
Толеген-мырза – это ты, – сказал. –
По происхождению своему
Равен падишаху ты, – сказал. –
О себе теперь скажу:
В стране алты-шектинцев
Я хана Сырлыбая визирь –
Каршыга-жыршы!* – сказал. –
Если ты Толеген, – сказал. –
Следуй за мною, – сказал. –
Из наград, что ты дарил другим,
Часть мне тайно удели, – сказал. –
Я красавицу тебе найду,
Она единственная у падишаха дочь,
А зовут ее Жибек,
На чудо мое погляди, – сказал.
Базарбая Толеген
Такого акына, как Каршыга,
Слова ладными счел,
Из своего табуна
Двух иноходцев ему дал.
Из восьмидесяти дружков своих
Он оставил пятерых.
Остальных же отослал домой.
Вместе с Каршыгой он
Отправился на Ак-Жаик.
Немало перевалов миновал он в пути,
Впадины хребтами казались ему[15].
Сказание о Толегене
Стало песней для потомков.
<Рыба поиграть> выходит
На берег большого озера[16].

Никто не в силах взглянуть
Толегену в лицо.
Камчою своей подгоняя
Серого иноходца,
Ровно восемь дней он скакал.
Не мало, а много проехал он,
И наконец-то достиг
Границы Ак-Жаик.
Пищей его был кодык*,
Жажду ему утолял озерный тростник*[17],
Ночевал в пути не раз
И от усталости изнемог.
Когда полдень наступил,
Искавший девушку Толеген
Встретил кочевой аул.

И вот Каршыга сказал:

— Оказывается, наши аулы начали откочевку на джайляу*. Теперь, Толеген, я покажу тебе Жибек в пути.

А пятерым он сказал:

— Вы не спешите, пообедайте, отдохните и потом подъезжайте.

Оставив их, они вдвоем поскакали дальше, переходя от кочевки к кочевке.

Базарбая Толеген
Немало кочевок обогнал,
Еще одну кочевку он догнал.
Видит: впереди кочевки
Едет какая-то девушка —
В платье шелковом она,
Лицо ее излучает свет,
Едет, гибко изогнулась вся,
Словно дочь пери* она.
Ей всего четырнадцать лет.
Сверкающую белизну ее лба
Оттеняет красивый пробор.
"Это Кыз-Жибек", — подумав,
Подъехал поближе к ней
Сын Базарбая Толеген.
Каршыга, догнав его:
— Это не Жибек! — сказал,
И дальше поехали они.

Отъехали от этой кочевки,
К другой кочевке подъехали.

Видит: впереди кочевки
Едет какая-то девушка –
Словно на утренней заре
Взошедшая Венера,
Одета в норку красную она.
Если не из рая она пришла,
Так гурии* земной она дочь!
Разве ж лучше может быть
Дитя человеческое?!
"Это Кыз-Жибек", – подумав,
Подъехал поближе к ней
Базарбая Толеген.
Каршыга, догнав его:
– Это не Жибек! – сказал,
И дальше поехали они.
Мчится вместе с Каршыгой,
Доволен Толеген в душе.
Торопится он теперь,
Взглянуть разок на Жибек
Настроился Толеген-мырза.
Каршыга и Толеген
Едут берегом реки.

В это время впереди
Показалась кочевка,
Видит: впереди кочевки
Едет какая-то девушка.
За ней на поводу
Тридцать верблюдов-мая*.
Из желтой меди намордники у них,
Из шелка свиты поводья их.
Словно полная луна она,
Как белый сазан, изгибается,
Едет, изогнулась вся,
Движения ее кокетства полны.
Толеген на нее взглянул
И повернулся к Каршыге,
Затем затеял разговор:
– Не Жибек ли она? –
Он у Каршыги спросил.
Быстро подъехал Каршыга,
Посмеялся, пошутил.
– Нет, это не Жибек, – сказав,
Мимо нее быстро проскакал.

За ним помчался Толеген,
Погоняя камчой коня,
Иноходец-тулпар* Кёкжорга*
Брызжет пеной изо рта.
Копытами о землю бьет,
Грызет удила.
Впереди лежит хребет –
Через него перемахивает он.
То с перевала мчится рысью,
То в низину влетает.

Снова встретил кочевку Толеген,
Видит: впереди кочевки
Едет какая-то девушка.
Он с красавицей поравнялся,
Близко подъехал к ней
И увидел тогда Толеген-мырза:
Красавица во главе кочевки
В окружении десяти девушек-служанок,
Ей всего пятнадцать лет,
Белый лоб ее сверкает,
Как перламутр, горят ее глаза,
В косах золотые шашбау*.
Сорок наров навьючены добром,
И коврами в позументах
Все вьюки покрыты.
Сорок наров с казной
Шелковыми арканами обвязаны.
Всей прелестью своей
Этот мир превзошла она.
Шелковый бешмет <талию облегает,>
На мир смотрит великодушно,
С золотой камчой в руках.
Словно водяная змея,
Едет, изогнувшись вся,
Гибко покачивается она[18],
Подумав: "Это Кыз-Жибек",
Подъехал поближе к ней
Базарбая Толеген.
Каршыга, догнав его:
– Это не Жибек! – сказал,
И дальше поехали они.
На горах – сосновый бор,
Своим нравом Толеген

На дитятю стал похож.
Так [случалось] каждый раз –
Одиннадцать девушек с их роскошью проехали,
И все они были отвергнуты[19].

Еще одну кочевку он догнал,
Видит: впереди кочевки
Едет какая-то девушка.
Роста среднего она,
Камзол на ней – златотканый,
Обликом своим она
От всех прежних отличается:
Как золотая пиала,
Гнезда ее очей,
Словно светоч райский,
Бриллиантовый зрачок очей.
Как народившийся месяц, изогнуты
Дуги ее бровей.
Как серебряные проволочки,
Пальчики ее тонки.
Лучше уж и не может быть
Человеческое дитя!
Подумав: "Это Кыз-Жибек",
Базарбая Толеген
Подъехал поближе к ней.
Каршыга, догнав его:
– Это не Жибек! – сказал,
И дальше поехали они.

Быстрей погнали они коней,
Еще одну кочевку нагнали.
Видит: впереди кочевки
Едет девушка одна.
На иноходце вороном она,
В черный одета шелк,
Глаза подвела сурьмой.
Подобна дочери пери она,
Невесту искавший Толеген
Не видывал такой никогда.
Вьюки на восьмидесяти верблюдах –
И восьмидесяти верблюдов мало.
А на тех восьмидесяти верблюдах
Сундуки золоченые,
Ковры исфаханские,

Шелковыми цветами вышитые.
На внешность девушки посмотреть –
Без изъяна белое лицо,
Схожа с лебедем она,
Сверкают ее глаза,
Как золотая шуба падишаха*.
Умиротворяет ее речь,
Как райская вода Земзем*.
А слова, слетавшие с губ,
Словно золотой пар.
Подумав: “Это Кыз-Жибек”,
Подъехал поближе к ней
Базарбая Толеген.
Каршыга, догнав его,
– Это не Кыз-Жибек! – сказал.
И [Толеген] дальше поскакал.
Хлестнул камчой коня Толеген,
И серый иноходец-тулпар
Глазами засверкал,
Вытянулся, как серебряный прут,
И, как шомпол, стройным стал.

Снова встретилась кочевка,
А во главе кочевки этой
Едет байбише* с ясным лицом, изучающим свет,
Кочевку за собой ведет.
У байбише, что во главе кочевки,
Из золота весь наряд.
На двухстах верблюдах казна –
Красного золота сундуки.
<Как султана Кёроглы*>
Жена Акжунус-пери*,
Прекрасна и свежа она, подобно розе.
Жаль, что [уже] женщина она[20],
Хоть и немолода,
Лучше той проехавшей девушки она.
Сколько в месяце дней прошло.
Ночь безлунная вчера была,
Жаль, что женщина уже она,
Хоть и немолода она,
Станом ту девушку затмит.
Как сталь, упруга,
Как свет, лучится она.
Белый лоб ее блистает белизной,

Глаза сверкают, как перламутр,
Кебис* золотыми звеня,
Кочевку за собой вела
Родная мать Жибек.
Если джигиту поможет бог,
То рано или поздно – что за беда!
К вечеру на другой день
С трудом догнали они
Кочевку, где была Жибек.
Смотрят: украшена кочевка
Драгоценностями исфаханскими,
Бриллиантами стамбульскими.
Кто полюбуется ими,
Радостью насытит глаза.
Богатствам нет числа –
Так к чему нам считать?
Подъехали – нет Жибек
В этой богатой кочевке.
Заметил это Каршыга
И повернул своего коня,
Затем завел разговор:
– Жибек-жан куда ушла? –
Спросил хитрец Каршыга
У матери девушки,
Точно заботясь о ней.
– Рано уехала Жибек-жан,
И до стоянки доехала уже.
"Если с кочевкой я поеду,
Лицо мне покроет пыль", – сказав,
В синей карете
Чуть свет еще уехала она, – сказала
Им мать [Жибек]
Тогда в ответ.

Итак, поехали вдогонку Толеген и Каршыга. Увидели они следы кареты Жибек и, понукая своих коней, хлестнули их камчой.

Копье всегда в руках,
Ветер дует попутный ему.
Луннорогого барана
За ляжку хватает волк[21].
Помчался теперь Толеген
Вслед за уехавшей Жибек.
Базарбая Толеген

Понял теперь, смекнул,
Во все дорогое оделся он,
"Дай мне счастья, Аллах!" – сказав,
Покровителям помолился.
Коня [для красоты] покрыл
Попоной ковровой дорогой.
Теперь, поразмыслив, Толеген
Стал жалеть о приезде своем,
Дитя тулпара – конь Кёкжорга
Скачет, словно горный заяц.
И славный храбрец Толеген
Скачет вместе с Каршыгой,
Горячит своего коня,
Только к вечеру другого дня
Они по следу Кыз-Жибек
Пустили коня вскачь,
Мечом булатным гремя,
Уздечкой золоченой блестя.
Кёкжорга-тулпар разъярен,
Глазами мечет искры он.
Литой из золота нагрудник
Красуется на его груди.
Земля черная дрожит
Там, куда ступит Кёкжорга-тулпар,
Мышцы коня играют, как веретено,
Воздух он, словно вихрь, рвет.
За поясом булатный меч,
А в руках у Толегена копье.
Искры из-под копыт коня
Сыплются, словно из кремня.
К [топоту] прислушаться коня,
Кажется, горный поток гудит.
Из подмышек коня
С шумом стекает пот[22].

Горит свеча – светло кругом,
Родичу не стать чужаком[23].
Только лишь за седьмым хребтом
Колокольчика серебристый звон
Услышали они.
Топором разве разрубить
Камень высокой скалы?
Что только не выпадает
На долю мужественному джигиту?[24]

Как заслышал колокольчика звон
Наш красавец Толеген-мырза,
На Кёкжорге-коне вихрем полетел,
И подъехал к карете Жибек.

И вот сзади заехал Толеген, спереди заехал, но увидеть Кыз-Жибек не смог: повозка закрыта была. Три вороных иноходца были в повозку запряжены. Не зная, что делать, оглянулся [Толеген], но Каршыга остался далеко позади. Не в силах больше ждать, Толеген осмотрелся кругом: никого нет, даже возница куда-то исчез. А Жибек сидит безучастная.

Тогда Толеген обратился к девушке:

— Есть ли в карете кто? — спросил,
Злиться и сердиться не стал.
Хотя трижды окликнул Толеген,
Не соизволила ответить Кыз-Жибек.

Оскорбился тогда Толеген,
Вспомнил свой край и заговорил:
— В моей стране не только девушки,
но и мужчины страшились меня.
Зря, видно, я приехал сюда.
В моей стране я был ровней ханской родне,
Никто на коне не проезжал предо мной.
А эта девушка, не ответив, оскорбила меня,
Возвеличена она здесь своей красотой.

Обиженный Толеген
Коня своего обратно повернул.
Прискакал в это время Каршыга,
А Жибек уехала, не ответив ничего.

К Толегену подъехал Каршыга,
Погоняя камчой своего коня,
Толеген Каршыге тогда сказал:
— Не ответив, уехала, оскорбила она меня!

Толеген спросил у Каршыги: “Эта Жибек не безумна ли? На мой отклик не ответила. Как же так?” Каршыга ответил ему: “Она высокомерна. Раньше никто так громко не обращался к ней. Поговорю-ка теперь с нею я”.

Каршыга подъехал к Жибек и сказал:

— Птицы, из гнезда вылетая,
Крылья свои расправляют.

Кого благородным мать рождает,
Может выполнить любое дело.
Ради тебя, светик мой,
Я поставлю золотой дворец.
Мудрому человеку
Ведомо на свете все.
За плату содеянное
Тоже ведь за дело сочтет.
Голову, Жибек, подними,
Джигита к тебе я привел,
Достойного чести и лика твоего,
А ведь я многих не жаловал.
Голову, Жибек-жан*, подними, [взгляни,]
Словам моим внемли,
Рядом со мной стоит джигит,
Достойный во всем тебя!
Лик его лучист, как свет,
Слова его сладки, как мед.
Много благородных я видал,
Если даже тысячу их собрать,
Не стоят они и следа его.
Такого коке*, как Каршыга,
Не обижай, светик мой,
Хоть взгляни на него!

Тогда заговорила Жибек,
Вот что сказала она:
– Провалиться бы в землю тебе, коке!
Слушать не стану я твоих слов.
Найти и привести мужа мне
Когда это я просила тебя?
Ты лучше как следует скот паси,
Не мели всякий вздор,
Не ходи по моим следам!
Утратив стыд, за двух стригунков
Меня ты продал за глаза.
И не стыдно говорить тебе?
Сгинь, не показывайся на глаза!

И сказал ей тогда Каршыга:
– Правда твоя, Жибек-жан,
Двух иноходцев я получил,
Правду всю я тебе скажу,
А лгать и в мыслях у меня нет,

Разве ладно это, Жибек-жан,
Не разобравшись в моих словах,
Понапрасну затевать спор?
Двух иноходцев я получил.
Зато с Толегеном подружился я.
Поверь, светик, словам моим,
Ты мною довольна быть должна.
Головой рискуя ради тебя,
[В эти места] приехал я[25].
Восемь кряду дней скакал,
Ложился поздно и рано выезжал.
Голову, Жибек-жан, подними, [взгляни],
Чтоб труд мой даром не пропал.

Жибек подумала: "Каршыга ко мне как человек обратился. Стыдно не показаться, но и полностью лицо открыть нельзя". И лишь разок приоткрыла лицо, красой ослепила и скрылась за дверцей кареты. При ней были тогда три девушки. Сообщим, какой тогда была Жибек:

В красе своей Жибек
Всех величавей была.
Кроме Лейли и Меджнуна,
Всех других милей она.
Три девушки при ней,
Четырнадцать ей лет.
Каблуки ее кебис,
Как бухарский бриллиант.
Белый лоб ее блистает,
Сверкают перламутром глаза.
Подвески в косах золотые.
Облик Кыз-Жибек
Точно поросль у озера.
Если в глаза заглянешь ты,
Словно очи райской девы они.
Серьги из крупных бриллиантов
Уши ее удерживают с трудом.
А стан ее строен,
Как верховой у беков пырак*.
Белизна кожи Кыз-Жибек
Словно в наурызе выпавший снег.
Румянец на белых щеках
Словно белой курочки кровь.
Красота ее обеих щек
Будто марево в летний день.

Округлость рук ее
Точно секиры рукоять.
Два граната на груди ее
Как мускулы нара упругие.
Рот – наперсток, очи – страстны,
Для мужа храброго находка она.
Понаблюдаешь – она смела,
Как кетмень, сечет она.
А лик смелой Кыз-Жибек,
Будто солнышко, излучает свет[26].
Тот, кто с нею заговорит,
Счастливчиком считает себя.
Не только живую Жибек,
Но и мертвую ее в лицо
Поцеловал бы человек.
[Что за девушка] Кыз-Жибек,
Догадался Толеген.
И доволен остался ей.
Как горящая в раю свеча,
Светятся ее глаза.
Нежная талия ее
Тоньше, чем стальная струна,
И как только не оборвется она?!

"В жизни не встречал я женщину такой красоты. Решено: я женюсь на ней. А сейчас перемолвлюсь с ней несколькими словами. Негоже молча уезжать", – подумал Толеген. Не нашел он в Кыз-Жибек никакого, даже е зернышко проса, изъяна, не в чем было попрекнуть ее. И в богатстве недостатка нет. "Скажу я ей, что она спесива", – решил Толеген и обратился к Жибек:

– На узор кладут узор,
Зеленым замыкают белый узор.
Подними голову, Жибек,
С тобою рядом Толеген.
Не годится девушке важничать,
Не поступай так, эй, Жибек!
Беду накличешь на своих!
В карете едет Кыз-Жибек,
Дверцы кареты на пуговках!
Не годится девушке важничать,
Не поступай так, эй, Жибек,
Беду накличешь на своих!
Отвечала тогда Жибек,
Вот что она сказала:

– Если так, Толеген,
О себе расскажу:
Я подобна могучей реке.
Мой народ бережет меня,
Как бесценное добро[27].
Моя прихоть тебе
Кажется только злом,
Ну а мне она по душе!
Ты, путник однолошадный,
Не подходи, ступай прочь:
Все причуды мои
Обратятся ведь на тебя!
Держит коновязь коня,
Красивы косы мои.
Откуда у нас появился ты,
Бродяга одинокий?!
Эй, путник однолошадный,
Мои причуды повредят тебе –
Ступай же прочь, не подходи!
Толеген тогда сказал,
Вот что он сказал:
– Едет в карете Жибек,
Дверцы кареты на пуговках,
Откуда ты знаешь, Жибек,
Что Толеген, отыскавший тебя,
Калым отдав, не возьмет тебя?
И не обнимет тебя?
К белой груди твоей не прильнет?
Отвечает ему Жибек:
– Верно ты говоришь, Толеген,
Отовсюду приезжало к нам
Много таких джигитов, как ты,
И все они говорили:
“В жены тебя возьму, Жибек!”
Но большинство их не подходили ко мне,
Меняли решение и уходили.
А ты решился – приди!
Моя пуховая подушка – для твоей головы.
Возьму да уложу тебя с собой,
Шербетом и сахаром
Досыта тебя угощу,
Вот таков тебе мой почет.
А не придешь – уходи прочь,
Не то устрою на голове твоей чалму[28].

"Коли так, я с тобой поговорю, когда добьюсь своего!" – сказал Толеген, повернул коня и уехал. Взял Толеген Каршыгу в советники и вместе с ним купил двести пятьдесят коней. "Хоть всех этих коней отдам, а получу благословение и засватаю ее!" – сказал Толеген и погнал коней вслед за кочевкой Сырлыбай-хана. Едут они, а навстречу им десять ханских есаулов. После обычного приветствия Толеген с Каршыгой спросили у есаулов: "Куда едете?" Есаулы им ответили: "Наш хан в сильном гневе: "Что это Каршыга вытворяет? Как это он, не спросив меня, распоряжается моей дочерью и собирается выдать мою Жибек за однолошадного путника, показывает бродяге ее, выставляет ее голову на базар, оскорбляет меня? Приведите их обоих, я их накажу!" – так сказал хан и послал нас за тобой". "Если так, поедем. Мы и сами ехали к хану!" – сказал Каршыга, и они поехали все вместе.

Подъезжая к ханской ставке, увидели они, что на одном из холмов сидит хан со своими беками. Тогда Каршыга сказал Толегену: "Мы все спрячемся, будем стоять в сторонке. А ты с товарищами поезжай к хану. Когда хан узнает, что ты Толеген, он перестанет гневаться".

Пустив коней на пастбище у аула, Толеген сам подошел к хану, сидящему на холме. Подошел он и, приветствуя хана, беков, так сказал:

– Мир широк, как луна, ярок, как солнце,
Как открою рот – польются песни[29].
Вас, аксакалы, сидящие здесь,
Первым приветствует Толеген.

Толегену ответил хан:

– Здравствуй, сынок – душа моя,
Все вы на выезженных конях.
Ехали издалека, загнали коней,
Какое дело есть, светик мой, говори!

[Толеген:]
– Долго раздумывал я, пока ехал сюда,
Думу думать – польза душе.
Загнали коней, едем издалека,
Где же аул красавицы Жибек?

[Хан:]
– По бедуинскому коню у каждого из вас,
Веселясь да красуясь едете вы.
Аул красавицы Жибек недалеко,
А какое дело, сынок, у вас?

[Толеген:]
– Увидать довелось мне в лицо Жибек,
Такая красота больше никому не дана.

За Толегена пойти обещала Жибек,
Посредником быть согласен Каршыга,
Вот почему приехал я, загнав коня.

[Хан:]
– Разве купцами расставлены шатры?
Разве не чильтаны* у него в друзьях?
Разве те, кто вчера Толегена хулил,
Не завистливые мои враги?
Моя Жибек может выйти – он ровня ей.
Тот ли это Толеген, о ком говорили вчера?
Раз Жибек моя Толегена видела,
То поняла, что теперь не пропадет.
Что бы ни делал, я доволен Каршыгой,
Не унизил, а ровню ей он нашел.

Толеген тогда сказал:

– Хан, я долго говорить не стану. Что возьмете за благословение?

– За благословение возьму табун лошадей, пригнанный тобой сюда, – ответил хан.

– Только-то! – вскричал Толеген. – А я думал, что вы еще столько же потребуете. Если вы этим удовлетворены, поезжайте домой и устраивайте той.

Хан уехал домой, чтобы устроить той, а Толеген велел расставить шатер за холмом, собрал искусных джигитов и стал веселиться. Вечером собрались сорок женщин и хотели привести к Толегену Жибек, чтобы подучить женгелик*. Толеген пообещал дать каждой женщине по одному жамбы.

Прельщенные этим, женщины три дня караулили Жибек, но не могли ее поймать. Пусть же эти сорок женщин выслеживают Жибек.

В этих краях жил род алты шекты. Собрались шестьдесят джигитов-шектинцев и устроили совет: "Эй, джигиты, неужели мы отдадим Жибек чужаку, а сами останемся ни с чем?" Другие возражали: "Жибек за нас не пойдет, пока жив Толеген". И решили тогда шестьдесят джигитов: "Толегена убьем!" А как убить? И днем и ночью люди возле него. "Подкараулим, когда его поведут к Жибек и он один останется с девушкой". В том и поклялись они друг другу.

Подслушал их сговор один бедняк и все передал Толегену. Узнав об этом, Толеген тут позвал Каршыгу. Пришел Каршыга и спросил: "Зачем ты звал меня?" Толеген только голову понуро опустил.

Тогда Каршыга сказал:
– Озерный мой молодой камыш,
Всех обогнавший мой скакун,
Вошел ты в Белую орду,
Весело время проводишь ты.
Ни один человек не видал

Того, что в эти дни видишь ты.
Отчего ты так загрустил?
Толеген-мырза, светик мой,
Или кто словом тебя оскорбил?
Иль по достоинству не оценил?
Расскажи, да услышу я тебя.
Все время поутру и ввечеру
Я пиров – духовных наставников – молю.
Я в тревоге, Толеген,
Глядя на тебя.
Если только буду жив,
Смою горе с сердца твоего.
Зачем ты голову опустил?
Тайну свою, душа, поведай!

Толеген тогда сказал,
Вот что он сказал:
– Эй, Каршыга, Каршыга,
Тайну свою открою я,
Коль так богом решено,
Как же не откроюсь Вам.
Многим Жибек люба здесь,
Батыров из себя строят они.
Сколько джигитов в твоем краю,
Все зло таят на меня!
Такого мырзу, как Толеген,
Убить сговорились они.
Когда останусь я один,
Нападут внезапно, как тут быть?

Каршыга тогда сказал,
Вот что он сказал:
– За хребтом – хребет, говорят,
Там сильный ветер бьет, говорят.
Если веришь, – говорит, –
Следуй за мной, – говорит. –
Кто решил убить тебя –
Посмотрим! – говорит.

Базарбая Толеген
Слова акына Каршыги
Годными, ладными счел.
Приказал привести коня
И вместе в Каршыгой

Ровно в полдень в аул
Отправился, выйдя из шатра.
В стране алты шекты
Доверился он Каршыге,
Без утайки, без поклона
Прямиком приехал в аул.
У Сырлыбая шесть сынов,
Шесть сынов – это шесть волков[30].
Самый младший, Жиренбай,
Только нынче отау* заимел,
Туда-то и явились они.
Предводитель Каршыга
Свою смелость показал:
Толегена на коне
Средь бела дня в аул
Без страха привел.
В юрту Жиренбая-мырзы,
В только что поставленное отау,
Проводил [Толегена] и ввел.

Каршыга привел Толегена в отау, что стояло на краю аула, и постелил ему, чтоб он мог отдохнуть. "А теперь кое-что приготовлю для Вас!" – сказал Каршыга и направился к выходу. Но Толеген задержал его и сказал:

– За хребтом – хребет, говорят,
Там сильный ветер бьет, говорят.
Рассмотрю-ка я получше,
Приведи сюда Жибек, – говорит. –
Пару иноходцев я вчера дал,
Сегодня еще трех отдам,
Пусть у тебя будет их пять.
Среди бела дня ко мне
Приведи-ка ты Жибек,
Мой дорогой Каршеке,
Если ты джигит, – говорит.

А ведь этот Каршеке
Мужем ловким был рожден.
Он ловкость свою проявил:
Подъехал прямо к Кыз-Жибек
И с нею завел разговор:
– Моя дорогая Жибек,
Фарфора белей кости твои.
Разве не это у бога ты

Просила, светик мой?
На узор кладут узор,
Зеленым замыкают белый узор.
Приехал к тебе Каршыга-коке,
Голову, светик, подними!
Держит коновязь коня,
Молнией обожженная земля гола[31].
На краю аула в отау
Молодая женге твоя
К себе, светик, зовет тебя.

И сказала Жибек тогда:
– Эй, Каршыга, Каршыга!
Батыр бойкий ты на слова,
По привычке ты говоришь,
С чего бы женге звать меня?
Вчера ты взял двух коней,
Еще трех сегодня взял,
Всего уже – пять коней,
Не зная, куда их девать,
Пришел, нечестивец, ко мне.
Эй, Каршыга, Каршыга,
Конь вороной у тебя.
Ты ступай – пойду сама,
Нельзя не идти, когда зовет,
Нельзя не слушаться Каршеке,
Ведь мне в конце концов быть
Тому батыру женой.

Выслушала слова Каршыги,
Настроила себя Жибек,
Дорогую одежду надела она.
Если не пойду, подумала, когда зовет,
Если не послушаюсь Каршеке,
Все равно ведь мне когда-нибудь быть
Батыру Толегену женой.
Уважу-ка я Каршеке,
Трудно не ехать мне теперь.
Никому, кроме Каршыги,
Не удалось бы от Жибек
Получить какой-нибудь ответ.
Про Жибек спрашиваешь ты?
Она благородной рождена,
Как царевна она!

С кровати с высокой –
С трона золотого,
Как зайчик, соскочила она.
Белый лоб ее сверкает,
Глаза, как яхонты, горят,
Кебис золотые звенят,
Как скакун, она танцует,
Как овца трехлетняя, ступает.
"Не осрамиться бы", – думая,
По сторонам оглядывается.
Как марал, степенная,
Будто масло, тает она!
Своими ножками, что бог ей дал,
Ленится ступить она.
Вышла из юрты Кыз-Жибек –
Недостойно внимания ее
Все, что на этом свете есть.
Перед аулом перевал,
За перевалом аул откочевал.
Как стрела, мелькнула она.
Как горный заяц-скакун,
То спрячется, то видна она.
Кокетничает и красуется,
Речкой горной переливается,
И сверкает, как Сумбиле*, она!
Двигается упруго,
Бедрами покачивает
Величавой рожденная Жибек.
Чтоб любимого повидать,
Ему услугу оказать,
Идет царевна Кыз-Жибек,
Сверкая и блистая.
Если б увидеть ее в этот час –
Лицо у Кыз-Жибек
Будто из света сотворено.
От походки Кыз-Жибек
Райской прохладой веет.
Кто раз увидит Кыз-Жибек,
Тот лишится своей души.
Жибек идет, шурша
Своим нарядом дорогим,
Точно в сумерках шайтан шумит.
Пищей [Толегену] был кодык,
Жажду ему утолял тростник,

Горит желанием Толеген
Увидеть Жибек хоть разок.
Когда полдень наступил,
В белой юрте-отау
Величавая Кыз-Жибек
Встретилась с Толегеном,
Когда муллы вместе сойдутся,
Они книги читают, беседуют.
Наставления осмысляют
Люди добрые умом своим.
Величавой рожденная Жибек
Шею Толегена обвила,
Припала к нему, обняла.

Толеген тогда ей сказал,
Вот что он сказал:
– Ты пришла, Жибек, ко мне,
Рядом села, обняв меня,
Где давешняя твоя чалма?
Покрой мою голову: пришла пора!

Говорит тогда Жибек:
– Узок в талии мой бешмет,
В шутку испытывала я тебя.
Эти слова, испытывая тебя,
В шутку ведь сказала я.
Неужто не забыл их ты,
Светик мой, Толеген-мырза?

Двое возлюбленных сидят,
Ведут беседу меж собой.
Вместе походят они
На Лейли и Меджнуна.
Двое благородных сидят,
Как солнце, лица их сияют.
Свет [красоты Толегена и Жибек]
Всех, кто видит их,
Радует и изумляет.
Шутя, смеясь и радуясь,
Около зятя вашего
До ночи просидела Жибек.
А как ночь пришла, сестра ваша
Постелила жениху постель.
А как постелила постель,

Как наступило время сна,
Обвила она шею зятя вашего
И упала с ним...
Лишних не нужно слов теперь,
Нужен тут искусный певец.
Мы расскажем вам так же,
Как прежде сказывали.
[Тщательно] нацеленное белое ружье[32],
Точно бьет в нужную цель.
Словно ястреб уточке,
Сворачивает шею ей.
Разрушает крепость он...
Словно подстреленную антилопу,
Укладывает он ее...
Сестра ваша Жибек,
Как жеребеночек, кричала,
Как верблюдица, стонала...
Двое влюбленных соединились,
И душою успокоились...

Три месяца прожил Толеген в ауле невесты своей, играл калындык*. Настал день его возвращения на родину. Приготовили коней, собрались в путь. Но в ту ночь Жибек увидела вещий сон. Испугавшись, проснулась она и, позвав свою младшую женге*, попросила ее сходить к Толегену: "Пусть послушает меня, пусть сегодня не едет", – попросила она.

Позвала Жибек к себе
Любимую свою женге –
Золотую на груди тенге*.
Когда тайну нужно было открыть,
Других не подпускала к себе.
– О женеше*, женеше!
Ты всегда была добра,
Сходи-ка к Толегену ты,
Пусть послушает меня, не уезжает.
Есть ли у него отец и мать?
Есть ли старший иль младший брат?[33]
А может, о, боже сохрани,
...Он скиталец одинокий?
Как зовут отца его?
Как зовется его мать?
Спроси, женеше, у него.
Кто знает, какие настанут дни?
Сегодня мне приснился сон,

Худое видела я во сне:
Серого иноходца Толегена
Без седла видела я.
Аулы расположены у Жаика,
Берега реки заросли травой.
Свечу, горевшую предо мной,
Кто-то погасил, задул,
Исчезли река и аул.
Туйгун* на руках моих,
Со свистом с неба прилетев,
Шею свернул бидайык*.
О боже, если я – раба твоя,
Не такой сон должна была
Увидеть сегодня я!
Айналайын*, о женеше,
Узнала я, что Толеген
Не вернется, коль уедет,
Что света белого
Не увидит он больше.
Если уедет Толеген, –
Мне, несчастной, бог дал знать –
Не видать ему больше эти края.
Такое горе, о женеше,
Не дай бог ни одной душе живой
В своей жизни испытать.
Базарбая Толеген –
Рано родившийся кобеген, –
Когда запыхавшись пришла женге,
Не спросил у нее: "Зачем пришла?"

Женге тогда говорит сама:
– Айналайын, Толеген,
Бикеш-жан* сегодня видела сон,
Во сне худое видела она:
Серый иноходец твой –
Его без седла видела она.
Аулы у Жаика расположены,
Берега реки заросли травой.
Свечу, горевшую пред нею,
Кто-то погасил, задул,
Исчезли река и аул.
Послушай меня, не уезжай,
Айналайын, зять-душа,
Как твоего отца зовут?

Как мать твою зовут?
Назови нам, светик мой.
Кто знает, какие настанут дни?..
Богу мы тоже помолимся.

Толеген тогда говорит:
– О женеше, женеше,
Ведь "сон – помет лисицы"[34],
Понапрасну не ходи ты ко мне,
Создал меня единосущный бог,
Смерти я не боюсь.
Зовут отца моего Базарбай,
Выделяется он в народе,
Как ягненок годовалый в отаре.
Если мать свою назвать –
Это шестидесятилетняя Камка,
Подобна золотому кулону из тилля на груди она.
Коли умру, так есть у меня
Сансызбай, мой младший брат.
Чего же боится моя Жибек?
Хорошее ли, плохое ли –
Все сбудется по божьему велению.
Срубить дерево одинокое –
Высохнут его корни.
Если что случится со мной,
Девятилетний у меня
Есть подросток-брат,
Пришла осень, выпал снег.
Коварна у врага душа,
Передай, пусть не пугается Жибек,
Если придется умереть.
Унизить Жибек никому не даст
Сансызбай, мой младший брат.
Если просить от всей души,
[Любое] желание исполнит бог.
Я приехал сюда весенней порой,
Нынче пахнуло уже зимой.
Моей страны акын-знаток
Шеге-батыром зовется,
К тому же он умен.
Если что случится со мной,
Проводником Сансызбаю станет,
В ваши края приедет он.
А если будет жива душа,

Если тело уцелеет мое,
Когда наступит весна,
Я с гусями вместе вернусь.
Что бы ни послал мне бог,
Все перенесу ради Жибек,
Передай привет Жибек, – сказав,
Сел Толеген на коня.
Толеген с женге Жибек
Попрощался за руку.
– С богом, прощай! – сказал и уехал.

Проехав по землям нескольких народов, Толеген живым и здоровым прибыл в родные места. Родители обрадовались и устроили той. Во время тоя, когда собрался народ, Базарбай стал расспрашивать сына о его поездке. Толеген рассказал все, как было. Тогда Базарбай спросил:

– Свет очей моих, когда же ты думаешь поехать за невестой?

– Весной поеду! – ответил Толеген.

Отец сказал:

– Светик мой, есть у меня одна просьба к тебе. Выполнишь ты ее?

– Выполню! – не раздумывая, сказал Толеген.

– Если выполнишь, свет очей моих, жертвой тебе будет моя душа. Не езжай до года в те края, повремени до этой же поры. Через год поезжай. Вот просьба моя. Дай клятву, что исполнишь ее.

– Э, отец! Я все это говорил, страшась тебя. Не видел я никакой девушки. Ни одна страна, оказывается, не лучше другой. Подходящей девушки я не нашел. Если говоришь: "Повремени" – никуда я не поеду. Кайын* нет пока у меня, – сказал Толеген и вышел из юрты...

Тогда Базарбай обратился к людям своим:

– Эй, народ! Сын мой не повинуется мне. Если кто из вас узнает о том, что он собирается к невесте, приведите его ко мне связанным. А вздумает кто-нибудь его сопровождать, того прокляну, воздев к небу тыльную сторону кисти![35]

Народ, опасаясь проклятия, обещал исполнить желание старика, удержать и привести Толегена, если он будет собираться к невесте.

Толеген же тайно спрятал в степи седло и доспехи и выхаживал там серого иноходца. Однажды, когда он охотился с туйгуном на птиц, с гоготом пролетели два гуся. Понял Толеген, что весна пришла. Он оседлал своего серого иноходца, достал из потаенного места спрятанные сто тысяч тилля, восемь пудов серебра, уложил их в куржун* и навьючил на коня. От него не отставал ни на шаг единственный младший брат. Подумав, что мальчик расскажет дома о его отъезде, Толеген спустил его с коня, а сам, сев на серого иноходца, поехал в сторону Жайыка.

Лучшим Толеген родился
В народе жагалбайлы,
Сел на коня, нагрузив его

Бриллиантами, рубинами, золотом.
Без спутников-сородичей
Один он уехал,
Мучимый любовным недугом,
Гогот гусей заслышав,
Больше не мог он терпеть,
На богатство не стал смотреть.
Когда же он двинулся в путь,
С плачем пустился бежать
За Толегеном Сансызбай.
Стало жаль Толегену брата,
Когда слезы его он увидел.
Не в силах покинуть родного,
Вернулся Толеген обратно,
И вокруг Сансызбая,
Словно бабочка, закружился он.
Подбежал к нему мальчишка,
Согнувшись, как голодный хорек,
Не в силах ехать Толеген.
Слезы льются из его глаз.
Кровавые слезы льются из глаз,
Как тяжело расставаться с родным!
Кости Толегена
Раскрошились, словно мел[36].
В слезах прибежавшего брата
Поднял на коня Толеген,
Посадил к себе в седло.
От горя ребра ломило ему[37].

Толеген прижал к груди Сансызбая и сказал:

– Свет очей моих, почему ты плачешь? Не плачь, ведь я привезу тебе женеше твою!

Сансызбай тогда сказал,
Вот что он сказал:
– Я не плачу, коке-жан,
И ты тоже не плачь,
Слезы теперь ты не лей, – сказал. –
Плачут отец и мать наши,
Не езди, их пожалей, – сказал.
С товарищами поезжай,
Свой собери народ, – сказал. –
Как же ехать одному?
Одинокому трудно, – сказал. –

А каково будет мне,
Никого ведь не знаю я.
Если уедешь ты, коке-жан,
При стариках останусь я.
Молод ведь я и одинок,
На кого опереться мне?
Если не вернешься ты,
Буду в горе кровь глотать.
Возьму в руки я кобыз*
И кюйем* печальным захлебнусь.
Толеген тогда сказал,
Вот что он сказал:
– Айналайын, светик мой,
Ты – оружье мне в бою.
Ты – крылья по бокам моим,
Ты – хвост позади меня,
Ты – конь у меня в поводу!
Айналайын, ты не плачь,
Красавицу Жибек – твою женге –
Чтобы привезти, уезжаю я.
Если богу человек не мил,
Не исполнится желание его[38].
Голова моя полна
Страстью, любовною мечтой.
Обещанное мною Жибек
Время приближается.
Дома ли будешь, иль в степи,
Разве уйти от судьбы
Рабу божьему, слабому?[39]
Всемогущей воле бога
Как не подчинится божий раб.
Чего только не предпримет,
Пока не почит в колыбели земли,
Человеческое дитя?!
Айналайын, Сансызбай,
Ты опора и крылья мне[40].
В воде растущий тростник мой,
Всех резвее скакун мой!
Все испытает человек,
Что всемогущий бог –
Создатель ему судил.
Жив буду я, светик мой,
Через семь месяцев вернусь.
Если же смерть мне пошлет Аллах,

Даже если останусь дома, умру.
Ты мне доброго пути
У господа бога попроси.
Да простит бог своему рабу
Ошибки и грехи его!
"Едешь, не послушав меня!" – сказав,
Отец благословения мне не дал.
Раз так богом суждено –
Никак мне не заглушить
Любовной страсти в груди.
Ради любимой Кыз-Жибек
Я готов принять и приму
Все муки на пути к [ней.]
Когда уеду, светик мой,
За стариками присмотри.
Помощи у бога проси,
Поддержки у пиров проси.
Делай все обдуманно,
Помочь некому будет тебе[41].
Сказав, что ослушник я,
Согласия мне отец не дал.
Страшась отца, из народа моего
Никто не едет со мной.
Послушай меня, светик мой,
Даст бог – вырастешь сам.
Всем я тебя снарядил:
Седлом, кольчугой, оружием.
Коли случится что со мной,
Кроме тебя, кто у меня есть?
Оглянись-ка вокруг!
Да исполнит единосущный бог
Твои желания, светик мой!
Тулпар серой масти есть –
В прошлом стригун, трехлетка нынче,
Если бог сохранит его,
Первым станет конем твоим,
Тебе он под стать, светик мой.
Как станет конем – оседлай.
Белую саблю с золотым кольцом
Выковать заказал я для тебя,
В ножны ее я вложил.
К стану тонкому ее подвесь,
К делу доброму стремись,
С ровней играй, да веселым будь.

Внемли же словам моим,
Преемник мой, Сансызбай,
С благородными сближайся,
Цену человеку знай.
Кольчугу блестящую,
С глазками в пять рядов,
Кольчугу сизую в девять слоев
Для тебя отковать заказал.
И, завернув в ковер, оставил я.
Наденешь ее на себя.
Коль случится что со мной,
Благородную Жибек
Не давай в обиду никому,
За себя возьми, полюби.
Подрастешь, если соизволит бог,
Тогда на себя ты надень
Кольчугу золоченую.
На врага смело иди,
В руки увесистую ты
Козыжаурын-стрелу* возьми!
Если соберешься в путь,
Друга врагу не выдаст Шеге,
В проводники его возьми!
Не быть тому, чего хочет человек,
А будет так, как повелевает Аллах!
Толеген это сказал
И Сансызбая лицо
Трижды расцеловал,
Брата с коня спустил
И руку ему пожал.
Сказал: "Прощай!" – и помчал.
Беки ездят на светлых конях,
Плохо скачут – стегнут по голове.
Отваги, богатства у кого нет,
А любовь – совсем иное[42].
Попрощавшись с младшим братом,
Базарбая Толеген
Решил не стоять теперь.
Базарбая Толеген
Направился на Жаик,
Помощи у Аллаха попросил:
Между Жаиком и Тенизом*
Трехмесячным путь был.
И трехмесячный этот путь

Через пустыню проходил.
А в пустыне сорокапятидневной
Было озеро Кособа*.
Злые воры, разбойники
Укрывались в тех местах.
Красавец Толеген-мырза,
Чтоб немножко отдохнуть,
С пути свернул туда.
Бекежан – да будет проклят его отец! –
Одним из многих был,
Кто заглазно любил Жибек.
Он с шестьюдесятью джигитами был.
"Толеген подъедет сейчас!" – сказав,
У озера Кособа
Толегена он стал поджидать.
Не прибудь Толеген тогда,
Съестной свой припас исчерпав,
Ушли бы разбойники в тот день.
Пищей Толегена был кодык,
Жажду ему утолял тростник.
Не раз он в пути ночевал.
Серый иноходец-тулпар
На далеком стодневном пути
В сорокапятидневной пустыне
Семнадцать дней и ночей не пил,
От жажды он изнемог.
Когда же конь изнемог,
Надежду Толеген потерял.
Когда подъехал к озеру он –
Наступила бесина* пора,
Базарбая Толеген
Облако пыли увидал
И коня туда погнал.
Когда близко подскакал,
Шестьдесят врагов его
Окружили со всех сторон.
Базарбая Толеген
Огляделся вокруг,
В бой с врагами в бесин вступил
И бился, пока намаздигер* наступил,
И, не сдавшись, ускакал.
Но кони у врагов были свежи,
Быстро настигли и взяли в круг.
Но в этот самый трудный час

Кёкжорга – иноходец-конь,
Жаждой измученный вконец,
Стоял с понурой головой.
Когда враг его окружил,
Когда конь выбился из сил,
Базарбая Толеген
К богу обратился с мольбой:
– Боже всемогущий мой,
С закатом погибну я,
Пущу-ка я первым стрелу,
Мне бы только, мой боже,
Бекежана сперва убить,
А уж затем я бы голову сложил.
Если мусульмане они,
Подъеду ближе, с ними поговорю...
Конь мой здесь изнемог,
Иссякли силы мои.
Сердце мое, пылавшее огнем,
Словно водою залило.
Молодым меня умертвить,
В восемнадцать лет сгубить
Решил, что ли, мой боже!
О всемогущий бог,
Меня ты заставил полюбить
И по девушке страдать. –
Так сказал Толеген,
Руку запустил в колчан,
Зараз много стрел набрал,
Лук свой он в руки взял,
Тетиву натянул, стрелу пустил.
Полетела его стрела[43],
До аргынцев* долетела она,
С краю стоявших семерых,
Пронзив, пролетела она.
Пока стрелу вторую он взял,
Пока руку запустил в колчан,
Бекежан – да будет проклят его отец! –
Из аргынцев хитрейшим был,
Хитрецом известным он был,
Забежал Толегену в тыл,
От него в шестидесяти шагах он был.
Прячась за кураями*,
Совсем близко подобрался он.
Чтоб в Толегена выстрелить в упор,

Почти рядом с ним он стал.
К фитилю ружейному огонь поднес,
Верх одержал его аруах*:
Такого мырзы, как Толеген,
Кровь, как воду, он пролил.
Свинец с овечий помет
Смертью для Толегена стал.
Бекежан – да будет проклят его отец! –
Честь свою не уронил.
Базарбая Толеген
Зашатался в седле.
Но под руки поддержать его
Ни одного знакомого не нашлось.
Пуля Бекежана единственная
Пробила Толегену лоб.
Златокостному Толегену
Аллах мучение ниспослал,
И совершили насилие псы.
Закачался, с коня упал,
Свое одиночество осознал
И от горя зарыдал.
А шестьдесят псов – да будет проклят их отец! –
"Пусть богу душу отдаст", – говоря,
"Пусть в муках помрет!" – говоря,
Стали наблюдать за ним.

Толеген через некоторое время пришел в сознание и открыл глаза. Он увидел, что лежит на спине и вся одежда снята с него. Тогда он обратился к Бекежану: "Ты бы меня хоть похоронил! Ведь сверстники мы!"

– Деньги в городе я истратил,
В недобрый час, о боже,
Я, видно, в путь пустился?
Выехав, встретился я
С такою вот бедой.
Чтоб не расклевало воронье,
Ты хоть лицо мое закрой!
Ведь мы сверстники с тобой, брат-душа!
Сад на деньги вырастил я,
Замолчи мой красноречивый язык,
Чтоб не расклевало воронье,
Ты хоть лицо мое закрой!
Мы ведь сверстники с тобой, хороший брат!
Толеген смог вымолвить

Только эти слова,
Других слов не произнес.
А шестьдесят псов – да будет проклят их отец! –
Не спросили: "Что ты сказал?"
Все вещи одного
Разделили на шестьдесят.
Говорят ведь: "Скоту не верь!"
Толегенов серый конь,
Когда водой был напоен,
Под одним из разбойников
С выплясом, играючи пошел!

В это время шесть гусей, вылетевших вместе с Толегеном, подлетели к озеру. Гуси попытались было спуститься на воду, но разбойники стали стрелять в них и не дали им сесть. Тогда гуси стали кружить над водой. Увидел их Толеген и подумал: "Хоть и птицы они, а спутники мои, сопровождавшие меня на всем пути!" Обратился он к гусям на прощание:

– Вы, шесть гусей, в вышине.
На вкус вы как сахар и мед.
Хочу подстрелить, да мало стрел.
Если, птицы, вы хотите сесть,
Вот вам поле, вот вам топь.
О боже, для живых рабов
Лето настало теперь,
Зачем об отце толковать,
Зачем о матери толковать,
Когда же не станет меня, дарига,
"Кокеш мой", – ласково говоря,
Сансызбай к кому подойдет?
Вы, шесть гусей, в вышине,
Почему на землю не спускаетесь?
Вы живы, а я – мертвец,
"Что лежишь ты?" – не спрашиваете почему.
О горестной судьбе моей
Почему не хотите знать?
Дичь – безмолвная тварь,
Сопутствовавшая мне, –
Почему не спускаетесь ко мне?
Когда вы дальше полетите,
Когда к морю подлетите вы,
На холм поднимаясь, "О поясница моя!" говорящий,
В низину спускаясь, "О колено мое!" говорящий, –
Мой старый отец Базарбай

Навстречу вам, птицы, придет
И спросит: "Толегена-светика
Не видали вы?" Что ответите тогда?
Когда же дальше полетите вы,
Когда к дому подлетите вы,
Вместо жая дававшая жал,
Вместо сахара дававшая мед,
Хлеба с маслом дававшая мне,
Вкусной пищей кормившая меня,
На руках своих взрастившая меня,
Шалости прощавшая мне,
Бедная шестидесятилетняя моя мать,
Навстречу вам, птицы, придет
И спросит: "Толегена-жеребеночка
Не видали вы?" Что ответите тогда?
Когда дальше полетите вы,
Когда к табунам подлетите вы,
Вороньи перья – крылья мои,
Утиные перья – мой родной,
Сосавший одну грудь со мной,
Брыкавшийся, как сосунок,
В одной постели спавший со мной,
Весело дни проводивший со мной,
Игравший в асыки* со мной,
Не смогший умирающего повидать меня,
Не смогший своей рукой напоить меня,
Не смогший попрощаться со мной,
Когда смерть настигла меня,
Единственный мой младший брат,
Моих крыльев он – перо,
Моих ног – копыта он.
Мой стойкий и степенный
Сансызбай навстречу вам придет
И спросит: "Моего коке – Толегена –
Не видали вы?" Что ответите тогда?
"Кольца кольчуги распались,
По швам разошлись", – скажете вы.
"До места, куда ехал он,
Не доехал", – скажете вы.
"Кольчуга из золотых колец его
Расстегнулась", – скажете вы.
"Мертв ли он, не знаем мы,
Жив ли он, не знаем мы,
На Кособа-плоскогорье

Лежит Толеген", – скажете вы.
"Кровь из его лба
Ручьем течет", – скажете вы.
"А златосбруйный серый конь
Добычей разбойнику
Даром достался", – скажете вы.
"На Кособа-плоскогорье,
В степи, где птица боится присесть,
Горько рыдая, человек один
Покинул мир", – скажете вы.
Толеген смог вымолвить
Только эти слова,
Больше говорить он не смог.
С заходящим солнцем угасая,
"О, дарига! О боже!" – воззвав,
<Символ веры, молитву свою произнес.>
И с появлением первых звезд
В путь последний отправился.
Одна пуля попала в лоб
И затылок пробила ему.
По велению Аллаха
Сегодня смерть к нему пришла.
Говори, не говори – все равно,
Благородные, как Толеген,
Без савана и без могилы,
Пищей став для птиц и гиен,
Своей не достигнув мечты,
В горести из жизни ушли.

Убив Толегена, разбойники забрали его коня, одежду и вернулись в свои края. Они никому ничего не сказали и жили, как будто не случилось ничего. Так прошло семь лет. Пошел восьмой год. И вот однажды Бекежан надумал: "Теперь уж я сам женюсь на Жибек. Скажу ей, что Толегена убил. Тогда Жибек выйдет за меня, больше не за кого ей идти!"

Пока не узнает о смерти его, за меня не пойдет.
Если потеряет надежду, полюбит меня.
Когда она об отваге узнает моей,
Не так по Толегену убиваться будет.

В безлюдном месте не скажу,
Она не простит, что ее отпугнул.
Пусть на тое услышит все,
До этого я никому не скажу.

С этой целью устроил Бекежан той,
Жениться на Жибек задумал он.
На сером иноходце подъехал к ней,
Разрешения слово молвить попросил.

Серый конь оседлал золотым седлом,
Множество побежденных джигитов разбрелись, кто куда.
А готовый к ночному состязанию Бекежан
Подошел крадучись к Кыз-Жибек.

Песня, пропетая Бекежаном для Кыз-Жибек

[Бекежан:]
– Коль просят петь, спою. Здравствуй, Жибек!
Как верблюдица, потерявшая верблюжонка, зареви, Жибек.
Много лет прошло, как уехал твой недостойный жених.
Есть ли от этого зятя вести, Жибек?

[Жибек:]
– Между двумя аулами солянка растет,
Кто ночью проходит, подвернет подол.
Говорил Толеген, что молод братишка его,
Задержался – видно, много дел у него.

[Бекежан:]
– Тебя обездолил я, Жибек[44],
А ты и не знаешь, что лишилась его.
За восемь лет и след коня простыл...
Зачем недостойного называешь мырзой?

[Жибек:]
– Я у народа возьму, что хочу,
Чего только в мире не увижу, если буду жива?!
Шестьдесят мырза алты-шектинского аргына
Со следами его я не сравню!

[Бекежан:]
– Когда просят петь, пою сначала "жар"*.
Спесь с тебя сойдет быстро, Кыз-Жибек.
Что так хвалишь умершего давно,
Серый иноходец подо мной – взгляни, Жибек.

[Жибек:]
– Ни ума, Бекежан, ни чувства меры у тебя,
Сверстник ты мне, но какой толк от тебя?

Шестикратное проклятье твоему отцу, разбойник-пес,
Откуда серый иноходец у тебя?

[Бекежан:]
– Я в Кособа подстерегал его,
Метко подстрелил там одного.
Кого мне жалеть, коли я батыр,
Убил Толегена и забрал его коня.

Эти слова Бекежана
Охваченную горем Жибек
В самое сердце ранили[45].
Заплакала она навзрыд.
Каждый был бы так влюблен, как она!
"О, дарига, боже!" – сказав,
Обхватила она кереге*
И рухнула наземь.
И лицо свое Кыз-Жибек
Оцарапала о сыромятный ремешок кереге.
Не зная, что предпринять,
Затихла Жибек, как вода.
Бекежана веселый той
Омрачился, скорбью стал.
Сказала Бекежану Жибек:
– Да будет проклят твой отец, Бекежан,
Не показывай мне свое лицо.
Злое дело свое ты совершил,
Как не пожалели глаза твои
Такого статного джигита?
Пусть бог пошлет тебе
То, что ты мне причинил.
Проклятье твоему отцу, разбойник,
Пусть тебя проклянет бог!
Если бог сотворил меня,
Пусть зарыдают дети твои и жена!
А когда тебя постигнет беда,
Пусть все друзья покинут тебя!
Выход все же Жибек нашла!
И вот какой выход был,
А выход этот на пользу был:
– Не родные ли шесть братьев мне?
На пиру ли вы, где же вы?
У Сырлыбая шесть сынов,
Все шестеро – шесть волков.

На зов плачущей Жибек
Бросились со всех сторон.
Рядом с Жибек они
Увидели Бекежана.
Узнали серого иноходца под ним.
Какая случилась беда,
Догадались они тогда.
Бекежана-батыра они
Окружили тогда,
На шею набросили аркан,
Вшестером его поволокли.
Отомстили за Толегена они,
Как жертвенный скот зарезали его.

Кончим об этом. Теперь слушайте про Сансызбая. В это время Сансызбаю исполнилось семнадцать лет. Тоскуя по Толегену, как-то раз надел он доспехи, оружие и надумал: "Поищу-ка Толегена, попрошу благословение у отца". Пришел он к отцу и говорит:

Достигнув семнадцати лет,
Садится Сансызбай на коня.
Чтобы благословение получить,
Едет к отцу своему.
Приехав, отцу говорит:
– Милый мой душа-отец,
Словам верблюжонка своего
Внемли же, отец!
Твой сын с просьбой пришел:
Благослови меня, отец!
Дорогой мой душа-отец,
Голову свою подними[46].
Тоскуя по Толегену,
От раздумий я пожелтел,
Кровь от горя глотаю я,
Пищу есть я не могу,
Поищу-ка я Толегена.
По воле бога я подрос,
Толегена я отыщу,
Хоть всю землю объеду я.
Разве ж к лицу мне [его] не отыскать,
Коли я его младший брат.
Коли дашь согласие, душа-отец,
Ни на кого не позарюсь я.
Благослови меня, душа-отец,

Пока не узнаю, жив или мертв он,
Надежды не потеряю я.

Поднял отец голову и спросил: "Сын мой, ты хочешь искать старшего брата?" – "Хочу, разреши!" – сказал Сансызбай. А у отца в это время от тоски по Толегену ослепли глаза, он одряхлел, от дум весь пожелтел, а от горя почернел. Отец сказал Сансызбаю: "Подними руки, я дам тебе свое благословение!" Поручил он Сансызбая богу, потом вверил его святым и вот что сказал, горько рыдая:

Подняв руки, сыну
Благословение дал Базарбай.
Встав, руки поднял,
"Аминь!"* – произнес Сансызбай.
– Счастье сыну дай моему,
Творец, Аллах, единосущный бог!
Ты, господи, падишах
Восемнадцатитысячного мира[47]:
Космоса и Вселенной,
Высшего духа и судьбы.
Создатель-Аллах, поддержи,
Счастье сыну моему дай,
Будь милостив к дитяти моему,
Покровитель мой, Аллах,
Ради судьбы его.
Вы – Кыдыр*, Ильяс*, сорок чильтанов –
Сына моего поддержите,
Если он собьется с пути,
На верный путь направьте его.
Если случайно споткнется,
Святые – Гауас*, Гаяс*,
И ты, Бахауддин*, поддержите его,
Вы, покровители, помогите ему!
Я бессилен без вас.
Одиносущному тебе вверяю я,
Тебе сына поручаю я,
Славный бог, создатель мой!
Благословения не дав,
Толегена лишился я.
Как сокол, ударившийся о скалу,
Крыльев своих лишился я.
Как конь, ударившийся о камень,
Копыт своих лишился я.
Того, кого в путь я послать жалел,
Того, кого и часа не видеть не мог,

На кого никак насмотреться не мог,
Увидеть такого сына, как Толеген,
В конце концов ты, мой боже,
Заставляешь мучительно желать!
Все вы, невидимые друзья,
Помощниками будьте дитяти моему!
Дома ли будет, или в степи,
Разве уйдет человек от судьбы?
Счастливого пути, сын мой,
Аллаху тебя поручаю я.
Своего брата ты ищи.
И еще тебя поручаю я
Своему предку благородному.
Так сказал Базарбай
И благословение сыну дал.
Когда отец разрешение дал,
Сансызбай, благословение получив,
"Смилостивись, бог единосущный!" – сказал.
Отобранный Толегеном чалый стригун
Десятилетним конем уже стал.
[Сансызбай] подпругу из шелка сделал ему,
Сделал потник из сукна,
Подпотник из плюша сделал он,
Двойную подпругу наложил
На брюхо, ветром не тронутое,
И крепко затянул.
В проводники храброго Шеге взял,
На двоих трех тулпаров взял,
Да одного запасного взял.
Попрощавшись, проводив,
Сородичи расстались с ним.
Чтоб найти Толегена, он
Пустился в далекий путь,
Не изведавший странствий юнец.
"Рискну, о Аллах!" – сказав,
"Ведь каждому господь – приют!" – сказав,
Направился он на Жаик.

Сансызбай и Шеге через несколько дней достигли берега реки Жаик. Стали расспрашивать, где ханский аул. В пути они на сопку поднялись и увидели, что в ханском ауле так много конных и пеших, что сосчитать невозможно их. Увидев его и желая узнать, в чем дело, путники подъехали к какому-то пастуху и спросили его:

– Что за люди там собрались?

Пастух ответил:

– У нашего хана Сырлыбая есть дочь по имени Жибек. Она красотой превзошла всех. Услышав о ее красоте, приехал хан калмаков Корен с девятью тысячами воинов. Он потребовал отдать ему Жибек. "Не отдадите, – говорит, – разграблю ваши аулы!" Не в силах противостоять ему, наш хан решил отдать Корену свою дочь. А Жибек сказала отцу: "Если правда, отец, что ты решил отдать меня за иноверца, устрой хотя бы сорокадневный той* и тридцатидневные игры и [с честью] меня проводи!" Вот сейчас закончился той. Три дня, как игры уже начались.

– Была ли ханская дочь сосватана раньше? – спросили путники.

– У нее был муж, всех превосходивший. Звали его Толегеном. У озера Кособа разбойник Бекежан убил его, – сказал пастух.

Услышал это Сансызбай и, проливая горькие слезы на гриву своего коня, тронулся дальше. Когда Шеге нагнал его, Сансызбай лежал ничком на земле и горько плакал.

Сансызбай тогда зарыдал,
Слезы из глаз ручьем текли.
Когда сказали: "Умер брат!",
Каким бы крепким ни был он,
Как же было ему удержаться от слез?!
"Если плакать начнем вдвоем,
Кто же будет утешать нас", –
Сказал Шеге и успокоился.
Отъехали и где-то в пути
Сансызбай с коня соскочил,
Повернулся к кыбле* лицом,
Обратясь к Аллаху с мольбой,
Поклон земной сотворил.
Распластался и заплакал,
Заплакал и запричитал:
– Царственным родившийся, мой коке,
Из этого мира ты ушел,
В мир истинный ты пришел,
Меня, несчастного брата своего,
Ты оставил в горе-беде.
Тигр из чащи бежит,
Как услышит громкий крик.
По божьему велению
Сердце моего коке
Загорелось огнем любви.
В странствии объехав мир,
Жибек-красавицу ты нашел
В таком далеком краю,
Что же из того, что нашел?!
Без савана, без могилы,

Пустыне душу ты отдал,
Коке мой бесценный,
Ты пищей зверям и птицам стал.
Смерть ты принял от врагов,
У которых и флага своего нет[48].
Ведь батыры идут на врага
С зеленым знаменем в руках!
Толегена надеялся я найти,
С радостью садился я на коня.
Прибыв сюда, понял я:
Широкое наше озеро
Высохло, лужицей стало.
Кокеш мой бесценный,
Без савана, без могилы,
Ты пищей зверям и птицам стал,
Твои оголились кости в степи.
Дорогой мой кокеш,
Когда уезжал ты, я не пускал,
Старался тебя удержать,
Душу твою истомил.
Златокостный мой кокеш,
С отцом-матерью жить
Тебе не суждено.
О смерти твоей как услышал я,
Слез удерживать не стал.
Не противясь богу, скажу:
"О боже милосердный наш,
Толегену – своему рабу –
Спутником сделай иман*".

Тогда Шеге сказал: "Дорогой Сансызбай, зачем ты плачешь так? Не нужно убиваться. Не горюй о прошедшем. Вот что я тебе скажу":

– Дорогой мой Сансызбай!
Озерный мой молодой тростник,
Быстроногий мой скакун,
Слезы свои утри,
Не плачь теперь, светик мой!
Если и вправду умер твой
Старший брат Толеген,
Да будет ему приютом рай!
Смертен любой человек,
Не печалься о смерти его.
Позаботься теперь о себе.

Подумай, ведь умерли все
Сто двадцать четыре тысячи пророков.
Нет никого из прежних людей,
Бессмертных не бывает людей.
Те же, кто ропщет на смерть,
Когда предстанут перед богом,
Божьей милости лишатся.
О смерти сильно скорбит
Лишь нерадивый божий раб.
Только шайтану смерти нет,
Но и доброго ему в мире нет.
А не умрем — шайтанами станем все,
Лишимся божьей милости,
Аллахом прокляты будем.
Какая же от этого польза божьему рабу?
Сокола с цельными крыльями нет,
Тулпара с цельными копытами нет,
Раз веление от Аллаха пришло,
Оборвется жизнь — спроса нет!
Раз дело божье таково,
Никуда ты не свернешь.
Если жизни месяц истек,
Если жизни день истек,
Пища, отведенная ему, кончится — человек умрет.
Дорогой мой Сансызбай,
Выслушай меня!
Сам бог Толегена послал,
Отца, брата и мать
Перед смертью ему не показал.
Все накопленное богатство,
Скот всех четырех видов не показал.
Сам господь его привел
Туда, где могила
Была ему суждена.
Дело божье, выхода нет —
Теперь вот мечтаем мы
Вчера приезжавшего Толегена
Увидеть оставленный след.
О прошедшем не тужи,
Когда в пути — бесприютен ты,
У бога силы попроси.

Сказав эти слова, Шеге посадил Сансызбая на коня и посоветовал ему:
— Давай вернемся к себе на родину. Разве мы можем противиться иноверцам,

которых боится здешний народ? Мы уже слышали, что Толеген умер. Теперь мы не сможем взять Жибек, что нам делать здесь?

– Ой, Шеге, что ты говоришь? – сказал Сансызбай. – Если бог соизволит, мы уедем вместе с Жибек. Если же это не удастся, то нужно хотя бы повидать ее. Иди туда, найди Жибек, узнай, как она чувствует себя, а потом позови меня и я на нее посмотрю.

Сказав это, он подумал про себя: "Видно, Шеге жалеет меня. Нет, лучше я сам пойду посмотрю, какой бывает той, где смешались мусульмане и неверные".

Отдал он своего коня акыну Шеге и пошел на той. Пришел он и видит, что казахи и калмаки веселятся вместе, вперемежку. Походил, посмотрел вокруг и услышал горестное пение в юрте одной. Прислушавшись, он узнал, что это поет Жибек.

Жибек пела так:

– Вода Жаика мутная,
От слез зрения лишилась я,
С таким мырзой, как Толеген,
Ты, боже, меня разлучил.
Увидев сон, испугалась я,
Лучше бы тот сон не снился мне!
Разлучив с Толегеном меня,
Ты не направил на верный путь,
Всемогущий боже, Аллах,
С самого начала дело мое,
О Аллах, чье могущество велико,
Коль рабыней создал меня,
Неужели этот калмак
Возьмет да погубит меня?
Шектинцы, с Жаика откочевав,
Остановятся на высоте,
Боже, за какой же грех
Попалась я на такой крючок?
Всемогущий хозяин-творец,
Разве я не твоя раба?
Неужели предназначил ты
Калмаку худородному меня?

Услышав эти слова Жибек, Сансызбай не стерпел, побежал к Шеге. "Принеси ответ от Жибек", – попросил он Шеге и такие сказал слова:

– Дорогой мой, Шеге-ага*,
Родившийся лучшим, батыр-ага,
К моей женге Жибек
Я посылаю тебя, ага.
Быстро сходи и вернись, ага.

К тебе просьба у меня одна:
От моей женге Кыз-Жибек
С ответом вернись, ага.
Когда враг за ворот возьмет,
Когда на голову нагрянет беда,
Не уйду, тебя не брошу, ага.
К тебе у меня просьба одна:
Перед богом не греши,
Не возвращайся, солгав, ага.
Родившийся батыром, Шеге-акын
Был непревзойденным храбрецом.
Тулпара своего
Сансызбаю он отдает,
Пешим Шеге-акын
В аул к Жибек идет.
К белой юрте, где песни поют,
Ближе подходит он,
Среди собравшихся на той
Множество калмаксих воинов
С удивлением видит он.

Когда Шеге подошел к юрте, он услышал песню Кыз-Жибек:

– С жагалбайлинцем соединилась я,
Многотысячных табунов пасти не в силах они.
Если правда, что Толеген погиб,
Почему бог к себе Кыз-Жибек не возьмет?

Еще скажу: с жагалбайлинцем соединилась я,
Многотысячных табунов пасти не в силах они.
Разве нет у них джигита, мой боже,
Почему он не едет взять свою вдову?[49]

Еще скажу: с жагалбайлинцем соединилась я,
Многотысячных табунов пасти не в силах они,
Тот край отыскать поехала б сама,
Да нельзя женщине одной в путь: не смогу найти.

Услышав эти слова,
Шеге узнал Жибек.
Прося помощи у бога,
Вперед акын Шеге прошел,
К Жибек направился Шеге,
Меж множества воинов прошел,

Протискиваясь, как тощий баран.
Кое с кем побранился он,
Кое с кем подрался он.
Кое-как, с большим трудом,
К юрте Кыз-Жибек
Наконец-то подошел Шеге.

Шеге подошел к юрте Жибек и запел песню, словно джигит, состязающийся с девушкой. Раньше к Жибек никто не подходил, не пел. Хотели, но не смели, раз горюет она.

[Шеге:]
– Жибек-жан, подобное тебе не родится дитя.
Красота райской гурии тебе дана!
Хорошую песню спой, уважь меня,
Она ведь отрада человеку всегда.

[Жибек:]
– Песня моя начинается с айым-кайым[50],
Склон гор березой и тальником зарос.
Давно уже песня пропета мной,
Кто вы, что не знаете горя моего?

[Шеге:]
– Доволен я, что увидел красу твоего лица,
Кто в раю, путь ко дворцу увидит,
Слышал я, что той устроен для тебя,
Почему же печальна ты, дорогая моя?

[Жибек:]
– Пожелтело лицо твое, словно тяжелый проделал ты путь,
Сквозь толпу пробравшись, ты ко мне подошел.
Словно сокол в сетях, стала рабыней я,
Разлученная со своими, несчастная я.
Эй, жаке*, никогда не видала я вас,
Сижу и вашему виду дивлюсь.
Кажется, благородного происхождения вы,
Из каких вы приехали мест, почему так изнурены?

[Шеге:]
– Красота райской гурии тебе дана,
Плавятся кости мои от слов твоих.
Как это ты, дорогая, в сети попала?
Расскажи о причине, послушаю я.

[Жибек:]
– Велению Аллаха повинуюсь я,
Погасла свеча моя – о том горюю я.
Раз меня с нареченным бог разлучил,
Вот сижу, подчиняясь власти калмака-врага.

[Шеге:]
– Выкорчуешь лес – умножишь песок,
От года к году трудней времена.
Какого рода твои свекор и свекровь?
Как зовут нареченного жениха?

[Жибек:]
– Из уст достойного каплет мед.
От когтей смерти спасенья нет.
Свекру и свекрови не служила я,
Аруаха страшась, не назову их имена[51].

[Шеге:]
– Не быть достойным недостойному,
Недостойные достойных не превзойдут,
Я спрашиваю по крайней нужде,
Не беда, если раз назовешь их имена.

[Жибек:]
– Джигиты и девушки, собравшись,
С утра до вечера веселятся,
Ведут беседы, собравшись.
Если расскажу, что знаю,
Правдивы будут мои слова.
Имя свекра – Базарбай,
Из рода он жагалбайлы.
Сын же его – Толеген –
Лучше падишаха был
По мудрости и уму.
А как жаль, о мой боже,
Так мало прожил он со мной!
Толегена потеряв,
Раз бог наказал,
Обе стороны в беде.
Ни разу не приехал сюда,
Думаю, что нет обо мне
Мыслей у Сансызбая-храбреца.
Как ягненок годовалый в отаре,

Как золотой кулон на груди она.
Назову я свекровь свою:
Это шестидесятилетняя Камка.
Порадует ли бог,
Такую рабу свою, как я?
Почему дергается веко мое?[52]
Если жив Сансызбай,
Пора ему взрослым стать.
Несчастную меня
Почему не едет отыскать?
Ушедший от нас Толеген
В мыслях своих был глубок,
"В народе есть акын-вожак,
Батыр Шеге!" – говорил.
Что мне делать, как же быть,
Как рассказать обо всем?
Ушедший от нас Толеген
О многом мне говорил.
Тогда Шеге сказал,
Вот что он сказал:
– За хребтом – хребет, – сказал. –
Там сильный ветер бьет, – сказал. –
Нагнись-ка, Жибек-жан,
Поближе подойди, – сказал. –
Слово одно скажу тебе,
Это слово пойми, – сказал. –
Сансызбая я вожак,
Приехал тебя отыскать,
Шеге-акын – я, – сказал.
Выслушала это Кыз-Жибек,
Подумала, что обманывает он,
Не поверила его словам.
Шеге еще ей сказал:
– Коль словам не веришь моим,
Что, милая, сказать тебе?
Если правду считаешь за обман,
Больше к тебе не подойду.
Если друга считаешь за врага,
Я от горя и печали умру.
Если мусульманина считаешь врагом,
Если иноверца другом считаешь,
Правду, Жибек-жан, скажи,
По следу обратно отправлюсь я.
Сказала тогда Жибек:

– Если правду говоришь, жаке,
Следуя за тобой, готова я умереть.
От горя разум потеряла я,
Трудно было узнать тебя.
Покажи, где Сансызбай,
Дорогой мой Шеге-ага,
Тогда тебе поверю я.

Держит коновязь коня,
Молнией обожженная земля гола.
"Среди множества врагов
Могут по имени узнать", – подумав, –
"Иди сюда, коневод!" – позвал Сансызбая Шеге.
Место, где стоял Сансызбай,
Было за версту [от Шеге,]
Но голос храброго Шеге
Услышал Сансызбай и отличил,
С нетерпением ждавший храбрец
Аллаха призвал, сел на коня,
Двух тулпаров в поводу ведя,
К храброму Шеге
Смело прискакал.
"Твой деверь прибыл!" –
Рожденный храбрым Шеге-акын
Сказал красавице Жибек.
На свет Кыз-Жибек
Разглядела Сансызбая,
Разглядела и сказала:
– Ты для меня – золотые ножны,
Ты мне – серебряные копыта.
Похожим тебя создал бог
На коке твоего.
Поддержал ведь Аллах-создатель:
Зажглась угасшая моя свеча.
Откройтесь, веки мои[53],
Воскреснув, явился умерший мой,
Сердце мое, разорвись!
Да поможет мне всесильный бог,
Да исполнит он желание мое!
Как увидела Сансызбая,
Успокоилась душой Жибек.
Все горе пережитое,
Все печали забыла она.
Но средь множества врагов

Обниматься было опасно.
Он снаружи, в юрте она,
Кыз-Жибек и Сансызбай
Ограничились кивком головы.
Глядели друг на друга они,
И радостью полнились их сердца.

Поздоровались друг с другом они,
Переполнились у несчастных сердца.
Почитая Сансызбая и Шеге,
Полное блюдо поставила [перед ними Жибек.]

– Подкрепитесь и на коней садитесь, – сказала. –
Возвращайтесь обратно, – сказала. –
У врага-калмака, желающего жениться на мне,
Есть два тулпара, знайте про это, – сказала. –

Через перевал Карагач* проходит дорога,
На той дороге ждите, – сказала. –
Если поможет бог, сяду на тулпара,
Завтра в полдень там увидите меня, – сказала. –

Наши завтра поутру откочуют, думаю,
И с ночи юрты разберут, думаю.
Если бог исполнит наше желание,
Светильник врага-калмака погаснет, думаю.

Договорившись, обоих отправила,
А ханский аул с ночи откочевку начал.
– Сегодня на тулпаре хочу я ехать,
С девушками весело время провести, –

Сказала Жибек и женеше свою попросила
Сходить к Корену и выпросить коня.
– На тулпаре хочу немножко развлечься! –
Сказала и женге свою послала она.

Женге пришла к калмаку Корену, передала привет от золовки и сказала:
– Бикеш просит дать одного из тулпаров на время кочевки!
– Твоя золовка не хочет идти за меня замуж, – ответил Корен, – не дам коня.
Тогда хитрая женге сказала такие слова:

– Ох, зятюшка, зятюшка,
Она кокетничает из озорства,

Моей золовки ведь знаешь нрав.
А если знаешь, зачем же ты
Веришь наветам врагов?
Сегодня на кочевку ей
Ты коня Сандалкока дашь,
Как солнце сегодня зайдет,
В белую юрту отау ты войдешь.
Игры, разные зрелища,
Много занятного увидишь ты.
Лучезарной бикеш
К груди ты прильнешь,
И златотканое платье ее
На голову ей собьешь.

Тогда Корен сказал:
– Ой, женеше, женеше!
Верховой конь саврасый твой,
Витое колечко из золота твое...
Один богат, другой же беден –
Разве бог так создает?
Пускай Жибек за меня не идет,
А Сандалкока не проси!
Пускай Жибек за меня не идет,
Но и Сандалкока пускай не просит и зря не горюет!
На тулпаров садятся мужчины,
Разве женщинам на них усидеть?

Не дал калмак коня, и раздосадованная женге вернулась со слезами к Жибек.

"Пойду сама. Если сама пойду, возьму тулпара и сяду на него!" – подумала Жибек, взяла с собой пятнадцать девушек и пошла к Корену. В пути размышляла она: "Бог исполнит, наверное, мою просьбу и поможет калмака одолеть!" Девушкам она сказала:

– Поиграйте с вашим зятем!

Пришла Жибек и спросила:

– Когда я просила твоего коня, почему ты его не дал?

Увидел Корен Жибек, потерял самообладание, растаял, [от радости] опьянел и с трудом проговорил:

– Мне не жалко коня, но я живу здесь вот уже два с половиной месяца, а ты ни разу не показалась мне, вот почему я обиделся. Теперь я удовлетворен. Скажи, какого тулпара хочешь ты?

– Я хочу сесть на Сандалкока! – сказала Жибек.

У калмака для двух тулпаров было два разных седла. Если седло одного положить на другого – не подойдет. Поэтому Корен сам стал седлать тулпара. Пока он седлал коня, Жибек увидела спрятанный под постелью белобулатный меч длиной в пятнадцать кулашей. Она взяла этот меч и подвесила к поясу.

Когда калмак оседлал коня, Жибек быстро вскочила в седло, взяла в руки узду и довольная сказала калмаку:

– Будь проклят твой отец, хан Корен!
Где ханское достоинство твое?
Обманутый, через силу отдал ты коня.
Если бы бог мне в руки дал тебя,
Я бы в землю втоптала тебя,
Твой тулпар Сандалкок,
Твой клинок в золотых ножнах –
Твои они или мои?
Если бог поддержит меня,
Здесь жены нет для тебя.
Будь проклят твой отец, хан Корен,
Мои слова ты пойми,
Государем считаешь ты
Сам себя в эти дни.
Если бог Сансызбаю счастье даст,
<В степи, куда птица не залетит,>
Воронов, коршунов и мух
Выклевать твои глаза заставлю.
Будь проклят твой отец, калмак!
Не буду рядом с тобой стоять.
Ты приехал жениться на мне.
Напрасно храбрился ты.
У бога прощения прошу
За слова грешные свои:
Сначала безвольно я
Подчинилась приказам твоим,
Бог желанье исполнил мое:
На Сандалкоке я сижу.
Пес-калмак, поблекли твои глаза,
По глупости своей не знаешь ты,
Что смерть твоя совсем близка.

Сказав это, Кыз-Жибек подумала: "Видно, я своими словами согрешила перед богом?" И, каясь, сказала:

– Каюсь я, боже мой,
Грешные слова мне прости!
Сто тысяч проклятий неверному,
Огонь светильника его погаси!
Каюсь я, мой Аллах!
На тебя одного надеюсь я,
Что делать – ты сам знай!

Так, обратившись к богу, Жибек повернула коня и поскакала. Чтобы разгорячить тулпара, она скакала то в одну, то в другую сторону. Увидев, как скачет Жибек, калмак Корен подумал, что тулпар, разгорячившись, может сбросить Жибек, и поскакал за ней, оседлав тулпара Казмойына. Чтобы отобрать у нее свой меч, Корен сказал:

— Япырым-ау, япырым!*
Видите ли вы, молодежь,
Горячность Кыз-Жибек?
Сандалкока погоняет она,
Кыз-Жибек, жена моя,
Строптив Сандалкок,
Как бы он ее не понес.
Дорогая моя Жибек,
Скачи потише, потише скачи!

Видя, что калмак Корен скачет за ней, Кыз-Жибек подумала: "Пожалуй, калмак что-то хочет со мной сделать? Надо отвлечь его от этой мысли". И она поехала ему навстречу. Подъехала и спросила:

— Эй, таксыр*, были ли ханами ваши предки или же вы сами завладели ханской властью?

— Мои предки до седьмого колена ханами были, — ответил Корен.

— Провалиться вам под землю, а не ханом быть. Разве ханы такие бывают, в вас нет ничего ханского. Если вы настоящий хан, если я ваша жена, так почему вы, как раб-пастух, следуете за мной на всем пути кочевки? Не останавливайтесь здесь, а немедленно поезжайте вперед и расставьте шатер. А я с кочевкой подъеду! — сказала Жибек.

Тогда Корен сказал:

— Я рядом с тобой не поеду, просто я хотел предупредить, что Сандалкок, разгорячившись, может тебя понести, будь осторожна. Дай мой меч!

Ответила Жибек:

— Вот это и есть твоя глупость. Я просто хотела попугать людей, чтобы нас поскорее отпустили. До сих пор ты ведь своим умом жил, живи и теперь!

Тогда калмак, поверив, сказал:

— Я поеду вперед. Как подойдет намаздигер, верни мне коня, — и уехал.

Жибек повернула коня, оглянулась и увидела, что ее младшая женге надела ее саукеле*. Говорят, что прекрасное притягивает глаз девушки, Жибек захотелось взять с собой свое саукеле. Подъехав к женге она сказала:

— За перевалом — перевал, — сказала. —
Там сильный ветер бьет, — сказала. —
Дорогая моя женеше,
Подойди поближе, — сказала. —
Я тебе одно слово скажу,
Пойми это слово мое, — сказала. —

Саукеле со своей головы
Сними и отдай мне, – сказала. –
Все равно завтра мне надевать,
Так уж лучше сейчас надену его.
Идет ли мне саукеле, женеше,
Посмотри-ка? – спросила Жибек.
Эти слова Кыз-Жибек
Справедливыми посчитала женге,
Саукеле с головы сняла,
Кыз-Жибек саукеле отдала.
Жибек его в руки взяла,
Драгоценные камни с него
До единого сорвала
И положила в карман.
Повернула Жибек коня,
Поодаль стала она.
Не в силах заговорить,
Заплакала Жибек навзрыд,
Сказала своей женге:
– Милая моя женеше!
Нрав отменный у тебя.
В далекий путь я собралась,
Не спрашивай: "Куда?"
Бог единосущный создал всех,
Муллы имеют чернила и перо,
Если бог поможет мне,
В далекий путь отправлюсь я,
Привет родителям передай.
Если бог мне счастье даст,
В далекий путь я собралась.
Так бы не поступила я,
Но хочет взять калмак меня,
Многочисленным войском окружил.
Не мешкая уеду я.
Всем родным привет передай,
Будь здорова, женеше, сама!
Тогда женге сказала ей:
– Золовка милая моя,
Небесный конь под тобой,
На что бы ни решилась ты,
Пусть исполнится желание твое.
Да пошлет тебе счастье бог! – сказала. –
Пусть сердце иноверца сожмется! – сказала. –
Пусть [бог] с мусульманином тебя соединит!

Бога по утрам и вечерам
Об этом слезно просила я.
О себе поведай мне,
Куда путь держишь, светик мой?

Сказала тогда Жибек:
– На тулпаре я сижу,
Булатный меч на поясе у меня.
Копыто, от тулпара оставшееся, –
Сансызбай – разыскал меня.
Если желание исполнит бог,
Соединиться думаю я
С первым ровней своим[54],
Ехать я собралась
В жагалбайлинские края.
Женеше, как же смогу
Пойти к злодею-неровне я?
Если сбудется желание мое,
У калмака померкнут глаза.
<На спесь калмака не погляжу.>
Женеше моя, решилась я
Только так теперь поступить.
На тулпаре отправилась я,
Головой своей рискую я,
На Аллаха надеюсь я,
Как же стать женой могу
Врагу бога моего,
Калмаку худородному?
С врагом-иноверцем встретилась я,
Навалилась на меня беда,
Я, Жибек, известная всем,
Если стану иноверцу женой,
Какой будет перед народом позор.
Пусть свое молоко мне мать простит,
Пусть отец меня благословит.
Родным и всем передай привет
И сама, женеше, здорова будь!
После этого Кыз-Жибек
Ни словечка не произнесла
И повернула коня
К условленному месту, к Карагачу,
Рысью понеслась она.
Видя, что все всерьез,
Видя, что коня повернула она,

Женге: "Сансызбаю привет!
Здорова будь сама!" –
Сказала и заплакала.
Мчится, мчится Жибек,
А Шеге и Сансызбай,
Взобравшись на дерево,
Караулили Жибек,
Черный силуэт Жибек
Увидали Сансызбай и Шеге.
Состязаясь с тропинкой,
Борясь с удилами,
С птицей летящей соперничая,
Верблюжью шею вытянул конь.
Натягивая поводья,
Жибек ладони ободрала.
По пересеченным местам скользя,
Перепрыгивая через впадины,
Перелетая через яры,
По ровной местности мчась,
Не успели перемолвиться о том о сем,
Не успели и глазом моргнуть,
Как к Сансызбаю и Шеге
Стремительно примчалась Жибек.
< – С добрым намерением соединяются>
Друзья единого бога, – сказав,
Кыз-Жибек с коня сошла,
Поклонилась Шеге.
– Будь счастлива, дитя мое,
Пусть бог покровительствует тебе! –
Сказал храбрый Шеге и ее благословил.
В поводу ведя коня,
Ступая мягко, как гусь,
Жибек к Сансызбаю подошла.
Друг друга увидали они,
"Слава богу!" – сказали,
На коней они взобрались,
Было их двое, стало трое,
Призвав Аллаха, помчали домой,
На родину направили коней,
На тулпарах сидели все,
Как ветра порывы, шумели.
Как поскакали, вырвалась Жибек вперед.
– Едем, – Сансызбая позвала. –
Если твой конь отстает,
На Сандалкока пересядь! – сказала.

Позором то для себя посчитал,
На коня Жибек он не сел.
— Поезжай, Жибек, поезжай!
Если бог нас с тобой приведет
К тому месту, где можно сесть,
Тогда пересяду я! — сказал.

Пусть они продолжают путь, а мы поведем сказ про калмака Корена. Когда наступил вечер, Корен-хан послал человека за своим конем. Ему сказали: "Не знаем, где конь".

Тогда калмак сказал: "Жибек села на него".

Когда начали искать, не только коня, но и Жибек не нашли. Тогда все подумали: "Раз хан отправил Жибек в свои земли, почему же у нас спрашивает. Если бы он и открыл нам правду, мы и тогда ничего не смогли бы сделать".

Узнав об этом, калмак рассердился. Рассердившись, созвал войско и решил разгромить орду хана Сырлыбая.

— Где мой конь? — спросил.
Когда услыхал их ответ, —
— Мигом найдите коня, — сказал, —
Если найдете коня,
Спокойно спите, — сказал. —
Если коня и Жибек
Не отыщете сейчас,
Узнаете силу мою! — сказал.
Войско свое собрал
Озверевший калмак,
Заревел он, закричал,
<И в центре> стоянки стал.
Испугавшись угроз калмака,
Женщины и дети завопили,
Люди все зарыдали.

Тогда Сырлыбай, считая за унижение самому идти к Корену, послал Каршыгу:
— Сходи к калмаку и все ему объясни!

Этот самый Каршыга
Храбр и красноречив.
Вот признак храбрости его —
К рассвирепевшему калмаку
Смело подъехал он,
Иноверцу, кого боялись все,
Без запинки ответил он:
— У меня вам ответ один,

Выслушайте меня, таксыр!
Считая, что сила на вашей стороне,
Без причин не угрожайте нам.
Если бы мы спрятали Жибек,
Тогда бы вы были правы, таксыр!
Умерьте же свой гнев,
Возвращайтесь в свой шатер!
Видно, конь ее понес.
Не исчезнет тулпара след,
Ищите в степи этот след.
Или, чтоб спрятать Жибек,
Есть личный враг у вас?
Ровно тысячи человек
Стоит ваша голова!
Хан, в вас недостатков нет,
Подумайте сами, таксыр:
Правильно ли поступили вы?
Хоть хан ты, таксыр, а скажу:
Разве женщин на тулпара сажают?
Собачья ваша голова!
Ведь Жибек тоже женщина,
Норов тулпара знали вы,
А зная, женщине зачем
Тулпара дали вы?
Коли сами дали ей,
Зачем же вините народ?
Резко сказать не осмелимся:
Тюре*, народа правитель вы!
Не думая о своей вине,
Пошалили вы, зятек,
Так не пугайте теперь народ!

Тогда калмак сказал:

– Почему же сразу все не объяснили? А то говорили, будто я сам отправил Жибек на своем коне к себе в кочевья. Потому-то и прогневался я. Это верно, что можно легко найти след моего Сандалкока: когда он скачет, под копытами образуются ямы с земляной очаг. Я сам найду след коня.

Сказав это, он вернулся в свой шатер, но до самого утра не смог заснуть. Как только занялась заря, калмаки сели на коней и стали отыскивать тулпара след. Когда доехали до покинутой стоянки, нашли след. Поехали по следу и доехали до Мойынсу*. Там стало больше следов, отсюда вели уже следы четырех коней.

Хан Корен разделил свое войско на две части. Одну часть он оставил на месте, сказав: "Ждите нашего возвращения!"

Сам во главе второй части в две тысячи семьсот человек бросился в погоню по следам. Еще взял он с собой двадцать казахов во главе с Каршыгой.

Шесть дней за беглецами гнался Корен, но не догнал их. Тогда он оставил войско и сказал: "Догоню и убью их, даже если они и шаманы. Убью и пойду обратно к вам навстречу. Если не догоню, так буду вас дожидаться у их аула. И мы вместе разгромим их!" И поехал дальше один.

Мчится, мчится калмак,
Мчится, взбешенный.
Рычит, как серый кабан,
Стременами гремит,
Подхвостник у коня шумит.
<У тулпара Казмойына>
Пена бьет изо рта –
Всю грудь залила.
Черного тулпара Казмойына
Охаживает по крупу камчой.
На крупе выступивший пот,
Словно дождик с небес,
На землю по ногам течет,
Вот калмак "чу" закричал,
Будто молодой беркут клекот поднял.
Мчится неверный калмак,
Мчится разгневанный.
Когда прошло одиннадцать дней,
Сансызбая вдалеке
Увидал калмак Корен.
Что вдогонку едет калмак,
На расстоянии дневного пути
Почуяла вещая Жибек.
– Догоняет неверный калмак,
Прошли мои счастливые дни! – сказав,
Сансызбаю и Шеге
Сообщила Кыз-Жибек.
[Сансызбай] назад посмотрел,
Помощи у Аллаха попросил.
А потом Шеге и Жибек
Отправил вперед.
Калмака, едущего к ним,
Сансызбай стал поджидать,
Боком повернув коня,
Когда вперед уехала [Жибек,]
Когда юный джигит с врагом
Остался один на один,

Опечаленная Кыз-Жибек
Поднялась на холм,
Обратилась к кыбле лицом,
Повод коня Сандалкока
На шею набросила
И, к богу единосущному обратясь,
Молитву стала читать,
Причитать начала:
– О бог, чье могущество велико,
Счастье оставило меня,
С моего лица свет ушел.
Оказывается, много припас
Горестей ты для меня.
Не моя ли смерть пришла,
Не мой ли черед подошел?
Неужто из-за одной грешницы
Уничтожишь ты, боже,
Все потомство Базарбая?
Сперва ты меня поддержал,
И по милости твоей я спаслась,
А теперь-то, мой боже,
За какие грехи страдаю я?
Если в руки врага вновь попаду,
Что же станется со мной тогда?
Неужто из-за одной грешницы
Уничтожишь ты, боже,
Все потомство Базарбая?
Так сказала Кыз-Жибек
И горько заплакала навзрыд.
Слезы ручьем из ее глаз полились.
А несчастной Кыз-Жибек
Молитва была принята.
Что была она принята,
Потерпи, узнаешь потом.
Расскажу я обо всем,
А тем временем уже,
Пока говорили о том о сем,
Уста закрывали пока,
К Сансызбаю между тем
Подъехал хан Корен,
Подъехал и сказал:
– Как на тебя погляжу,
Ты моложе меня, юнец.
Как огонь пылаешь ты.

Ханом Кореном зовут меня,
На что же надеешься ты?
Если о себе расскажу,
Ты ведь лишишься ума.
Кыз-Жибек моя жена,
Куда ее увозишь ты?
Отослав Жибек вперед,
Ко мне повернулся ты,
Словно хочешь биться со мной,
Поперек дороги поставил коня.
Если будешь биться со мной,
К своему богу отправишься ты.
Будешь биться — скажи, кто ты?
Что же делаешь ты здесь?
Сансызбай тогда сказал:
— Если ты калмак Корен, —
Знай, я — Сансызбай-юнец.
Я так же, как ты, велик.
Свою женге Кыз-Жибек
Желая найти, приехал я.
Когда свою женге нашел,
Помощи у бога попросил,
И домой ее повез.
Вижу: ты догоняешь нас,
Что ты за человек,
Узнать я захотел.
Если мусульманин ты,
Другом стать тебе хотел.
Если ты иноверец-враг,
Да поможет мне Аллах.
В преисподнюю тебя
Отправить я хотел.
Тогда калмак сказал:
— За перевалом перевал, — сказал. —
Там сильный ветер бьет, — сказал. —
Первая очередь моя,
Последняя очередь твоя,
Запомни это! — сказал. —
Как на тебя погляжу,
Ты моложе меня, юнец.
Очередь мне уступи! — сказал.
Юный сокол Сансызбай
Повернулся к врагу,
Помощи у Аллаха попросил,

Что ж бояться – разве женщина он?
Калмаку очередь уступил
И хладнокровно, гордо стал.
Будь проклят его отец – злой калмак
Запустил руку в колчан.
Зараз много стрел набрал,
Лук свой он в руки взял,
В стоявшего перед ним юнца
Свою стрелу он пустил.
Полетела его стрела,
До Сансызбая долетела она,
Из девяти рядов кольчуги
Восемь рядов пробила она.
Чуть было не распорола она
Ворот многослойной кольчуги.
Да с малолетства у Сансызбая
Принимал молитвы бог.
И эти слои пробила б стрела,
Да задержали ее
Гауас, Гаяс, сорок чильтанов –
Покровители Сансызбая.
Никогда не видевший врага,
Сансызбай, слезу обронив,
Чтоб не унизиться перед неверным,
Помощи у Аллаха попросил:
– Если бог окажет милость,
У человека будет все[55].
О мой бог, чье могущество велико,
К тебе обращаюсь с плачем я.
< Свел ты с могучим врагом меня,
Без поддержки твоей
Мне не справиться с ним!>
Окажи милость, боже, мне,
Врага впервые вижу я.
Впервые силу испытываю я.
О бог, чье могущество велико,
Иль с закатом угасну я,
Иль в калмака выстрелю я.
Если смилуешься ты, о боже,
Калмака проклятого убив,
Вдоволь позабавлюсь я.
Грешного раба, как я,
Милостивый Аллах, прости
За совершенные грехи!

Сказав так, Сансызбай
Руку в колчан запустил,
Глубоко ее запустил,
Свой лук в руки взял,
В недрогнувшего врага
Свою стрелу пустил.
Со свистом полетела стрела,
До калмака долетела она,
Защищенную грудь насквозь,
Многослойную кольчугу пробив,
Со свистом пронзила она.
Дальше полетела стрела,
До холма долетела она,
И там, с юрту ком земли
Вывернув, пролетела она.
Когда упала стрела,
Рухнул Корен с коня.
Выпало знамя из рук.
Лай-лай-лама-лок! – вскричав,
Грохнулся проклятый калмак.
Когда наземь калмак упал,
Подъехал к нему Сансызбай,
Не сходя со своего коня,
От туловища его
Мечом голову отделил.
Черного тулпара Казмойына
За собой в поводу повел.
– Остановись, Жибек, остановись!
Разве ты не любишь меня? –
Громко закричал Сансызбай
И окликнул Жибек.
Радостный его зов
Услышали Жибек и Шеге.
Стали радоваться они,
Тут Сансызбай подъехал к ним.
Поблагодарили Аллаха они
И, избавившись от иноверца-врага,
Проехав несколько дней,
Приехали в свою страну.
Обрадовались отец и мать,
Устроили сорокадневный той,
В жены взял Сансызбай Кыз-Жибек.
Увидев красоту Жибек,
Народ в изумление пришел!

О боже, поддержи своего раба!
Взошла теперь их звезда!
Однажды Жибек увидела сон
И Сансызбаю рассказала:
– Во сне стаю ворон видела я, – сказала. –
И последовала она за ястребом одним.
Ястреб всех ворон уничтожил,
Забавно было на то смотреть, – сказала.

Сансызбай так истолковал этот сон:

– Оказывается, множество калмакских войск придет,
Оказывается, исполнит наше желание бог,
Ястреб, истребивший ворон, это, видимо, я,
Видно, пришедшие калмаки погибнут все.
Сказал это Сансызбай и народ собрал.
– Господи, предаюсь воле твоей, – сказал.
Когда Сансызбай свой народ собрал,
О подходе большого войска весть пришла.

Но и этих калмаков он всех перебил,
Убитых всех в кучу свалил.
Среди воинов было двадцать мусульман,
Так их всех до единого он одарил.

Вожаком мусульман был Каршыга,
Приют для обездоленных – единосущный бог,
Но Кыдыр и счастье на Сансызбая снизошли,
И он их не выпустил из рук.

Каршыга, оказывается, перед войском ехал,
Гибель Корена он, оказывается, видел.
"Нас самих могут убить!" – подумал он
И, не показывая Корена, войско, оказывается, свернул.

"Наш хан догоняет их", – сказав,
Каршыга всех калмаков, оказывается, обманул,
В аул Базарбая их привел,
И умно их всех уничтожил, оказывается.

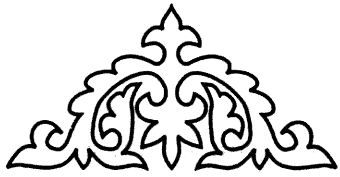
Сансызбай несколько дней угощал Каршыгу, а потом с двумя тысячами воинов во главе с Каршыгой поехал в аул Сырлыбая. А калмаки, не получая вестей от

своего хана, безмятежно спали. В это-то время на них и напал Сансызбай, даже на коней им сесть не дал. До зари много калмаков было уничтожено. С рассветом калмаки, не в силах прийти в себя, бежали.

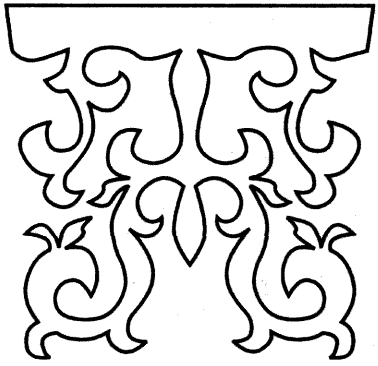
За врагами погнался Сансызбай,
Кого настиг – истребил,
Пять тысяч калмакского войска разгромил,
Алой кровью черную землю полил,
Защитившего мусульман от врага
Героя воспойте, джигиты!

Господь-бог счастьем Сансызбая одарил,
А все мусульмане успокоились душой.
Всех калмаков храбрый Сансызбай перебил,
И вернулся к родне жены.
Во главе с ханом Сырлыбаем
Ему навстречу вышел весь народ.
В отдалении поставили юрту ему,
Два месяца потчевали-тешили его.

Сказывают, через два месяца в свой он собрался аул,
Сказывают, оценил услуги родичей жены.
Восемьдесят наров полностью навьючили,
Сказывают, пять сирот и золотое отау дали,
Девять иноходцев со сбруей для Жибек дали,
Говорят, и теща вместе с ними поехала,
Словно впервой свадьбу устроили Жибек,
Сказывают, три месяца в пути пробыли они.
Как только благополучно на родину приехали,
Говорят, снова сорокадневный устроили той.



ПРИЛОЖЕНИЯ



КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ ЭПОСА "КОЗЫ-КОРПЕШ И БАЯН-СУЛУ"

1. В тексте перевода замены и добавления по материалам Г.Н.Потанина отмечены угловыми скобками.

2. ... *Девяносто тысяч коней он имел, да тенгри забрал [его].* – В тексте сочетание тәңір алса да ("хоть бы тенгри забрал [его]") может быть отнесено и к Карабаю, и к девяноста тысячам коней. Мы по традиции относим его к Карабаю.

3. ... *Сыбанбай, Жанак, Бекбау* ... – певцы-импровизаторы и исполнители эпических сказаний, жившие в XVIII – XIX вв. Публикуемая версия эпоса "Козы-Корпеш и Баян-сулу" исполнялась ими.

4. *Орманбет* – эпический правитель (би) Ногайской орды, жил в XIV–XV вв. В фольклоре казахов, каракалпаков, киргизов и ногайцев он как правитель выступает инициатором сплочения племен и народностей, населявших Ногайскую орду.

5. *Всех гостей одарив девяткой* ... – Девятка (тоғыз) – подарок, состоящий из девяти каких-либо предметов, например голов скота. Бывали и смешанные девятки, которые включали и скот, и вещи, а в древности и рабов. Обычай обязывал при сватовстве обмениваться подарками. Ныне подарок – знак особого уважения.

6. ... *Убедимся в милости его к нам.* – В тексте букв. "Посмотрим, как его взор упадет на нас".

7. *Душевной широты лишил Карабая бог* ... – Эта строка повторяется в публикуемом тексте два раза (см. ниже – строка 147). Но строка 147 переведена по контексту: "Чувства меры лишил Карабая бог".

8. *Для всех шестиколенных казахов* ... – Здесь имеются в виду шесть крупных племен, входящих в состав Среднего жуза: Аргын, Найман, Керей, Уак, Коныpат и Кыпшак. Герои данного эпоса принадлежат к племени Найман.

9. ... *Ты, не мешкая, голову мою к югу поверни.* – Согласно мусульманскому похоронному ритуалу, казахи умершего укладывали головой в сторону Мекки, т.е. на юго-запад.

10. ... *Кому же нужен проклятый дурень?* – В тексте букв. "Кто же посмотрит на проклятого дурня?"

11. ... *А пес Карабай за маралуху душу свою продал.* – В тексте букв. "За маралуху пес Карабай свою веру продал".

12. – *В безлюдной степи встретил я вас, Кареке.* – В тексте букв. "Кареке, в безлюдной степи увидели мы вас". В казахском языке глагольная форма множественности нередко используется для передачи официального тона обращения или диалога.

13. В тексте: Мынау қалай сорлы еді ниетке жеткен, Өз ойымен қылғанын нәмәрт еткен. – Эти строки могут быть переведены по-разному, в зависимости от того, к кому они относятся и какой смысл в них вкладывает говорящий:

1) если Карабай дает характеристику гонцу, открыто показывая свое пренебрежение к нему, то перевод будет выглядеть так: "Что за горемыка, добивающийся своего И делающий никчемными свои помыслы и дела?";

2) если выражается удивление по поводу того, что гонцу удалось добиться, чтобы именно его отправили к Сарыбаю за суюнши (см.), перевод будет выглядеть так: "Как же этому бедняжке удалось добиться своего, Когда свои помыслы и дела он сводит на нет";

3) если Карабай говорит о тщетности желания гонца найти Сарыбая и получить от него подарок, то эти строки следует перевести иначе (мы предпочли последнее прочтение): "*Кто этот несчастный, что хочет своего добиться, Когда его помыслы и дела /уже/ напрасны?*"

14. В тексте Япы [й] ым – ай, бұл өнеген көпке тисін ... – Букв. "Япырмай, пусть твой пример пригодится многим". Но такой перевод не соответствует контексту. Поэтому эта строка переведена так: "*Япырмай, да не будешь ты примером другим*".

15. ... */Малыша/ Козы испугался, опозорился пес вконец.* – В тексте букв. "От страха перед Козы черт попутал пса" (т.е. Карабая). В казахском языке идиоматическое сочетание кара басты означает "оплошал", "опозорился".

16. ... *Народу ровно одиннадцать тысяч (он бір сан) собралось.* – В казахском фольклоре слово сан, вероятно, употреблялось вместо слова мың ("тысяча") или же обозначало число, превышающее тысячу. Ср.: Он сан ноғай – "Десять тысяч ногайцев". Так переводит Ч.Валиханов (*Ч.Валиханов.* Собр. соч. В 5-ти т. А.-А. Т.1. 1961, с. 362).

17. *Все, как писано, у Тайлака в душе* ... – Строка означает, что для батыра Тайлака все было ясно и он хорошо понимал, как следует теперь поступать.

18. ... *Так скажу тебе правду напрямик.* – В тексте букв. "Воткну-ка я прямо теперь свое копье".

19. ... *Скажи-ка прямо, что на самом деле есть!* – В тексте букв. "Что за слово, которое ты хочешь сказать, будто сражаешься со мной копьем?!"

20. ... *Плакать не буду, да пошлет ему бог иман.* – Сочетание "иман берсін", букв. "пусть даст веру", по отношению к умершему это означает "пусть проявит /всевышний/ к нему милость", т.е. если бог пошлет иман (см.) мертвому, значит, тот попадет в рай.

21. ... *Все вернулись бы, как положено, ни слова не сказав.* – По обычаю, при сватовстве представители стороны невесты могли совершать экстраординарные поступки, на которые сваты (т.е. сторона жениха) не должны были обижаться. Вообще в свадебных обычаях казахов сохранились отдельные воспоминания о ритуальном состязании взаимобрачащихся родов. Очевидно, и в данном случае мы встречаемся с отголоском таких ритуальных состязаний.

22. *Сильнее любого был в ту пору Кодар.* – Формула неоднократно повторяется в публикуемом эпосе в различных вариациях, употребляется и для характеристики других персонажей – Айбаса, Козы (см. строки 893, 937, 1115, 2528). Выражение в разных местах переведено по-разному в зависимости от специфики контекста и требований по-возможности сохранить в переводе ритм оригинала. В буквальном переводе формула звучит так: "Козы (Айбас, Кодар) был сильнее (крепче) всех тогдашних людей (душ)".

23. ... *Поддержи меня, о тенгри!* – В тексте букв. "Пусть в этом деле на моей стороне будет мой тенгри!"

24. *Искрясь радостью, свет мой, я ехал сюда* ... – В тексте букв. "Свет мой, как цветок, пылал я, когда ехал сюда".

25. *Добавили тогыз к шубе и перстню.* – См. примеч. 5.

26. ... *А то на всю жизнь запятнает он честь твою.* – В тексте букв. "Клеймо насадит на твою кость навечно".

27. *Я вас, девяносто, поил и кормил...* – В тексте букв. "Эти девяносто /джигитов/ одевались и обувались, когда я был в достатке".

28. *На Коктае в низовье батыр Айбас скакал, Верную из множества дорог выбирал.* – Стилистический блок, неоднократно встречающийся в настоящем варианте эпоса о Козы и Баян. См. строки 1171–1172, 1175–1176, 1179–1180, 1183–1184, 1187–1188.

29. *В пути пояс уронил, что девушка ему дала, И местность эту "Кызыл белбеу" он назвал.* – Қызыл белбеу (букв. "красный пояс") – эпический топоним. Такое объяснение отдельных топонимических названий характерно для версий и вариантов эпоса "Козы-Корпеш и Баян-сулу". Поездка Айбаса с подарками, потеря им этих подарков по пути – устойчивый мотив в эпосе о Козы и Баян. При этом в разных вариантах теряемые подарки неодинаковы, отчего и расхождение в топонимах, происходящих от названий предметов. Например, в одном из вариантов рассказывается: "Когда Ай-бас-кул поехал искать Козу-Корпеша, он потерял дорогой балалайку; это место называется теперь Домбралы. Где упала каркара девицы Баян-Слу, там горы назвали Каркаралы. Где Ай-бас-кул потерял мунчак, грудное ожерелье из красных бус, которое он вез в подарок девице Баян-Слу, там теперь урочище Мунчаклы. Река, у которой он потерял джамши (женский чапрак), получила название Джамши. Где он переправлялся через реку Есиль (Ишим), брод называется Карауткуль. Река, на которой он остановился, получила название Токрау" (Живая Старина. 1916, вып. II–III, с. 109).

В публикуемом тексте встречаются следующие названия, объясняемые подобным образом: Қызыл белбеу (Красный пояс) – название местности, Шұбар айғыр (Чубарый жеребец) – название местности, Мейізек (Изюмная) – название горы, Қарқаралы – название гор, Абыралы – название горы, Шідерті (Путы) – название реки.

30. ... *Оставшись без отца, презренным ты стал.* – Букв. "Ты, презренный, оставшийся без отца младенцем". Раньше у казахов бытовало отрицательное отношение к детям, которые рождались непосредственно перед или после смерти одного из родителей. Таких детей считали виновниками несчастья.

31. *Белого коня* [боз қасқаны] *в жертву тебе я принесу.* – Обычно казахи приносили в жертву животное с отметиной на лбу и непременно светлое (белое): боз қасқа – белый конь; ақ сары бас – светлый желтоголовый баран (*Ч.Валиханов*. Собр. соч. В 5-ти т. А.-А., 1961, т. 1, с. 477–478).

32. *Одного тебя, без хвоста и без гривы, Судьба на горе подарила мне.* – "Без хвоста и без гривы" – выражение, часто встречающееся в казахском эпосе. Имеет значение: "не имеющий ни старшего, ни младшего брата". Своеобразная поэтическая формула, часто используемая в фольклоре как свидетельство отсутствия сильной опоры, как символ одиночества.

33. *Всю отару овец ведет мудрый серкеш ...* – Строка встречается несколько раз (см. строки 1347, 1351). В переводе сохранено слово "серкеш" (козел-вожак), которое в оригинале играет рифмообразующую роль, что мы и стремились передать. С этой же целью нами оставлено без перевода конечное сочетание "Баян-еркеш" ("баловница Баян") в строках 1346, 1348, 1352.

34. ... *Пусть не будут натянуты поводья [твоего коня].* – Выражение означает пожелание, чтобы всадник ехал спокойно, чтобы руки его не уставали от поводьев.

35. *Не мой ли дорогой издалека к нам приехал?* – В тексте букв. "Не алмаз ли приехал издалека в поисках?"

36. ... *В моем теле изъяна нет.* – В тексте букв. "В моих костях изъяна нет". Слово "сүйек" ("кости") иногда употребляется в значении "род", "происхождение", так что эту фразу можно перевести иначе: "В моем роду порока нет"; "В моем происхождении порока нет".

37. ... *На головной убор Баян, украшенный перьями.* – Раньше головные уборы девушек, маленьких детей и некоторых профессиональных певцов-импровизаторов украшались перьями филина. Вообще, казахи с почтением относились к филину, а его перья использовали как обереги.

38. ... *Сильно соскучился он по любимой Баян.* – В тексте букв. "Козыке долго тосковал по родной луне".

39. *Я ведь зять – здесь тайно укроюсь* ... – По обычаю, жених и зять не должны были демонстративно показываться родителям невесты и жены. Зять в молодые годы старался не заходить в дом, где находились тесть и теща или уважаемые родственники жены. Да и вообще, зять перед родителями и сородичами жены должен был вести себя деликатно, а в их доме он сидел у порога. Во всем этом можно усмотреть следы обычая "убегания жениха" эпохи матриархата.

40. ... *Без девушки незачем ему жить.* – В тексте речь идет о том, что Кодар готов пожертвовать собой, чтобы завладеть Баян.

41. В тексте: Қарабай қайыры жоқ жиған малды. – Эта строка может быть переведена по-разному, в зависимости от того, к какому слову относится сочетание "қайыры жоқ". Если оно относится к Карабаю, то строка в переводе будет звучать так: "Безжалостный Карабай накопил скот". Если же оно относится к слову "мал" ("скот"), то строка будет звучать: "Карабай накопил бесполезный скот". Но традиционно у казахов слово "скот" выступает синонимом "богатства". Учитывая это и специфику издания, эту строку мы перевели так: "*Без пользы копил богатства Карабай*".

42. В оригинале Баян в плаче своем не обращается непосредственно к Козы, а говорит о его достоинствах в третьем лице:

– С сердцем льва, с силой слона,
Он мстил своим врагам.
С телом стальным, умом золотым,
Он благородно правил народом ...

43. *Мой Кулеп уже не мал, Достиг уже юности он* ... – В тексте букв. "Держась за гриву, сам сумел сесть на коня". Это означает, что мальчик достиг ранней юности, т.е. таких лет, когда сам, без чьей-либо помощи, может сесть верхом на лошадь. Считалось, что тогда наступило совершеннолетие. Строка переведена: "Достиг уже юности он".

КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ ЭПОСА "КЫЗ-ЖИБЕК"

1. В тексте перевода замены и дополнения по материалам других версий отмечены угловыми скобками.

2. *Пользы не будет от богатства.* – В тексте букв. "... от собранного по ложке скота". До революции 1917 г. у казахов богатство измерялось количеством имеющегося скота.

3. *Разве не дорожит ими он как зеницей ока?* – В тексте букв. "как белок и зрачок глаз". Выражение обычно употребляется применительно к единственному или долгожданному ребенку. Один компонент этого выражения в форме 1 лица притяжательного склонения қарағым (букв. "зрачок мой") часто встречается в устной речи и народной поэзии. Это слово неоднократно использовано и в эпосе о Жибек, и оно переведено "светик мой".

4. *Теперь сказ я поведу жыром.* – Вставка исполнителя. До этого сказитель-певец вел повествование в форме өлең – одиннадцатисложного стиха. А теперь он сообщает, что будет исполнять в форме жыр – семи-восьмисложного стиха, предполагающего ритмичное речитативное исполнение.

5. *Базарбая Толеген – Старший сын – кобеген.* – Устойчивая формула-характеристика Толегена (см. также строки 307–308, 1136–1137). Ныне редко употребляемое слово кобеген ("дитя") использовано здесь для рифмы. Поэтому оно дано без перевода. Впрочем, иногда это слово употребляют в значении "рано родившийся ягненок".

6. *Сколько в месяце дней прошло, Ночь безлунная вчера была.* – Рифмообразующие строки-связки. См. также строки 552–553.

7. *Святому в жертву коня, Корасану – барана пообещав ...* – Традиционное в эпосе выражение-обещание, содержащееся в мольбе персонажа о даровании ему чего-либо.

8. ... *Сына так увещевала она ...* – Очень часто встречающаяся во всех эпосах формула, за которой следуют речи героев. Иногда встречается только первая строка. В переводе эта формула звучит по-разному, в зависимости от контекста. Например, строки 172–173: Тогда сказала ему мать, Вот что сказала она ...

9. ... *Жевал жая и жал ты ел.* – То есть жил счастливо и благополучно, не испытывая недостатка.

10. ... *Если споткнется – поддержите ...* – Букв. "Если споткнется, поддержите под руки и поведите".

11. *По оврагам скача, Через яры перепрыгивая, По ровной степи скользя, Рысью помчал его конь.* – Традиционное описание скачки коня. С незначительными изменениями, иногда в расширенной форме, переходит из эпоса в эпос.

12. *За хребтом – хребет, говорят, Там сильный ветер бьет, говорят.* – Традиционные для эпоса строки, используемые сказителями для рифмы-связки эпизодов и не имеющие никакого отношения

к содержанию. Подобные строки названы нами рифмообразующими формулами-связками. Таких формул-связок несколько. Ср. примеч. 13.

13. *На узор кладут узор, Зеленым замыкают белый узор.* – Одна из традиционных формул-связок, неоднократно встречающихся в публикуемой версии эпоса "Кыз-Жибек". Ср. примеч. 12.

14. *Возле аула – перевал, – сказал. – Аул кочует через перевал, – сказал.* – Рифмообразующие строки-связки.

15. *Немало перевалов миновал он в пути, Впадины хребтами казались ему.* – Формула, передающая продолжительность и трудность пути.

16. *Рыба поиграть выходит На берег большого озера.* – Рифмообразующие строки, не имеющие отношения к содержанию.

17. *Пищей его был кодык, Жажду ему утолял озерный тростник.* – В тексте букв. "Из куланов подстреливал детеныша, Из озера вытягивал тростник". – Формула характеризует меткость, силу и находчивость эпического героя. Она передает также трудность пути. В данном случае использована для рифмовки и связки. См. также строки 1031–1032, 1399–1400.

18. ... *Гибко покачивается она.* – В тексте букв. "Покачиваясь, словно джинн ударил". Сочетание "жын соққандай" – "как будто ударил джинн" – означает: "помешанный", "умалишенный". Поэтому более точный перевод: "Раскачиваясь, будто лишившийся ума".

19. ... *И все они были отвергнуты.* – В тексте букв. "Все они остались непригодными".

20. *Жаль, что женщина она ...* – В тексте букв. "Беда /лишь/ в том, что женщина она".

21. *Копье всегда в руках, Ветер дует попутный ему. Луннорогого барана За ляжку хватает волк.* – Рифмообразующая и связующая строфа.

22. *Кёкжорга-тулпар разъярен ... Воздух он, словно вихрь, рвет ... Искры из-под копыт коня ... С шумом стекает пот* (строки 618–633) – традиционное для казахского эпоса экспрессивное описание скачки коня.

23. *Горит свеча – светло кругом, Родичу не стать чужаком.* – Перевод традиционный. Возможен перевод: "У лампы горит фитиль, Близкое не станет далеким". Рифмообразующие и связующие строки.

24. *Топором разве разрубить Камень высокой скалы? Что только не выпадает На долю мужественному джигиту?* – Строфа-вставка сказителя, который размышляет о трудности жизненного пути человека и хочет обратить внимание слушателей, на что решился Толеген.

25. *Головой рискуя ради тебя, [В эти места] приехал я.* – В тексте букв. "Ради тебя свою голову я Поставил на байгу в заклад".

26. *А стан ее строен ... А лик ... Будто солнышко, излучает свет.* (Строки 741–758). – Традиционное описание внешнего облика героини эпоса как романического, так и героического. Такая же характеристика встречается, например, в героическом эпосе "Ер-Таргын".

27. *Мой народ бережет меня, Как бесценное добро.* – В тексте букв. "Мой народ, как скот свой, бережет меня, Мой люд, как овец, стережет меня".

28. *А не придешь – уходи прочь, Не то устрою на голове твоей чалму.* – В тексте букв. "Коль не придешь – уходи прочь, Штаны свои на голову тебе натяну". Такая форма выражения в айтысе (см.), в жизни, а также в словесной перепалке эпических героев считалась вполне допустимой.

29. *Мир широк, как луна, ярок, как солнце, Как открою рот – польются песни.* – Рифмообразующие формулы-связки.

30. ... *Шесть сынов – это шесть волков.* – Волк – традиционный в казахском фольклоре образ, воплощение силы, отваги и мощи.

31. *Держит коновязь коня, Молнией обожженная земля гола.* – Рифмообразующие формулы-связки.

32. *[Тщательно] нацеленное белое ружье ...* – В тексте: Сығалап атқан ақ берен ... – букв. "Прицельно стреляющее белое ружье". Ақ берен – пистонное ружье, в отличие от фитильного и кремневого.

33. *Есть ли старший иль младший брат?* – В тексте букв. "Целы ли его грива и хвост?" Образное выражение, которое означает: одинок ли человек, имеет ли он опору – старшего и младшего братьев?

34. ... *Ведь "сон – помет лисицы"...* – Поговорка, которую произносят, когда видят плохой сон и в этот сон не хотят верить.

35. ... *прокляну, воздев к небу тыльную сторону кисти.* – Имеется в виду, что, произнося проклятие, говорящий проводит по лицу тыльной стороной кисти.

36. *Кости Толегена Раскрошились, словно мел.* – В тексте букв. "Кости ... рассыпались, словно мел". Образное выражение, передающее силу большого горя.

37. *От горя ребра ломило ему.* – В тексте букв. "Ребра у него разошлись /распоролись/". Образное выражение, свидетельствующее о сильном горе.

38. ... *Не исполнится желание его.* – В тексте букв. "Не будет принято его покаяние".

39. ... *Рабу божьему, слабому?* – В тексте букв. "Рабу божьему с круглой головой". Выражение означает "слабое, немощное существо".

40. ... *Ты опора и крылья мне.* – В тексте букв. "Ты – мои крылья и хвост". Идиоматическое выражение, означающее близкое родство, чаще адресуется младшему родному брату.

41. ... *Помочь некому будет тебе.* В тексте букв. "Кому же глаза ты будешь продавать?" Идиоматическое выражение, означающее "Кого же ты будешь умолять?", "На кого же будешь умоляюще смотреть?"

42. *Беки ездят на светлых конях ... А любовь – совсем иное!* (строки 1368–1371). – Строки, не имеющие прямого отношения к описываемому эпизоду. Это вставка-объяснение сказителя-певца.

43. ... *Руку запустил в колчан ... Полетела его стрела* ... (строки 1451–1455). – Традиционное в героическом эпосе описание начала боя героя. С незначительными изменениями, а иногда более расширенно, оно встречается почти во всех эпических героических произведениях казахов. В эпосе "Кыз-Жибек" см. также строки 2568–2573: эпизод боя Сансызбая с калмакским ханом Кореном.

44. *Тебя обездолил я, Жибек* ... – В тексте букв. "Твое время, Кыз-Жибек, сделал тесным я". Выражение означает, что для Жибек пришло трудное время.

45. ... *В самое сердце ранили.* – В тексте букв. "В легкие ударили".

46. ... *Голову свою подними.* – Т.е. Взгляни на меня.

47. *Восемнадцатитысячный мир.* – Согласно религиозно-философским взглядам суфиев XII–XIV вв., все мироздание состоит из восемнадцати тысяч миров. Этой цифре придавался символический смысл.

48. ... *У которых и флага своего нет.* – Имеется в виду "толпа безродных людей", "разбойники". Раньше каждый крупный род имел свой боевой флаг, тамгу, боевой клич и родовое кладбище. Человек, отлученный от рода за тяжкий проступок, не имел права носить флаг своего рода, он считался безродным.

49. ... *Почему он не едет взять свою вдову?* – Имеется в виду казахский обычай аменгерства (левират), согласно которому в случае смерти мужа вдова должна была выйти замуж за ближайшего родственника покойного.

50. *Песня моя начинается с айым-кайым* ... – Айым-қайым – парное слово. Первый компонент здесь не имеет самостоятельного значения. Второй компонент, қайым, – состязательная песня.

51. ... *Аруаха страшась, не назову их имена.* – Раньше, по казахскому этикету, женщина не называла и не произносила имена родителей и ближайших родственников своего мужа.

52. *Почему дергается веко мое?* – У казахов существовала примета: если дергается правый глаз (или правое веко), то будет радость, а если левый, то неприятности.

53. *Откройтесь, веки мои* ... – Здесь употреблено в значении: "Засияй, мое лицо, веселись, моя душа!"

54. ... *Соединиться думаю я С первым ровней своим.* – Имеется в виду то, что раньше Жибек обвенчалась с Толегеном, а его брата Сансызбая, равняя с ним, считает ровней себе.

55. ... *У человека будет все.* – В тексте букв. "Что божьему рабу терять?"

ОПИСАНИЕ ВАРИАНТОВ ЭПОСА "КОЗЫ-КОРПЕШ И БАЯН-СУЛУ"

Эпос "Козы-Корпеш и Баян-сулу" записывался и издавался многократно. По подсчету фольклористов, ныне имеется около сорока списков эпоса, включая не только записи и издания самого национального текста, но и русские его переводы и пересказы. В казахской фольклористике принято делить эти тексты на версии, каждая из которых имеет свои варианты.

В настоящем описании этот принцип не сохранен. Публикаторы исходили из того, что каждый текст на казахском языке представляет собой самостоятельный вариант. Отметим, что здесь описываются только варианты на языке оригинала.

1. **"Қозы Көрпеш – Баян сұлу"** – вариант известного акына и сказителя Жанака Камбарова (1780–1850), который пел этот эпос Чокану Валиханову (1835–1865). От Жанака сказание переняли акыны Сыбанбай, Бекбау и Бейсембай, жившие в XIX и начале XX в. От Бейсенбая эпос о Козы и Баян был записан в 80-х годах XIX в. учениками великого казахского поэта Абая Кунанбаева. В народе помнят, что Бейсембай (1858–1917) исполнял этот эпос на семнадцать речитативов и напевов – у каждого персонажа был свой. От Бейсембая эпос выучил акын Уаис Шандыбаев (1874–1926), который в 20-х годах прошлого столетия передал рукопись "Козы-Корпеш и Баян-сулу" молодому М.О.Ауэзову. В 1936 г. М.О.Ауэзов опубликовал эту рукопись отдельной книгой. Эта книга переиздавалась несколько раз. Сама рукопись, к сожалению, утеряна.

В настоящем томе с необходимыми уточнениями печатается публикация М.О.Ауэзова, представляющая собой итог творческой интерпретации текста Жанака Камбарова несколькими поколениями акынов Северо-Восточного Казахстана.

2. **"Қозы Көрпеш – Баян қыз"** ("Козы-Корпеш и девушка Баян"). Рукопись. Обнаружена в 1969 г. Е.Д.Турсуновым в материалах и документах Г.Н.Потанина, хранящихся в научной библиотеке Томского государственного университета (дело 151, лл. 7369–7388). Арабская графика. Текст содержит 2625 стихотворных строк. На обороте листа 7369 есть помета "21-III-1884 г.".

По содержанию вариант почти полностью совпадает с публикуемым текстом. В нем имеются несколько дополнительно введенных эпизодов, отдельные мотивы

излагаются более подробно, некоторые – более сокращенно. Есть лексические различия.

Сюжет варианта:

У Карабая девяносто тысяч коней, но нет у него ребенка. Из-за этого родичи смеются над баем. Он родом из туркмен. Ему восемьдесят три года.

Сарыбай тоже богат, но также бездетен и терпит издевательства со стороны сородичей. Он из ногаев. Ему семьдесят три года.

Из-за насмешек баи перебираются в далекий Курдым, где живут балталинцы. Там они встречаются на охоте и дают клятву стать сватами – ведь жены их наконец-то ждут потомства. Карабай не успевает подстрелить стельную маралиху и просит сделать это Сарыбая. Сарыбай убивает маралиху и должен за свершенное понести кару. Перед смертью он просит Карабая сдержать клятву и соединить детей браком. Тот обещает исполнить клятву и сам извещает об этом народ.

У них рождаются сын и дочь. Но Карабай отказывается выдать замуж свою дочь за сироту, нарушает клятву и уезжает, не участвуя даже в похоронах и поминках Сарыбая.

В пустынной степи начинают гибнуть табуны Карабая. Его находит Кодар, разыскивающий по молве красавицу Баян. Карабай обещает Кодару выдать за него свою дочь, если он спасет его скот. Кодар роет колодцы, пасет табуны. Карабай переезжает на Аягуз.

Брат Тайлак-бия Айбас едет в аул Карабая, чтобы найти Баян. Он встречается с ней, получает от нее подарки для Козы и едет обратно. Возвратясь, он рассказывает Козы о Баян. Тот загорается желанием поехать за суженой невестой. Мать не соглашается. Козы передает подарки Баян Тайлак-бию и просит у него благословение.

Козы отправляется в дальнюю дорогу. В пути ему встречается Кожан, который советует Козы, как дальше поступать. Козы прибывает к отаре Карабая, отпускает байского пастуха на родину, подарив ему сто пятьдесят овец, надевает его одежду и неузнанный пригоняет стадо к стоянке. Выражая недовольство пищей, он бьет Карабая чашей по голове.

Девушки догадываются, что это не их пастух и посылают одну из подруг вместе с отарой, накинув на нее овечью шкуру. В степи девушка слышит, что поет о себе Козы, и по возвращении сообщает об этом Баян и ее сестрам. Они идут к Козы. Юноша открывает, кто он. Девушки радуются и приводят Козы к себе домой. Так Козы и Баян тайно становятся супругами.

Однажды в тех местах устраиваются годовые поминки (ас) по покойному Сасан-бию. Карабай и Кодар едут туда. В это время подруги Баян у себя в ауле устраивают свадьбу Козы и Баян, поют песню жар-жар. Об этом слышит Кодар, он хочет отомстить Козы и обманом спаивает его. Но Козы спасается бегством и живет в местечке Шоктерек. Взбесившийся Кодар избивает своих девяносто рабов. Один из них по имени Косемсары убегает в Шоктерек и становится другом Козы.

О том, что Козы живет в Шоктереке, узнает одна из завистниц Баян и извещает об этом Кодара. Кодар по ошибке убивает спящего Косемсары, но Баян скрывает, что убит не Козы.

Козы, вернувшийся с охоты, видит, что Косемсары убит. Он в ярости жестоко мстит Кодару и Карабаю – убивает обоих. Народ избирает Козы своим предводителем. К Козы приходит купец Кожан, и с ним он посылает своего сына Кулепа к своей матери. Мать и Тайлак-бий торжественно встречают юношу, женят его, и балталинцы избирают его своим правителем (ханом).

Затем Айбас и Кожан приезжают на Аягуз к Козы. Айбас женится на Ай, а Кожан – на Тансык. Айбас становится бием, Кожан – муллой.

Козы умирает в тридцать пять лет своей смертью. Ему строят мавзолей. Баян с плачем и причитаниями входит в мазар, обнимает могилу Козы и умирает. От них остается еще один сын Арганат.

3. **"Қозы Көрпеш – Баян сұлу"** – вариант известного акына Шакира Абенова (1900–1994) из Абайского района Восточно-Казахстанской области. Вариант издавался в 1938, 1965, 1980, 1990 гг. Текст содержит 3444 стихотворные строки.

По общему содержанию совпадает с публикуемым в настоящем томе текстом. Но есть различия литературного характера: отдельные эпизоды, детали и картины более разработанны, некоторые мотивы видоизменены, но на сюжет это не влияет. Бытовые сцены и этнографические реалии изложены подробно. Местами в текст вкраплены авторские размышления. Налицо влияние литературы, о чем свидетельствуют также усиление психологизма, создание портретов, пейзажные и другие художественные описания. Несомненно, здесь сказались также поэтическое мастерство и индивидуальность Шакира Абенова, который проявляет себя в данном случае больше акыном, нежели сказителем.

Тем не менее Абеновым полностью сохранен сюжет жанаковского (ауэзовского) варианта и применены многие его обороты и фразы, что говорит об использовании акыном при создании своего "Козы-Корпеша и Баян-сулу" варианта Жанака.

4. **"Қозы Көрпеш"**. – Вариант акына и сказителя Бельгибая Бектурганова (1903–1962). Неполноценный список публикуемого варианта. Рукопись. 380 стихотворных строк. Латинская графика. Запись 1953 г.

Текст не имеет ни начала ни конца, открывается описанием поездки Карабая на охоту и обрывается сообщением вдове Сарыбая о смерти ее мужа. Имеются разночтения по сравнению с публикуемым текстом.

Рукопись хранится в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК (п. 310).

5. **"Қисса Қозы Көрпеш"**. – Турецкая хрестоматия. Собр. И.Н.Березиным. Казань, 1876, ч. III. с. 70–162. В публикации 1678 стихотворных строк. Графика арабская. Рукопись не обнаружена.

От публикуемого текста отличается подробным повествованием о встрече Сарыбая и Карабая, их охоте и заключении сватовства. Сильно растянуты сцены разговора Козы с матерью о Баян и просьбы матери отказаться от поездки введением сказочных мотивов: превращение стригунка во время седлания в четырехлетнего коня, превращение матери Козы в сорок волков, в дремучий лес, в высокую гору и широкую реку.

Имеются также лексические различия, пропуск некоторых ситуаций. В поэтическом отношении уступает жанаковскому тексту.

Переиздания: Қозы Көрпеш – Баян сұлу. Алматы. 1959. 52–98 б. Қозы Көрпеш – Баян сұлу. – *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. в 5-ти т. Т. 3. А.-А., 1964, с. 53–100.

6. **"Қозы Көрпеш – Баян".** – Вариант записан от неизвестного сказителя Габдулой Дербисалиным в 1834 г. в г. Омске. Рукопись обнаружена в 1951 г. И.Т.Дюсембаевым в материалах И.Н.Березина (Архив СПб. филиала ИВ РАН. ф. 5. оп. 2) и опубликована им в 1959 г. (Қозы Көрпеш – Баян сұлу. Алматы, 1959, с. 36–51). Графика арабская. Имеет дефект: отсутствуют первые три страницы. Текст содержит 524 стихотворные строки. Стих одиннадцатисложный.

По содержанию близок к варианту Н.И.Березина, опубликованному им в 1876 г. Только эпизоды более кратки, иногда связь между ними нарушена.

Различие состоит в том, что повествование кончается смертью героя и героини, мотив воскрешения отсутствует.

7. **"Өлең Қозы Көрпеш һәм Баян сұлу".** – Запись 1841 г. Андрея Фролова, толмача Аягузского внешнего окружного приказа. Рукопись обнаружена в 1951 г. И.Т.Дюсембаевым в материалах И.Н.Березина, хранящихся в секторе восточных рукописей Архива СПб. филиала ИВ РАН (В 4043). Арабская графика. 1383 стихотворные строки.

По содержанию текст полностью совпадает с вариантом И.Н.Березина, опубликованным в 1876 г. Имеются различия лишь в отдельных строфах и строках.

8. **"Қозы Көрпеш пен Баян сұлу".** – Вариант Шоже Каржаубаева, знаменитого поэта-импровизатора и сказителя (1803–1895). Рукопись хранится в материалах И.Н.Березина в секторе восточных рукописей Архива СПб. филиала ИВ РАН (ф. 5, оп. I, ед. хр. 12). Она выполнена арабской графикой, содержит 1736 стихотворных строк. Текст написан одиннадцатисложным стихом и не разделен на главы. В конце рукописи помета: "5 мая 1864 года, четверг".

Текст обнаружен в 1951 г. И.Т.Дюсембаевым и опубликован им отдельной книгой в 1957 г., а затем в академическом издании "Қозы Көрпеш – Баян сұлу". Алматы, 1959, с. 120–175.

Сюжет варианта:

В ногайлинскую эпоху живут Карабай и Сарыбай. Они встречаются на охоте и договариваются стать сватами, если у них родятся сын и дочь. В подарок отец сына обязуется дать раба Айбаса, сорок черных одногорбых верблюдов и сто лошадей.

Жена Карабая Мамабике рожает сына, а жена Сарыбая Каракоз – дочь. Мальчика называют Козы, а девочку – Баян. Карабай на радостях скачет на коне и погибает. Сарыбай, не желая выдавать дочь за сироту, решает откочевать. Его раб Альжаппар находит новую стоянку – Аягуз. Сарыбай прибывает туда. Его приглашает в гости (ерулик) аягузский мурза Султангазы. В гостях мурза Кодар видит Баян, в которую влюбляются еще 90 мурз этого края. Все они идут в работники к Сарыбаю.

Раб Айбас, подаренный покойным Карабаем, посоветовавшись с Баян, едет к Козы. В пути он теряет все подарки Баян, предназначенные Козы. С тех пор те

места называются Домбыралы, Моншакты, Алтын сандык, Акшатау, Актамшы, Каркаралы-Казылык, Баянтау.

Козы у себя играет с ровесниками в стрельбу из лука и случайно рвет нитку на ткацком станке у одной старушки. "Чем нитку рвать, лучше бы отправился за Баян", – говорит ему старуха. Козы спрашивает у матери о Баян. Та рассказывает правду, но не разрешает ехать на поиски Баян. Козы не слушается, идет в табун и выбирает стригунка, повернувшегося к нему при звоне уздечек. При седлании стригунок превращается в четырехгодовалого коня. Приезжает Айбас и дает ему письмо от Баян. Козы отправляется в путь.

Неузнанный Козы прибывает к Сарыбаю. Сарыбай берет его в работники вместо своего пастуха, погибшего в бурю, и отправляет к отаре. В облике плешивого пастуха Козы встречается с Баян. Так продолжается три года.

Однажды в том краю кем-то устраиваются годовые поминки, и весь аул едет туда. Козы и Баян остаются наедине. Но Кодар и Сарыбай узнают об этом и решают убить Козы. Они окружают карету, где находится Баян и Козы. Козы удается бежать. Он скрывается в местечке Шоктерек, а вести от Баян получает через ее ручную птицу. Одна враждебная женщина ловит эту птицу и узнает, где находится Козы, а затем сообщает об этом Кодару. Тот убивает Козы, а Баян мстит Кодару и умирает сама.

В то место, где лежали тела Козы и Баян, прибывают на ночлег люди, возвращавшиеся из Мекки. Они молятся за мертвых и оживляют их. Козы едет к отцу Баян и сватает Баян по правилам обычая. Сарыбай устраивает пышную свадьбу. Козы и Баян живут в ауле Сарыбая двадцать лет, затем едут на родину Козы. Там они видят, что мать Козы обращена в рабыню. Козы убивает Жидебая-узурпатора и становится правителем своего народа. Спустя тридцать один год Козы делит весь свой скот на три части, две части раздает неимущим, одну отдает Айбасу, а сам с Баян уезжает на Аягуз. Прибыв туда, Козы умирает. Баян в горе. В это время приходят караванщики. Они требуют, чтобы Баян выбрала в мужья кого-либо из них. Баян ставит свое условие – построить мавзолей на могиле Козы. Те строят. Баян теперь выражает желание выйти замуж за самого умного из них. Они спорят, кто умнее, и убивают друг друга. Только троим удается остаться в живых. Баян входит в мавзолей и превращается в камень. А историю эту рассказали три караванщика.

9. **"Қисса-и Қозы Көрпеш"**. – Один из списков варианта Шоже Каржаубаева. Обнаружен И.Т.Дюсембаевым в 1951 г. Записан в 1887 г. муллой Казахского медресе г. Омска Абдрахимом Шариповичем Абдрахмановым. Текст написан арабской графикой, одиннадцатисложным стихом. От каржаубаевского "Козы-Корпеш и Баян-сулу" отличается только отдельными словами и строками.

Рукопись хранится в коллекции И.Н.Березина в секторе восточных рукописей Архива СПб. филиала ИВ РАН (ф.5, оп.I, ед.хр.12).

10. **"Қозы Көрпеш – Баян сұлу"**. – Турецкая хрестоматия. Собр. И.Н.Березиным. СПб., 1896, ч. III, с. 162–168. Это неполный список варианта Шоже Каржаубаева,

сделанный в 1888 г. неизвестным лицом. Текст заканчивается смертью Карабая – отца Козы. Графика арабская, стих одиннадцатисложный. Рукопись хранится в коллекции И.Н.Березина в секторе восточных рукописей Архива СПб. филиала ИВ РАН (ф.5, оп.I, ед.хр.12). Она найдена М.Гумаровой в 1964 г.

11. **"Қисса Қозы Көрпеш бен Баян сұлу".** – Один из неполных списков Шоже Каржаубаева, сделанный неизвестным лицом. Текст заканчивается смертью Кодара от рук Баян. Написан одиннадцатисложным стихом и арабской графикой. Рукопись хранится вместе с каржаубаевским текстом в коллекции И.Н.Березина в секторе восточных рукописей Архива СПб. филиала ИВ РАН (ф.5, оп.I, ед.хр.12).

12. **"Қозы Көрпеш – Баян сұлу".** – ("Два образца устной народной поэзии"). – Неполный список варианта И.Н.Березина, опубликованного им в 1896 г. в сборнике "Турецкая хрестоматия". СПб., ч. III, с. 162–168. Текст в русской транскрипции написан тюркологом А.Л.Куном (1840–1888) в 1888 г. Рукопись хранится в секторе восточных рукописей Архива СПб. филиала ИВ РАН (ф.33, оп.I, ед.хр.130). Обнаружена М.Г.Гумаровой в 1964 г.

13. **"Қозы Көрпеш".** – Вариант известного поэта, собирателя казахского фольклора Машхура-Жусупа Копеева (1857–1931). Запись сделана самим Копеевым, хранится в секторе восточных рукописей Архива СПб. филиала ИВ РАН (В 4428). Обнаружена И.Т.Дюсембаевым. Рукопись написана арабской графикой, содержит 1768 стихотворных строк. Одиннадцатисложный стих местами перемежается семи-восьмисложником. В предисловии к тексту М.-Ж. Копеев сообщает, что "Козы-Корпеш" в 30-х годах XIX в. исполнялся акыном Сакау из рода суюндик. Этот вариант был перенят акыном Каксалбаем (сведений о нем нет). От него в конце XIX столетия текст выучил и записал сам Машхур-Жусуп Копеев. Свою запись он на некоторое время давал Н.Ф.Катанову.

Текст М.-Ж.-Копеева по содержанию идентичен варианту Шоже Каржаубаева, имеются лишь лексические различия.

14. **"Қозы Көрпеш – Баян сұлу".** – Рукопись акына Мукана Машанова, жившего во второй половине XIX – начале XX в. Он известен был и как сказитель, исполнявший эпосы "Кероглы", "Гауаз-хан", "Козы-Корпеш – Баян-сулу" и др.

К сожалению, в настоящее время рукопись утеряна. Ее копия, снятая собирателем казахского фольклора Б.Жакыпбаевым в 1935 г., хранится в Редком фонде Центральной научной библиотеки МОН РК (п.1378). В ней 1740 стихотворных строк.

Текст по содержанию совпадает с вариантом Шоже Каржаубаева, имеются отдельные разночтения.

15. **"Қозы Көрпеш – Баян Сұлу туралы аңыз"** ("Легенда о Козы-Корпеш и Баян Сулу"). – Вариант Конкабая Меирманова. Сведений о сказителе нет. Первая запись сделана в 1909 г. самим Меирмановым. Она сохранилась. Копия с нее, сделанная в 1928 г. Какишем Оспановым, хранится в Редком фонде Центральной научной библиотеки МОН РК (п.1287). Графика арабская, стих одиннадцатисложный. Объем – 1796 строк. Сюжет в целом совпадает с вариантом Шоже Каржаубаева. Различия в отдельных деталях и строках.

16. **"Қозы Көрпештің Баяны"** ("Баян Козы Корпеша"). – Вариант записан собирателем народной поэзии Мырзой Булекулы в Омской обл. (сведений о нем нет). Графика арабская, семи-восьмисложный стих. По содержанию совпадает с вариантом Шоже Каржаубаева, но текст неполный: в начале пропущено примерно 300 строк и в конце отсутствует около 400 строк. Рукопись хранится в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК (п.193).

17. **"Қисса Қозы Көрпеш".** Қазан, 1878. – Запись сделана Н.И.Ильминским (1822–1891) в 1860 г. в Кустанайской обл. и им же напечатана. Рукопись. Русская транскрипция, хранится в Государственном архиве Республики Татарстан (ф.968, оп.I, ед.хр.61), обнаружена в 1954 г. М.Г.Гумаровой. Содержит 944 стихотворные строки.

Опубликованный в 1878 г. текст имеет отдельные разночтения по сравнению с рукописью. Содержание не отличается от варианта Шоже Каржаубаева.

Публикация Н.Ильминского имеет переиздания 1890, 1894, 1896, 1905, 1933, 1959 гг. Прозаическое переложение этого текста под названием "Козы Корпеш" было напечатано в 1900 г. в "Тургайской газете" (№ 6) на русском языке.

18. **"Қозы Көрпеш".** – *В.В.Радлов.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзюнгарской степи. СПб., 1870, ч. III, с. 221–252. Текст записан В.В.Радловым (1837–1918) во время его научной экспедиции в казахские степи от Омска до Ташкента. К сожалению, рукопись, по которой осуществлена публикация, не обнаружена. В публикации 960 стихотворных строк, текст чередуется с прозой.

Переиздания: *В.В.Радлов.* Қозы Көрпеш. М., 1924; Қозы Көрпеш – Баян сұлу. Алматы, 1959.

Сюжет варианта:

В ханстве Орманбета живут Сарыхан и Карахан, которые отъезжают на Музтау (Ледяные горы). Там они встречаются на охоте. Видят стельную маралиху. Карахан не стреляет, вспомнив о беременной жене. Сарыхан подстреливает самку, и из утробы выходят два мараленка. Сарыбай (далее в тексте употребляется и Сарыхан, Карабай и Карахан) сожалеет о содеянном и молит Всевышнего о прощении. Карабай предлагает стать сватами, если у них родятся мальчик и девочка. Им сообщают, что у Сарыхана родился сын, а у Карабая – дочь. Они дают щедрые суюнши и скачут домой. В пути Сарыбай погибает. Карабай не желает выдавать дочь за сироту и уезжает. Он бродит с многотысячным скотом по всей казахской степи. В голодной степи встречает Кодара и обещает ему отдать в жены дочь, если тот спасет его скот. Кодар роет девять колодцев, затем находит реку Аягуз и уговаривает Карабая переехать туда.

На Аягузе калмакский хан Манап требует, чтобы Карабай выдал за него Баян, а Кодару предлагает свою единственную дочь. Для переговоров он приглашает Карабая и Кодара в гости.

В это время Айбас, который скитался вместе с Карабаем, встречается с Баян, сообщает ей о Козы и о том, что он хочет вернуться домой, в страну Козы. Баян

передает через него подарки для Козы, но Айбас теряет их в пути. Айбас со спутниками Ысты и Телеу прибывает в аул Козы, встречается с его матерью Жаныл, которая просит не говорить Козы о Баян.

Козы вместе с Ысты и Телеуом играет с ребятами, перебарывает половину из ста мальчиков, а затем ударяет Ысты, высказав ему недовольство: "Почему не помогаешь мне?" Обиженный Ысты говорит ему: "Нечего бить меня, не я тебя разлучал с Баян". То же самое говорит ему старуха, у которой он случайно рвет нитку на ткацком станке. Козы приходит домой, просит мать прожарить пшеницу и, зажав ее руку с горячей пшеницей, заставляет Жаныл рассказать правду о Баян. Козы решает ехать за Баян. Уговоры матери не действуют, и она наконец дает разрешение на поездку.

Молодые сверстники Козы советуют ему достать коней за Лядяной горой, ибо только они смогут преодолеть трудный путь. Козы добывает двух буршинов – мощных коней – и отправляется в дорогу. В пути ему встречается киндик-шеше (женщина, которая отрезает пуповину ребенка и покровительствует ему всю жизнь), которая советует ему явиться к Карабаю в облике тазши – плешивого пастуха и дает ему свой волосок со словами: "При трудности подожги, и я явлюсь на помощь".

Козы прибывает к отаре Карабая, убивает пастуха, рядится в его одежду и поздним вечером пригоняет овец к стоянке. Баян не узнает его. Он сам ночью идет к ней в юрту, и от его золотого хохолка в юрте становится светло. Баян просыпается, узнает Козы и зовет свою мать и сестер. Баян и Козы тайно живут вместе. Их замечает Кодар и, сообщив об этом всем, приглашает Козы в гости. Козы идет вместе с Баян. Там его опаивают водкой. Баян спасает своего жениха, и они убегают.

Кодар гонится за ним. Козы убивает его коня, и тот пеший уходит воевать.

Баян предлагает Козы поехать с ней к нему на родину. Но Козы хочет жениться на Баян по обычаю и отправляет ее обратно домой. Сам он остается в Шоктереке у устья реки Аягуз. В это время к нему приходит человек в белой чалме и говорит: "Я – аруах (дух) твоих предков. Ты дай мне своего коня, шубу, оружие. Я пойду на караул. Здесь безлюдно, могут быть враги". Козы отдает требуемое и ложится спать.

Человек на карауле тоже засыпает. Кодар, искавший Козы, натыкается на караульного, убивает его, отрезает голову и отдает ее Баян. Она в горе. Все люди уезжают из этого места. Об этом узнает киндик-шеше Козы и Баян по вещему сну и приходит к Баян. Увидев голову в ее руках, она говорит: "Это – голова не Козы. Ты не плачь. Я сегодня видела сон. Козы жив. Он спит в Шоктереке. Я пойду к нему, поставлю над ним золотой шатер, а ты как-нибудь уничтожь Кодара".

Кодар находит Баян и бахвалится, что убил Козы, и теперь только он может жениться на ней. Баян обманом заставляет его вырыть колодец, просит достать оттуда ей воду. Кодар обвязывается ее волосами и спускается в колодец. Баян бьет его ножом и отрезает свои волосы. Затем прибывает в Шоктерек, где встречается со своим любимым. Услышав, что Козы жив, к нему спешат две сестры Баян и младший брат Козы, а также друг Айбаса – Парманбек. Но в пути во время бурана

две сестры и брат Козы погибают. Парманбек благополучно прибывает к другу. Айбас посылает письмо Тайлак-бию с сообщением, что Козы умер. Вскоре умирает сам. Получив его письмо, Тайлак-бий с матерью Козы и другими людьми едет в Аягуз. Там они встречаются с Козы, торжествуют. Затем он едет за Карабаем на Зайсан и возвращает его. На Аягузе Тайлак-бий строит памятник Айбасу, на нем рисует его портрет и изображения убитого Кодаром аруаха, изображает Козы-Корпеша, Баян-сулу и Кодара. У реки Аяган хоронит брата Козы, на реке Ай-Явух сестер Баян – Ай и Тансык.

19. **"Қозы Көрпеш өлеңі"** ("Песнь о Козы Корпеше"). – Вариант известного сказителя Айтбая Дандыбаева, из рода Каракерей (других сведений о нем нет). Записан известным фольклористом и этнографом Н.Н.Пантусовым (1849–1909). Текст в русской транскрипции. Написан одиннадцатисложным стихом и составляет 2344 строки.

Рукопись хранится в Национальной библиотеке Республики Казахстан (ф.73), обнаружена в 1965 г. М.Г.Гумаровой.

Сюжет варианта:

Карабаю, отцу Баян, семьдесят лет. Он происходит из кызылбашей. Сарыбаю, отцу Козы, шестьдесят три года. Он родом из туркмен. Они встречаются на охоте и договариваются быть сватами. Карабай не может подстрелить маралиху. Сарыбай тоже не стреляет, боится, что случится недоброе. У обоих жены беременные. Приходит сообщение, что у Сарыбая родился сын, а у Карабая – дочь. Сарыбай скачет домой, но в пути погибает. Карабай не хочет выдавать дочь за сироту и откочевывает.

Кочуя, Карабай посещает места Торгайлы и Киргизский Алатау. Он встречает Кодара, который оставил свои девяностотысячные табуны и выехал на поиски Баян. Кодар ради Баян идет в рабство к Карабаю.

О Баян слышат также девяносто джигитов – сэре. Они тоже едут на поиски кочевки Карабая и присоединяются к Кодару.

Айбас, посоветовавшись с Баян, едет в аул Козы.

А Козы от своих сверстников, от пастуха и от старухи слышит о Баян. Мать вынуждена ему все рассказать. Козы отправляется в путь и неузнанный прибывает в аул Карабая. Кодар берет его к себе пастухом.

На играх Козы всегда побеждает Кодара и его девяносто джигитов. Через шесть месяцев они с табунами возвращаются в аул Карабая. Здесь происходит стычка Козы и Кодара из-за Баян. Козы берет верх. Тогда Кодар идет с жалобой к Тайлак-бию и получает ответ: "За воду нельзя требовать девушку. Возьми свою плату и уходи". Карабай в оплату за воду дает Кодару водку и вино.

Кодар отравляет водкой Козы-Корпеша. Благодаря Баян Козы спасается и поселяется в Коктереке.

Мать Баян возвращает Козы в аул и, устроив пышную свадьбу, отдает ему свою дочь. Козы с Баян едут на родину Козы, здесь он устраивает большой пир. Козы ищет хорошие пастбища и переезжает на Алатау.

У Козы и Баян рождается сын Сайтулек. Через несколько лет Козы с Сайтулеком отыскивают аул Карабая и гостят там целый месяц. Проходит несколько лет. Карабай сообщает, что его девяносто рабов становятся непослушными. Козы со всеми родичами переезжает на Аягуз. Все мирятся и живут дружно. Рабы сообщают Козы, что Кодар хочет извести его. Сайтулек убивает Кодара. Карабай и его жена умирают от старости. Козы и Баян живут счастливо и вот, тоже умирают. Из Кызылкия доставляют камни и над их могилами строят мавзолей. Между их могилами вырастает колючка. Говорят, что это Кодар.

Текст заканчивается стихами сказителя о том, что Баян не опускала Кодара в колодец, что на постройке мавзолея не было смерти людей, что прежние два акына (Шоже и Бейсембай) пели по велению некоего Нурахмета, и они не знали подлинную истину о Козы и Баян. То, что я пел, – это – правда. Зовут меня Айтбай, отец мой – Дандыбай.

Русский перевод этого текста под названием "Повесть о Карабае" обнаружен в 1954 г. М.Г.Гумаровой в Государственном архиве Республики Татарстан (ф.1185, оп. I, ед.хр.1). Перевод осуществлен Н.Н.Пантусовым в стихотворной форме. Датируется 1888 г.

ОПИСАНИЕ ВАРИАНТОВ ЭПОСА "КЫЗ-ЖИБЕК"

Эпос "Кыз-Жибек" имеет 16 вариантов. Большинство из них записано в советское время и восходит к варианту Жусупбека Шейхулисламова (1857–1936). Это объясняется тем, что жусупбековский текст многократно издавался и получил широкое распространение. Как основной вариант он печатается в настоящем томе.

1. **"Қисса Қыз Жібек хикаясы"**. Қазан, 1900. Вариант Жусупбека Шейхулисламова. Содержит 45 с. Рукопись не обнаружена.

Сюжет варианта:

Сказочно богатый Базарбай кочует между Черным и Каспийским морями. В один из годов от холеры умерли все его девять сыновей. Он в горе. В восемьдесят лет он снова обретает отцовское счастье: у него рождаются два сына – Толеген и Сансызбай. Отец так любит сыновей, что, опасаясь удара судьбы, даже боится высватать им невест. Поэтому Толеген сам ищет себе невесту. Однажды от заезжего купца он слышит о красавице Жибек и едет в ее аул. Мать отговаривает его, но безуспешно. Тогда она советует ему взять с собой табун иноходцев.

Толеген со свитой и табунами прибывает в края, где живет Жибек, и устраивает смотрины девушек, щедро раздает иноходцев всем, кто показывает ему свою дочь.

Акын Каршыга, услышав об этом, приезжает к Толегену и обещает показать ему Жибек, за что тот дарит ему двух иноходцев. Толеген с Каршыгой следует за Жибек. В пути они обгоняют тринадцать девушек, одна краше другой. Наконец Толеген и Каршыга нагоняют карету Жибек. Толеген ослеплен красотой девушки и решает жениться на ней.

Он покупает коней и пригоняет их в качестве калыма за Жибек в аул ее отца – Сырлыбая. Сырлыбай принимает табун и признает Толегена женихом своей дочери. Толеген веселится и пирует в юрте. Каршыга приводит Жибек к Толегену – и жених и невеста наслаждаются счастьем любви. А в это время шестьдесят джигитов рода шекты во главе с Бекежаном, влюбленным в Жибек, задумывают убить Толегена.

Проходит три месяца. Толеген собирается домой. Накануне его отъезда Жибек видит дурной сон. Испуганная, она пытается удержать жениха, но Толеген все же

уезжает, пообещав, что приедет весной вместе с прилетом птиц. Он благополучно прибывает домой. Но отец его хочет, чтобы Толеген поехал к невесте осенью. Толеген один отправляется в далекий путь, поручив брату Сансызбаю в случае своей гибели отыскать Жибек. В пути, у озера Кособа, в неравной схватке с шестьюдесятью джигитами он погибает. Умирая, просит сопровождавших его гусей передать родным весточку о случившемся.

Минует восемь лет. Бекежан устраивает пир и вступает в айтыс с Жибек. Он сообщает ей о гибели ее жениха. Жибек проклинает убийцу. Ее братья убивают Бекежана.

Долго ждет Сансызбай Толегена и, не дождавшись, решает отправиться на поиски брата. Получив благословение отца, он вместе с акыном Шеге едет в аул Жибек. Приехав, они видят, что аул Жибек окружен калмакским войском. Сансызбай, неузнанный, приходит в аул и слышит причитания Жибек. Он просит Шеге пойти и дать знать Жибек об их приезде.

Шеге-акын приходит на той, устроенный калмакским ханом Кореном, и вступает в айтыс с Жибек. Песней они договариваются о бегстве. Жибек хитростью заполучает лучшего скакуна Корена и вместе с Сансызбаем и Шеге убегает. Узнав о ее коварстве, Корен бросается в погоню. Сансызбай вступает с ним в поединок и стрелой убивает калмака. Они прибывают на родину и устраивают сорокадневный той.

Однажды Жибек видит сон, и из него Сансызбай узнает, что нагрянут враги. Действительно, прибывает большое войско калмаков. Их, оказывается, обманом привел Каршыга, чтобы Сансызбай истребил их.

Сансызбай побивает всю вражескую рать и делает Каршыгу почетным гостем. Затем он с двухтысячным войском едет в аул Каршыги, окруженный калмаками, громит их и два месяца живет у родичей Жибек. Отец и мать Жибек богато одаривают его, дают приданое, и он вместе с тещей прибывает к себе домой. Там снова устраивает сорокадневный той.

Этот текст Ж.Шейхулисламова до революции литографическим способом издавался в 1903, 1905, 1909, 1910, 1911 гг., а в советское время – в 1923, 1933, 1939, 1959, 1963 гг. Он печатается во всех современных изданиях эпоса.

2. **"Қисса Қыз Жібек".** Қазан, 1894. – Вариант записан и издан неким татарином, о чем имеется заметка в конце книги. Объем – 11 стр. По содержанию абсолютно идентичен варианту Ж.Шейхулисламова. Совпадают буквально многие строфы и строки. Судя по всему, шейхулисламовский текст восходит к этому варианту. Это косвенно подтверждает и то, что Ж.Шейхулисламов в своем издании пишет, что он в двадцать три года сочинил эпос о Жибек, но сейчас издатели испортили его текст, внесли много татарских слов, поэтому он решил снова восстановить свою песню.

Данный текст по объему меньше шейхулисламовского издания 1900 г., в нем ряд эпизодов и мотивов изложен в прозаической форме. В отличие от названного варианта Ж.Шейхулисламова, он заканчивается тем, что Сансызбай, победив Корена, прибывает с Жибек домой и устраивает сорокадневный той. В нем отсутствуют мотив второго вещего сна Жибек, эпизоды битвы Сансызбая с прибывшим

калмакским войском, а также с окружившими аул Сырлыбая врагами, эпизоды прибытия Сансызбая в аул тестя, который дает приданое Жибек и одаривает зятя, и повторного сорокадневного пира в ауле Сансызбая.

Этот вариант литографированным способом переиздавался в 1895, 1896, 1899 гг. В советское время он публиковался в 1957 и 1958 гг.

3. **"Қыз Жібек".** – Вариант записан Е.А.Александровым от известного акына и сказителя Мусабая, жившего в XIX в. в Кзыл-Ординской обл. (других сведений о нем нет). Текст написан русской транскрипцией, содержит 1625 стихотворных строк, местами изложен прозой. Рукопись обнаружена в 1959 г. М.Г.Гумаровой в Государственном историческом музее в Москве (ф. 307, ед.хр.55, с. 1–55) и опубликована в академическом издании "Кыз-Жибек". А.-А., 1963, с. 7–48. На первой странице рукописи есть помета: "Поэма Кыз-Жибек переведена в 1887 году – А.Агаманов". Перевод этот хранится в том же фонде. Судя по тому, что рукопись и перевод находились в фондах Н.И.Гродекова, текст с переводом был передан, видимо, последнему, и он готовил их к публикации.

Этот вариант сохраняет известный сюжет эпоса, но в то же время заметно отличается от текста Жусупбека Шейхулисламова.

Сюжет варианта Мусабая:

У богача Базарбая есть сын по имени Толеген. Ему исполняется пятнадцать лет. Он ищет себе жену-красавицу. Прослышав о красоте Жибек в кипчакском роду, едет в ее аул. Увидев ее, просит акына Каршыгу, родича Жибек, устроить ему свидание с красавицей. Жибек отказывает Толегену в поцелуе. Каршыга уговаривает ее пустить Толегена в свою карету. Толеген пригоняет отцу Жибек – Алшабаю пятьсот пятьдесят коней. Алшабай дает согласие на брак. Приезжают сваты, и устраивается той.

На восемнадцатый день после свадьбы Толеген отправляется в родные кочевья. В пути его преследует Бекежан со своими людьми. Толеген отстреливается от них, но силы неравны. Он смертельно ранен, просит Бекежана закрыть ему глаза. Но Бекежан, забрав его коня, оружие, седло и одежду, оставляет Толегена в степи. Собрав последние силы, Толеген просит гусей сообщить о случившемся Сансызбаю.

Услышав от гусей печальную весть, Сансызбай с акыном Шеге едет на поиски брата.

Бекежан тем временем устраивает той, чтобы на нем объявить Жибек своей невестой. Ничего не подозревая, Жибек приезжает на той и побеждает в айтысе всех джигитов. Вдруг она замечает, что под Бекежаном конь и седло Толегена. Она в горе, проклинает убийцу. Шестеро братьев Жибек убивают Бекежана.

Двое из джигитов Бекежана в отместку расписывают красоту Жибек калмакскому хану Корену. Корен хочет жениться на Жибек и посылает сватов. Братья Жибек, боясь Корена, хотят отдать девушку калмаку. Корен прибывает с войском в аул Алшабая и требует устроить свадьбу. Жибек не отвечает на его приглашение, и он приставляет к ней караул.

Сансызбай после долгого пути подъезжает к аулу Жибек, видит войско калмаков и, проникнув к стану Корена, слышит причитания Жибек, которая поет о Толегене и жалуется на свою судьбу.

Шеге договаривается с Жибек о бегстве. Жибек хитростью через свою женге выпрашивает у Корена лучшего его скакуна и бежит вместе с Сансызбаем и Шеге.

Корен бросается в погоню. Сансызбай встречает его и убивает в поединке. Затем он истребляет и все войско калмаков. Освободив от плена аул Жибек, он уводит его к себе. Родители рады и женят Сансызбая на красавице Жибек.

4. **"Қыз Жібек".** – Неполный список варианта Шейхулисламова. Записан Каиргали Имановым в 1940 г. в Зап.-Казахстанской обл. (о нем других сведений нет). Текст написан латинской графикой и заканчивается подготовкой калмакского хана Корена к погоне за беглянкой Жибек.

Хранится в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК (п.66).

5. **"Қыз Жібек деген өлең"** ("Песня, называемая Кыз-Жибек"). – Один из списков варианта Жусупбека Шейхулисламова. Записан в Кустанайской обл. в 1941 г. Хакимом Досмагамбетовым (о нем сведений нет). Графика арабская. Текст начинается с эпизода прощания Толегена с матерью, когда тот едет на поиски Жибек. Совпадает в основном с текстом издания 1900 г.

Рукопись хранится в Редком фонде Центральной научной библиотеки МОН РК (п. 939).

6. **"Қыз Жібектің өлеңі"** ("Песня Кыз-Жибек"). – Неполный список варианта Шейхулисламова. Записан в 1947 г. известной поэтессой Мариям Хакимжановой (1906–1995) в Кустанайской обл. от Алиакбара Досжанова (о нем сведений нет). Арабская графика. Стих семи-восьмисложный, встречается и проза. Близок к тексту "Қисса Қыз Жібек хикаясы", изданному в 1900 г.

Рукопись хранится в Редком фонде Центральной научной библиотеки МОН РК (п. 939).

7. **"Қыз Жібек өлеңдері"** ("Песни о Кыз-Жибек"). – Вариант записан Касымом Мырзагалиевым в 1953 г. Он жил в бывшем Каскеленском районе Алма-Атинской обл. (других сведений о нем нет). Современная графика, семи-восьмисложный стих, чередующийся с прозой. Содержание идентично тексту, опубликованному в 1894 г. Опущены только введение и прозаическое изложение в финале.

Рукопись хранится в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК (п. 67).

8. **"Қыз Жібек".** – Вариант Белгибая Бектурганова – акына и сказителя (1894–1967). Записан в 1953 г. Латинская графика. Стих семи-восьмисложный. Текст неполный. Начинается с повествования о том, что Толеген готовится ехать на поиски Жибек. Эпилога, повествующего о повторной поездке Сансызбая в аул отца Жибек и истреблении им вражеского войска, в этом варианте нет.

Рукопись хранится в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК (п. 310).

9. **"Қыз Жібек".** – Вариант сказителя Абулхаира Данекерова (1894–1967) (сведений о нем нет). Записан в 1954 г. Т.Сыдыковым. Текст написан кириллицей, неполный, заканчивается эпизодом, в котором Сансызбай отправляет акына Шеге в аул Жибек. В нем отсутствует ряд деталей и ситуаций, есть разночтения по сравнению с текстом Ж.Шейхулисламова.

Рукопись хранится в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК (п. 71).

10. **"Қыз Жібек".** – Вариант известного сказителя Рахмета Мазходжаева (1881–1975). Записан разными лицами в 1954 г. в г. Кзыл-Орде. Текст написан кириллицей, в основном семи-восьмисложным стихом, иногда одиннадцатисложником и прозой. Содержание совпадает с вариантом Ж.Шейхулисламова. Но введение и концовка излагаются по-своему.

Рукопись хранится в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК (п. 71).

11. **"Қыз Жібек қиссасы".** – Вариант сказителя Ержана Ахметова (1879–1967) из Восточно-Казахстанской обл. Записан детьми Ахметова. Графика арабская. Стих семи-восьмисложный, иногда одиннадцатисложный, встречается и проза. По содержанию совпадает с вариантом Шейхулисламова. Начало и конец другие.

Рукопись, переданная Б.Уахатову, хранится в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК (п. 71).

12. **"Төлегеннің Жібекке жолығысқаны"** ("Встреча Толегена с Жибек"). – Фрагменты из репертуара акына Халимы Утегалиевой (1889–1984), уроженки Зап.-Казахстанской обл. Она исполняла эпос в отрывках, которым сама давала названия. Ее вариант записан в отрывках: "Встреча Толегена с Жибек", "Разговор Каршыги с Жибек", "Приезд Толегена к хану Сырлыбаю", "Слова Каршыги, обращенные к Жибек", "Обращение к Толегену женге Жибек", "Слова Сансызбая", "Обращение Толегена к Каршыге", "Обращение Бекежана к Жибек" и "Песня Жибек, которую услышал Шеге".

Эпос не закончен. Близок к варианту Шейхулисламова. Текст написан кириллицей, семи-восьмисложный стих сочетается с одиннадцатисложным. Рукопись датируется 1950 г. и хранится в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК (п. 187).

13. **"Қыз Жібек".** – Вариант сказителя Исмайыла Камытова (1888–1955). Записан в 1955 г. Д.Шалабековым (1923–1958). Текст написан кириллицей, стих временами прерывается прозой. Вариант неполный. Чувствуется, что многие места забыты. Наиболее хорошо переданы эпизоды встречи Толегена с кочевкой аула Жибек и с самой девушкой, сцены прощания Толегена с Сансызбаем, обращения умирающего Толегена к пролетающим гусям, встречи Сансызбая и Шеге с Жибек...

Рукопись хранится в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК (п. 71).

Сказителем И.Камытовым введено в сюжет новшество: Каршыга приводит войско Корена на необитаемый остров и, сказав: "Вы спрячьтесь здесь, а я пойду узнаю,

что делается в ауле Сансызбая", угоняет коней воинов. Затем он приводит туда Сансызбая, и тот истребляет врагов.

14. **"Қыз Жібектің тарихы"** ("История Кыз-Жибек"). – Сокращенный вариант сказителя Молдасеита Тулепкалиева (1885–1968), уроженца Зап.-Казахстанской обл. Получен от него в 1957 г. Сказитель исполнял эпос не целиком, а отрывками, расчленяя эпос на части, что, видимо, отражало желание слушателей. Его текст разбит на следующие главы: "Встреча Толегена с аулом Жибек", "Красота девушек, ведущих кочевки", "Встречи Толегена с Жибек", "Речь Толегена, когда он увидел Жибек", "Прощание Толегена с Сансызбаем", "Обращение Толегена к гусям", "Обращение Сансызбая к отцу", "Благословение Сансызбая отцом", "Плач Сансызбая при известии о смерти Толегена", "Утешение Сансызбая акыном Шеге", "Айтыс Жибек и Шеге", "Прощание Жибек со своей женге".

Рукопись хранится в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК (п. 71).

15. **"Қыз Жібек".** – Вариант, приписываемый акыну Каршыге. Зафиксирован в 1955 г. собирателем фольклора Шапаем Калмагамбетовым (1890–1959), уроженцем Актюбинской обл., который считает, что эпос "Кыз-Жибек" создали два акына: акын Каршыга из аула Сырлыбая – отца Жибек и акын Шеге из аула Базарбая – отца Толегена. Оба текста присланы Шапаем Калмагамбетовым в 1955 г. в Институт языка и литературы АН Казахской ССР.

Машинописный текст варианта, приписываемого акыну Каршыге, хранится в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК (п. 70). Объем – 4020 стихотворных строк. Восходит к варианту Шейхулисламова.

Сюжет варианта, приписываемого акыну Каршыге:

В эпоху бия Алшина в Жагалбайлинском роду живет богач по имени Базарбай. У него два сына: Толеген и Сансызбай. Толеген подыскивает себе невесту. Два года ездит он по присырдарьинским городам и кочевьям и другим местам, но найти не может подходящей девушки.

Как-то Толеген слышит, что на Акжаике у шектинцев много красивых девушек, и едет туда. С пятьюстами лошадьми он прибывает в аул Сырлыбая, ставит шатер, устраивает смотрины девушек. Каршыга помогает ему встретиться с Жибек. Увидев ее, Толеген пригоняет к Сырлыбаю, отцу Жибек, пятьсот коней. Сырлыбай дает согласие на женитьбу и устраивает той. В тое участвуют Бекежан и влюбленные в Жибек шестьдесят мурз, которые на этом пиру избирают Бекежана своим предводителем.

Толеген едет обратно домой. В пути Бекежан убивает его. Раньше всех об этом становится известно Сырлыбаю, но он ничего не предпринимает.

Сансызбай едет на поиски брата. Узнав, что Толеген убит Бекежаном, находит его и, сказав: "Я – брат Толегена", убивает Бекежана.

Сансызбай увозит Жибек. В поединке он сражает стрелой калмакского хана. Прибывает домой. Оставшееся войско калмаков Каршыга окольным путем ведет в аул Сансызбая. Сансызбай уничтожает войско.

Каршыга приводит Сансызбая и Жибек обратно к себе на родину, желая устроить им свадьбу по обычаю. Но их аул окружен врагами. Сансызбай истребляет их. Сырлыбай устраивает сорокадневный той и выдает Жибек за Сансызбая.

16. **"Қыз Жібек".** – Вариант, приписываемый акыну Шеге, одному из героев эпоса "Кыз-Жибек". Зафиксирован в 1955 г. Шапаем Калмагамбетовым. Рукопись в арабской графике, хранится в рукописном фонде Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК (п. 66). Объем текста – 3860 стихотворных строк. Это самостоятельный вариант.

Сюжет варианта, приписываемого Шеге:

В местах Басборик живут бедняк Базарбай и богач Карамен. У Карамена есть сыновья Егиз и Жатак.

Базарбай – уважаемый всеми человек. Но горе в его доме: все дети его умирают. На склоне лет у него рождаются Толеген и Сансызбай. У Толегена есть друг акын Шеге. Богач Карамен притесняет бедный аул Базарбая. Толегену исполняется четырнадцать лет, и он хочет отомстить Карамену за издевательства над отцом. Он дружит с сыном Карамена Егизом и расточает его богатства. Толеген слышит о красоте Жибек и влюбляется в нее.

Вместе с Егизом Толеген едет в кочевья рода тама, чтобы сосватать Егизу девушку Айсулу. Но она отказывает Егизу. Толегену удается уговорить Айсулу стать женой Егиза. Играют свадьбу. Толеген говорит Егизу: "Пока у тебя есть возможность, съезди к белому (русскому) царю, получишь награду!" Егиз у отца берет триста иноходцев и отправляется в путь. Толеген едет вместе с ним. Они останавливаются на Жаике. Шеге распускает слух, будто триста лошадей принадлежат Толегену.

Сырлыбай отправляет к Толегену Каршыгу – отца жены своего младшего сына, т.е. своего свата. Толеген говорит ему, что прибыл в поисках Жибек. Он советует Егизу вернуться домой. Тот со своими джигитами возвращается в аул. А Толеген с тремястами лошадьми прибывает в аул Жибек и отдает их ее отцу. Сырлыбай согласен на брак. Той.

Отец Егиза – Карамен – оскорблен тем, что Толеген одурачил его сына. Он хочет напасть на аул Базарбая.

Тем временем Толеген приезжает домой. И когда он собирается ехать за Жибек, отец отговаривает его, настаивая, что сперва надо накопить средства. Но Толеген в одиночестве уезжает. В пути Бекежан убивает его.

Проходят шесть лет. Аул Сырлыбая перекочевывает к Сарыколу. Жибек с четырьмя подругами гуляет у озера, и в это время к ним на коне Толегена подъезжает Бекежан. Она узнает, что Бекежан убил Толегена, и об этом сообщает отцу. Жибек находит могилу своего жениха и велит построить над ней мавзолей.

Сансызбай и Шеге прибывают в аул Сырлыбая. На окраине аула встречают старика. Тот сообщает Жибек об их приезде. Она вызывает Каршыгу и сообщает ему о приезде Сансызбая и Шеге. Устраивают той.

СЛОВАРЬ

Ага (агай) – 1. Старший брат; 2. Дядя; 3. Вежливое обращение к старшему. У казахов сохранились следы древней классификационной системы родства, согласно которой одним словом называлась целая группа людей. Например, словом "ага" назывались: родной старший брат, братья отца и матери, а также старшие по возрасту люди своего рода. Соответственно их жены назывались: женеше, женгей, женге.

Азиз – см. Прадед Азиз.

Айналайын – букв. "обойду вокруг", употребляется в значении "милый (ая), дорогой (ая)", для выражения любви.

Айпара – белое легкое покрывало, предохраняющее от солнца.

Айтыс – поэтическое состязание.

Ак-Жаик – казахское название реки Урал. До подавления восстания крестьян под предводительством Е.Пугачева она по-русски называлась Яик.

Акжунус-пери – жена Кёроглы, героя эпоса "Кёроглы".

Аккезен – букв. "Белая возвышенность", эпический топоним.

Актениз (Белое море) – древнетюркское название Каспийского моря.

Акшаулы – одна из вершин Тарбагатайских гор.

Акын – поэт-импровизатор, певец, исполнитель эпоса. В настоящее время акыном называют также поэта – автора письменных поэм и стихов.

Алатау ("Пестрая гора") – Алатау – огромный массив, расположенный на юго-западе, юге и юго-востоке Казахстана. Горы, расположенные к югу и юго-востоку, относятся к Тянь-Шаньской системе. По занимаемой территории горы Алатау подразделяются на: Джунгарский Алатау, Терскей Алатау, Кунгей Алатау, Залийский Алатау, Киргизский Алатау, Таласский Алатау. В этом эпосе имеются в виду первые четыре.

Алаш – общее название казахов по имени эпического хана.

Али – см. Хазрет Али.

Алты шекты – один из родов племени байулы, входившего в состав Младшего жуза (см.).

Аминь – "Да сбудется!" Ритуальный возглас, произносимый по окончании молитвы, при благословении или начале какого-либо дела. При произнесении "аминь" молитвенно простирают руки, складывая ладони в виде не до конца раскрытой книги, а потом проводят ладонями по лицу.

Аргын – 1. Самое многочисленное племя в племенном союзе Орта жуз – Средний жуз. В него входили племена: аргын, найман, керей, уак, конрат, кипчак. Согласно народной генеалогии, племя аргын подразделяется на два крупных разветвления: бес мейрам и жети момын. 2. Общее название всего Среднего жуза. В публикуемой версии, говоря о роде Бекежана, сказитель имеет в виду не конкретный род аргын, а весь Средний жуз. В других версиях Бекежан – представитель рода кипчак, тоже входившего в состав Среднего жуза. Вообще, называние сказителями-певцами каких-либо родов во время исполнения эпоса зависело от того, к какому роду или племени принадлежал сам исполнитель и в каких отношениях были его род и племя с называемыми в эпосе родом или племенем; и от того, в среде какого рода и племени исполнялся эпос и в каких отношениях были род и племя исполнителя с этой средой, а также в каких отношениях были род и племя, называемые в эпосе, и род, и племя, представители которых слушали в данное время эпос. Поэтому Бекежан, а иногда и сама Жибек относились в разных вариантах к разным родам и племенам.

Аргынец – см. аргын.

Арка – территория Центрального Казахстана, казахский мелкосопочник.

Аруах – дух предков. Обычно дух предков призывали на помощь при трудных обстоятельствах. Считалось, что он незримо присутствует и заботится о живых своих потомках. Казахи полагали, что дух предков также требует к себе внимания, его нужно угощать и уважать. Поэтому раньше приносили жертвы духам предков, а позже, с распространением ислама, наряду с принесением жертвы посвящали им молитвы.

Арыс – 1. Род, племя; 2. Благородный джигит, выдающийся человек; 3. Спор, тяжба. В тексте имеется в виду второе значение.

Ас – годовые поминки по умершему. Они устраивались обычно состоятельными детьми, сородичами умершего, если он был знатным или известным бием (см.), старейшиной рода и т.п. Поминки сопровождались, помимо обильного угощения огромного количества людей, скачками, борьбой, состязаниями в стрельбе, в поэтическом и других видах искусства. Акыны вступали в поэтические состязания – айтысы, пели песни; жыршы (певец-сказитель) исполнял эпос (первонач. значение "пища", "еда").

Ассалаумагалейкум – мусульманское приветствие (ас-саляму алейкум – "мир вам"). По обычаю первым произносит его младший по возрасту или только что прибывший в группу людей человек.

Асыки – косточки-альчики; игра в альчики.

Атан – выхолощенный верблюд. В эпосе – в значении "вьючное животное".

Ударение в казахских словах, кроме специально отмеченных случаев, падает на последний слог.

Аягуз – река на территории нынешней Восточно-Казахстанской обл., впадает в оз. Балхаш.

Баганалы – см. балталы, баганалы.

Бай – богач (первонач. значение "большой", "старший").

Байбише – 1. Старшая жена в полигамной семье; 2. Уважаемая в ауле и роду старшая женщина; 3. Вежливое обращение к пожилой женщине. В эпосе употребляется во втором значении.

Байеке – форма вежливого обращения к старшему по возрасту, званию, должности.

Балталы, баганалы – роды, относимые родовой генеалогией *(шежире)* к племени найман Среднего жуза. По шежире, опубликованному К.Халитовым, Балталы и Баганалы являются внуками Наймана от его сына Оркеша (Бельгибая) (*К.Халитов.* Тауарих Хамсе. Казань, 1911, с. 226, 227). С.Шарипов считает баганалинцев крупным родом, кочевавшим в Центральном Казахстане (*С.Шарипов.* Баганалинцы. – Журн. "Советская Киргизия". 1924, № 3–4, с. 153).

Батима – см. Фатима.

Бахаутдин – имя Бахауддина Накшбанда (1318–1389), основателя суфийского ордена накшбанди. Почитался за святого. Богатыри эпоса среднеазиатских народов взывают к его помощи.

Бейнетениз ("Озероподобный") – эпический топоним.

Бесин – 1. Время, следующее сразу за полуднем; 2. Полуденная молитва (вторая по счету за день). Здесь – в первом значении.

Бетпак (Бетпак дала – "Непокорная степь") – Бетпак – пустыня и полупустыня, простирающиеся от р. Сарысу на западе до Сары Арки на востоке, от р. Чу на юге до озера Балхаш на севере.

Бидайык – птица типа перепелки, живущая в густых зарослях травы, ржи и пшеницы; кормится травой и зерном.

Бий – глава племени, родового подразделения; судья.

Бикеш – 1. Ласкательное "девушка"; 2. Имя, которое своей золовке Жибек дала ее женге согласно казахскому женскому этикету.

Бисмилла – формула: "Именем Аллаха", которую произносят во время молитвы или приступая к любому делу.

Гауас – один из мусульманских святых.

Гаяс – настоящее имя Барак-хан – правнук Чагатая (Джагатая), сына Чингисхана. Он первым из правителей Мавераннахра принял ислам и стал известен под именем Гаясэддин.

Гурии – в мифологии мусульман – вечно юные девы рая, услаждающие праведников.

Дарига – возглас, выражающий горе, сожаление.

Джайляу – летовка, летнее пастбище.

Джида – дикая маслина, лох.

Джут – массовый падеж скота в гололедицу от бескормицы.

-еке – аффикс, присоединяемый к собственному имени. Используется при обращении к старшему и уважаемому человеку.

Ер – муж, мужчина; герой, богатырь, храбрец.

Еркеш – ласковое обращение. Означает "любимица", "неженка", "баловница".

Жагалбайлы – крупный род племени жетиру, входившего в состав Младшего жуза.

Жаик – казахское название реки Урал, см. Ак-Жаик.

Жаке – вежливая форма обращения к старшему.

Жал – 1. Грива; 2. Подгривный жир лошади в качестве яства; 3. Перевал. В эпосе употреблено во втором значении. Хорошо обработанный и приготовленный подгривный жир лошади считается лакомством.

Жамбил – эпический топоним.

Жамбы – слитки серебра.

Жан – 1. Букв. "душа"; 2. Милый. Часто присоединяется к имени людей и выражает симпатию говорящего к этим людям.

Жар-жар – свадебная песня. Раньше пелась во время свадебного пира в ауле невесты. Молодежь делилась на две группы (невесты и жениха). Невеста с подругами пела эту песню в юрте. В песне девушка изливала свое чувство одиночества, жаловалась на судьбу и ожидающую ее тяжелую женскую долю. А сторона жениха песней успокаивала ее. Можно предположить, что генетически свадебная песня восходит к ритуальным состязаниям взаимобрачащихся родов.

В эпосе "Козы-Корпеш и Баян-сулу" припев "жар-жар" в монологе картавой заики, сообщающей о том, что Козы сблизился с Баян, оттеняет издевку над незадачливым, нежеланным для Баян женихом – Кодаром.

Жая – 1. Огузок (кострец) лошадиной туши и вообще цельное мясо, снятое с тазовых костей битого скота, лакомая часть конской туши; 2. Национальная еда. Здесь во втором значении.

Жели – привязь для кобылиц и жеребят; аркан с петлями, натянутый между колышками.

Желмая – см. мая.

Женге – 1. Жена старшего брата; 2. Жены всех старших сородичей, родственников по матери и старших мужчин.

Женеше – согласно казахской родственной терминологии – жена старшего брата.

Женгелик – подарки жениха жене старшего брата или другого близкого родственника невесты. По обычаю, ближайшая женге (см.) невесты устраивает первую встречу жениха и невесты, приводит невесту в юрту жениха.

Жетысу – Семиречье – территория нынешней Алма-Атинской и Джамбулской обл., где протекают семь рек: Лепсы, Каратал, Аксу, Коксу, Тентек, Или, Чу.

Жоктау – плач по умершему; причитание.

Жуз – 1. Сто; 2. Часть; 3. Объединение племен. 4. Лицо, облик. В эпосе использовано в третьем значении.

Жусуп-пророк – библейский Иосиф Прекрасный. В Коране и мусульманской литературе он включен в число пророков. Казахи также называют его пророком. В казахской поэзии Жусуп – символ чистой любви и красоты.

Жылытау – невысокая, небольшая гора в Карагандинской обл.

Жыр – 1. Семи-восьмисложный стих; 2. Эпическое произведение; 3. Короткие песни-куплеты. Здесь в первом значении.

Жырау – вещий сказитель; певец.

Жыршы – сказитель, исполнитель эпоса.

Зекет – налог со скота, взимавшийся во времена ханства. Зекет обычно собирали перед началом перекочевки с зимовки на летовку, т.е. когда с приплодом поголовье скота увеличивалось.

Земзем – колодец возле храма Каабы в городе Мекке. Вода из этого колодца считалась священной. В казахской устной поэзии используется как символ желанной, райской воды, приносящей счастье.

Зулейха – героиня библейской легенды, перешедшей в Коран, жена египетского вельможи, влюбившаяся в Иосифа Прекрасного (см. Жусуп-пророк).

Изень – трава kochia. Ее охотно поедают овцы.

Или – река на юго-востоке Казахстана, является основной артерией озера Балхаш. Берет свое начало в пределах восточного Тянь-Шаня после слияния двух горных рек Текеса и Кунгеса. Впадает в оз. Балхаш.

Ильяс – пророк Илия, в фольклоре мусульманских народов фигурирует как святой, оказывающий людям покровительство.

Иман – 1. Вера в истинность ислама; 2. Символ веры; 3. Совесть, честность. Здесь во втором значении.

Иртыш – самая многоводная река Казахстана, левый приток Оби, протекает через территорию Восточно-Казахстанской и Павлодарской обл. Свое начало берет на западных склонах Алтая на высоте 2500 м. До впадения в оз. Зайсан называется Черный Иртыш.

Кайын – так называют родственников жены. Впрочем, женщины так называют и родственников (сородичей) мужа, но прибавляя к ним определенное слово: кайын ини – "младший брат (сородич) мужа"; кайын ене (ана) – "мать мужа (свекровь)", кайын ата – "отец мужа (свекор)", кайын бике – "старшая сестра мужа", кайын синли – "младшая сестра мужа".

Кайын-ага – старший брат мужа или жены. По казахской системе родства, этим термином называются не только старшие братья мужа или жены, но и все мужчины-сородичи, которые старше мужа или жены по возрасту. В данном случае – старший.

Калба – горный хребет, простирающийся по левобережью Иртыша Восточно-Казахстанской обл. Высокая точка на юге Алтая (1658 м).

Калындык – 1. Сосватанная невеста; 2. Тайные посещения невесты женихом в добрачный период (калындык ойнау). По старому обычаю, после сватовства жених мог тайно посещать невесту, но при этом не должен показываться ее родителям, братьям и ближайшим родственникам.

Камбар – у казахов мифический предок лошади. Иногда Камбар – божество воды и пустыни. В эпосе, по-видимому, нашли отражение некоторые следы культа Камбара как божества воды и пустыни.

Камча – нагайка, которая плетется из нескольких, от 4 до 12, сыромятных ремешков.

Караагач – эпический топоним.

Караенис ("Черная ложбина") – эпический топоним.

Карасу ("Черная вода") – рек и озерков с таким названием в Казахстане много. Точно районировать упоминаемое в эпосе озеро Карасу не удалось. Вероятно, эпический топоним.

Каратениз – Черное море.

Кареке – почтительная форма от имени Карабай. Подобные формы образуются путем присоединения к начальным слогам имени собственного и (редко) нарицательного аффиксов *-ака, -еке, -ка, -ке* и др. В публикуемом тексте так получены почтительно-уважительные "Сареке" от имени Сарыбай, "Кодеке" от имени Кодар. Такие формы обычно употребляются при обращении. Встречающиеся же в казахском тексте слова "Карекен", "Сарекен", "Кодекен" употреблены не как обращение, а как имена собственные действующих лиц.

Каркара – пучок перьев филина, который девушки укрепляли на своих шапочках для красоты. Вообще перья филина использовались в качестве оберега.

Каркаралы – Каркаралинские горы, простирающиеся в Сары-Арке с севера на северо-запад на 35–40 км. Ширина – 20–25 км. Самая высокая точка – Жиренсакал, 1338 м.

Каршеке – уважительное обращение к Каршыге. Образовано путем присоединения аффикса *-еке* к имени Каршыга.

Карыс – мера длины, равная расстоянию между концами раздвинутых большого и среднего пальцев, примерно 15–20 см.

Катон – река на Казахском Алтае, входящем в территорию Восточно-Казахстанской обл.

Кебис – кожаные галоши, чаще на каблуках, в эпосе иногда употребляется в значении "сапожки".

Кёкжорга – букв. "серый иноходец", кличка коня Толегена.

Келин – 1. Сноха, жена сына; 2. Жена младшего брата, сородича; 3. Жена младшего по возрасту собеседника, спутника или знакомого; 4. Обращение к молодой женщине.

Кереге – 1. Деревянная решетка цилиндрической части юрты; 2. Остов юрты, стена.

Кёкбояуши – букв. "синий краситель", эпический топоним.

Кёроглы – герой одноименного героического эпоса ряда тюркоязычных народов.

Кобеген – см. примеч. 5 к "Кыз-Жибек".

Кобыз – старинный музыкальный струнно-смычковый инструмент.

Кодык – здесь жеребенок кулана.

Козыжан – ласкательная форма имени Козы.

Козыжаурын-стрела – стрела с наконечником, сходным по форме с лопаткой ягненка.

Козыке – почтительная форма имени Козы.

Койманрак (вернее, Манырак) – гора хребта Саур, находящегося на востоке Тарбагатайских гор.

Коканд – город в Узбекистане.

Коке – старший брат, дядя.

Коктай – (Тайкок – букв. "серый стригунок") – кличка коня.

Корасан (от Карасан) – название болезни скота, при которой тазовая часть тела скота чернеет.

Кособа – букв. "два кургана". Таких топонимов много в Казахстане. Точно районировать не удалось. Название озеру, по-видимому, было дано в связи с тем, что на его берегу были два кургана-могильника *(оба)*.

Кулаш – мера длины, равная расстоянию между концами пальцев рук, разведенных в стороны на высоте плеч. Здесь используется как числовая гипербола.

Кульджа – город, расположенный у истоков реки Или (см.) в Синьцзяне.

Кумбез – купол, надмогильное сооружение; надгробие; мавзолей.

Курай – название нескольких полупустынных и пустынных растений из рода солянок и рода верблюдок; хворост.

Курдым – 1. Пустота, бездна; 2. Устье воды, исчезающее в пустыне, песках. Здесь эпический топоним.

Куржун – переметная сума, саква.

Курук – шест с петлей на конце для ловли коней и жеребят.

Кыбла – 1. Юг; 2. Сторона Мекки, куда во время молитвы мусульмане обращают лицо. При похоронах умершего клали в могилу также головой к кыбле.

Кыдыр (Хызр) – покровитель, помощник тех, кто попадает в беду. В.Бартольд пишет: "Легенды о Хызре носят явно немусульманский характер, хотя распространены только среди мусульман и самое имя Хызра представителям других религий не известно. Хызр не назван и в Коране ... Иногда Хызра и Илью упоминают рядом, причем Илье приписывается власть над пустынями, Хызру – над водами и культурными землями. Хызр являлся странникам и подвижникам, чаще всего в образе старика" (*В.В.Бартольд.* Ислам. Пг., 1918, с. 59). В казахском фольклоре Кыдыр выступает в нескольких ипостасях: помощник, покровитель, знающий и предугадывающий все; благодетель, даритель счастья и богатства.

Кюй – в эпосе музыкальное произведение для домбры, кобыза (см.).

Лейли – имя героини популярных произведений Низами, Навои и других классиков восточной литературы. В казахской поэзии – символ чистой, преданной и трагической любви. См. Меджнун.

Лепсы – река на территории современной Алма-Атинской обл., впадает в оз. Балхаш.

Майтобе ("Масляный холм") – одна из высот Алтая на территории Восточно-Казахстанской обл.

Мая – 1. Высокоценимая порода верблюдов, помесь одногорбого (нара) с двугорбым верблюдом; 2. В форме *желмая* – сказочный верблюд – скакун, бегающий со скоростью ветра, неутомимый и сильный.

Меджнун (араб. "безумный", "одержимый") – имя героя поэм Низами, Навои и др. В казахской поэзии – символ несчастной любви. В "Кыз-Жибек" мать героя, упоминающая имена Лейли и Меджнуна в паре, воспринимает их как покровителей влюбленных.

Младший жуз – один из трех племенных союзов, в который, согласно народной генеалогии, входят: Байулы из двенадцати разветвлений, Жетиру из семи родов и Алим из шести разветвлений – всего 25 родов. Племена, входившие в Младший жуз, жили в западных районах Казахстана.

Мойынсу – эпический топоним.

Мырза – 1. Господин, представитель родовой знати; 2. Щедрый; 3. Показатель ласкательно-вежливого обращения. В эпосе применен в третьем значении.

Мыржык – небольшая гора между Карагандинской и Восточно-Казахстанской обл.

Намаздигер – 1. Третья из пяти обязательных молитв, творимых до захода солнца (но не во время захода); 2. Время, когда солнце находится еще на высоте в длину копья. В тексте во втором значении.

Нар – сильный одногорбый верблюд, символ мощи. Здесь в значении "вьючное животное".

Наурыз – 1. Старинное название месяца марта; 2. День Нового года – 22 марта, день весеннего равноденствия. В эпосе употреблено в значении "месяц март".

Ой-бой – междометие, выражающее испуг, иногда и удивление.

Отау – юрта молодоженов или молодых супругов. Раньше у казахов отец должен был выделить сыну, если тот женится, определенную долю скота и имущества, которая называлась "енши", и новую юрту со всем необходимым.

Падишах – титул правителя в странах Переднего и Среднего Востока. В казахской поэзии употребляется нередко в значении "аристократ", "знатный", "благородный".

Пери – 1. Мифическое существо, представляемое казахами только в виде женщины неописуемой красоты; 2. Дивная красавица. Употребляется в обоих значениях.

Пир – духовный наставник, святой, благодетель, покровитель.

Прадед Азиз – святой старец, традиционный персонаж казахского эпоса. Легендарный покровитель батыров, в ряде преданий – мифический родоначальник племени мангыт, слывет среди казахов святым. Согласно легенде, могила его находится на территории нынешней Южно-Казахстанской обл.

Пырак (Бурак) – мифическое крылатое верховое животное, на котором, согласно мусульманской мифологии, пророк Мухаммад был вознесен на небо.

Саба – кожаная посуда для хранения кумыса, емкостью от 50 до 80 литров. Изготавливается из цельной шкуры лошади или вола.

Садыр – род племени Найман Среднего жуза. Занимал территорию между Алматинской и Восточно-Казахстанской обл.

Сареке – почтительная форма имени Сарыбай. Иногда в устной речи встречается форма "Сарекен" (см. подробнее *Кареке*).

Сары-Арка ("Желтая степь" или "Безбрежная степь") – мелкосопочная территория, простирающаяся от западносибирских равнин на севере до гор Каратау на юге. Ныне она занимает Центральный и Восточный Казахстан. Страна низких островных гор, холмов, гряд и скалистых сопок. В Сары-Арку входят низкогорные массивы: Кокчетау, Каркаралы, Чингистау, Улутау, Актау, Ерейментау, Кызыларай, Баянаул и др.

Саукеле – старинный головной убор невесты, который женщина носила после замужества в течение года. Саукеле украшали золотом, серебром, драгоценными камнями, лентами и подвесками, которые спускались на плечи и спину, обшивали бархатом, а по нему выкладывали узоры жемчугом.

Сауын – 1. Дойный скот; 2. Предварительное извещение о поминках – асе. Согласно обычаям, прибывшие на ас привозили подарки. Здесь во втором значении.

Серкеш (вариант: серке) – козел – вожак отары.

Сумбиле – яркая звезда Сириус.

Суюнши – подарок за радостную весть. У казахов был широко распространен обычай дарения. Например, одаривали невесту (сноху) во время смотрин, новорожденного ребенка и его мать, сородича, друга, названного брата или знакомого, по случаю приобретения или покупки (это так называемый "коримдик"), одаривали молодую женщину при первом приезде в дом отца после рождения первенца ("торкиндеу") и т.д.

Сырдарья – одна из больших рек в Казахстане. Начало берет в горах Тянь-Шаня и протекает по югу и юго-западу Казахстана.

Таз (Тазтау) – "Лысая гора", вершина в горах Тарбагатая, находится на территории Восточно-Казахстанской обл.

Тайкок – см. Коктай.

Такия – тюбетейка. Тюбетейки, которые носили девушки, украшали перьями филина, самоцветами, обшивали бархатом. Мужчины обычно носили простую тюбетейку летом. Зимой носили специальную тюбетейку под теплой шапкой.

Таксыр – господин, начальник. В фольклоре – обращение к ханам.

Тарбагатай ("Сусличья гора") – горы на юго-востоке Казахстана. Ширина хребта 40–50 км, длина около 300 км, средняя высота 2000–2200 м.

Тенге – деньги. Здесь в значении "самое дорогое, ценное".

Тенгри – верховное божество в древнетюркском пантеоне. Здесь в значении "Всевышний". В современном казахском языке в значении "Бог" используется несколько названий: тенгри (древнетюркск.), аллах (араб.), кудай (перс.), жасаган, жараткан (каз.).

Тениз – Каспийское море (см. Актениз).

Терме – речитативный напев.

Тилля – 1. Золото; 2. Золотая монета. В эпосе – в первом значении.

Той – пир, свадьба, празднество. Той, особенно свадебный, сопровождался различными увеселительными развлечениями: играми, борьбой, скачками и поэтическими состязаниями акынов.

Токпак – колотушка.

Торгоут – одно из ойратских племен, составлявших население Джунгарии в XVII–XVIII вв. В 1618 г. часть торгоутов откололась от своего ядра и ушла на запад, к низовьям Урала. Для казахского эпоса образы "калмаков" и "торгоутов-ойратов" традиционны.

Туйгун – 1. Белый ястреб-стервятник; 2. Символ ловкости, силы и храбрости; 3. Эпитет богатыря, молодца. Здесь употреблено в первом значении.

Туйемойнак ("Верблюжья шея") – отрог Тарбагатайских гор.

Тулпар – 1. Лучший скакун; 2. Сказочный конь, в мгновение ока преодолевающий огромные расстояния. В публикуемых текстах использовано в первом значении.

Тюре – первоначально так назывались потомки Чингисхана, затем это слово приобрело значение "аристократ", "господин", "чиновник". В настоящем эпосе – аристократ, господин.

Улан – топоним в Восточно-Казахстанской обл.

Урджар – река в Восточно-Казахстанской обл., впадает в оз. Алаколь.

Фатима (каз. Батима) – старшая дочь Мухаммада, жена Али – четвертого "праведного" халифа – наместника Пророка. Считалась покровительницей женщин. Обычно в трудных ситуациях, во время родов казашки призывали на помощь Фатиму. Если у младенца было родимое пятно или синева на коже ягодицы, то полагали, что это отпечатки ее ладоней.

Хазрет Али – Али, четвертый "праведный" халиф, зять пророка Мухаммада; в эпосе – легендарный храбрец, наделенный необычной силой, владеющий чудесным мечом Зулфикар; покровитель отважных людей.

Хан – верховный правитель

Ханым – ханум, жена хана.

Ходжа – группа населения народов Средней Азии, считающая себя потомками первых четырех халифов.

Чапан – халат.

Черный холм (Карадөн) – эпический топоним.

Чильтаны – сорок мифических невидимых существ, живущих среди людей и обладающих сверхъестественной силой. По поверью, они всегда поддерживают благочестивых людей, попадавших в беду. В представлении казахов и в их фольклоре чильтаны выступают как один чудесный помощник. Иногда для их обозначения используется слово "ерен", но и в этом случае они мыслятся как один человек.

Чингис – хребет на западе Восточно-Казахстанской обл. (высота 1000–1305 м), связывает Сары-Арку с высокогорным Тарбагатайским массивом.

Чирчик – река, протекающая через Узбекистан и Казахстан, один из притоков реки Сырдарьи.

Чу – река, протекающая по территории Джамбулской и Южно-Казахстанской обл. Начало берет в горах Тянь-Шаня.

Шоктерек ("Группа /пучок/ тополей") – традиционно понимается как эпический топоним.

Шашбау – ленты, специально вплетаемые в косы, к ним прикреплялись серебряные монеты.

Шашты – старинное название города Ташкента.

Шекти – один из родов Младшего жуза (см.).

Япырым-ау, япырым – междометное слово, образовано от "ой, пірім-ай" ("О мой покровитель") и означает удивление, растерянность, страх и другие сходные чувства.

Список сокращений

А.-А. – Алма-Ата

МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан.

РФИЛИ – Рукописный фонд Института литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК.

РФЦНБ – Редкий фонд Центральной научной библиотеки МОН РК.

СПб. филиал ИВ РАН – Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук.

ТОНТ ИЯЛ АН КазССР – Труды отдела народного творчества Института языка и литературы АН КазССР.

З.А.Ахметов, С.А.Каскабасов

КАЗАХСКИЙ РОМАНИЧЕСКИЙ ЭПОС

Огромное множество эпических сказаний древней устной поэзии казахского народа делится на две основные группы: героические и романические.

В романических сказаниях повествуется о трагической судьбе любящих друг друга юноши и девушки, разлученных либо злой волей родителей, либо предательским убийством кого-то из героев, либо родо-племенной распрей, либо неравенством социального положения. Эти сказания имели в народе широкую популярность и в количественном отношении превосходят другие жанры казахского эпоса.

Казахский романический эпос как самостоятельный художественный жанр фольклора сформировался в период Казахского ханства, но его отдельные сюжеты и мотивы возникли в более отдаленное время, некоторые из коих восходят к эпохе родового строя и древнетюркского государства. Возникновение этого жанра было подготовлено всем ходом исторического и культурного развития казахского общества. "На территории Казахстана с VI в. до начала XIII в. существовали, последовательно сменяя друг друга вплоть до монгольского нашествия, Западно-Тюркский, Тюргешский, Карлукский каганаты, государство огузов, караханидов, кимеков, кыпчаков. После монгольского нашествия в начале XIII в. сложились улусы Монгольской империи Джучи и Джагатая, давшие затем жизнь Ак-Орде, Моголистану, а позже – Казахскому ханству"[1].

И в период древнетюркского каганата, и в последующие века народ, живший на территории Казахстана, создавал свою культуру и впитывал сокровищницу мировой культуры, которая проникала в казахские земли разными путями, и в первую очередь благодаря Великому шелковому пути. Особенно интенсивно происходил этот процесс в эпоху зрелого средневековья, когда образовалось Караханидское государство и феодализация охватила все сферы жизни тогдашнего общества, принявшего ислам и мусульманскую цивилизацию. В городах южного и юго-восточного Казахстана

[1] История Казахстана. В 5-ти т. Т. 1. Алматы, 1996, с. 13.

строятся мечети и медресе, в письменности совершается переход с древнетюркского на арабский алфавит. Усиливаются торговые и культурные связи со всем мусульманским Востоком, с Индией, Византией и Китаем, развивается наука и происходит скрещивание античной, иранской, индийской, арабской и местной, тюркской, культур. На это время приходится творчество знаменитых ученых и мыслителей Абу Насра аль-Фараби, Юсуфа Баласагуни, Махмуда Кашгари, Ахмеда Йасави и др. Наряду с их трудами распространение получают классические произведения Фирдоуси, Низами, а также "Огуз-наме", "Мухаббат-наме" и др.[2].

В рассматриваемый период окончательно сложились и закрепились главные элементы духовной культуры казахов. В известной мере развиваются литература, устное народное творчество, искусство и архитектура. В медресе ведется обучение арабскому языку. Дети ханов, крупных феодалов и некоторых состоятельных людей учатся в Самарканде, Бухаре и других городах Средней Азии, где наряду с арабским языком постигают теософию и шариат, сочинения средневековых мусульманских авторов.

Развивается и устное народное творчество казахов, в котором в это время были представлены почти все основные жанры: героический эпос, лирические, трудовые и обрядовые песни, сказки, легенды, предания, родовые генеалогии, поэтические думы (толгау), пословицы, поговорки, загадки и малые исторические песни.

В XVI–XVIII вв. создаются крупные эпические романические произведения. К ним относятся сказания "Козы-Корпеш и Баян-сулу" и "Кыз-Жибек". Их появлению способствовали условия социально-экономической и культурной жизни тогдашнего казахского общества.

Как справедливо писали В.М.Жирмунский и Х.Т.Зарифов, романический эпос и героический эпос представляют собою две "последовательные стадии эпического развития, различные по своему происхождению, однако находящиеся в условиях устной традиции в постоянном творческом взаимодействии"[3].

История развития фольклора многих народов показывает, что романический эпос особенно расцветает в эпоху феодализма, когда в жизни общества большую актуальность приобретают социально-личностные вопросы и в сознании народа формируется новый общественный идеал – человек, борющийся за личное счастье. В такую пору внимание творцов фольклора сосредоточивается на личности, на семейно-брачных проблемах, на вопросах любви, ибо новая эпоха и новое поколение нуждались в таком произведении и герое, которые были бы им близки по духу.

По своему характеру и составу сюжетов, по источникам и системе образов казахские народные романические произведения весьма разнообразны. В основе некоторых из них лежат древние сказания, преобразованные в эпос. Некоторые романические сказания возникли в относительно позднее время на основе реальных событий, а часть произведений представляет собой казахские версии романических дастанов народов Средней Азии и Ближнего Востока.

---

[2] Там же, с. 483–484.

[3] *Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т.* Узбекский народный героический эпос. М., 1947, с. 447.

Несмотря на такое разнообразие источников и разновременность происхождения, тема у всех произведений романического эпоса одна – любовь и страдания молодых людей, отстаивающих свое чувство. Эта тема возникла как отражение конфликтов естественного чувства с регламентированностью семейно-брачных отношений феодального общества, где продолжали существовать многие пережитки патриархально-родового строя. Верно отмечает Е.Исмаилов: "Чем жестче, нетерпимее становились в феодальном обществе законы и порядки, тем более усиливалась борьба за раскрепощение чувств, за свободу личности. Именно с этой точки зрения и следует рассматривать все произведения, посвященные теме любви ..."[4].

Из произведений казахского романического эпоса самыми ранними по происхождению, характеру сюжета и самыми популярными в народе являются эпосы "Козы-Корпеш и Баян-сулу" и "Кыз-Жибек".

О древности сюжета эпоса "Козы-Корпеш и Баян-сулу" свидетельствует уже то, что он встречается у нескольких тюркоязычных народов, генетически родственных, но давно отселившихся друг от друга. "Казахская, башкирская, алтайская, телеутская, уйгурская, татарская редакции эпоса о Козы восходят к древней ... версии"[5], – пишет Н.Смирнова.

Древнейшая версия, к которой восходят сказания алтайцев, башкир, казахов, телеутов и уйгур, сложилась еще в эпоху Тюркского каганата – в VI–VII вв., когда тюркские племена жили единым государством на Алтае-Саянском нагорье. В ту пору первоначальный сюжет о женитьбе джигита, очевидно, был разработан в виде предания и легенды, затем, вероятно, он стал излагаться как сказка и только во времена Золотой Орды обрел песенную, но еще неэпическую форму. После распада этого государства тюркские народы, входившие в его состав, образовали свои государства и улусы, и многие прежние общие произведения стали разрабатываться ими по-своему. Так возникли различные национальные версии сказания о Козы и Баян, которые дошли до нашей эпохи в разнообразных жанровых формах и вариантах. В результате общий сюжет разработан по-разному.

У алтайцев, например, сюжет разработан в форме обширной эпической песни и изобилует сказочными и мифологическими мотивами, ситуациями и образами. При этом у алтайцев эпос о Козын-Эркеше является героическим, тогда как у казахов – романическим. К тому же казахский эпос не знает тех архаических мифологических мотивов и образов, которые наличествуют в алтайском эпосе, хотя сюжет казахского романического эпоса "Козы-Корпеш и Баян-сулу" восходит к сказке[6]. Действительно, как и в сказке, в казахском эпосе о Козы герою помогают чудесные покровители – чильтаны, Хизр и др. Они оживляют по просьбе Баян умершего Козы, превращают стригунка в красивого скакуна; Козы встречается на пути к возлюбленной со старухой-ведьмой, которая чинит ему разные препятствия; сказочна служба говорящей птицы у Баян, вечная молодость красавицы и т.п.

---

[4] *Исмаилов Е.* Акыны. А.-А., 1957, с. 302–303.

[5] *Смирнова Н.С.* Казахская народная поэзия. А.-А., 1967, с. 84.

[6] *Дюсенбаев И.* О социально-бытовом эпосе (варианты "Козы-Корпеш и Баян-сулу"). – ТОНТ ИЯЛ АН КазССР. Вып. 1. 1955, с. 45.

Генетическая связь сюжета романического эпоса "Козы-Корпеш и Баян-сулу" со сказкой особенно четко проявляется в структуре этого произведения. Вот схема развития сюжета романического эпоса "Козы-Корпеш и Баян-сулу":

I. Дети рождаются в отсутствие отцов.

II. Козы едет за нареченной.

III. Прибыв в страну будущего тестя, Козы находится в "низком" положении: неузнанный, он в облике плешивца пасет стада отца невесты.

IV. Козы прибывает в свою страну, у него рождается сын, который продолжает деяния отца.

Эта композиция полностью совпадает со сказочной. Большинство казахских сказок начинается рассказом о появлении на свет будущего героя. Отец героя обычно не присутствует при рождении сына: он или находится в путешествии, или на войне, или уезжает во время родов жены, чтобы не умереть от радости, когда услышит крик младенца, или же просто отсутствует[7].

Сказочный герой, став зрелым юношей, отправляется на поиски своей суженой. Он находит ее и выполняет труднейшие поручения будущего тестя. Нередко герой воюет с будущим тестем, показывает свою храбрость, силу и смекалку. Отец невесты либо терпит поражение, либо добровольно уступает свой трон и отдает дочь в жены герою. Так герой занимает престол тестя и царствует над его народом. Иногда герой, женившись на царевне, живет определенное время у родителей жены и лишь потом уезжает на родину и благополучно прибывает с женой в родные края[8].

Наследование престола тестя сказочным героем и его временное пребывание в доме (стране) тестя – это реликтовое отражение обычаев давно исчезнувшего матрилокального брака.

При матрилокальном браке был распространен обычай, по которому молодой человек, собиравшийся вступить в брак, работал в течение одного-двух лет на семью своей невесты. При этом почти всегда жениху помогали друзья. Но если жених плохо работал, предложение его могло быть отвергнуто[9].

---

[7] На наш взгляд, здесь налицо следы некогда бытовавшего обычая кувады. В первоначальном виде он, как известно, проявлялся в имитации мужем мук роженицы, в запрете ему активных действий, тяжелой работы, ряда кушаний, в укрывании его от дождя, от солнца и т.д. В эпоху разложения матриархата обычай кувады получил другую форму: муж удаляется от роженицы (см. *Косвен М.О.* Матриархат. Этнографические материалы. – Ученые записки МГУ. Вып. 61. История. Т. 2. 1940, с. 105, 118, 129, 144 и др.).

[8] См. сказки: "Девица Карашаш". – *Васильев А.* Образцы киргизской народной словесности. Вып. 1. Оренбург, 1898; "Старик и старуха". "Алтын Айдар". "Пырак". – РФ ЦНБ, п. 21; "Царевич ворон". – Там же, п. 22; "Белая волчица". – Там же, п. 40; "Трое сирот". – Там же, п. 44; "Царь и беркут". – Там же, п. 95; "Бездетный хан". – Там же, п. 183; "Зарлык". – Там же, п. 1398; "Темирхан". – Там же, п. 1398; "Стрелец Жусуп". – РФ ИЛИ, п. 124; "Рябой щенок". – Там же, п. 189; "Мунлык-Зарлык". – Там же, п. 117; "Дудар кыз". – *Радлов В.* Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1870. Ч. 3, № 7; "Три девушки". – Оренбургский листок. 1894, № 39, 40; и др.

[9] *Косвен М.О.* Матриархат..., с. 91, 115, 124, 144 и др.

Древний обычай отработки женихом невесты – первоначальная и своеобразная форма выкупа невесты – проливает свет на широко известный сказочный мотив трудных поручений тестя и беспрекословного выполнения их героем, добывающим таким способом себе жену.

С превращением древней прасказки в художественную сказку обычная работа жениха на дом, род и семью невесты преобразуется в выполнение трудных поручений тестя, которые являются испытанием героя. Так как в сказке испытанию подвергается идеальный герой, то поручения тестя, согласно сказочной поэтике, гиперболизируются, становятся трудновыполнимыми. Так в богатырской сказке и героическом эпосе появляется героическое сватовство.

Поскольку эти испытания невыполнимы для обыкновенного человека, то и друзья жениха оказываются необычными. Чаще всего – это тотемные животные, прародители, предки. Позднее появляются необычные помощники, рожденные мечтой народа о верном, сильном друге. Это – Силач, Слухач, Бегун, Опивало, которые, вероятно, в древней мифологии выступали как хозяева – духи горы, реки и т.п.

За несколько веков бытования сказания о Козы и Баян древний сказочный сюжет вобрал в себя многие элементы господствовавшей эпической традиции.

Судя по имеющимся материалам, можно предположить, что, несмотря на древность сюжета (VI–VII вв.), современный высокопоэтичный эпос "Козы-Корпеш и Баян-сулу" как романический сложился позже – примерно в XVI–XVII вв.[10], т.е. в период расцвета Казахского ханства.

Эпическое романическое произведение "Козы-Корпеш и Баян-сулу" посвящено показу того, как у молодых людей зарождалась и крепла любовь, как отстаивали свое чувство влюбленные. Это было ново для общества того времени, когда эпические произведения повествовали о героических деяниях богатырей, – оно знаменовало отход от поэтической традиции, означало выведение внутрисемейных вопросов на всеобщее обсуждение. Затрагивая нравственные проблемы семейно-брачных отношений, эпос не мог не показать существовавшие обычные нормы, порядки, отношение к вопросам любви и особенно положение женщины в обществе. Ведь в эпоху складывания эпоса в соответствии с законами "Жеты-Жаргы" ("Семь установлений") личная свобода не всегда предполагала юридическое равноправие. Например, женщины, как и работники, слуги и рабы, не могли выступать на суде в качестве свидетелей. И в семейно-брачных отношениях закреплялось неравноправное положение женщины, утверждалось неограниченное право родителей над жизнью и судьбой детей[11].

Создание в таких условиях эпического произведения о двух молодых людях, которые вопреки воле родителей полюбили друг друга и хотели соединиться (Козы

---

[10] Впрочем, нельзя отрицать и того, что отдельные части сказки о Козы могли быть сложены в песни и ранее. В данном случае речь идет о цельном и стройном художественном произведении, имеющем все атрибуты романического эпоса. К сожалению, в этом виде романический эпос о Козы и Баян зафиксирован очень поздно, в исполнении певцов, живших в XVIII–XIX вв.

[11] См.: История Казахстана. В 5-ти т. Т. 2. Алматы, 1997, с. 429.

едет искать Баян вопреки желанию матери, а Баян любит Козы, хотя отец против этого; и в "Кыз-Жибек" Толеген едет за любимой, несмотря на запрет отца), говорит о начале разрушения прежних домостроевских традиций и рождении новых нравственных представлений.

Надо сказать, что в тот период создание такого произведения требовало от первых авторов и исполнителей эпоса не только мужества, но и большого художественного мастерства. Для открытого воспевания пылкой любви девушки и юноши они нашли оригинальное решение: использовали народный обычай сватания еще не родившихся детей. И получалось, что любовь Баян и Козы друг к другу была предопределена клятвой их отцов, а молодые люди боролись за осуществление этой клятвы, нарушенной кем-то из родителей. Такая оболочка давала создателям и исполнителям эпоса возможность придать произведению общественное звучание и нравственный характер. Творцам эпоса удалось не только воспеть чистую любовь, но и выразить идею свободы личности и любви. Так традиционным путем передано новое содержание: древний сюжет о женитьбе героя был превращен в романический эпос, который прозвучал в средневековье как гимн и призыв к открытой любви, однако это еще не было выражением протеста против царивших в обществе патриархальных обычаев и порядков. Вот почему в эпосах "Козы-Корпеш и Баян-сулу" и "Кыз-Жибек" "не проводилась всесторонняя глубокая критика обычаев и законов, жестоко попирающих права молодежи, но ... в них раскрывались ... многие общественные противоречия..."[12].

В свете сказанного становится понятным, почему варианты эпоса о Козы и Баян имеют различную концовку: и счастливую, и трагическую. Счастливое завершение событий имеет две разновидности. В одном случае финал благополучен – влюбленные женятся; в другом – герой гибнет от рук соперника, но по просьбе возлюбленной разного рода чудотворцы оживляют его, и лишь потом влюбленные соединяются брачным союзом.

Трагический финал повествует о том, что герой был коварно убит соперником и его возлюбленная кончает с собой (или просто умирает) на могиле любимого.

Можно предположить, что благополучный конец без воскрешения героя более древний. Он соответствует сказочному первоисточнику и духу того времени, когда коллективный сказитель не мог осуждать родителей, действовавших согласно патриархально-родовым традициям.

Позже, в эпоху ослабления патриархально-феодальных отношений, романический эпос становится поэтическим выражением протеста против старых семейно-брачных порядков, и трагический исход воплощает идею несовместимости свободы личности и счастья в любви с патриархально-феодальными нормами жизни.

Счастливый же финал (умерший герой оживляется и соединяется с любимой) – это позднее наслоение, возникшее под влиянием сочувствия народа к несчастным влюбленным и народного представления об обязательности счастливого конца[13]. Не

[12] *Ауэзов М.* Мысли разных лет. А.-А., 1961, с. 415.

[13] Там же, с. 402, 407, 421, 428–429.

случайно сказители избегали исполнять трагические эпосы, говоря, что "народ не любит повествований с ... печальным концом"[14].

Эпос "Козы-Корпеш и Баян-сулу" – подлинно художественное полотно, изображающее жизнь главных героев от рождения до кончины и сложные взаимоотношения между родами, между людьми в роду и семье. В эпосе мастерски обрисованы цельные и очерченные образы, правдиво показано зарождение любви у молодых людей. Эта любовь руководит всеми поступками героев и является движущей силой сюжета.

Главный герой эпоса – Козы – рождается в час смерти его отца. Эта необычная ситуация как бы должна свидетельствовать об исключительности Козы. Рождение героя в необычайных обстоятельствах является поздней модификацией древнего мотива чудесного рождения[15] и характерно для романического эпоса в целом. Можно вспомнить, например, рождение Тристана в европейской рыцарской литературе и Тахира в романическом дастане Востока. Необычным является и рождение Толегена – главного героя эпоса "Кыз-Жибек". Он появился на свет после того, как его отец Базарбай во время эпидемии потерял всех своих детей. Не случайно ребенок наречен именем Толеген, что означает "оплативший", т.е. подчеркивает, что он родился как бы в качестве компенсации за умерших братьев.

В самом характере идеализации героя действуют законы романического жанра. Уже в младенчестве Козы отличается от других детей не чудесным, быстрым ростом, что свойственно герою богатырского эпоса, а своим прекрасным видом, благородным обликом. Он в пеленках лежит с достоинством, как "знатнейший бай", он подобен "чистопородному стригунку", а лик его – "будто месяц ясный". Из этого слушателям эпоса становится понятной исключительность Козы, чья жизнь и деяния также должны оказаться чудесными.

В соответствии с канонами романического жанра проходит и отрочество героя. Он не совершает никаких ранних богатырских подвигов. Живет в мирном кочевье, проводит время в кругу своих сверстников или среди тех, кто пасет коней и ухаживает за табунами. Но он выделяется среди своих друзей. Выделяется не только благородством происхождения и красотой, но и умом и силой. Правда, сказители на этом не акцентируют внимания, не показывают почти ни одного случая проявления силы юным Козы. Поэтому отроческие годы Козы проходят без особых событий, за исключением одного – главного, когда проявляются находчивость и решительность молодого героя: случайно узнав о том, что у него есть нареченная невеста, он хитростью выведывает у матери правду и твердо решает найти свою суженую. Это дает толчок развитию главных событий произведения, и герои обретают активность.

Узнал Козы о Баян, которую мать назвала "красавицей", и загорелся желанием увидеть ее. И здесь сказывается природа романического эпоса, согласно которой

---

[14] *Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т.* Узбекский народный героический эпос, с. 285.

[15] См. подробнее: *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. М., 1974, с. 24; *Қасқабасов С.* Ертек пен эпостың сюжеттік типологиясы. – Қазақ фольклорының типологиясы. Алматы, 1981, с. 235–266.

герой должен полюбить девушку с первого взгляда или даже заочно. Мы не можем утверждать, что Козы полюбил Баян сразу же, как только услышал ее имя. Но он загорелся желанием увидеть ее. В эпосе прямо не говорится, по какой причине возникло у Козы это желание: из любопытства узнать, какая она на самом деле, или же из необходимости выполнить долг. Правда, в некоторых вариантах Козы едет на поиски своей невесты только потому, что таким благородным, как он, юношам не подобает не иметь нареченной невесты, не искать ее.

В пути в думах о девушке желание увидеть Баян постепенно перерастает у Козы-Корпеша в любовь. Так он заочно влюбляется в Баян-красавицу. Любовь поддерживает дух Козы в странствиях. Чем труднее и мучительнее продвижение юноши к цели, тем сильнее разгорается в нем чувство. М.О.Ауэзов, специально исследовавший эпос о Козы, писал: "О стойкости и верности Козы свидетельствует то, что он мужественно преодолевает все преграды на своем пути. Во всех ... вариантах Козы жертвует всем ради Баян. Табуны своих лошадей оставляет врагам, отары овец – голодным волкам, верблюдов бросает в пустыне... оставляет родную мать и свой народ. Ему преграждают путь мыстан (баба-яга), грозный верблюд, непроходимый лес, пустыня. В трудной дороге Козы, встретив безводную пустыню, терпит много невзгод. Через эти преграды ясно показывается одиночество, бессилие, горькая судьба обездоленного влюбленного ...

Четвертая преграда, стоящая перед Козы, – вероломство Карабая, подлость Кодара"[16].

Все это показывает, что перед нами не простое переложение прозаической сказки в стихотворное повествование, а настоящее романическое эпическое сказание со всеми атрибутами, присущими этому жанру. В нем созданы весьма поэтичные, разносторонне очерченные образы трогательных влюбленных Козы и Баян, их верных друзей Айбаса, Ай и Тансык и цельные образы скряги Карабая и коварного мстителя Кодара.

Образ Козы в эпосе идеализирован и, можно смело сказать, отражает народное представление об идеальном герое ("сегіз қырлы бір сырлы" – букв. "многогранный джигит"). Поэтому Козы и силач, и труженик, и поэт, и певец (хотя в эпосе об этом прямо не говорится). В период Казахского ханства в казахском обществе начали складываться новые понятия о достоинствах мужчины. Как и прежде, он в первую очередь должен быть воином-защитником, обладающим большой физической силой. Но теперь в "хороших" мужчинах стали искать приметы благовоспитанности и некоей "культурности", заключавшейся в умении читать, петь, знать не только родовую генеалогию, но и интересные истории, почерпнутые из книг или из рассказов других. Все это и нашло отражение в образе Козы-Корпеша. (Впрочем, окончательно утвердившийся такой принцип оценки человека находит наиболее яркое воплощение в образах героев романического эпоса XIX в., о чем будет сказано ниже.) Поэтому-то на протяжении повествования в разных ситуациях он показан и в разных ипостасях:

[16] *Ауэзов М.* Мысли разных лет, с. 416–418.

когда нужно проявить силу перед зарвавшимся Кодаром, он становится силачом, когда надо, он становится пастухом, а когда возникает другая ситуация – он как поэт-певец изливает свои чувства в тоскливой песне о своей трудной доле и любви к Баян.

Эпос дает Козы-Корпешу два определения, связанные с двумя этапами в его жизни. До отъезда на поиски Баян он именуется "айдай Қозы" – "луноликий Козы", а после отъезда – "ер Қозы" – "храбрый, мужественный Козы"[17].

Первое качество – необычайная, как бы излучающая свет красота – присуще героям и героиням главным образом романического эпоса. По поводу этого В.Жирмунский и Х.Зарифов писали: "Лицо красавицы излучает сияние. Эта метафора реализуется – свет становится физическим, материальным, он озаряет ночную темноту, словно с запада поднимается второе солнце. Мы встречаем этот мотив и в арабско-персидской любовной поэзии, как и в рыцарской литературе западноевропейского средневековья: так, блеск лица Изольды, как заря, освещает небо, еще раньше, чем она сама появилась перед Тристаном"[18].

Второе качество Козы-Корпеша – решительность, смелость. Еще не прошли годы отрочества, а он, услышав о нареченной невесте, намерен немедленно отыскать ее. Свое решение он мотивирует тем, что "никто из красавиц всего света не утолит его жажду так, как суженая", и что поэтому "храбрый джигит должен отправиться в далекий путь и испытать трудности на этом пути".

Не вняв уговорам матери, Козы смело выезжает один в далекий, неведомый край. Так начинается трудное сватовство – разновидность брачной поездки героя. Если в богатырском эпосе брачная поездка героя предполагает героическое сватовство (обязательное участие героя в состязаниях: борьбе, беге, стрельбе из лука и т.п.), то в романическом эпосе герой в пути на родину невесты проходит через множество испытаний и приключений.

После долгих блужданий по степи Козы, обессиленный, встречается с караваном, который возглавляет мудрый кудесник Кожан. Козы, не скрывая ничего, рассказывает обо всем старцу. И старец обучает его искусству оборотничества и дает ему полезные советы.

Самое яркое качество Козы наряду с красотой это – его богатырская сила. Подобно богатырю, Козы неустрашим, умеет метко стрелять из лука, обладает большой физической силой, в ристалищах он не знает себе равных. О недюжинной силе Козы в эпосе говорится несколько раз и в разных ситуациях. Но проявление силы героем как бы модифицируется применительно к романическому эпосу. Так, здесь героическое сватовство приобретает форму испытательных, или "проверочных", игр-

---

[17] Во всей второй части эпос называет его "ер Қозы". Слово "ер" в казахском языке употребляется также в значении "богатырь" (ср. "Ер Таргын", "Ер Саин", "Ер Кокше"). Надо полагать, что и здесь в какой-то мере подразумевается это значение, хотя вполне возможно, что слово "ер" в данном случае используется не только в значении "храбрый, мужественный", но и в значении "мужчина", указывая на зрелость Козы.

[18] *Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т.* Узбекский народный героический эпос, с. 339.

соревнований между Козы-Корпешем и Кодаром. Козы вступает в единоборство без злобы, проявляет великодушие к своим противникам. Другими словами, в этих состязаниях Козы не злоупотребляет силой. Его украшают благородство, сдержанность, степенность. Он рассудителен, смекалист и догадлив. Такая его многогранность неоднократно подчеркивается в эпосе словом "өнер" ("умение", "искусство").

В Козы-Корпеше богатырская доблесть сочетается с романтичностью. Он подвержен перемене настроения, ему не чужды лирическая грусть и романтическая влюбленность. Обрисовка его образа как героя романического эпоса характеризуется тонким психологизмом. Весьма показательны в этом отношении его диалоги с матерью, с девушками Баян, Ай и Тансык и особенно его монолог во время пастьбы овец в роли плешивого пастуха. Монолог Козы исполнен живым чувством, герой говорит о своей любви и своем нынешнем состоянии (строки 1718–1784). Этот монолог произнесен после того, как Козы впервые увидел Баян. Он не обманулся в своих чувствах и ожиданиях. Теперь возникшая у него заочная любовь превратилась в страстную, земную, и для него она стала неотвратимой силой. Близость любимой и невозможность открыться ей еще больше усиливают в нем страсть, острее действуют на его чувство, отчего Козы запевает песню.

Козы, счастливый от разделенной любви и радостных встреч с Баян, не замечает, что против него организован заговор. Чистосердечный и доверчивый, он идет в гости к Сасан-бию, хотя Баян предупреждает его, что там устроена засада. Его доверчивость и некоторая наивность проявляются и тогда, когда поверженный в честной борьбе Кодар, затаив зло, предлагает ему ложную дружбу, а Козы всерьез принимает его предложение. Но все это не делает художественный образ Козы-Корпеша ущербным. Доверчивость дополняет и подчеркивает его благородство и человечность. Верно писал М.Ауэзов: "Замечательными чертами Козы являются его справедливость, благородство характера, человечность. Он не только своим друзьям, но даже врагам не желает зла. Ко всему относится искренне, с открытым сердцем выступает против насилия и несправедливости, поэтому его уважает народ"[19].

Именно этим, вероятно, можно объяснить то, что отдельные варианты эпоса (в том числе и публикуемый) рисуют, как Козы-Корпеш в конце концов становится царем, и показывают его в роли идеального правителя.

Образ Козы как идеального правителя возникает в песне-плаче Баян, которую она поет над могилой любимого:

Опорой сердцу, глазам радостью ты был.
В тени твоей отдыхал народ.

В образе Баян эпос воплотил народные представления об идеальной девушке, невесте и жене. Имя героини "Баян-сулу" означает "верная красавица". И она оправдывает его. Свою сознательную жизнь она прошла под знаком верной любви к Козы, которую привили ей сызмала две сестры – Ай и Тансык, и с этой любовью уходит из жизни.

---

[19] *Ауэзов М.* Мысли разных лет, с. 418.

Четырнадцатилетней девушкой предстает перед слушателями красавица Баян:

С тонкой талией, с округлой, как яблоко, шеей,
Красотой своей Баян всех превзошла.
В теле ее нет изъяна, шелковисты ее волосы,
Длинные косы ее достигают колен.
Как бутон цветка ее рот, зубы как жемчуг,
Не сотворена еще в мире девушка, подобная ей.
Белый лоб высок, нежна и кокетлива Баян.

О красоте Баян, ее поведении и любви мы слышим из уст как самого сказителя, так и других персонажей эпоса: Айбаса, пастуха, девяноста витязей и самого Козы-Корпеша. И каждый раз она описывается в ином плане. В одном случае она рисуется как девушка, в другом – как невеста, а в третьем – как жена. "Кыз Баян" ("девушка Баян"), "Баян еркеш"("баловница Баян") зовут ее, пока она не становится невестой, встретившись с Козы-Корпешем, хотя невестой она считала себя еще до его приезда.

Вот перед нами повзрослевшая красавица Баян, а вот влюбленная девушка Баян. Она страдает тайно, в душе тоскует по любимому, а на людях кажется веселой, говорит с улыбкой. Такое затаенное душевное переживание неизвестно героическому эпосу и является главным отличием нового жанра – романического эпоса.

Полюбив Козы заочно, понаслышке, Баян живет в постоянном ожидании встречи с ним. При этом она полностью соблюдает этику поведения казахской девушки: вести себя скромно, не выказывать свои чувства, не прекословить родителям.

Свое состояние, чувство к Козы Баян открывает в разговоре с Айбасом:

– Передайте брату: пусть приедет сюда,
Разве хочет он, чтоб несчастная Баян умерла!
Сама я здесь, а душа моя с Козы,
Пусть узнает это ваш младший брат.

Но не сразу произносит эти слова Баян, а лишь испытав Айбаса, сказав, будто девушки не знают никакого Козы-Корпеша и что в ауле всем верховодит Кодар, которому за воду отец продал Баян. Только поняв из ответа Айбаса, что он приехал от Козы-Корпеша, чтобы разыскать ее, Баян признается в своих чувствах к Козы.

Образ Баян не статичен, в его обрисовке можно отметить определенный динамизм. Если до приезда Айбаса Баян, заочно полюбившая Козы-Корпеша, живет только ожиданием, не предпринимая никаких действий, то в первом же разговоре с Айбасом она показывает себя личностью активной. Она не ограничивается признанием в любви к нареченному, а просит будущего деверя передать Корпешу ее просьбу о немедленном приезде за ней, посылает подарки будущему жениху.

Отныне начинается новый этап в ее жизни. Она теперь чувствует себя "законной" невестой Козы-Корпеша и живет верой в свою любовь и в его любовь к ней.

Жизнь для нее становится светлой и радостной. Из речей Айбаса Баян узнает, что все слышанное о Козы раньше – правда, и она чувствует, что ее давно заочно возникшая любовь превращается в реальную, а все ее мечты могут стать явью.

Второй этап жизни Баян длится до приезда Козы-Корпеша. Но эпос подробно не описывает состояние Баян в этот период, так как внимание сказителя занято показом трудностей и переживаний юного героя во время его путешествия.

Со встречи с Козы у Баян начинается третий этап в жизни. И в этот период Баян активна, теперь она предстает уже не только влюбленной девушкой и любимой невестой, но и умной, волевой личностью, заботливой и верной женой. Наряду с красотой в эпосе подчеркиваются такие черты Баян, как внимательность и доброта к другим, находчивость, догадливость. Раньше всех она распознает в плешивом пастухе не обычного, а некоего таинственного, исполненного достоинства человека. Сообразительная Баян подговаривает сестер отправить служанку с отарой овец, обрядив ее в шкуру ягненка, чтобы узнать, кто скрывается под личиной плешивца.

Любовь заставила Баян пренебречь девичьей гордостью и традиционной этикой и первой пойти к юноше, а затем просить сестер еще раз сходить с ней к Козы. В эпосе не осуждается такое поведение Баян, но, чтобы смягчить этот поступок, действие построено так, что в первый раз Козы не видит, как Баян приблизилась к нему, а во второй раз быстро наступившее утро вынуждает девушек вернуться обратно. Впрочем, такой поворот событий вызван также особенностями композиции и идейным замыслом эпоса.

Увидев Козы, Баян не в силах более скрывать свою любовь. Она признается сестрам, что мучительно ждала встречи с Козы и сердцем чувствовала, что под видом пастуха явился он.

Наконец и Козы-Корпеш открывается девушкам, и долгожданная встреча влюбленных осуществляется. При встрече Баян смело открывает Козы свое чувство и бросается в объятия возлюбленного.

Отныне для влюбленных начинаются счастливые, но тревожные дни. Теперь Баян выступает в новой роли – в роли заботливой жены. В этом образе она представлена как идеальная жена, которая целиком живет интересами мужа, является добрым его советчиком и подругой.

Такой образ традиционен для эпоса. "Завоеванная батыром жена, – писали М.Ауэзов и Л.Соболев, – становится необходимым дополнением личного образа героя: если у батыра, по молодости, мало ума, то жена дополняет его образ как воплощение разума (Кортка); если у батыра недостаточно развито чувство чести и достоинства, жена входит в поэму как воплощение чести..."[20].

Но у М.Ауэзова и Л.Соболева речь идет о персонаже героического эпоса. Баян же – героиня романического эпоса, и она изображена прежде всего как любящая и любимая жена, которая дорогой ценой добилась своего счастья, живя долгое время

[20] *Ауэзов М.* Мысли разных лет, с. 110. Статья "Эпос и фольклор казахского народа" написана М.Ауэзовым и Л.Соболевым совместно в 1939 г.

только этой любовью и ради нее. Именно на этом акцентирует внимание сказание. Потому, вероятно, и публикуемый вариант эпоса кончается тем, что Баян умирает на могиле мужа, хотя она прожила с ним долгие годы и у них вырос сын Кулеп.

Ни одна из жен богатырей героического эпоса не поступала таким образом. Они могли заботливо ухаживать за мужем, давать ему советы, предостерегать его от опасностей, поддерживать в трудные минуты вдохновенными речами, но не уходили из жизни вслед за мужьями, ибо для них любовь еще не составляла смысла всей жизни. Для эпохи складывания героического эпоса любовь, свобода выражения чувств не были столь актуальны, как во времена зарождения романического эпоса. Первые признаки осознания всепоглощающей силы любви в героическом эпосе намечены в образах Карлыги в эпосе "Кобланды-батыр" и Акжунус в эпосе "Ер-Таргын". "Карлыга олицетворяет бурную, страстную любовь, не останавливающуюся ни перед какими препятствиями, разрывающую родственные и родовые связи, жертвующую во имя любимого родным отцом, братом и родиной"[21]. То же самое можно сказать и об Акжунус. Дочь хана, полюбив батыра из бедноты, бежит с ним в другое ханство, неоднократно выручает любимого и доказывает свою верность. Умом и находчивостью она отстаивает свою свободу и любовь.

Но как бы ни любили Карлыга и Акжунус своих возлюбленных, они не умирают после гибели мужей.

Именно непривычное понимание любви отличает Баян от героинь других, более ранних по времени создания произведений. Ее любовь настолько сильна и глубока, что Баян совершает немыслимые по тому времени поступки. Она не только мужественно отстаивает свою любовь, но после смерти любимого сама мстит за него. Верно писал М.О.Ауэзов: "Сила любви ее до самых сокровенных глубин особенно резко проявляется во время смерти Козы. Когда Карабай, сообщая о смерти Козы, утешает ее: "Не плачь, найду лучшего, чем Козы, жениха", скорбная Баян гневно отвечает отцу:

Никогда ветер не открывал подол моего платья,
Никогда, кроме Козы, никому не улыбалась я.
Отец, соверши обряд, женись только сам,
Я не верблюдица, чтобы искать самца-буру"[22].

Таких слов ни одна из прежних героинь, полюбивших и бежавших с любимыми, не говорила своим родителям. И здесь, и после Баян проявляет исключительную ... волю.

За смерть любимого человека она мстит сама, столкнув Кодара в колодец, камнями убивает злодея. Народный эпос призывает казахских девушек бороться за свою любовь, мстить, словно советуя: "Борись сама, не щадя своей жизни, покарай зло".

---

[21] Там же, с. 111.
[22] Там же, с. 420.

Борьба за человеческую жизнь получает здесь более глубокое психологическое воплощение. Умереть, пассивно сокрушаясь, недостаточно, как бы утверждает легенда, необходимо беспощадно мстить врагу своими руками, своим сердцем. Чем умереть, падая духом и проливая слезы, лучше бороться, защищать свое счастье, тогда смерть не позорна – таков поучительный вывод поэмы"[23].

Так образ Баян достигает апогея в своем развитии. Образ Баян ознаменовал собой появление в казахском фольклоре нового жанра, главной проблематикой которого является воспевание самоотверженной любви, достойной человека, осознавшего себя в условиях средневековья личностью.

В романическом эпосе "Козы-Корпеш и Баян-сулу" созданы и другие колоритные образы, способствующие раскрытию основной темы и идеи произведения. Таковыми являются образы сторонников влюбленных (Айбас, Ай, Тансык, мать Баян, Косемсары) и их антагонистов (Карабай, Кодар, девяносто витязей).

Из сторонников влюбленной пары выделяются старшие сестры Баян (Ай и Тансык) и сородич Козы-Корпеша Айбас. Ай и Тансык – приемные дочери Карабая, но они считают себя родными сестрами Баян (кстати, не во всех вариантах эпоса они называются приемными). Это вполне объяснимо, если учесть, что в казахском обществе долгое время сохранял свою силу родовой институт опеки, по которому бездетные люди усыновляли или брали по решению старейшин родов под опеку малолетних детей своих умерших близких родственников или чужих детей, оставшихся без родителей. Усыновившие или опекуны должны были полностью взять на себя все заботы о ребенке, а по достижении им зрелости женить или выдать замуж, выделить ему нужную долю скота, юрты и домашнюю утварь. Поэтому такие дети не считались чужими и сиротами. Их не называли и приемными[24]. Не случайно, что в эпосе даже Карабай не называет Ай и Тансык неродными.

Ай и Тансык – заботливые сестры Баян, сопутствующие ей на всем ее жизненном пути. Но появляются они в тех случаях, когда в действии и событии наступает поворот, имеющий для судеб героев немаловажное значение. Впервые эпос представляет их в эпизоде подготовки Карабая к отъезду. Жена Карабая, услышав о намерении мужа покинуть родные края и сородичей, наотрез отказывается разбирать юрту и готовить вещи для навьючивания на верблюдов. Тогда Карабай зовет на помощь приемных дочерей: "Где вы, мои дочки Ай и Тансык?"

Уже здесь обнаруживаются основные черты характера Ай и Тансык. Они видят неразумность поступка отца и плачут, что им придется вместе с ним покинуть родину. Их слезы – это девичья форма проявления протеста против решения отца, против отъезда. Свои чувства они выражают в глубоко лирической и высоко поэтичной песне-прощании с родным краем – его полями, лесами и горами, с людьми, живущими там, с маленьким Козы-Корпешем и его родней. Ай и Тансык в своей коштасу клянутся вырастить Баян в любви к Козы-Корпешу.

---

[23] Там же, с. 422.

[24] Материалы по казахскому обычному праву. А.-А., 1948. Об отражении этого обычая в фольклоре см.: *Каскабасов С.А.* Казахская волшебная сказка. А.-А., 1972, с. 142–146.

В этой песне Ай и Тансык выражают также свое отношение к поступку отца. "Безбожный, глупый старик", – называют они Карабая, осуждая его за то, что он "в верховья откочевал, сказав, что за сироту дочь не отдаст". Им не по душе нежелание выдать дочь за Козы-Корпеша[25].

Своей главной цели – соединения Баян и Козы-Корпеша брачным союзом – они достигают. Большую активность Ай и Тансык проявляют в эпизодах знакомства с Айбасом, встречи Баян с Козы, спасения Козы, отравленного водкой на пиру. Действия и речи их в этих эпизодах играют решающую роль. Они знакомят Баян с Айбасом, отправляют через него подарки Козы-Корпешу, устраивают свидания Баян с Козы, тайно женят их и воспитывают их сына Кулепа, спасают Козы от смерти, когда Карабай и другие враги опаивают его зельем, чтобы погубить.

Ай и Тансык дополняют образ Баян. Они выступают в роли традиционных для фольклорных произведений друзей и помощников героя и героини.

Такую же роль играет в эпосе Айбас. Это – первый человек, который восстановил связь двух семей, прерванную Карабаем, и явился посредником между Баян и Козы. Никто не заставлял Айбаса разыскивать аул Баян. Он выехал сам. Побудила его на это "честь рода и сиротская правота". При первом же представлении Айбаса слушателю сказитель дает ему эмоционально-оценочную характеристику, называя его "храбрым из храбрецов", "мужественным Айбасом", "джигитом Айбасом".

Поездка Айбаса в аул Баян, его встреча и разговор с девушками, испытание – схватка с Кодаром и с его девяноста джигитами – служат в эпосе для усиления любовной линии. Не случайно первыми встретились Айбасу три девушки – Баян, Ай, Тансык. Айбас "сразу узнал Баян и страстно захотел поговорить с ней". И первая мысль, которая пришла в голову Айбаса при виде Баян, была: "Такую девушку давно надо было отыскать. Ее нельзя оставлять в чужом краю!"

Приезд и речи Айбаса усиливают в Баян любовное чувство к Козы. Называя Баян своей снохой и говоря, что приехал только ради нее, он укрепляет у девушки веру в чувство Козы-Корпеша к ней. Рассказывая о народе балталы-баганалы, о Козы, который правит этим народом, Айбас усиливает в Баян любовь к Козы, ее желание как можно скорее увидеть юношу. Айбас соединяет порванную нить, оживляет угасшую было надежду и раздувает пламя страсти.

Убедившись в любви Баян к Козы и еще укрепив ее, Айбас день и ночь скачет обратно, чтобы передать Козы привет и желание Баян увидеть нареченного. Стремление Айбаса побыстрее доехать до Козы-Корпеша было настолько сильно, что он, теряя в пути все подарки девушек и не имея времени на их поиски, скачет дальше, нарекая местности названиями потерянных вещей.

Наконец Айбас достигает пределов родины Козы-Корпеша. Он спешит сообщить Козы о красавице Баян. Но эпос не торопит события. Эпизод возвращения Айбаса

---

[25] Коштасу Ай и Тансык была любимой песней многих поколений девушек, которые исполняли ее, уезжая в далекий, чужой край, где живут будущий муж и его родня. См.: *Жумалиев Қ.* Қазақ эпосы мен әдебиет тарихының мәселелері. Алматы, 1958, с. 165.

передан в духе эпической традиции: он, неузнанный, разговаривает с пастухом Козы-Корпеша и посылает его за Козы. И Козы не узнает Айбаса, хотя прямо об этом не говорится. Мотив неузнанного возвращения использован в эпосе для усиления эмоциональности эпизода.

Согласно жанровой природе романического эпоса герои должны полюбить друг друга либо по слухам, либо во сне. Баян полюбила Козы по разговорам сестер, а Козы влюбился в Баян по рассказам Айбаса. Раньше не знавший и не слышавший о Баян, юный Козы после рассказа о ней Айбаса загорается желанием найти нареченную невесту. Как видим, основная функция Айбаса – разжечь любовную страсть в Козы-Корпеше и Баян-сулу. Фактически с этого начинается история подлинной любви героев, которую они отстаивают. Все, что было до этого, по существу, является лишь большой предысторией.

Образы противодействующих героям сил по колоритности не уступают яркости образов союзников главных героев. Лишь в столкновении с ними главный герой может проявить те качества, которые дороги народу.

Как писал М.О.Ауэзов, "облик Карабая складывается из множества недостатков, несуразностей и нелепостей"[26], потому что все поступки Карабая идут вразрез с народной этикой, с общепринятыми обычаями и нормами человеческого общежития, с представлениями народа о добре и зле. Эпос как бы ведет счет всем его действиям, нарушающим этические нормы:

– Карабай заставил Сарыбая застрелить стельную маралуху. В прежние времена марал почитался как священное животное и его запрещалось убивать;

– Карабай вынудил Сарыбая нарушить этот запрет, и убийца понес "заслуженную" кару – скончался на месте. А виноват Карабай, и эпос открыто говорит об этом;

– Карабай оставил в степи умирающего Сарыбая. Этим он дважды нарушил обычай. Во-первых, он не должен был оставлять умирающего человека. Ему следовало прочитать предсмертную молитву, положить Сарыбая головой в сторону Мекки, накрыть его тело и сообщить по всем правилам жене и сородичам Сарыбая о его кончине, а затем принять самое активное участие в похоронах Сарыбая, совершить траурное оплакивание. А Карабай даже не взглянул на умирающего и уехал с охотничьей добычей; он не сообщил о смерти Сарыбая и повстречавшемуся ему слуге Сарыбая. Во-вторых, Карабай оставил человека, с которым он поклялся быть в дружбе до гроба. Он нарушил клятву, за что мог быть наказан изгнанием. Вот где одна из причин его отъезда;

– Карабай слил кумыс в овраг. У казахов молоко, все молочное и хлеб считались священными. Проливать молоко, бросать хлеб было тяжким грехом, кощунством. Карабай мог за это понести наказание;

– Карабай проклял младенца Козы, избил женщину, которая просила подарок за радостную весть. По обычаю, рождение ребенка считалось большой радостью и

---

[26] *Ауэзов М.О.* Мысли разных лет, с. 412.

[27] См.: *Габдуллин М.* Қазақ халқының ауыз әдебиеті. Алматы, 1958; *Жумалиев К.* Қазақ эпосы ...

отмечалось праздником "шильдехана". А тому, кто первым сообщал эту весть, полагалось давать подарок (суюнши). Карабай нарушает этот обычай, он не рад дочери, а в Козы видит своего могильщика;

– Карабай совершает сделку с Кодаром, пообещав отдать ему в жены свою дочь Баян. Согласно родовому закону, Карабай не имел права в одностороннем порядке нарушить клятву о сватовстве. К тому же он пошел на сделку с человеком, который происходил из враждебного казахам племени – торгоутов. В этом поступке Карабая сочетаются клятвоотступничество и предательство, за что по адату он мог быть предан смерти;

– Карабай вместе с Сасаном и Кодаром организовал заговор против Козы-Корпеша. По обычному праву казахов, Карабай как тесть Козы-Корпеша по клятве не должен был препятствовать соединению Баян с Козы брачным союзом. Если и не нравился ему Козы, он не должен был присоединиться к враждебным действиям Кодара. Карабай же выступает инициатором коварной засады, что строго осуждалось обычном правом.

Как видим, все что ни делает Карабай находится в противоречии с народным обычным правом, с народной моралью. А все это оттого, что Карабай по натуре своей эгоистичен, жаден и жесток. Смысл жизни он видит в обладании возможно большим количеством скота.

Эгоизм и жадность Карабая порождают в нем жестокость. Он жесток не только с чужими, но и с членами своей семьи. Он вынуждает Сарыбая застрелить стельную маралуху, а затем оставляет его умирающего в безлюдной степи. Он откочевывает из родных мест, хотя и понимает, что обрекает на страдания жену и детей. Он предлагает единственную свою дочь Баян в жены тому, кто выведет его табуны из пустыни[27]. Попирая отцовское чувство, Карабай видит в Баян лишь средство спасения и умножения своего скота.

Следующий активно противодействующий счастью влюбленных персонаж – Кодар. Еще в 1939 г. М.Ауэзов и Л.Соболев отмечали: "Образ Кодара олицетворяет в поэме силу скотоводческого труда, он – спаситель и хранитель табунов, интересная параллель Микуле Селяниновичу русского эпоса, олицетворение земледельческого труда. Но, восторженно воспевая Кодара как пастуха-героя, поэма вместе с тем издевается над его притязаниями на Баян"[28]. Позже в специальном исследовании о "Козы-Корпеше" М.Ауэзов, уточняя эту мысль, писал: "Если в первой части эпоса притязания Кодара на Баян мотивируются его героическим трудом во имя спасения табунов Карабая, то во второй части, когда Баян и Козы становятся исполнителями клятвы, Кодар рисуется как собирательный образ несправедливой, злой силы"[29].

Следовательно, образ Кодара необходимо рассматривать не односторонне, что делается во многих работах по казахскому фольклору, в которых Кодар изображается как злой, мстительный убийца Козы-Корпеша. Вспомним, когда в эпосе появляется Кодар? Он слышит, что из Арка уехал бай, у которого дочь красивая, и едет искать

[28] *Ауэзов М.* Мысли разных лет, с. 116.

[29] Там же, с. 414–415.

Карабая. Значит, главная причина появления Кодара в эпосе – поиск красивой девушки. Не случайно в некоторых вариантах Кодар – влиятельный господин, человек волевой и сильный, пользующийся уважением[30].

Кодар заочно полюбил Баян и выехал на поиски ее. Найдя кочевку Карабая, он при первом же разговоре открыто высказал ему свою цель: взять в жены красавицу Баян. Ради этого он, не страшась трудностей, берет обязательство вывести девяносто тысяч коней Карабая из пустыни без падежа. Разве это не свидетельствует о любви Кодара к Баян и его желании личным трудом добиться расположения девушки, хотя он вполне мог бы предложить большой калым и сосватать Баян по обычаю?

И Кодар приступает к выполнению титанической работы. Он показывает себя неутомимым тружеником и силачом, проявляет большое усердие и умение.

"В некоторых вариантах эпоса его труд воспевается объективно. Порой Кодар изображен как герой, совершающий трудовой подвиг: ради Баян он три года пасет овец Карабая, затем становится его ревностным табунщиком. В этих местах эпоса Кодар предстает невинной жертвой обмана и хитроумной западни Карабая... Какую бы тяжелую муку ни испытывал Кодар, он не падает духом, наоборот, сильнее воспламеняется своей всепоглощающей страстью"[31].

Кодар любит Баян по-своему. Он не думает при этом, нравится ли сам девушке. Не зная ее отношения к себе, он заочно считает Баян своей невестой и ревностно стережет ее, бесстрашно бросается на девяносто джигитов, оспаривающих Баян друг у друга.

Вообще, все добрые и злые поступки Кодара порождены его любовью, перерастающей постепенно в насилие.

Сперва показывая Кодара в тяжелой работе, эпос затем лишь описывает его необычайную внешность: "Его огромной силе соответствует могучее тело: рост его в десять аршин, ширина его лопаток достигает трех с половиной аршин, только один кулак его с дубину". Однако в эпосе нет любования могучим телосложением Кодара, а наоборот, звучит ирония, в чем обнаруживается отрицательное отношение к этому образу. Необычайные физические качества Кодара в эпосе объясняются его связью с силами природы: "Отец ему – гора, ветер – мать. Он явился к нам из неизвестности", – говорят девушки Айбасу, когда он спрашивает о Кодаре. В этом метафорическом объяснении можно усмотреть связь с древней мифологической образностью, основанной на тотемизме, анимизме и магии. Иначе говоря, в образе Кодара просматриваются измененные и переосмысленные в соответствии с поэтикой романического эпоса черты традиционных мифологических противников героев более древних жанров фольклора.

Кодар изображается в эпосе также драчуном-силачом. Он, например, вступает в схватку с девяноста джигитами, которые приехали в аул Карабая в поисках красавицы Баян, "и такой он поднял бой, будто горы раздвигал. Всех девяносто одолел и отправил пасти скот!".

---

[30] *Жумалиев К.* Қазақ эпосы..., 168–169.

[31] *Ауэзов М.* Мысли разных лет, с. 427.

Но Кодар не богатырь героического эпоса, который один сражается против целого войска или с достоинством, по всем правилам вступает в поединок с подобным себе вражеским богатырем.

Верно писал М.Ауэзов: "Кодар – великан. Но он не батыр, а обладатель грубой силы. Когда с ним сталкивается батыр, превосходящий его расчетливой силой и ловкостью, он нерешителен и труслив. Он не наделен и щедростью сердца: побеждая врага, Кодар не знает милосердия. Но если сам потерпит поражение – просит пощады, попирая свою честь. Кодар не осмеливается вступить в открытую борьбу со своим соперником Козы, а убивает его тайком во время сна ... Вторая отрицательная черта характера – вероломство и подлость"[32].

Эта черта характера Кодара проявляется после приезда Козы-Корпеша в аул Карабая, особенно после того, как он убеждается в превосходстве юноши над собой. Начиная с этого момента ироническое изображение действий и речи Кодара заменяется сатирическим.

Что бы теперь ни делал Кодар, все вызывает саркастический смех. Его поведение при первом же столкновении с Козы показывает, что от прежнего самоуверенного хвастуна ничего не осталось. Бахвалясь, он сам задевает Козы, хотя Козы избегает распри с ним. А когда Козы стаскивает его с коня и перекидывает к себе на седло, он просит отпустить его. "Притих Кодар, невесел стал, а в душе зло затаил", – сообщает эпос о состоянии Кодара, когда он первый раз был повержен Козы-Корпешем.

Каждый разговор Кодара с Козы, который, приняв облик плешивца, пасет с ним скот Карабая, обнаруживает глупость и тупость Кодара. Тон и содержание слов Козы-Корпеша насмешливо-издевательские, но Кодар абсолютно не понимает этого.

Кодар становится посмешищем и при публичном состязании с Козы в стрельбе из лука и силовой борьбе. Потерпев поражение во всем, он в дальнейшем не осмеливается вступать с Козы в открытую схватку. Даже тогда, когда он узнает, что в облике плешивого пастуха был Козы, который любил Баян и женился на ней, Кодар "не решается взглянуть на Козы", а пугает Карабая и Сасана, угрожая им, что разгромит их аул, если они не помогут ему отомстить Козы. Не в силах справиться с Козы, он бахвалится перед народом, что убьет Козы-Корпеша. Однако у него не хватает смелости открыто вступить в схватку с Козы. Он убивает героя во время сна. Это подлое вероломство, разлучившее влюбленных, становится причиной смерти самого Кодара. Он гибнет от рук красавицы Баян, которая мстит за своего возлюбленного, за отнятое счастье, за погубленную любовь. Руками Баян Кодару мстит как бы народ.

Как видим, Кодар в эпосе выступает в двух ролях: созидателя и губителя. Такое изображение персонажа не типично для фольклора. По всей видимости, эпос "Козы-Корпеш и Баян-сулу" в процессе длительного параллельного сосуществования с письменной литературой испытал на себе в какой-то степени ее влияние[33]. К тому

---

[32] Там же, с. 428.

[33] *Дуйсенбаев Ы.* Қазақтың лиро-эпосы. Алматы, 1973, с. 76–82.

же романический эпос как относительно поздний жанр более реалистичен. Поэтому объективное содержание произведений романического эпоса намного шире, чем оно видится сказителю. В "Козы-Корпеше и Баян-сулу" показана не только история любви удалого Козы и прекрасной Баян, но и вся жизнь кочевого аула с его бытом, обычаями, даже с характеристиками основных черт общественно-экономического строя казахов в эпоху кочевого ханства[34].

В эпосе искусно применяются различные художественные приемы, чтобы усилить эмоциональность и драматизм описываемого. Например, сообщается, что слава о красоте Баян разлетелась по всей степи и заставила многих искать встречи с ней. И вот ее уже лицезрели Кодар, девяносто джигитов, ее красота поразила Айбаса, а Козы-Корпеш все еще не видел ее. И слушатель с нетерпением ждет, когда же Баян предстанет перед Козы, и хочет быть свидетелем их первой встречи. Он вместе с Козы спешит к Баян и думает о том, что герои испытают при виде друг друга. А эпос позволяет встретиться влюбленным только после долгих приключений, когда фактически добрая половина событий, составляющих сюжет, оказывается позади. И после их встречи эпос заставляет слушателя волноваться – то Козы-Корпешу нельзя раскрываться, то влюбленные не могут полностью, без оглядки наслаждаться счастьем, то Кодар уводит Козы далеко на зимовку и т.п. Слушатель переживает вместе с героями, хочет скорейшего исполнения их желаний, и поэтому он с неослабным вниманием следит за всем происходящим. Так искусно создатели эпоса "Козы-Корпеш и Баян сулу" излагали трагическую историю любви двух молодых людей.

В финале эпоса использован широко распространенный в мировом фольклоре мотив: на могилах несчастных влюбленных вырастают и тянутся друг к другу цветы или деревья, но их разделяет терновник[35].

Генезис этого всемирно известного мотива А.Н.Веселовский возводит "к древнему представлению о тождестве человеческой и природной жизни"[36].

Один из классических образцов казахского романического эпоса – сказание "Кыз-Жибек", сложенное в период возвышения Казахского ханства в XVI–XVII вв. Эпос состоит из двух частей, разрабатывающих два самостоятельных сюжета. Содержание первой части – история любви между Толегеном и Жибек и гибель Толегена от руки коварного соперника Бекежана. Вторая часть повествует о дальнейшей судьбе красавицы Жибек, которая выходит замуж за Сансызбая, младшего брата погибшего Толегена.

Судя по теме, содержанию, логике развития действий, по композиции и духу произведения, можно предположить, что первая часть эпоса создана раньше и

---

[34] *Адибаев Х., Куспанов С.* Казахская литература. А.-А., 1972.

[35] См.: *Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т.* Узбекский народный героический эпос, с. 298–299; *Гацак В.М.* Восточнороманский героический эпос. М., 1967, с. 12.

[36] *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л., 1940, с. 131.

бытовала как самостоятельное сказание чисто романического характера. Об этом, в частности, свидетельствовал писатель академик Г.М.Мусрепов[37]. Перед нами типичная для романического эпоса тема несчастной любви. По всей вероятности, как самостоятельное произведение эта часть заканчивалась трагически: после гибели Толегена кончала с собою и Жибек.

Композиционно эта часть сходна в основных чертах с романическим эпосом "Козы-Корпеш и Баян-сулу".

I. Необычайные обстоятельства рождения Толегена.

II. Поездка за невестой.

III. Приезд в страну будущего тестя.

В отличие же от "Козы-Корпеша и Баян-сулу", Толеген приезжает к невесте открыто, не ходит в "низком" положении. Он не отрабатывает за невесту, как Козы, а платит за нее калым и, прожив в ауле Кыз-Жибек три месяца, возвращается домой. Отец запрещает ему ехать к невесте до следующего года. Толеген нарушает запрет, и наступает кара: в неравной схватке с соперником он погибает.

Композиция первой части "Кыз-Жибек" совпадает также со сказочной: рождение героя после гибели у родителей нескольких сыновей, его поездка за тридевять земель в поисках суженой, прибытие в страну будущего тестя, женитьба на красавице, временное проживание в стране тестя и отъезд домой.

Близок к сказке и мотив запрещения герою ехать, нарушения им запрета и гибели (запрет – нарушение запрета – кара). Но в эпосе усилена любовно-лирическая линия повествования: Толеген хочет жениться только по любви, и поэтому он едет в далекий край. Он находит девушку по душе, испытывает счастье взаимной любви. Ради любимой Толеген один отправляется в опасный путь, пренебрегая запретом отца.

Обстоятельства смерти Толегена тоже соответствуют духу романического эпоса: соперник подстерегает его у озера Кособа (название озера, означающее "два кургана, могильника", символизирует несчастье) и коварно убивает.

По закону романического жанра после смерти Толегена Жибек, узнав о случившемся, должна была умереть тоже. Но в эпосе этого не происходит, и действие развивается дальше. Так начинается вторая часть эпоса "Кыз-Жибек".

Завершается сказание в традициях героического эпоса: младший брат выезжает на поиски исчезнувшего брата и его невесты, находит только Жибек.

В жестокой схватке с насильниками, домогавшимися руки Жибек – вдовы брата, он выходит победителем, женится на ней и уезжает на родину. Такова общая канва сюжета второй части.

Вторая часть, в которой героем является сын или младший брат погибшего богатыря, выглядит эпилогом. Введение подобного эпилога – характерная черта эпической традиции, реализация принципа генеалогической циклизации[38]. В таких

---

[37] *Дуйсенбаев Ы.Т.* Қазақтың лиро-эпосы, с. 91.

[38] *Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т.* Узбекский народный героический эпос, с. 265; *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос. М.–Л., 1962, с. 282.

эпилогах-повествованиях юный герой оказывается намного сильнее своего отца или старшего брата, поэтому он побеждает всесильного противника, с которым не справился его предшественник. Одолев врага, он в обязательном порядке выполняет заветы умерших[39].

В эпосе "Кыз-Жибек" главным героем второй части является младший брат Толегена – Сансызбай. Чтобы выполнить наказ старшего брата и жениться на его вдове, Сансызбай воюет с врагами – калмаками, показывая себя настоящим богатырем. Он в поединке убивает калмакского хана – главного своего соперника, а затем уничтожает и все вражеское войско.

Сюжет второй части эпоса "Кыз-Жибек" – один из древних сюжетов об освобождении богатырем похищенной (или полоненной) жены (невесты). Здесь, видимо, нашли отражение столкновения с реальным врагом – западномонгольским племенем ойратов, именовавшимся тюркоязычным населением калмаками, а в России – калмыками.

Как видим, "Кыз-Жибек" – разновременно́й и разнотипный по фабуле, контаминированный из двух разностадиальных по происхождению сюжетов эпос. Древний героический сюжет включен в романический эпос о несчастных влюбленных и служит продолжением его, повествуя о судьбе Жибек после гибели ее возлюбленного.

Возникает вопрос: когда этот сюжет был включен в романический эпос? Скорее всего, во второй половине XVIII в., когда в казахской устной поэзии вновь активизировалось эпическое творчество.

XVIII век известен в истории Казахстана как эпоха длительных войн, борьбы казахского народа против джунгарских захватчиков. Эта борьба побудила создателей эпоса обратиться к древним сказаниям о родо-племенных богатырях и обновить, "перепеть" их в соответствии с задачами, стоявшими тогда перед обществом. Произошла так называемая историческая циклизация эпоса[40].

М.О.Ауэзов писал: "Вторая часть ... отражает именно калмыцкое нашествие. Исторически достоверно, что торгаутцы в свое время господствовали над малочисленными шектинцами, кочевавшими ... по Яику"[41].

Следовательно, можно предполагать, что вторая часть эпоса "Кыз-Жибек", представляющая собой переосмысленный старинный сюжет, включена как эпилог в "Кыз-Жибек" в эпоху освободительной борьбы казахского народа против джунгарских завоевателей. Вместе с тем появление этой части как эпилога было вызвано и стремлением показать дальнейшую судьбу красавицы Жибек, желанием народа-слушателя, сочувствующего Жибек, завершить повествование благополучным концом.

Включение эпилога повлекло за собой изменения в первой части, видимо для того, чтобы привести обе части в соответствие друг с другом и объединить их в

---

[39] *Каскабасов С.А.* Золотая жила. В 2-х частях. Ч. 1. Астана, 2000, с. 42–43.

[40] *Қасқабасов С.А.* Жаназық. Астана, 2002, с. 477–490.

[41] *Ауэзов М.* Мысли разных лет, с. 432.

цельное произведение. Этим можно объяснить наличие следующих эпизодов и мотивов первой части: обратная поездка Толегена на родину; несогласие его отца на брак с Жибек; слова Толегена, обращенные к Сансызбаю, с просьбой взять в жены Жибек, если он, Толеген, умрет; песня Жибек, сетующей на то, что Сансызбай не едет за ней; слова Жибек о том, что Сансызбай похож на Толегена, и т.п.

Судя по теме и логике развития событий, первая часть эпоса заканчивалась смертью Толегена. В ней герой показан как единственный, выпрошенный у бога сын бая. Он именуется мырза ("господин"), во всем отличается от окружающих. Он не богатырь, а щеголь. Его мечта – жениться на первой красавице мира. Услышав о красавице Жибек, он отправился на поиски ее, нашел девушку и женился на ней. По закону жанра романического эпоса, по логике развития любовного конфликта его должен был убить Бекежан, также полюбивший Жибек. Возможно, в ранних вариантах так и было, о чем высказывал свое суждение Г.М.Мусрепов.

Но поскольку соединялись два самостоятельных сюжета, герой после женитьбы не убит Бекежаном. Он живет в ауле Жибек три месяца и однажды ночью решает ехать обратно домой. (Уже здесь в мотиве вещего сна Жибек сказители дают понять, что Толеген погибнет в пути.) Дома отец не дает ему согласия на этот брак и запрещает сыну и кому-либо другому ехать в аул Жибек. Но ведь Базарбай с детства не стеснял Толегена запретами. Он также не сватал ему невесты, предоставив сыну свободу выбора жены. И вдруг Базарбай заупрямился, не пожелал, чтобы Толеген женился на своей избраннице, хотя сам же напутствовал его на поиски Жибек, выделил ему табуны и отправил с ним его друзей и слуг. В чем причина такой метаморфозы в поведении отца Толегена? Эпос никак не мотивирует поступок старика. Сказителям важно одно: отец не согласился с выбором Толегена и наложил запрет на поездку сына, а Толеген нарушил запрет, отказался от отцовского благословения и уехал один. Провожает его в путь только Сансызбай – младший брат. И вот, прощаясь с ним, Толеген говорит: "Коль случится что со мной, благородную Жибек не давай в обиду никому, за себя возьми, полюби!"

Именно этот эпизод и завещание Толегена оправдывают (и в некоторой степени делают закономерным) включение в эпос второй части. Со словами Толегена непосредственно перекликается во второй части песня Жибек о ее горестной доле, о Сансызбае, который должен был приехать за ней, – ведь еще до отъезда в свой аул Толеген сказал встревоженной Жибек, что в случае его смерти Сансызбай приедет за нею. Поэтому Жибек, горюя и надеясь, ждала Сансызбая.

Чтобы не нарушился ход событий, изменен и финал первой части: Толеген погибает не в ауле Жибек, как это должно случиться в романическом эпосе, а в стане врагов, в пустыне, вдали от аула любимой. Значит, ни Жибек, ни Сансызбай не могли знать о его смерти. Лишь через восемь лет Жибек стало известно о гибели Толегена. Так как бы аргументируется причина, почему Жибек не умерла вслед за Толегеном. Восемь лет она ждет Толегена, надеясь увидеть его, поэтому естественно и даже необходимо рассказать о том, как сложилась дальнейшая судьба Жибек.

Содержание второй части эпоса выглядит как героическое сватовство в богатырском эпосе. Если Толеген совершает, как подобает героям романического эпоса, трудное сватовство, то Сансызбай совершает героическое сватовство, сражаясь с калмаками, победив в богатырском поединке своего соперника.

Следует отметить, что обе части настолько тесно взаимосвязаны всем ходом развития событий, образов, поэтическими особенностями, что романический эпос "Кыз-Жибек" предстает как цельное художественное произведение. Главная его тема – тема любви, и она цементирует все мотивы и эпизоды.

Эпос "Кыз-Жибек" – это гимн любви, сложенный в эпоху безраздельного господства в казахском обществе обычаев калымного брака, полигамии и левирата. В какой-то мере в нем отражены изменения, происшедшие в XVII–XVIII вв. в народных представлениях об эстетическом и общественном идеале, показан рост общественного сознания. Восприятие Толегеном и Жибек любви как высокого всепоглощающего чувства было созвучно мыслям и желаниям молодых людей того времени. В этом, надо полагать, кроется главная причина широкой популярности эпоса "Кыз-Жибек" в дореволюционное время.

Толеген – новый герой в средневековом казахском эпосе[42]. В некоторой степени он отличается и от Козы-Корпеша, в образе которого еще сохранились черты богатыря. Толеген – типичный романический герой. Он мечтает "не богатым быть, не батыром стать, а любить прекрасную подругу жизни"[43]. Вот как говорит сказитель от своего имени: "Отвага, роскошь есть у всех, а любовь – не каждого удел!"

Значит, уже тогда общество стало смотреть на любовь как на чистое, высокое чувство, которое не каждому дано испытать. Из сказания явствует, что именно такая любовь заставила Толегена пренебречь отцовским благословением и в одиночку пуститься в далекий, полный опасности и неизвестности путь. Любовь для Толегена превыше всего. Его принцип: жить ради любви и самому выбрать себе жену.

Сам образ жизни Толегена необычен для произведений эпоса. Он не охотится и не пасет стада, не играет в богатырские игры и не обучается богатырскому искусству. Родившись, как все герои эпоса, с редкостной внешностью ("ангельского вида был младенец"), он не растет чудесным образом, в отроческие годы не поражает своей силой и не совершает подвигов. Зато в двенадцать лет Толеген начинает поиски достойной себя невесты. К шестнадцати годам он уже объехал все места, куда можно было доехать на коне. Нисколько не задумываясь, едет он и в земли красавицы Жибек, едва услыхав о ней.

В отличие от Козы-Корпеша, Толеген с друзьями быстро находит аул Жибек. Первая его поездка не сопряжена с тяжелыми испытаниями. Своеобразна и форма сватовства Толегена. Прибыв в края рода шекты, из которого происходила Жибек, Толеген объявил, что каждому, кто приведет и покажет ему свою дочь, он даст иноходца независимо от того, понравится ему девушка или нет. Услышал это Каршыга,

---

[42] *Дүйсенбаев Ы.Т.* Қазақтың лиро-эпосы, с. 96.

[43] *Ауэзов М.* Мысли разных лет, с. 432.

визир отца Жибек, приехал к Толегену с вестью о красавице Жибек и вызвался показать ее Толегену. Как видим, придуманная Толегеном форма сватовства сыграла свою роль: Толеген стал известен в краю Жибек как щедрый господин и получил возможность увидеть Жибек, ради которой приехал. И здесь Толеген остается верным своему принципу. Он не довольствуется словами Каршыги, не влюбляется в Жибек по рассказу визира, а хочет сам встретиться с Жибек, поговорить с ней и убедиться в том, что она достойна его.

В эпосе показано, как постепенно Толегеном овладевает чувство любви к Жибек. Вот он видит тринадцать – одна краше другой – девушек, едущих вместе с кочевкой. Подъезжая к каждой, Толеген принимает ее за Жибек. В эпосе красочно описан облик этих девушек. Узнав, что среди этих тринадцати прелестных девушек нет Жибек, Толеген волнуется и загорается еще большим желанием увидеть ее. Устами Каршыги особо подчеркивается изумительная красота Жибек. Он спешит, погоняет коня. И наконец догоняет карету, в которой едет Жибек. Но Жибек не желает разговаривать с ним. И это еще больше разжигает страсть Толегена. А когда после уговоров Каршыги Жибек на мгновение показывается, Толеген окончательно влюбляется в нее. "В жизни не встречал я женщину такой красоты, женюсь на ней!" – решает он.

В обрисовке образа Толегена и в развитии событий эпизод встречи Толегена и Каршыги играет большую роль. Начиная с этого момента, поняв, что он близок к заветной цели, Толеген становится чрезвычайно активным, инициативным, проявляет решительность и находчивость. Без колебаний он едет за каретой Жибек, оставляя Каршыгу далеко позади. Не задумываясь, он приглашает девушку на беседу. Увидев Жибек, сразу же решает жениться на ней, немедленно покупает двести пятьдесят коней для уплаты калыма. Нисколько не робея, он с выкупом приезжает к отцу Жибек и своим благородным видом, достойной речью завоевывает симпатию будущего тестя. До сватовства к Жибек Толеген ничего не сделал сам (он ведь был господин, и все за него делали другие). Теперь же он сам участвует во всех делах, сам обдумывает свои планы и сам их осуществляет. Любовь к Жибек оживила Толегена, он преобразился и показывает, на что способен во имя любви.

Толеген с честью выдерживает испытание, выпавшее на его долю по законам жанра романического эпоса: ради любимой он порывает со своим прошлым, навсегда покинув отцовский дом и своих сородичей; ради любимой Жибек он выезжает в ее аул один; во имя любви принимает смерть, доказав верность своему чувству.

Все лучшие качества Толегена раскрываются после того, как он полюбил Жибек. Романтичный и несколько пассивный Толеген становится смелым и находчивым. Смелость его особенно проявляется в эпизодах встречи с будущим тестем и шестьюдесятью разбойниками во главе с Бекежаном. В обоих случаях он держит себя с достоинством, не выказывая ни малейшего признака робости или трусости.

Рисуя Толегена отважным и смелым, эпос не гиперболизирует его силу. Толеген не побивает всех шестьдесят человек, окруживших его. Романический эпос более реалистичен в описании подобной ситуации. Толеген полдня отстреливается, и ему

удается вырваться из окружения. Но подводит конь, который измучен жаждой. Эта мотивировка вполне реалистична, она по душе и сказителю, и слушателям, которые не хотят видеть Толегена уступающим сопернику в силе. Возможно, так же объясняется и то, почему Бекежан стреляет Толегену в спину, "прячась за кураями". По мысли сказителя, Толеген не погиб бы, если бы не подвел его конь и если бы Бекежан вышел против него лицом к лицу. Правда, в последнем случае содержится намек не на богатырскую силу Толегена, а на его умение стрелять.

Любовь к Жибек смягчает характер Толегена, делает его натуру богаче. Он становится более чувствительным. Особенно показательны в этом отношении сцены прощания Толегена с младшим братом перед вторым отъездом на родину Жибек.

Чрезвычайной эмоциональностью отличается последний монолог-прощание Толегена. "Глубокое чувство скорби оставляют и прощание Толегена с шестью гусями, вылетевшими ему вслед, и его последний привет родителям и своему народу. Это не только выражение сыновней любви, печали о родной земле, а вместе с тем жаркая исповедь сердца, горько сожалеющего о несбыточных надеждах и погибшей мечте"[44].

Жибек, так же как и Толеген, ищет спутника жизни, достойного ее любви. Светлое взаимное чувство – вот чего желает она. Ее идеал – не богач и не богатырь, а красивый умный джигит, способный вызвать в ней любовь и ответить взаимностью. Она дает согласие выйти замуж за Толегена, не спрашивая его о происхождении и богатстве. Ей было достаточно того, что Толеген соответствовал ее идеалу: красив, благороден и умен. И лишь после соединения брачным союзом она спрашивает, откуда он родом, кто его родители и родственники. Да и то лишь потому, что перед предстоящим отъездом Толегена она видела дурной сон.

Жибек изображена в эпосе идеальной девушкой и женой. Она наделена всеми лучшими качествами, какие есть в казахской женщине: красотой, умом и красноречием, верностью и решительностью.

Слава о красоте Жибек приводит в ее аул издалека Толегена, калмакского хана Корена, заставляет страдать молодых людей всего племени и страны. Но она недоступна. Никто не видит ее и не смеет с ней разговаривать. Красавица растет баловницей, гордой и надменной. В эпизоде, когда Толеген догнал ее золоченую карету, она не считает нужным даже откликнуться на зов героя. Лишь после уговоров Каршыги Жибек на миг показывается Толегену.

Только теперь эпос описывает красоту Жибек : "белый лоб ее блистает, сверкают перламутром глаза, красота ее щек будто марево в летний день... рот – наперсток... а лик ее, как будто солнышко, излучает свет... нежная талия ее тоньше, чем проволочная нить...".

Красота четырнадцатилетней Жибек гармонирует в ней с умом и красноречием. Она очень тонко отвечает на слова Толегена во время их первой пикировки, сравнивает себя с могучей рекой, с драгоценным богатством, которое бережет ее

---

[44] *Ауэзов М.* Мысли разных лет, с. 437–438.

народ, подчеркивая этим, что в народе шекты все ее любят и уважают, что ее авторитет велик. Так Жибек сознательно, чтобы испытать юношу, принижает Толегена, называя его "однолошадным путником, одиноким бродягой". Она хочет ошеломить и подзадорить Толегена, проверить его джигитскую честь. И убедившись, что Толеген ей ровня, Жибек готовит себя к замужеству.

Толеген пришелся девушке по душе, но она открыто не говорит об этом – ведь еще не состоялось сватовство по обычаю. После получения согласия отца на брак Жибек не скрывает своего чувства и, получив приглашение, тотчас идет к жениху. Это она не считает зазорным, потому что видит в Толегене любимого, заботится о их будущей, совместной счастливой жизни.

Отныне Жибек проявляет себя внимательной, верной женой. Теплой заботой о Толегене проникнут, например, тревожный сон Жибек. В этом эпизоде Жибек выступает в роли мудрой жены-предсказательницы, подобной чудесной жене сказочного героя. Она предвещает беду и советует мужу не ехать на родину, т.е. налагает запрет. Но другими сверхъестественными способностями сказочной кудесницы (например, оборотничеством) Жибек не наделена.

Жибек верна не только Толегену, но и его роду, его родине. Живя надеждой на встречу с Толегеном и узнав, что он убит еще восемь лет назад, преданная своей любви и памяти возлюбленного, Жибек терпеливо ждет кого-нибудь из сородичей покойного, постоянно думая о роде жагалбайлы, о Сансызбае, о котором говорил ей Толеген перед отъездом на родину. Когда аул хана Сырлыбая осаждают калмаки во главе с ханом Кореном, Жибек видит в сородичах и брате Толегена своих защитников, спасителей. В создавшейся ситуации Жибек принимает единственно верное решение: уйти с Сансызбаем. Так Жибек становится женой Сансызбая, не из-за беспрекословной покорности законам адата, а потому, что встретила в нем героя, достойного уважения и любви. Всю силу своей любви к Толегену она переносит на Сансызбая. Для нее в лице Сансызбая воскресает Толеген. Жибек счастлива и оттого, что ее мечта сбылась – за ней приехали родственники Толегена, чтобы взять ее под свою защиту, и оттого, что Сансызбай очень похож на своего брата. Таким образом эпос как бы мотивирует зарождение у Жибек чувства любви к Сансызбаю и предвозвещает их женитьбу, чего, кстати, желает и слушатель, который, с одной стороны, приемлет порядки родовых обычаев[45], а с другой стороны, сочувствует горемычной Жибек и жалеет ее.

В дальнейшем Жибек изображается очень волевой и решительной. Если в первой части эпоса это юная беспечная красавица, то теперь она предстает непреклонной и мужественной женщиной. При встрече с Шеге и Сансызбаем она без колебаний решает бежать с ними и подсказывает им, как устроить побег.

---

[45] Говоря о женитьбе Сансызбая на Жибек, К.Джумалиев подчеркивает: "Если принять во внимание эпоху возникновения поэмы, социальную обстановку того времени, то трудно представить себе иную развязку. И народ, и неизвестный акын, создавший поэму, не были свободны от влияния своего века" (см.: *Джумалиев К.* Очерки по истории казахской дореволюционной литературы. А.-А., 1968, с. 101).

Надо подчеркнуть, что в эпизоде побега Жибек проявляет большую активность, а Шеге и Сансызбай лишь выполняют то, что она советует им: ждать ее на перевале Карагаче. Она обманом забирает у Корена скакуна, прощается с родиной и любимой снохой – женой старшего брата и незаметно уезжает из аула ночью. Грозный жених Корен только утром узнает, что исчезли и Жибек, и конь.

Жибек теперь не мыслит себе жизни без Сансызбая. Поэтому вполне понятно, что она объявляет себя жертвой Сансызбая, когда тот вступает в поединок с ханом Кореном, догнавшим их. Она боится и тревожится за судьбу юного Сансызбая, обращается с мольбой к всевышнему, спешивается и обматывает свою шею чембуром скакуна Сандалкока, чтобы умереть в случае гибели Сансызбая. Перед нами опять возникает хрупкая, страстно любящая, женственная Жибек, лишенная черт девы-богатырки, встречающейся в героическом эпосе.

Примечательно, что, став женой Сансызбая, Жибек снова видит вещий сон. Сон сбывается: в страну в погоне за Жибек прибывает рать калмаков. Сансызбай побивает все войско.

В образе Сансызбая в отличие от Толегена прослеживаются черты богатыря героического эпоса. Став юношей, он надевает кольчугу, садится на быстроногого коня и отправляется в путь. Правда, он выезжает не за тем, чтобы совершить ратный подвиг, а на поиски брата, от которого в течение нескольких лет нет никаких вестей. Этого требует закон родового общества: он должен, если брат жив, вернуть его, если же мертв – с почестями предать земле и отомстить убийце. Вот основная цель выезда Сансызбая из дому и основная его функция.

В эпосе Сансызбай показан в двух планах: как горячо любящий Толегена брат и как богатырь, продолжающий дело старшего брата. В обрисовке Сансызбая-подростка преобладает психологизм. Прощаясь с отъезжающим за невестой Толегеном, он глубоко переживает его отъезд. Сансызбай печалится не только потому, что брат уезжает без разрешения родителей, уезжает один и может не вернуться, но и потому что сам еще слишком юн и не в силах взять на себя заботу о родителях. Его тревожит, как бы не пришлось плакать кровавыми слезами по брату. В этой сцене Сансызбай показывает себя не только как любящий брат, но и как мальчик, который уже думает и мыслит по-взрослому. И в этом обнаруживается его незаурядность. Эпизодом прощания и диалогом братьев как бы предрекается то, что Сансызбай вырастет настоящим джигитом, что на долю Сансызбая выпадет большое испытание: найти погибшего брата, отомстить за него и продолжить его дело. Этим мотивируется и генеалогическая циклизация эпоса, необходимость продолжения сюжета в виде эпилога, повествующего о более сильном преемнике главного героя.

Сансызбаю предначертано быть богатырем. Это происходит во второй части эпоса. Богатыря Сансызбая, одетого во все приготовленное Толегеном, мы видим в эпизоде, когда он приходит к отцу просить благословения на поиски Толегена. Начиная с этого момента, он действует в эпосе как богатырь и изображается в соответствии со стереотипом героического эпоса: он чрезвычайно силен, храбр и мужествен.

Богатырские качества Сансызбая проявляются во время его поединка с ханом калмаков Кореном и в битве с огромными полчищами калмаков, осаждающих аул хана Сырлыбая, отца Жибек. Сансызбай истребляет всю вражескую рать и устанавливает мир.

Как было сказано выше, вторая часть романического эпоса "Кыз-Жибек" представляет собой самостоятельный архаический сюжет о добывании жены, разработанный по законам героического эпоса, отразивший события казахско-калмыцких войн XVIII в. и вплетенный в "Кыз-Жибек" как эпилог.

"Сюжет этот разрабатывается во многих произведениях казахского эпоса. В жестоком бою с калмыцким ханом Караманом добывает себе невесту, красавицу Назым, Камбар-батыр; Гулбаршын становится женой Алпамыса только после того, как тот сразил всех своих соперников-калмыков. И в "Кыз-Жибек" героика смертельной схватки Сансызбая с наглым, чванливым Корен-ханом, подвиг освобождения несчастной девушки от насильственного брака, а ее рода от калмыцкого ига возвышают Сансызбая. Он едет на поиски смертельно раненого брата, хочет спасти его или с честью предать земле. У Сансызбая и в мыслях нет предъявлять права аменгерства (левирата. – *З.А., С.К.*) на Жибек. Встретив Жибек, он отводит беду от ее головы, освобождает красавицу от бесчестья, от ласк ненавистного калмыка"[46]. Сансызбай совершает поступок, достойный любви и уважения. Именно этим, а не только родством с Толегеном завоевывает Сансызбай сердце Жибек и получает право жениться на ней.

В эпосе "Кыз-Жибек" интересны образы друзей главных героев, выступающих посредниками в любви Жибек и Толегена, а затем – Жибек и Сансызбая. Если в эпосе "Козы-Корпеш и Баян-сулу" наперсниками влюбленных выступают их родственники и сородичи (Айбас – сородич Козы-Корпеша, Ай и Тансык – сестры Баян), то здесь в такой роли фигурируют акыны, не имеющие кровного родства ни с Толегеном, ни с Жибек. Это акыны Каршыга и Шеге. Особенно значительна роль Каршыги, который сам вызывается помочь Толегену жениться на Жибек. Он устраивает их знакомство, первое их любовное свидание, помогает Толегену в сватовстве, соединяет любящих брачным союзом. Каршыга умело осуществляет свои замыслы. Он тонко, незаметно для Толегена, вызывает в нем интерес к Жибек, а приводя его к ней через встречу с тринадцатью прелестными девушками, зажигает в юноше страсть, перерастающую затем в большое, сильное чувство.

Почти такую же функцию выполняет акын Шеге. Он сопутствует Сансызбаю в поисках погибшего брата, проникает во вражеский стан, где происходит пир, на котором с плачем поет Жибек, узнает, ждет ли их Жибек, и устраивает встречу Жибек и Сансызбая. Шеге поддерживает Сансызбая в трудную минуту своими советами и действиями, т.е. выступает в роли обычного друга – помощника главного героя.

---

[46] *Смирнова Н.С.* О версиях "Кыз-Жибек". – "Кыз-Жибек". А.-А., 1963, с. 253–254.

Образы Каршыги и Шеге еще раз свидетельствуют о том, что во времена возникновения романического эпоса (в данном случае – "Кыз-Жибек") представление народа об идеале мужчины претерпевает изменение. Раньше в героическом эпосе другом-помощником богатыря всегда был такой же богатырь – соратник или же побратим. Теперь в роли друга-помощника героя выступает акын, искусный в поэзии, способный в достойной речи выразить свое отношение к происходящему.

Колоритно изображены в эпосе "Кыз-Жибек" также отрицательные персонажи. Это коварный жених-соперник Бекежан и хан калмаков Корен. Они оба противостоят юным влюбленным, посягают на их любовь и стремятся их разлучить. Но по характеру и поступкам они не схожи между собою. Бекежан – классический тип соперника в традиционной для романического эпоса триаде: жених–невеста–соперник (муж–жена–любовник). Бекежан – "один из тех многих, кто любит Жибек заочно", – говорится в эпосе. Значит, он тоже любит красавицу Жибек. Но любит по-своему: открыто не говорит Жибек о своем чувстве и не сватается к ней, как положено. Он не допускает даже мысли, что любовь девушки нужно заслужить. Для него достаточно того, что Жибек нравится ему самому, отношение девушки к нему нисколько его не интересует.

Страшась открыто бороться за Жибек, Бекежан избирает нечестный путь. Свои действия он маскирует мнимой заботой о чести рода шекты и подстрекает шестьдесят отвергнутых Жибек женихов к нападению на Толегена. Они подстерегают Толегена в безлюдной пустыне и убивают, напав сзади. Бекежан, ослепленный завистью и злобой, раздевает полумертвого Толегена и оставляет его на съедение зверям.

Это – поступок, заслуживающий, в понимании казахов, не только презрения, но и смертной казни. И эпос осуждает Бекежана за то, что он не смог отстоять свое право на любовь в честной, открытой борьбе, за подлый, коварный поступок, за который его настигает праведная кара: "Шесть братьев Кыз-Жибек на шею Бекежана набросили аркан, в сторонку его отволокли и, как жертвенный скот, зарезали его!" Всеобщая ненависть и презрение ждут человека, поправшего общепринятые добрые традиции и обычаи – такова идея, вложенная эпосом в образ Бекежана.

Другой отрицательный образ – хан калмаков Корен, устроивший с многочисленным войском осаду аула хана Сырлыбая и требовавший, чтобы красавицу Жибек отдали ему в жены. Специально исследовавший эпос "Кыз-Жибек" М.О.Ауэзов писал: "Корен – пришлый завоеватель... Хотя и враг, но он верен своему слову, его характеру свойственны добродушие и храбрость... Он, прежде всего, батыр. Когда он догоняет Сансызбая, сразу же показывает силу: "Меня зовут хан Корен, и тебе не на что надеяться", – и с громким кличем вызывает Сансызбая на единоборство, чтобы испытать свое счастье. Это закон мужества. Корен выпрашивает у Сансызбая дать ему черед. Но после он, предоставляя очередь Сансызбаю, смело встречает смерть. Корен готов умереть, но он не унизит чести батыра. Ему чужды лицемерие и подлость Бекежана. Корен со своими двумя тулпарами показан выдающимся батыром калмыков. В поэме (эпосе. – *З.А., С.К.*) для того, чтобы несколько гиперболизировать богатырскую мощь Сансызбая, его врага изображают сильным, грозным, то есть до известного момента Корен показан объективно.

Правда, Корен груб, упрям и задирист. Он не отступает от своего решения. Посягая на честь шектинцев, он хочет насильно жениться на Жибек. Поэтому-то во многих местах исполнители поэмы (эпоса. – *З.А., С.К.*) его изображают тупым и глупым человеком. Корен не понимает, что Жибек просит у него Сандалкока, чтобы убежать из плена, и, восхищенный, кричит: "Э, джигиты, смотрите, как прекрасна, как смела моя жена Кыз-Жибек, как она бесстрашно погоняет моего Сандалкока! Боюсь только – не понес бы он ее, ведь сдержать его очень трудно! .. Эй, милая моя Жибек, эй, Жибек-жан, будь осторожнее, скачи медленнее, медленнее скачи!" Что же это, если не явная насмешка, высокая ирония над Кореном!"[47].

Если сравнить Корена и Бекежана, то обнаруживается, что они, несмотря на функциональную однотипность, в эпосе как бы противопоставляются. Корен – враг открытый, надеющийся на свою силу. Он не таит своих намерений и действует как неприятель, угрожает всему народу шекты. Он требует Жибек не из любви к ней, а как залог, как дань. Все неприятельские главари и в жизни, и в фольклоре требуют от слабых безоговорочного повиновения или откупа в виде дани или девушки. По традиции поступает и Корен. Поэтому он уже считает Жибек своей женой, поэтому он бросается в погоню за Сансызбаем, похитившим его "собственность". И смело, как подобает богатырю, вступает в единоборство с "похитителем". Корен – это традиционный персонаж героического эпоса – вражеский хан-богатырь, ничем не отличающийся от подобных ему Карамана в "Камбар-батыре", Кобикты в "Кобланды-батыре", Тайшика в "Алпамыс-батыре".

Бекежан, напротив, не враг, а завистливый соперник, действующий тайно, исподтишка. Он не может поступать иначе, потому что труслив, нечистоплотен. В эпосе ничего не говорится о его прошлом и настоящем и он предстает темной личностью с сомнительным образом жизни. Не зря эпос называет его "разбойником".

В отличие от Корена, Бекежан поступает всегда обдуманно, заранее все взвесив. Он подлее, коварнее и потому опаснее Корена. Поэтому эпос его осуждает больше, чем Корена. Он несет в себе все плохое, что имеется в человеческой натуре, и является как бы персонифицированным злом.

Сложенные в эпоху Казахского ханства (XVI–XVII вв.) первые казахские романические эпические произведения выработали и закрепили все основные признаки нового жанра. Они создавались в условиях патриархально-феодального общества, когда царили жестокие обычаи, узаконившие беспредельную власть отцов и старейшин рода и семьи и сковывавшие инициативу и свободу личности. Появление в таких обстоятельствах крупных эпических произведений, воспевающих любовь как свободное человеческое чувство, как право человека на личное счастье, отражало изменения в народном мироощущении. Понимание любви в эпосе "Козы-Корпеш и Баян-сулу", равно как и в "Кыз-Жибек", сугубо жизненное, реально-практическое, оно продиктовано действительностью и миропониманием творцов эпоса, для которых идеальной была любовь, ведущая к созданию счастливой патриархальной семьи. В

[47] *Ауэзов М.* Мысли разных лет, с. 445–446.

то же время любовь Козы-Корпеша и Баян, Жибек и Толегена романтична, одухотворенна. Возникновение любви между ними не носит рокового характера, содержание произведений наполнено верой в будущее счастье влюбленных. Трагический финал не выглядит чем-то закономерным, фатальным. В этом заключается оптимистическая концепция любви этих образов казахского романического эпоса.

В конце XVIII и XIX в. казахский романический эпос получает дальнейшее развитие.

В этот период все фольклорные жанры, особенно эпос, испытывают влияние литературы, которая энергично разрабатывает темы социального равенства, равноправия женщин и свободы личности, подсказанные самой жизнью. Вместе со всем фольклором этот процесс переживает и романический эпос. В нем начинают преобладать социальные мотивы и историчность, в результате чего зарождаются новые разновидности романического эпоса, так называемые дастаны социально-бытового и историко-любовного характера. Материалом для их сюжетов служили в основном события из реальной жизни, а также истории, почерпнутые из различных книжных источников, и старинные местные предания и легенды.

К произведениям, отразившим реальные события, относятся "Калкаман-Мамыр", "Енлик и Кебек", возникшие в начале XIX в., "Айман-Шолпан", "Акбобек", "Акбопе и Сауытбек" (конец XIX – начало XX в.) и др. Со второй половины XIX в. до 20–30-х годов прошлого столетия в Казахстане создано большое количество "новых" дастанов, основанных на народных преданиях и легендах, а также на сюжетах религиозных книг и восточных романических произведений фольклорного и литературного происхождения[48]. Часть этих произведений авторские, но многие анонимны и имеют варианты. Наиболее распространены эпические произведения любовного содержания с социальной окраской[49]. В них крайне мало или почти нет архаики, зато много реалий.

Типовой сюжет их таков:

I. Молодые юноша (часто бедняк) и девушка (обычно из богатой семьи) любят друг друга. Но девушку сватают за нелюбимого.

II. Влюбленные совершают побег.

III. Либо беглецов настигают, либо два рода начинают враждовать.

IV. Один из родов (чаще – юноши) платит штраф или выдает влюбленных на суд рода, подавшего иск.

V. Влюбленные наказываются смертью, иногда их разводят.

Наиболее популярно сказание "Енлик и Кебек", в основе которого лежат подлинные события XVIII в. В таких, возникших на основе реальных фактов эпосах

---

[48] Подробную характеристику их см.: Қазақ қолжазбаларының ғылыми сипаттамасы. 2 кітап. Алматы, 1979.

[49] См. следующие произведения: "Девушка Макпал", "Есим и Злиха", "Раб и девушка", "Назымбек и Кулше" и др.

историческая достоверность преобладает над вымыслом, описание чувств и переживаний влюбленных отличается заметной поэтичностью.

В отличие от ранних романических произведений, в эпосе XIX в. больше реалистичности, действительность казахского общества показана масштабнее, внимание сосредоточивается на конфликтах между родами. Так, в эпосе "Айман-Шолпан" дана яркая картина казахского патриархально-феодального общества с характерными для него межплеменными и межродовыми конфликтами. Основная коллизия эпоса связана именно с межплеменным столкновением.

В конце XIX – начале XX в. создаются новые эпические произведения романического характера. Это "Макпал-кыз", "Кулше-кыз", "Талайлы и Айым-кыз", "Жаскелен", "Кубыгул", "Бозаман", "Аксауле" и др.[50]. Общее количество их превышает пятьдесят названий, что свидетельствует о большой популярности у народа и акынов этого жанра. В этих произведениях любовь воспевается поэтическими средствами не только исконно казахского эпоса, но и восточного дастана.

Подобные образцы романического эпоса основываются не на реальных фактах, а на сюжетах местных сказок, легенд, преданий, сказаний, которые перерабатываются по законам жанра дастана. Устанавливается своеобразная традиция переложения сказок в эпос, которая не прерывается до середины XX в. В рукописных фондах учреждений Национальной Академии наук Республики Казахстан хранится большое количество рукописей дастанов, являющихся своеобразной разработкой сюжетов сказок в советское время[51].

Авторские переложения отличаются социальной остротой, в чем усматривается несомненное влияние письменной литературы, хорошо знакомой некоторым создателям подобных дастанов.

В народных дастанах при разработке сюжетов сказок и легенд применяются художественные средства жанров эпоса, даются широкие картины быта. Хотя трактовка сюжета в каждом произведении индивидуальна, все же есть у них общая канва:

I. Долгая бездетность родителей, чудесное рождение и рост героя.

II. Любовь героя и героини, возникшая во сне.

III. Поиски героем суженой красавицы.

IV. Прибытие в страну девушки, встреча с ней.

V. Побег с ней. Погоня за беглецами.

VI. Бой с войском. Победа героев и их прибытие в родные края.

Финал обычно счастливый. Влюбленные, преодолев все трудности, женятся и устраивают пышную свадьбу. Примером подобного сюжетостроения может служить эпос "Жаскелен".

В составе казахского романического эпоса имеются также национальные версии романических дастанов народов Востока и перепевы известных поэм великих поэтов Фирдоуси, Низами, Навои, Джами и других. Весьма популярны были у казахов

---

[50] См. *Дуйсенбаев Ы.Т.* Қазақтың лиро-эпосы.

[51] См. РФ ИЛИ, п. 131, 176, 314, 376 и др.

"Тысяча и одна ночь" арабов, индийские "Двадцать пять рассказов Веталы", монгольский "Арджи-Борджи", турецкий "Бахтияр", отдельные отрывки из классических произведений "Шах-наме", "Лейла и Меджнун", "Искендер-наме" и др.

Особенно интенсивно заимствование с Востока происходило в XVIII и XIX вв., когда в Казахстане окончательно утвердился ислам и широкое распространение получило мусульманское образование.

Среди восточных романических дастанов особой популярностью у казахов пользовались "Бозжигит", "Сейфульмалик", "Жусуп и Зылиха", "Тахир и Зухра", "Лейла и Меджнун" и др. Своими темами и проблематикой они соответствовали стремлению народа воспеть любовь как чистое, высокое чувство.

Оставляя сюжет без изменений, казахские сказители и акыны вносили в него немало и от казахской фольклорной традиции, особенно от героического эпоса, вплетали в повествование личностные элементы, зарисовки казахского быта. Так возникали казахские версии восточных романических дастанов. В силу традиционно устного распространения этих произведений не всегда сохранялось имя поэта, переработавшего тот или иной дастан, и рожденная поэтом версия превращалась в безымянную, фольклорную.

Казахские версии восточных романических дастанов от традиционного национального эпоса отличаются несколькими характерными чертами. В них содержание – чисто любовно-приключенческое, действие происходит в городе, во дворце шаха или царя, на городском базаре. Герои совершают путешествие на корабле, на плоту, плывут по морям и рекам... Одним словом, казахские акыны и сказители сохраняют восточную атмосферу и колорит. Ярким примером такого отношения является дастан "Бозжигит", впервые опубликованный в знаменитых "Образцах..." В.В.Радлова[52].

В казахском обществе, где сочетались кочевой и полуоседлый образ жизни со скотоводческим и земледельческим типами хозяйства, устная поэзия (народное творчество и произведения акынов-импровизаторов) и музыка (народная песня и кюи, музыкальные произведения народных композиторов) являлись основными формами художественного творчества, формами выражения мыслей и чувств, стремлений и идеалов народа.

Носителями поэтической культуры казахского народа, основными создателями, хранителями и исполнителями песен и эпических сказаний были профессиональные певцы – жырау, жыршы, акыны и др.[53].

Наиболее древним типом народного певца, несомненно, был жырау – вещий певец, певец-прорицатель, знаток генеалогии родов, народных преданий, человек,

---

[52] *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Т. 3. СПб., 1870. Подробно о сюжете "Бозжигит" см.: *Азибаева Б.У.* Казахские народные романические дастаны. А.-А., 1990.

[53] Вопрос о своеобразии их творческой манеры был предметом специальных исследований целого ряда авторов: *Исмаилов Е.* Акыны. А.-А., 1957; *Маргулан А.Х.* О носителях древней поэтической культуры казахского народа. – М.О.Ауэзову. Сборник статей к его шестидесятилетию. А.-А., 1959; *Каскабасов С.А.* Золотая жила. Ч. II, с. 96–101, 114–132.

который играл важнейшую роль в решении государственных и общественных вопросов[54]. Творчество жырау имело свои жанровые особенности: оно тяготело преимущественно к толгау – стихотворным философским раздумьям. Первым таким певцом был Сыпыра-жырау (XIII в.), а последним – Бухар-жырау, живший в XVIII в.

Другой тип народного певца – жыршы. В узком смысле слова жыршы – исполнитель эпических песен и сказаний. "Жирчи, – пишет А.Х.Маргулан, – основные носители народной эпической поэзии и хранители древних легенд и преданий – в противоположность акынам поют только эпические сюжеты, легенды и генеалогические предания о древних героях, военных былях, богатырских подвигах"[55].

Исследователи считают, что жыршы, как и оленши (исполнители лирических песен), были более исполнителями, нежели создателями самостоятельных произведений. Как и термин "жырау", слово "жыршы" употребляется в значении "певец вообще". Заметим, что в романическом эпосе "Кыз-Жибек" Каршыга называется то жыршы, то акыном.

Любой певец является в какой-то мере импровизатором. Но сочетание в одном лице творца и исполнителя особенно характерно для акына, хотя, конечно, акын не всегда выступает с новым произведением и может исполнять известный, более или менее закрепленный текст. Но главное своеобразие акынов-импровизаторов состояло в их участии в марафонском песенном турнире – айтысе. Лишь выступив в нескольких песенных состязаниях, причем с именитыми акынами, певец-импровизатор мог называться акыном.

В настоящее время акынами именуют поэтов – представителей письменной поэзии. Народного певца, складывающего стихи в рамках устной традиции, принято называть халық ақыны – "народный акын".

Все типы создателей и исполнителей фольклора в той или иной мере перерабатывают устные произведения, поэтому фольклорные произведения, переходя из уст в уста, из поколения в поколение, не могли оставаться неизменными. Устная традиция не только допускает неизбежные изменения в поэтическом тексте в процессе его передачи, но и предполагает возможность сознательного обновления или переработки отдельных элементов произведений. Поэтому они и воспринимаются как творения, по времени не очень отдаленные от нас.

Народному поэтическому языку присуще употребление целого ряда излюбленных, ставших традиционными сравнений, эпитетов, метафор, разного рода художественных образов и выражений, специфичных для каждого жанра (эпос, лирические песни, бытовая и обрядовая поэзия и т.п.).

Способы обрисовки образов, особенности сюжетостроения, стиля и языка, характерные для эпической традиции, складывались в процессе длительного развития

---

[54] Генетически этот тип певца восходит, по всей вероятности, к главе древнего рода, вождю племени. Надо полагать, что он в стадиальном отношении предшественник античного жреца.

[55] *Маргулан А.Х.* О носителях древней поэтической культуры..., с. 77.

народного эпического творчества, и в стиле произведений эпоса индивидуальные начала крайне слабы и почти не заметны. Певец стремится сохранить в памяти сюжет, часто повторяющиеся эпизоды и "типические места", осмысливает художественные образы, осваивает композиционные и стилистические приемы. Суть же импровизации часто заключается в свободном введении имеющихся в арсенале у певца готовых мотивов, сюжетов, эпизодов, ситуаций и стилистических формул, словесных образов. Сфера индивидуального творчества здесь сравнительно ограниченна.

Язык произведений казахского романического эпоса, как и всего фольклора, обладает высокими художественными достоинствами. Ему свойственны богатство и разнообразие словесно-изобразительных средств, разработанность интонационно-ритмического строя речи.

В романическом эпосе буквально все опоэтизировано. Но прежде всего и больше всего поэтизируются герой и героиня. Они сравниваются с теми предметами и явлениями, которые в сознании народа являлись эталоном прекрасного. Солнце, луна, звезды, небо и земля, реки и озера, горы и овраги, буря и ветер – эти и другие образы природы занимают в фольклоре казахов исключительно большое место, что вполне понятно: казахи-скотоводы веками жили на лоне природы, и ширь необъятных, залитых яркими лучами солнца степных просторов, зеркальная гладь озер, разливы рек, утренний рассвет и заход солнца, облака, затянувшие высокие вершины гор, ревущий горный поток, бушующий степной ветер, раскаты грома – все, в чем проявляются величие и красота природы, изумляет певца, наполняет его восторгом. Вот почему Кыз-Жибек сравнивается с течением реки, с тростником, растущим на озере.

Чрезвычайно широко представлены в казахском фольклоре, в том числе и в романическом эпосе, также образы животного мира. Не случайно, например, Кыз-Жибек в самохарактеристике говорит, что народ бережет ее, как свой скот, весь род ухаживает за нею, как за стадом овец. Особенно поэтичен в эпосе образ коня, широко представленный во всех жанрах казахской народной поэзии. В романическом (как и героическом) эпосе сравнение с конем используется даже при описании красоты героинь. О Кыз-Жибек говорится, что она ходит как скаковой конь, т.е. ее стать, грациозность сопоставляются с изяществом и красотой подвижного, упругого тела молодого скакуна, с легкостью его движений.

В казахских легендах, преданиях и эпосе широко представлены опоэтизированный, возвышенный образ белой верблюдицы, олицетворяющей силу материнской любви, и образ верблюжонка, лишившегося матери, который символизирует трагическое положение человека. Эти образы в романическом эпосе углубляют психологизм отдельных эпизодов, как, например, диалог погибающего Толегена с пролетающими гусями.

При рассмотрении поэтического языка казахского романического эпоса большой интерес представляет очень подробная, тщательная разработка женского облика.

Здесь особенно велика роль эпитета "белый". У возлюбленной сверкают белизной тело, лоб, нежное лицо (с алым румянцем), ее белые ровные зубы сияют переливчатым блеском драгоценных камней, блистает необыкновенной белизной длинная, округлая шея, столь же прекрасны белые руки.

И далее юная красавица сравнивается с белым лебедем (аққу), белым соколом (ақ сұңқар), белой ланью (ақ марал), белой сайгой (ақ бөкен) и др. Белизна и нежность лица и тела сравниваются со светлым месяцем, светом утренней зари, белым снегом.

Фигура героини очень часто уподобляется тальнику (тал бойы, тал шыбықтай), иногда чинаре (шынар), тем самым подчеркивается ее гибкость и стройность. Особенно широко распространен образ тонкого, гибкого стана.

Можно отметить также ряд других традиционных поэтических формул, употребляемых при описании облика красавицы, в которую герой безумно влюблен: тонкая талия (қыпша бел), округлая шея (алма мойын – досл. "шея, словно яблоко"), рот с наперсток (оймақ ауыз), красивые, подобные каламу, брови (қалам қас), изогнутые брови (қиғаш қас), шелковистые, мягкие волосы (қолаң шаш) и др.

Нередко красота девушки в эпосе передается сравнением с небесными светилами: сияющим солнцем (жарқыраған күн), полной луной (толған айдай), предутренней Венерой (таң алдындағы Шолпандай) и т.п.

Как верно отмечает А.С.Мирбадалиева, "все эти образные средства, присущие эпическим поэмам многих тюркских народов, не создают портретной зарисовки облика героини, так как являются обобщенным выражением народных эстетических представлений о нормах прекрасного. Поэтому, скорее, они создают символ женской красоты и изящества"[56].

В этом же ключе дается описание облика тринадцати девушек в эпосе "Кыз-Жибек". Мы находим здесь как сравнения и уподобления, рисующие облик девушки в целом, так и разнообразные сравнения, которые служат детальной характеристике лица, телосложения, одежды и т.д. Здесь сравнения прекрасной девушки с красивой и гордой птицей – белым лебедем, с утренней звездой Шолпан – Венерой, с райской девой, с четырнадцатидневной луной, символизирующей расцвет юной красоты. Глаза девушек горят, словно факел, сверкают, переливаясь, как перламутр, как знамя богатыря. Изгиб бровей – серп луны. Гибкое тело девушки, ее покачивающийся при ходьбе тонкий стан напоминают играющего в воде белого сазана, извивающуюся водяную змею. Пальцы – словно натянутые тонкие серебряные нити. Речи сладки, как чудесная вода, дыхание – словно дуновение чистого воздуха.

Эти образы предметны и конкретны, как и уподобление изящной формы рук Кыз-Жибек (собственно, части руки между локтем и запястьем) выточенной рукояти секиры, груди ее – двум гранатам и упругим мускулам молодого верблюда. Рядом с

---

[56] *Мирбадалиева А.С.* Туркменский романический эпос. – Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос. М., 1971, с. 40.

ними встречаются поэтические определения более отвлеченных качеств героини: острота и живость ума Кыз-Жибек – словно хорошо отточенный кетмень, и кажется, что она сеет семена лучей света.

Многие поэтические характеристики Кыз-Жибек изображают героиню в движении. Ее манеры, исполненные достоинства, заставляют вспомнить игривость скакуна, неторопливость овцы-трехлетки, горделивость и изящество марала. Когда она идет, то кажется, что ощущаешь легкое дуновение райского ветерка. Когда же она спешит к возлюбленному, то напоминает стремительно летящую стрелу.

Как видим, в описании облика и красоты Кыз-Жибек встречается много простых и конкретных сравнений, подсказанных повседневной кочевой жизнью казахов. Одновременно встречаются и такие сравнения, которые свидетельствуют о влиянии восточной книжной традиции. М.О.Ауэзов относительно эпоса "Кыз-Жибек" писал: "Во второй половине XIX в. на сказание о Жибек оказала свое воздействие книжность... Закономерно, что поздние публикации и записи эпоса содержат немало заимствований из книжной традиции. Жибек сравнивается с Лейли, с райским светильником, с гранатами. Соединение этих разнохарактерных сравнений должно выражать идеал красоты. Книжная традиция уживается с устной"[57].

В результате их взаимовлияния в традиционный эпос проникли элементы восточного дастана, как и в ткань изустно бытовавших восточных дастанов вошли элементы исконно казахского эпоса, благодаря чему восточные романические дастаны воспринимаются исполнителями и слушателями как исконно казахские произведения. Поэтому вполне естественно взаимопроникновение на всех уровнях: мотивов, сюжетов, поэтики. Если в изустно бытовавшем восточном романическом дастане влияние эпоса особенно заметно в мотивах, эпизодах и ситуациях, то в традиционном казахском эпосе влияние восточного дастана наиболее сильно ощущается в поэтике (художественные средства, обрисовка героев, передача их переживаний).

Казахский романический эпос обычно излагается в форме олен (өлең) – одиннадцатисложного четверостишия, но "часто прерывается вставленными в него традиционными бытовыми и обрядовыми песнями. Здесь и свадебные песни – жар-жар, и песни-прощания – коштасу, и извещения о смерти – естирту, и песни-плачи – жоктау, причем содержание всех этих песен органически связано с сюжетом, к тому же они представляют собой самостоятельные поэтические произведения"[58].

Иногда в произведениях романического эпоса встречается проза, носящая повествовательно-описательный характер. Прозаическая часть может дополнять стихотворную, но это очень редкий случай. В основном проза служит лишь связующим элементом[59].

---

[57] *Ауэзов М.О.* Социально-бытовой эпос. – История казахской литературы. Т. I. А.-А., 1968, с. 285.

[58] Там же, с. 268.

[59] О роли прозы в дастанах см.: *Короглы Х.Г.* Туркменская литература. М., 1972, с. 96; *Мирбадалиева А.С.* Туркменский романический эпос, с. 36–37.

В то же время надо отметить, что в романическом эпосе в одиннадцатисложное стихотворное повествование вкрапливаются целые тирады, состоящие из семи-восьмисложных строк, т.е. образцы семи-восьмисложного жыра. Причем, как правило, они используются в монологах и прямой речи главных героев.

Эпический жанр вообще придает огромное значение речам, особенно монологам, главных героев. "В них – черты героя, его душевного склада, его возвышенные или низменные помыслы. Следует отметить традиционность разнообразных форм монологов: это – призывы, обращенные к воинам, речи-угрозы в адрес врага, речи-наставления, речи-повествования, речи-душеизлияния и т.д."[60].

Итак, господствующей стихотворной формой казахского романического эпоса является одиннадцатисложник. Он представляет собой одну из самых распространенных форм стиха в традиционной народной и современной поэзии казахов. Для него характерны соразмерность, гармония, плавность, певучесть. В казахской поэзии утвердились два основных варианта одиннадцатисложника, которые, будучи разными по ритмической структуре, имеют то общее, что состоят из трех- и четырехслоговых единиц: 1) 3 + 4 + 4 (или 4 + 3 + 4); 2) 4 + 4 + 3.

Чередование трех- и четырехслоговых единиц (с преобладанием последних) создает большие возможности для ритмической выразительности.

Вариант одиннадцатисложника с окончанием четыре слога обладает особой ритмической гибкостью, так как позволяет варьировать ритм путем перемещения первых двух ритмических единиц (трех- и четырехслоговых), чем достигается большая выразительность стиха. Хотя изменение и небольшое, но оно существенно влияет на течение стихотворной речи: размер получает известную внутреннюю свободу. Важно и то, что удается изменять ритмический рисунок таких стихов, которые по общему числу слогов совершенно одинаковы. Этот вариант сообщает стиху ритмическое разнообразие.

Наиболее распространенным способом рифмовки одиннадцатисложного стиха, используемым в романическом эпосе (да и во многих видах поэзии), является ааба. Иногда рифма, общая для первых двух стихов, продолжается в ряде последующих стихов, повторяясь через строку.

Казахский романический эпос представляет собой, по определению В.Жирмунского, "совершенно самостоятельный и более реалистический жанр эпической повести с семейно-бытовым, по преимуществу любовным содержанием"[61]. Сложенный в эпоху феодально-патриархального общества как гимн любви, он выражал думы и чаяния молодых людей о свободном выборе спутника жизни, о самостоятельном устройстве своей жизни.

Романический эпос сыграл заметную роль в пробуждении самосознания народных масс, активизации молодежи в борьбе за свое право на самостоятельную жизнь, за

---

[60] *Петросян А.А.* О героическом эпосе народов СССР. – Героический эпос народов Советского Союза. М., 1973, с. 15.

[61] *Жирмунский В.М.* Народный героический эпос, с. 234.

право на любовь. Не случайно в песнях молодежь пела: "Умереть бы в одной могиле, подобно Козы и Баян".

В наше время казахский романический эпос обрел второе рождение. Видные деятели казахской культуры дали новую жизнь произведениям народного эпоса. Мухтар Ауэзов создал прекрасные драматические произведения на сюжеты романических эпосов "Енлик и Кебек", "Айман и Шолпан", написал либретто для балета "Калкаман и Мамыр", Габит Мусрепов создал классическую трагедию "Козы-Корпеш и Баян-сулу" и либретто оперы "Кыз-Жибек". По мотивам эпосов "Кыз-Жибек" и "Козы-Корпеш и Баян-сулу" сняты художественные фильмы.

Б.Г.Ерзакович

МУЗЫКАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ЭПОСА "КОЗЫ-КОРПЕШ И БАЯН-СУЛУ"

Многие выразительные средства казахского музыкального языка, в котором заметно проявляются элементы самобытной национальной гармонии и полифонии, тесно связаны с содержанием произведений, отражая их жанровую принадлежность и предназначение.

Музыкальное воплощение эпоса и легенд относится к наиболее древним видам народного творчества. Этот вид искусства своими корнями уходит в далекое прошлое, сопутствуя всей истории развития национальной музыкальной культуры – от истоков ее зарождения и до наших дней.

Наиболее древний и распространенный вид исполнения эпоса и легенд имеет синкретический, т.е. нерасчлененный, характер. В нем объединяются в разных сочетаниях дар рассказчика и элементы вокального, инструментального или театрального искусства. При этом главная и наиболее яркая сторона такого вида исполнительства – искусство речи, а другие его элементы – пение, игра на инструменте, мимика и жестикуляция – менее совершенны и сами по себе, как правило, не представляют самостоятельного художественного целого.

Такое синкретическое исполнение эпоса сохранилось в своих основных формах до нашего времени. Вместе с тем в ходе исторического развития всей духовной культуры народа музыкальное воплощение эпоса обогатилось и другими формами, основой для которых послужили небольшие инструментальные или вокальные эпизоды (фрагменты), включавшиеся жыршы в свое повествование. На тематической основе этих фрагментов постепенно формировались инструментальные и вокальные произведения, имеющие уже самостоятельное художественное значение. По этой причине произведения на темы или эпизоды эпоса стали входить в репертуар и певцов (анши), и инструменталистов (кюйши).

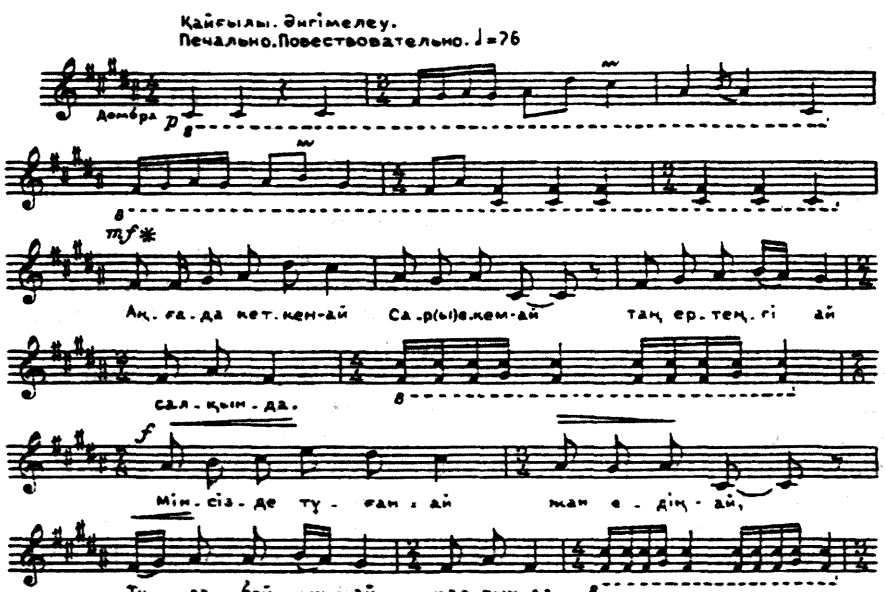
В дореволюционное время тексты многих казахских эпических сказов были записаны и даже частично опубликованы, но записей, а тем более публикаций их музыкального воплощения почти не производилось.

Имеющиеся музыкальные записи казахского эпоса, сделанные в XIX в. А.Ф.Эйхгорном[1], в советское время А.В.Затаевичем[2], а также нами и другими фольклористами[3], дают представление о четком формировании трех основных видов воплощения эпоса: песенно-речитативном, музыкально-иллюстративном (фрагментарном) и музыкально-завершенном.

Музыкальное воплощение знаменитого сказания "Козы-Корпеш и Баян-сулу" пока что обнаружено и записано в двух видах – песенно-речитативном и музыкально-иллюстративном. Так, в 1965 г. научной сотрудницей фольклорного кабинета Алма-Атинской консерватории им.Курмангазы А.Ю.Серикбаевой было записано исполнение в песенно-речитативной форме отрывка из сказания "Козы-Корпеш и Баян-сулу". Запись произведена в совхозе им.Жданова Абаевского района Семипалатинской обл. с напева Базарбаева Жумакулбая (род. в 1900 г.) (других фрагментов из этого эпоса в репертуаре певца не оказалось). Вот эта запись:

I. Печальное известие тазшы о смерти Сарыбая – отца Козы-Корпеша (Тазша баланың Қозы-Көрпештің әкесі Сарыбайдың өлімін естіртуі)

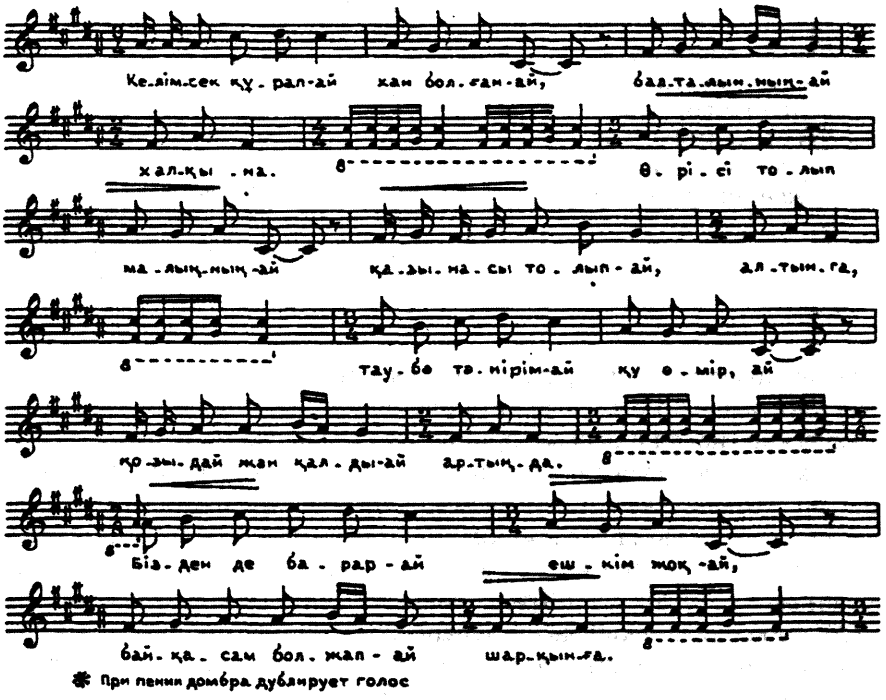
Ноты № а



[1] Музыкальная фольклористика в Узбекистане (Первые записи). Ред., вводная ст. и коммент. проф. В.М.Беляева. Таш., 1963, с. 62–87.

[2] См.: 1000 песен казахского народа. М., 1963, № 9, 443, 526, 572, 583, 734, 790, 800, 877; 500 казахских песен и кюев. М., 1931, № 75, 76, 341, 428.

[3] *Т.Бекхожина.* 200 казахских песен. А.-А., 1972, с. 15–23; *Т.Мергалиев.* Домбра сазы (Напевы домбры). А.-А., 1972, с. 9–37.



Аңға да кеткен-ай Сары екем-ай
Таңертеңгі салқында.
Мінсіз де туған жан едің-ай
Тұла бойың қалпында.

Келімсек құрап-ай хан болған-ай
Балталының халқына,
Өрісі толып малына ай-ау,
Қазынасы толған алтынға.

Тәубә, Тәңірім-ай, кәу өмір
Қозыдай жан қалды-ай артында.
Бізден де бара-ай ешкім жоқ-ай,
Байқасам болжап-ай шарқынға.

Сабырдан басқа-ау қайла жоқ-ай
Жетпестей қуып алқымдай,
Жетпестей қуып алқымдай.
Шыдап та қайтіп тұрарсың.

Утренним холодком
Ушедший на охоту Сарыбай
Был человеком,
Рожденным без изъяна.

Ты, /Сарыбай/, собрав пришельцев,
Стал ханом Балталы.
Пастбища /твои/ полны скота,
Казна – золота.

После себя оставил ты Козы.
Если я оглянусь вокруг,
Нет у нас никого,
Кто был бы (бессмертным).

Кроме терпения, нет выхода,
Всех /смерть/ за горло хватает.
Всех /смерть/ за горло хватает,
Как свыкнуться с мыслью

Сары-екемнің дертіне
Сүйгеніңе мін болар-ай
Жетпей де кетсең сертіңе.
Хан орнына, ханымым-ай,
Сабырдан басқа қайла жоқ
Жүректе жанған дертіңе-ай,
Жүректе жанған өртіңе – ай.

О смерти Сарыбая.
Будет позором /Карабаю/,
Если клятву не выполнит.
Вместо хана будешь ты, /жена Сарыбая/
ханшей.

Кроме терпения, нет выхода
Пожару, который полыхает в сердце,
Пожару, который полыхает в сердце.

(Смысловой пер. М.Г.Гумаровой)

Фрагмент повествует о том, что тазша, прибывший на место отдыха после охоты Сарыбая и Карабая, чтобы оповестить Сарыбая о рождении сына, стал очевидцем его трагической гибели и первым принес эту печальную весть в аул.

Мелодия "Тазша баланың ..." речитативно-повествовательного склада, весьма типична для жыршы (сказителя). Несмотря на большую протяженность мелодии, она состоит всего из двух предложений, повторяемых с небольшими изменениями до полного исчерпания поэтического текста. Почти все предложения завершаются инструментальным отыгрышем. Традиционна и ладовая структура мелодии, в которой основной, миксолидийский лад в кадансовом разделе отклоняется в побочную ионийскую. Это происходит путем перемены функции низкой VII ст. на III ст. ионийского лада, на тонике которого и завершается мелодия.

Наиболее значителен и разнообразен второй вид музыкального воплощения "Козы-Корпеш и Баян-сулу" – музыкально-иллюстративный (фрагментарный). Этот вид характерен тем, что основное содержание эпоса жыршы исполняет в декламационной форме, без песенно-речитативной канвы. Однако жыршы в процессе повествования некоторые монологи и сцены передают ковальными фрагментами на поэтический текст или прерывают повествование инструментальными отыгрышами, которые иллюстрируют рассказанное. Чаще всего инструментальные отыгрыши изображают скачки лошадей, гоготание и полет птиц, призывные кличи людей, изредка характеризуют персонажей[4].

Сказание "Козы-Корпеш и Баян-сулу" нами записано только в вокальной разновидности музыкально-иллюстративного воплощения эпоса в 1961 г. от известного восточноказахстанского акына Шакира Абенова[5]. По ходу повествования он напел пятнадцать вокальных фрагментов без инструментального сопровождения.

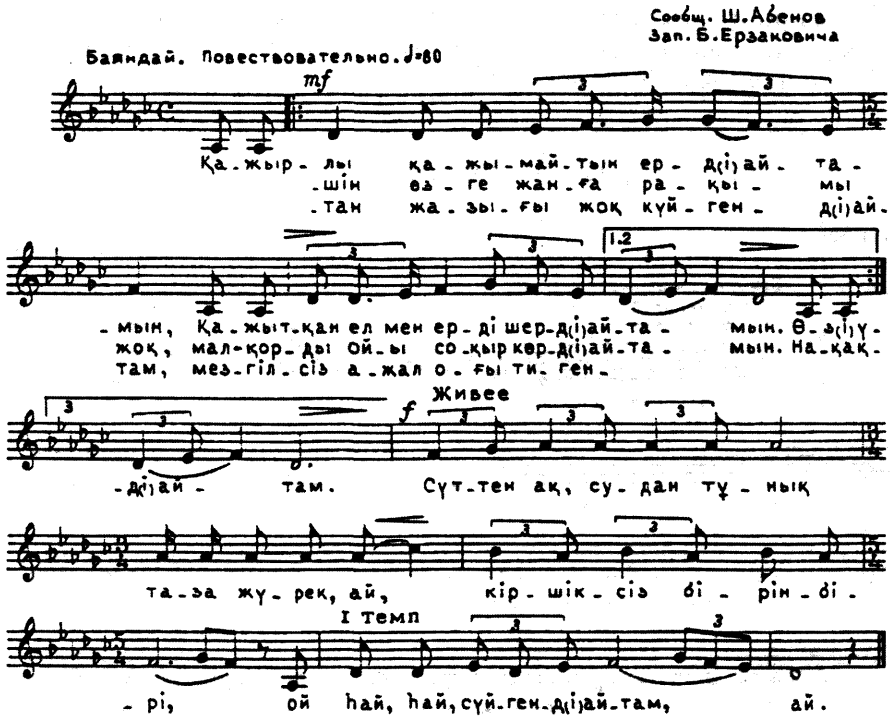
---

[4] См.: *Б.Г.Ерзакович.* Песенная культура казахского народа. А.-А., 1966, с. 191–218.

[5] *Абенов Шакир* (1900–1994) – акын, певец, домбрист и композитор-мелодист, прекрасный знаток фольклора своего края. Его краткое исполнение эпоса "Козы-Корпеш" было опубликовано в Алма-Ате в 1936 г. Полный текст его варианта составляет 7000 строк. Музыкальные фрагменты были записаны нами в Алма-Ате 18 марта 1960 г., расшифровка производилась в августе 1961 и январе 1962 г. Перевод текста М.Г.Гумаровой и наш.

I. Вступление (Кіріспе)

Ноты №1



Қажырлы қажымайтын ерді айтамын,
Қажытқан ел мен ерді шерді айтамын.
Өзі үшін, өзге жанға рақымы жоқ-ай,
Малқорды ойы соқыр, ой-һай-һай,
көрді айтамын.

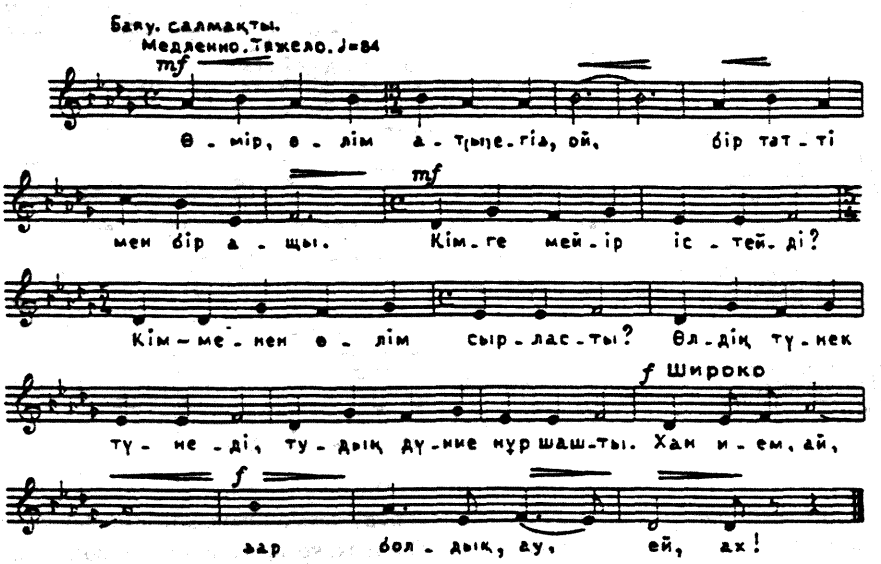
Нақақтан жазығы жоқ күйгенді айтам,
Мезгілсіз ажал оғы тигенді айтам.
Сүттен ақ, судан тұнық таза жүрек-ай
Кіршіксіз бірін-бірі, ой-һай-һай,
сүйгенді айтам.

Я буду петь о герое, который неутомим,
О муках, которые перенес герой и народ;
О том, кто думает только о себе, без пользы для других, –
О жадных на скот, бедных умом;
Я буду петь о тех, которые безвинно страдали,
Кого безвременно настигла стрела смерти,
У кого душа белее молока, прозрачнее воды, –
О чистых любящих сердцах.

Согласно многовековой традиции во вступлении кратко излагается основной идейный замысел эпоса. Вступление акын поет спокойно и неторопливо. Оно построено в ионийском ладе и только ближе к концу, в момент, когда поется о любящих сердцах (на восклицание "ай!"), очень красочно появляется миксолидийская септима (с конца пятый такт), придающая всему вступлению трагический оттенок. Мелодия состоит из двух частей (ААА+В). Первая ее часть – речитативного склада. Она повествовательна и даже несколько созерцательна. В отличие от нее вторая часть (В) эмоционально более ярка и подвижна.

II. Плач о Сарыбае (Сарыбайды жоқтау)

Ноты №2



Өмір, өлім аты егіз, ой,
Бір тәтті мен бір ащы.
Кімге мейір істеді?
Кімменен өлім сырласты?

Өлдің, түнек түнеді,
Тудың, дүние нұр шашты
Хан ием-ай, зар болдық-ау, ей-ау

Жизнь и смерть – близнецы,
Одно – сладкое, другое – горькое.
Кого – /смерть/ пожалела?
Кому – свою тайну раскрыла?

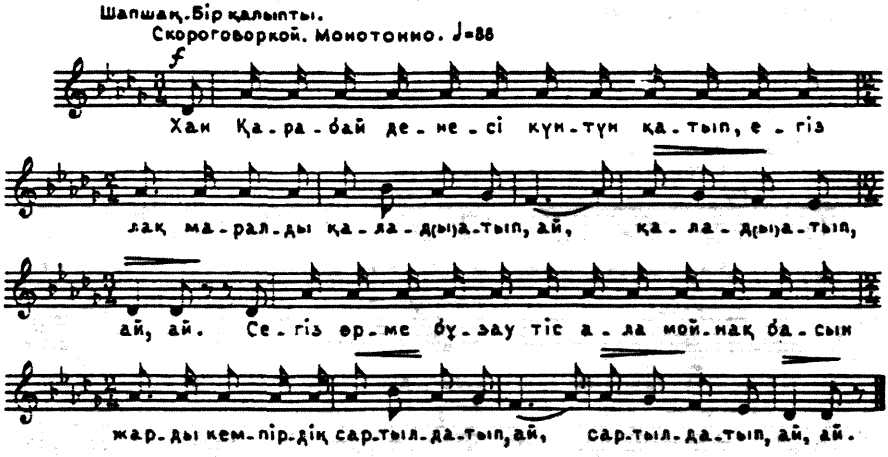
Умер – постигла тебя ночь,
Родился – мир своим лучом озарил,
О мой хан, мы горюем о тебе.

Жоктау, относящийся к семейно-обрядовому жанру, посвящается Сарыбаю, отцу Козы-Корпеша, который погибает в день рождения сына. Как и в бытовых жоктау, мелодия в этой похоронной песне, сочиненной на 7-слоговой текст, мало развита. Она начинается в покойном, парящем движении в пределах секунды (V–VI). Следующее предложение начинается так же, но завершается на доминанте параллельного минора интонационно более активной выразительной квинтовой трихордной попевкой (I–IV–V). В дальнейшем развитии мелодии (В) полнокровное звучание мажора создают опоры на I и III ст., что еще более утверждается опорами в заключительной части на V–III и I ст. лада. Подобная мажорность похоронной песни отражает музыкальными средствами народное оптимистическое восприятие смерти как логического завершения жизни.

Следующий вокальный фрагмент акын поет о Карабае, который жалуется на то, что вместо сына у него родилась дочь Баян-сулу. Он вымещает свою досаду на бедной старухе, которая принесла ему эту весть, думая обрадовать Карабая и получить за радостную весть богатый подарок. Мелодия этого фрагмента своим бесконечно повторяющимся звуком (ля бемоль) и своим монотонным ритмическим однообразием удачно характеризует образ тупого, невероятно скупого богача, его самодовольство и кичливость.

III. Горе Карабая (Қарабайдың қайғысы)

Ноты №3



Хан Қарабай денесі күн-түн
қатып,
Егіз лақ маралды қалады атып-
ай, қалады атып-ай-ай.
Сегіз өрме бұзау тіс ала
мойнақ
Басын жарды кемпірдің
сартылдатып-ай,
Сартылдатып-ай-ай.

Мың мен санды өзіме
баламаймын,
Ілігіне бөнденің жарамаймын-
ай-ай, қарамаймын-ай.
Сексен жасқа келгенше баласы
жоқ,
Құдай тағала налыткан
Қарабаймын-ай-ай,
Қарабаймын-ай-ай.

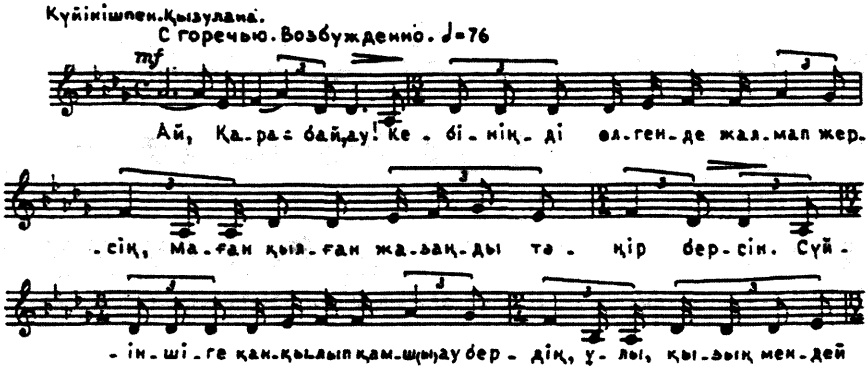
Хан Карабай, измученный, день и ночь
ездил,
Матку марала и ее двух козлят-
близнецов застрелил.
Из восьми /кожаных/ кос сплетенная
/камча/ походит на зуб теленка,
Ударом камчи разбил голову старухе.

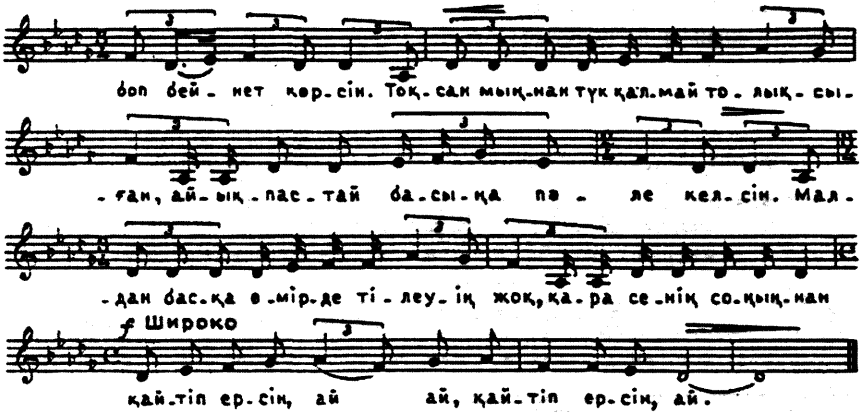
«Не сравню себя с тысячью человек,
Сравнить меня не с кем.
Достиг я восьмидесяти лет, но нет сына
/наследника/,
Богом наказанный я, Карабай!»

Возмущенная несправедливостью и жестокостью Карабая, бедная косноязычная старуха проклинает его.

IV. Проклятие косноязычной старухи
(Сақау кемпірдің қарғысы)

Ноты №4





Ай, ... Қарабай-ау.
Кебініңді өлгенде жалмап жерсің,
Маған қылған жазаңды тәңір
берсін.
Сүйіншіге қан қылып қамшы-ау
бердің,
Ұл-қызың мендей боп бейнет
көрсін.

Тоқсан мыңнан түк қалмай
толықсыған,
Айықпастай басыңа пәле келсін.
Малдан басқа өмірде тілеуің жоқ,
Қара сенің соңыңнан қайтіп ерсін-
ай, қайтіп ерсін-ай.

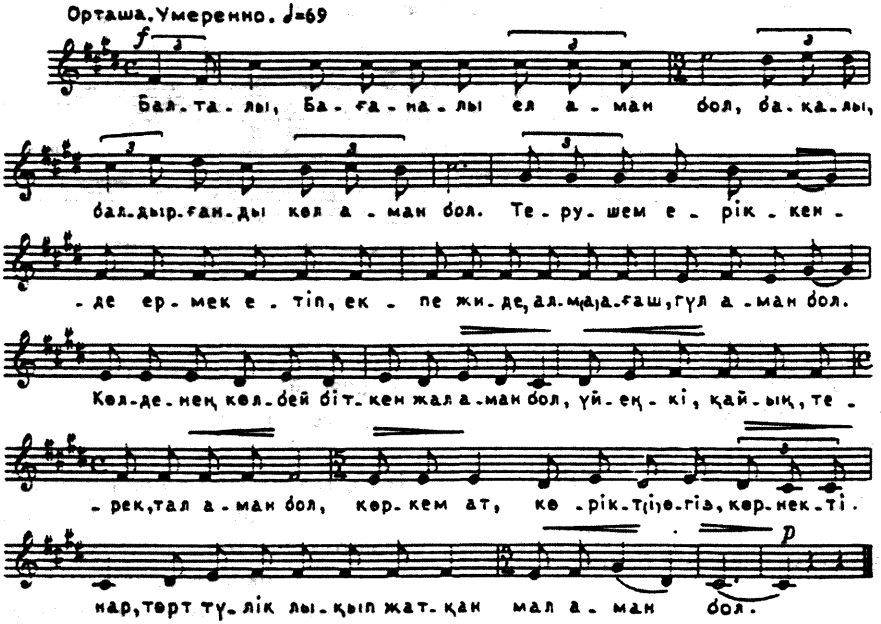
О Карабай!
Когда ты умрешь, то свой саван /от
жадности/ сожрешь,
За то, что ты надо мною издевался, –
пусть тебя бог накажет.
Вместо того чтобы одарить, ты камчой
окровенил меня.
Пусть твои дети будут страдать, как я.
Пусть от твоих девяноста тысяч скота
ничего не останется.
Пусть на твою голову вечно сыплются
проклятия.
Кроме скота, в жизни у тебя нет
желания,
Как же пойдет потомство за тобой!

В этом фрагменте после начального сурового обращения к Карабаю ("О Карабай!") в энергичных, многократно повторяющихся гневных тирадах, носящих явно речитативный характер, несмотря на стремительные взлеты каждой фразы, оскорбленная старуха изливает свое негодование бесправного, поруганного человека.

Нельзя не отметить поразительное чувство архитектоники жырши, проявившееся в обрамлении основного содержания "Проклятия" более распевным зачином – обращением к Карабаю и такой же концовкой, представляющими основную идею всего фрагмента.

V. Прощание Тансык с родной землей
(Таңсықтың жерімен қоштасуы)

Ноты №5



Балталы, Бағаналы ел, аман бол,
Бақалы, балдырғанды көл, аман бол.
Теруші ем еріккенде ермек етіп,
Екпе жиде, алма ағаш, гүл, аман бол.
Көлденең көлбей біткен жал, аман бол,
Үйеңкі, қайың, терек, тал, аман бол.
Көркем ат, көрікті өгіз, көрнекті нар,
Төрт түлік лықып жатқан мал,аман бол.

Балталы, Баганалы – мой край, прощай,
Озеро с твоими лягушками и тиной, прощай.
Ягоды, яблоки, цветы,
Которые я собирала, прощайте!

Сопок вершины, прощайте,
Березы, ельники и тальник, прощайте.
Красивая лошадь, могучий бык, стройный верблюд,
Четыре вида скота, пасущегося в окрестностях, прощайте!

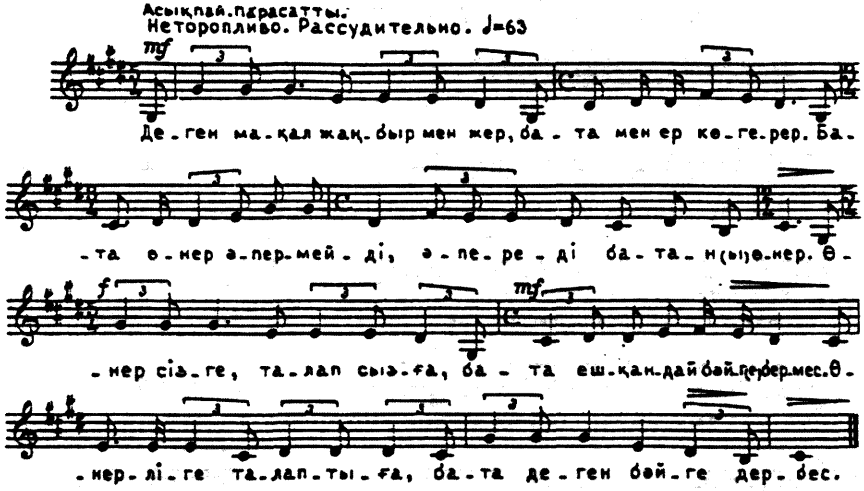
Песня Тансык, старшей дочери Карабая, глубоко эмоциональна. Ее ладопеременная мелодия минорной окраски (фа-диез дорийский и до-диез

эолийский) начинается ярким взлетом (I–V ст.) с последующим ритмическим и динамическим нарастанием, подготовляющим кульминационную вершину на VII ст. первой тональности. Затем мелодия постепенно переходит на более спокойный интонационный склад, с явным преобладанием поступенности, кроме заключительной интонации, где на словах "аман бол" – "прощайте" происходит решительный спад на звуках квинтовой трихордной попевки.

Этот фрагмент выразительно передает взрыв отчаяния и тихую грусть Тансык, которая вместе со всем аулом по распоряжению Карабая вынуждена покинуть свой родной край.

VI. Материнское наставление Тансык (Таңсыққа шешесінің айтқан нақылы)

Ноты №6



Деген мақал жаңбырмен – жер,
Батамен ер көгерер.
Бата өнер әпермейді,
Әпереді батаны өнер.
Өнерсізге, талапсызға,
Бата ешқандай бәйге бермес.
Өнерліге, талаптыға,
Бата деген бәйге дербес.

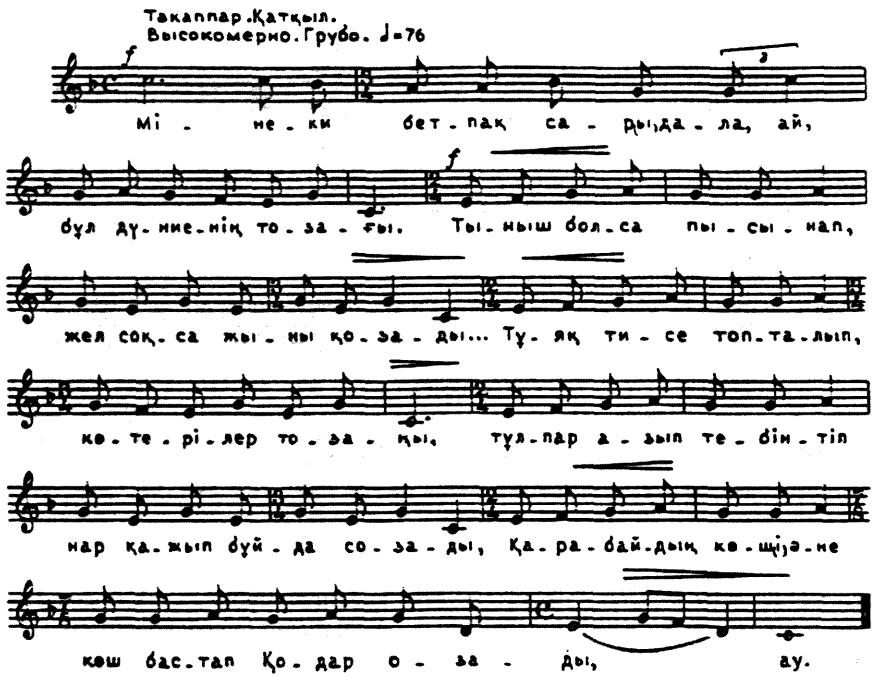
Есть пословица: "Земля дождем,
А храбрый благословением
красуется".
Благословение мастерства не дает,
Мастерством благословение получаешь.

Не имеющему таланта мастерства
Благословение приза не принесет.
Владеющему талантом мастерства
Благословение приз обеспечит.

Это наставление мать Тансык поет ей, когда Тансык отправляется на поиски жениха своей сестры Баян-сулу. Мудрым спокойствием веет от мелодии, развитие которой происходит в пределах тонической квинты в неторопливом мерном движении. Его не нарушают даже широкие (октавные и квартовые) зачины почти всех фраз с их преобладающей поступенностью. Мелодическая канва в сочетании с текстом, сплошь состоящим из народных афоризмов, рисует образ рассудительного старого человека, много повидавшего и пережившего на своем веку.

VII. О Бетбак-Дале
(Бетпақдала туралы)

Ноты №7



Мінеки, Бетпақ сары дала-ай,
Бұл дүниенің тозағы.
Тыныш болса, пысынап,
Жел соқса жыны қозады...
Тұяқ тисе топталып,

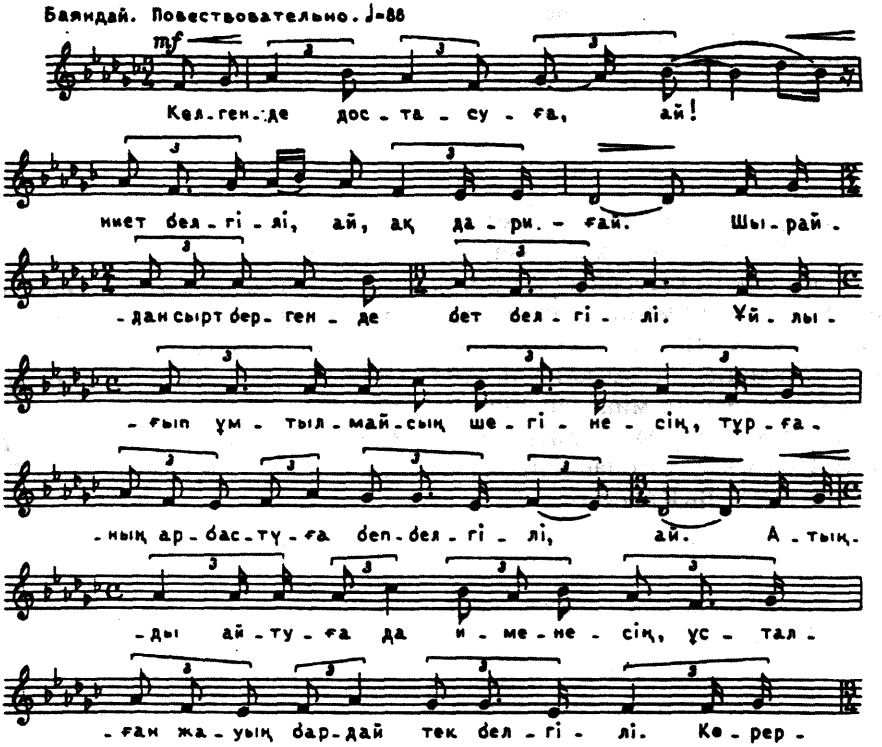
Вот голодная, желтая степь –
Ад этого мира.
Если спокойно – душно,
Если ветер задует – как дьявол забушует.
Если копытом /землю/ тронешь –

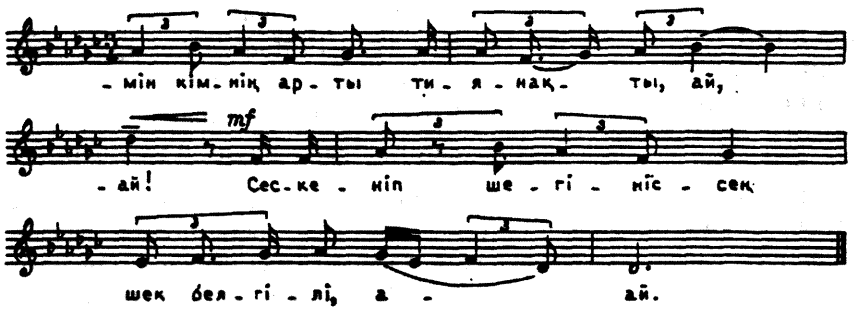
Көтерілер тозаңы,	Поднимается /такая/ пыль,
Тұлпар озып тебінтіп,	Что даже Тулпару худо приходится,
Нар қажып бұйда созады.	Одногорбый верблюд мощь свою теряет.
Қарабайдың көш әні	Кочевую песню Карабая
Көш бастап Қодар озады.	Поет Кодар, ведущий караван.

Неуклюжая, тяжеловатая и монотонная мелодия этого фрагмента, с фанфарообразными окончаниями почти всех фраз, образно показывает грубого, высокопарного Кодара, бахвалящегося победой над стихией. Он находит скот Карабая, разогнанный песчаной бурей, и, таким образом, согласно обещанию Карабая, добивается осуществления своего желания – стать женихом богатой красавицы.

VIII. Встреча Айбаса с Тансык
(Айбастың Таңсықпен кездесуі)

Ноты №8





Келгенде достасуға-ай ниет белгілі,
ақ дариға-ай.
Шырайдан сырт бергенде бет белгілі.
Ұйлығып, ұмтылмайсың, шегінесің,
Тұрғаның арбастағы беп-белгілі-ай.

Атыңды айтуға да именесің,
Ұстап алған жауың бардай тек
белгілі,
Көрермін кімнің арты тиянақты-ай,
Сескеніп, шегініссең, шек
белгілі о-ой.

Что хочешь стать другом – понятно.
Что хочешь отвернуться – понятно.
Что не стремишься вперед,
а топчешься на месте
/Или/ стоишь на другой стороне –
понятно.

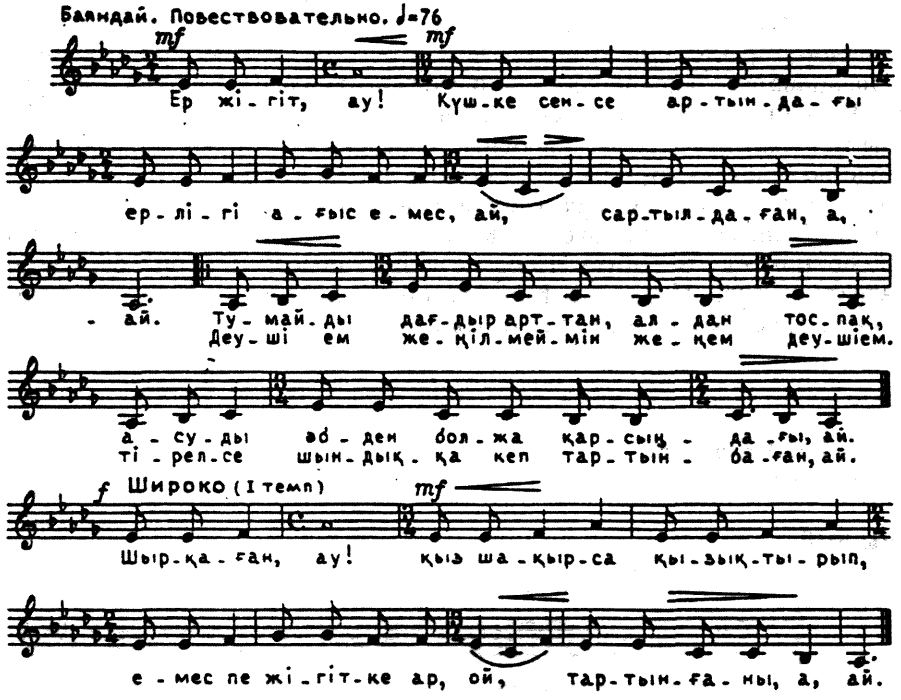
Даже назвать себя боишься,
Как будто ты захватила в плен врага, –
понятно.

Вижу, кто постоянен, хотя ты,
Испугавшись, пятишься назад, – тоже
понятно.

Айбас, друг Козы-Корпеша, поет о том, что он догадывается, зачем явилась к ним в аул Тансык. Это красивая, плавная миксолидийского лада мелодия, восприятию широты которой не мешает ее довольно сложный ритмический рисунок. Обращает на себя внимание своеобразная структура мелодической линии: подъемы в начале каждой строки текста и спады в конце – преимущественно на слове "белгілі" – "понятно". Трехчастность (АВ+СС1+А1А2), подчеркнутая симметричным ладовым строением (с миксолидийской септимой в средней части), с развитым мелодическим материалом придает этому фрагменту самостоятельное художественное значение. По своему интонационному складу и форме "Встреча Айбаса и Тансык" может быть отнесена к ариозо.

IX. Ответ Тансык Айбасу
(Таңсықтың Айбасқа қайырған жауабы)

Ноты №9



Ер жігіт-ау күшке сенсе артындағы,
Ерлігі ағыс емес, ай, сартылдаған,
а-ай.
Тумайды тағдыр арттан, алдан
тоспақ,
Асуды әбден болжа қарсыңдағы-ай.
Деуші ем жеңілмеймін, жеңем
деуші ем.
Тірелсе шындыққа кеп
тартынбаған-ай.
Шырқаған-ау қыз шақырса
қызықтырып,
Емес пе жігітке ар, ой,
тартынғаны-ай.

Эй, храбрый джигит, если веришь в
силу оставшегося позади
/Козы-Корпеша/,
То его храбрость – не бурное течение, а
тихая заводь.
Судьба не родится позади (до
рождения), ее впереди /в жизни/
встретишь.
Перевалы, стоящие перед тобой,
старательно изучай.
Когда-то я думала, что буду не
побежденной, а победительницей,
Если дело дойдет до правды – не
отступлюсь.

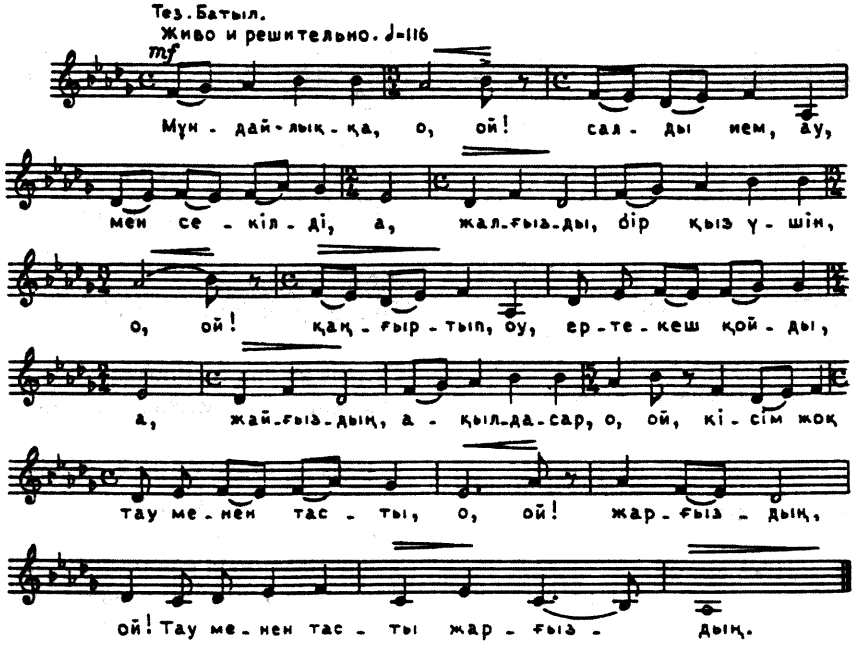
Если песней девушка приглашает и заинтересует,
То не стыдно ли будет джигиту пятиться назад.

Мелодия "Ответ Тансык Айбасу" в простой трехчастной форме (АВА) речитативного характера. Ее крайние части, повествовательные по интонационному строю, начинаются с подъема (обращение к джигиту в первой фразе) и завершаются спадом. В лаконичной попевке средней части, настойчиво повторяемой, Тансык высказывает джигиту мудрые народные изречения, которые образно передают благородство человека, стремящегося помочь людям в беде.

Айбас возвращается в аул и рассказывает Козы-Корпешу о встрече с Тансык и о его невесте Баян-сулу. Он советует Козы-Корпешу искать свою невесту. Козы-Корпеш принимает совет друга. Чтобы не вызвать подозрений, он в одежде бедняка отправляется в путь. Найдя аул Карабая, он нанимается к нему в пастухи. Пася чужой скот, Козы-Корпеш тоскует о Баян-сулу, ищет встречи с ней. Свое горе он изливает в песне:

Х. Горе Козы-Корпеша
(Қозы Көрпештің зары)

Ноты №10



Мұндайлыққа салды ием-ау
Мен секілді жалғызды,
Бір қыз үшін қаңғыртып-ау,
Ерте-кеш қойды жайғыздың;
Ақылдасар, о-ой, кісім жоқ,
Тау мен тасты, о-ой, жарғыздың.

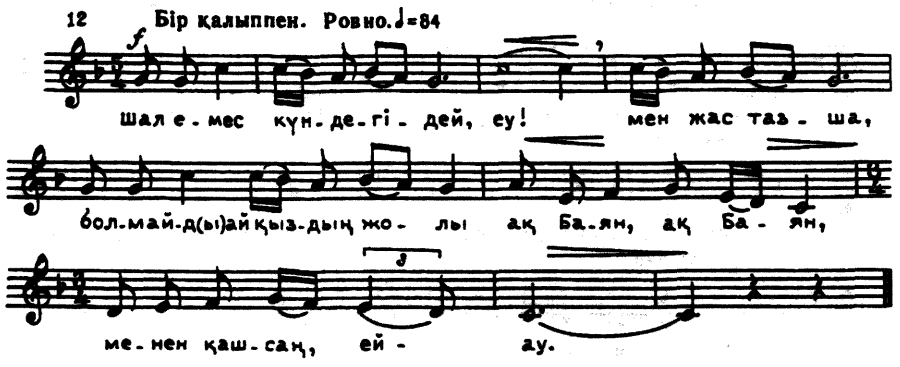
О, всевышний!
Поставил ты меня в такое положение,
Меня – одинокого человека.
Из-за девушки /по степи/ брожу,
С утра до вечера овец пасу.
Нет никого у меня,
/От тоски и горя/ горы и камни
разрушаются.

Напев Козы несколько отходит от общего колорита остальных вокальных фрагментов. В нем мы находим некоторую общность с киргизской народной музыкой. Это заметно по скачкам в мелодии на сексту и кварту (переход со второй половины 3-го такта в 4-й, с 9-го – в 10-й), по волнообразному движению мелодии, прекращающейся на II ст. (такты 4–5, 10–11), с не встречающейся в казахском мелосе каденцией I–III–I.

Не лишено интереса завершение всей мелодии в доминантовой тональности.

XI. Встреча Козы-Корпеша с Баян
(Қозы Көрпештің Баянмен кездесуі)

Ноты №11



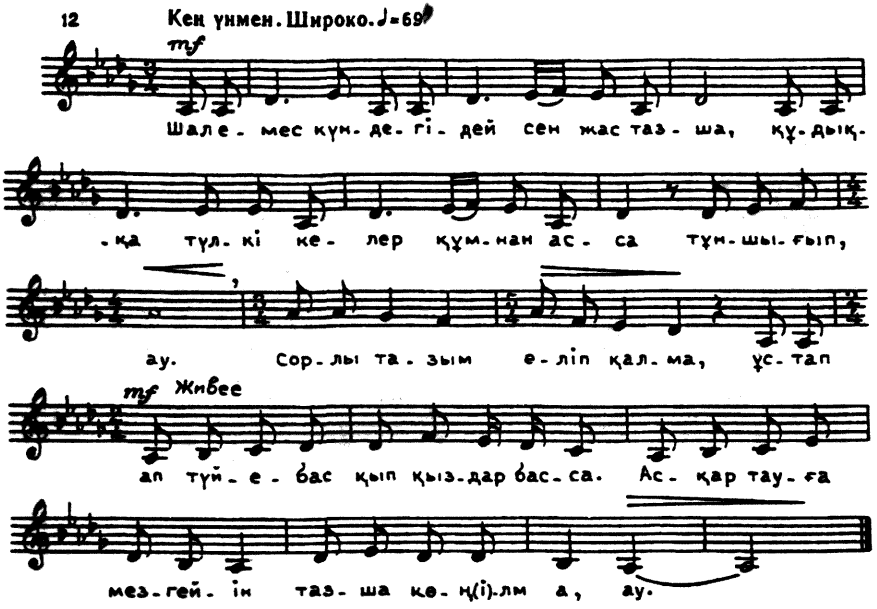
Шал емес күндегідей, еу, мен жас
тазша
Болмайды-ай қыздың жолы ақ Баян,
ақ Баян, менен қашсаң, ей-ау.
Асқан мен тасыған су-ай шарасынан
Кетпейді таудан асып ақ Баян,
ақ Баян, таудан асып, ай-ау.

Я не старик, которого ты ежедневно
видела, я молодой тазша.
Дорога жизни счастливой не будет,
если станешь, Ак-Баян[6], избегать
меня.
Хотя через край /сосуда/ вода может
вылиться,
Все равно через горный хребет она не
перельется.

Миксолидийская мелодия этого фрагмента жизнерадостно-ликующая. Она характерна восходящим квартовым зачином (V–I), с последующим несколько волнообразным заполнением скачка. Интонационный строй мелодии, простой по метру и ритму, характеризует радужное настроение человека, приближающегося к исполнению своих желаний.

XII. Ответ Баян (Баянның жауабы)

Ноты №12



[6] Ак – букв. "белый", здесь в значении "прекрасная", "благородная" (см. Словарь).

Шал емес күндегідей, сен жас
тазша,
Құдыққа түлкі келер құмнан асса.
Тұншығып-ау, сорлы тазым, өліп
қалма,
Ұстап ап түйебас қып, қыздар басса.
Асқар тауға мегзейін тазша
көңілін-ай-ау.

Ты не старик, которого ежедневно
видела я, ты – молодой тазша.
К колодцу лиса подойдет, если
песчаное место преодолеет.
Не задохнись, бедный тазша, если
девушки поймают
И сделают из тебя туйебас[7].
Твою мечту я уподобляю великой горе,
/которую надо преодолеть/.

В отличие от предыдущего фрагмента, энергичный квартовый зачин в "Ответе Баян", многократно затем повторяющийся, приобретает здесь значение лейтмотива, придающего первой половине песни наставительный характер.

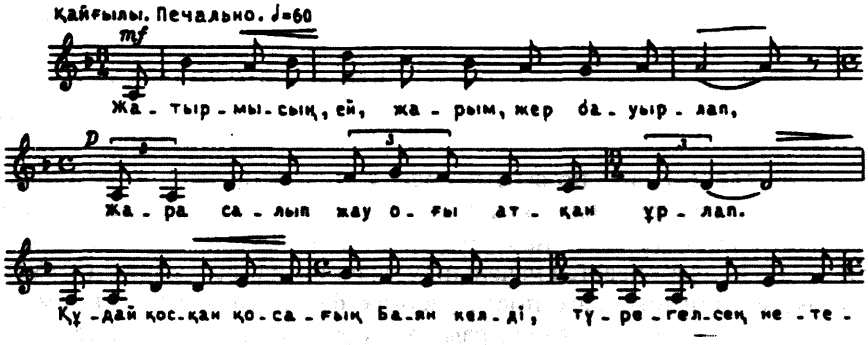
Вторая часть (С), исполненная на слова "если девушки поймают и сделают из тебя туйебас", контрастирует с первой своим более подвижным темпом, сменой тонального центра, живыми интонациями, исходящими, возможно, из аульной игровой песенки.

Козы-Корпеш и Баян-сулу, горячо полюбив друг друга, поклялись отстаивать свое право на счастье.

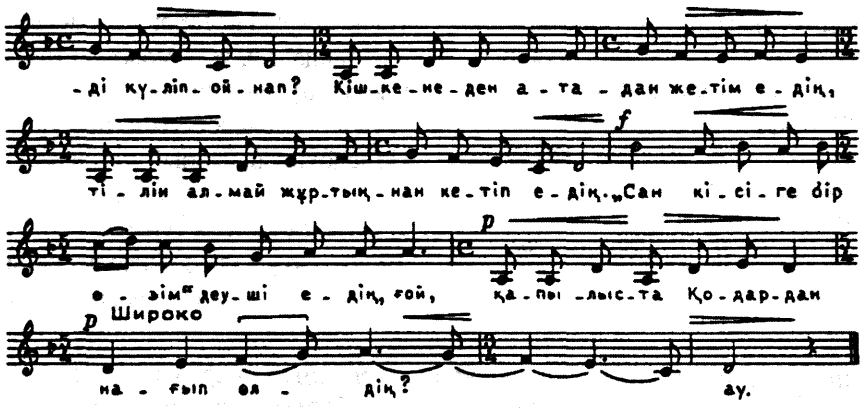
В следующей песне Баян-сулу поет о своем беспредельном горе – смерти любимого Козы-Корпеша, которого вероломно убивает Кодар.

XIII. Горе Баян (Баянның зары)

Ноты №13



[7] Туйебас – букв. "верблюжья голова", название аульной игры, во время которой девушки бросают одна другой тряпичный мяч ("верблюжью голову"). Вероятно, этими словами Баян хотела сказать: не будь безвольной игрушкой в руках судьбы, не позволяй кидать себя из стороны в сторону.



Жатырмысың, ей жарым, жер бауырлап,
Жара салып, жау оғы атқан ұрлап.
Құдай қосқан қосағың Баян келді,
Түрегелсең не етеді күліп-ойнап?

Кішкенеден атадан жетім едің,
Тілін алмай жұртыңнан кетіп едің.
"Сан кісіге бір өзім" деуші едің ғой,
Капылыста Кодардан неғып өлдің?

Лежишь ты, мой любимый, распластанным на земле,
Тайком застрелили тебя, нанесли тебе рану.
Всевышним нареченная, пришла твоя Баян,
Почему бы тебе не встать и не повеселиться?

С малых лет остался ты сиротой без отца,
Ушел /меня искать/, не послушав свою родню.
Ты говорил: "Многих людей могу один одолеть".
Как же погиб ты от руки ничтожного Кодара?

Фрагмент “Горе Баян” по своему содержанию относится к народному жанру жоктау. Его красивая печальная эолийская мелодия с большой выразительной силой передает стенания невесты над умершим женихом. Драматичность мелодии выразительно подчеркивается начальным скачком на малую нону (V–VI) и таким же глубоким зачином всех последующих фраз (за исключением A1) и ее традиционной, но очень уместной в рамках общего эмоционального тонуса мелодии, окружающей заключительной каденцией (II–VII–I).

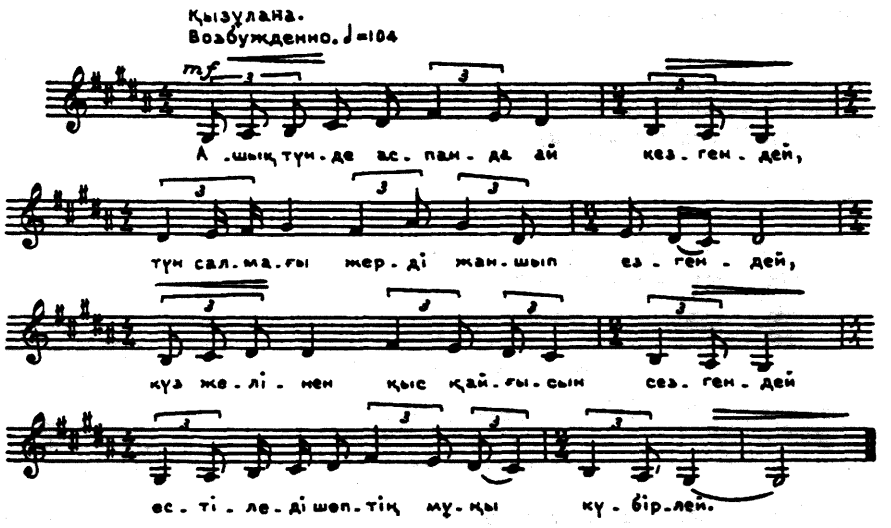
Симметричное строение “Горе Баян” (ABBA1), развитие мелодического материала и его логическое завершение позволяют отнести этот вокальный эпизод к форме ариозо как типичному образцу преобразования эпического фрагмента в

самостоятельное художественное произведение. Это подтверждается и тем, что впервые (в 1944 г.) "Горе Баян" было записано нами от Абенова Шакира как отдельная песня его репертуара.

Следующую песню Баян-сулу поет перед тем, как покончить с собой. Она мстит Кодару, но без Козы-Корпеша свет становится ей не мил, и она лишает себя жизни.

XIV. Прощание Баян с жизнью (Баянның өмірмен қоштасу зары)

Ноты №14



Ашық түнде аспанда ай кезгендей,
Түн салмағы жерді жаншып
езгендей,
Күз желінен қыс қайғысын
сезгендей
Естіледі шөптің мұңы күбірлей.

Жазып бірінен ауысып,
Әлде өздері сиыспай ма таласып.
Кейі жым-жырт, кейі күңгірт, кейі
ашық,
Түсініксіз жұлдыздардың қимылы.

Будто бы ночью в ясном небе гуляет
луна,
Будто бы тяжесть ночной мглы землю
придавила.
Будто бы в осеннем ветре зимнее горе
предвидится.
Будто бы слышится горестный шепот
трав.

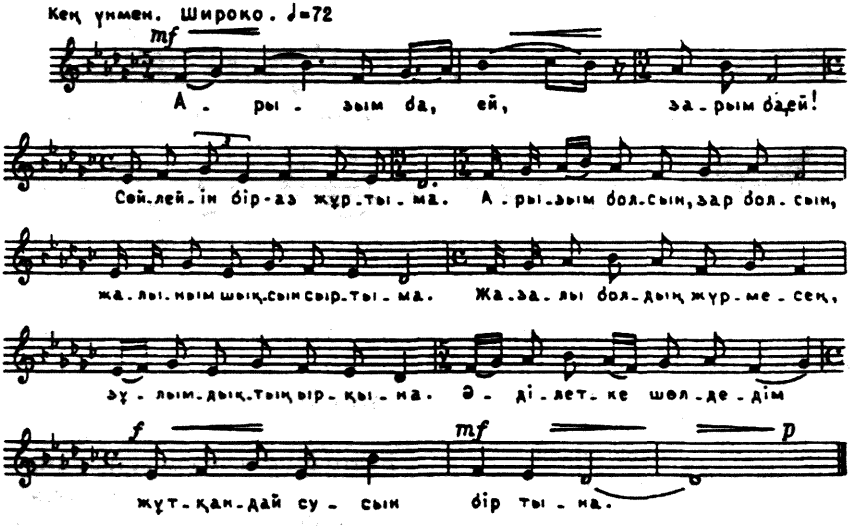
Будто бы рассеялись, друг друга
потеряли,
Будто бы повздорили и разошлись.

Некоторые утихли, /умерли/,
некоторые горюют, некоторые
ясные.
Непонятно движение звезд.

В лебединой песне Баян-сулу звучит чувство безнадежной обреченности, смирения перед горестной судьбой. Единство стиха и мелодии характеризует "Прощание" как эмоциональный монолог протестующей души и как размышления о непонятных мрачных явлениях жизни, природы и общества[8]. Интонация протеста выразительно образуется волнообразным мелодическим профилем каждой фразы в подъеме и в непосредственном спаде, а обреченность можно усмотреть в явном преобладании нисходящих каденций в предельно низком для этой мелодии регистре, которым начинается и кончается вся мелодия.

XV. Плач Тансык по Баян
(Таңсықтың Баянды жоқтауы)

Ноты №15



[8] Оба одиннадцатисложных четверостишия этого фрагмента имеют редкую в казахской народной поэзии группировку слогов: 4+4+3, при этом все строки подчинены одной рифме.

Арызым ба, ей, зарым ба, ей,
Сөйлейін біраз жұртыма,
Арызым болсын, зар болсын,
Жалыным шықсын сыртыма.

Жазалы болдың, жұрмесең
Зұлымдықтың ырқына.
Әділетке шөлдедім
Жұтқандай сусын бір тына.

Просьба ли иль горе,
Обращаюсь я к народу.
Просьба ли иль горе,
Пусть пламенем из меня выйдет наружу.

Получишь наказание,
Если не последуешь за злодеем.
Я ищу справедливости,
Как ищут чистой воды, чтобы утолить жажду.

"Плач Тансык по Баян" по своему мелодическому строению перерастает рамки традиционного жоктау. Однако интонационный склад "Плача" равномерный, без трагических интонаций, все же для жоктау достаточно типичен. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что данное жоктау обращено не к узкосемейному кругу, а ко всему народу, что придает ему общественное значение.

Вся мелодия "Плача" изложена, как обычно для жоктау, в светлом ионийском звучании, и на этом фоне ярким эмоциональным штрихом выступает возглас, которому миксолидийская септима придает горестный характер (такт второй). Общий склад мелодии, полной оптимизма и бодрости, невольно заставляет вспомнить слова А.М.Горького о том, что "фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно, рабский труд их был обессмыслен эксплуататорами, а личная жизнь бесправна и беззащитна"[9].

За исключением XIII фрагмента ("Горе Баян"), записанного нами с напева Шакира Абенова в 1944 г., остальные четырнадцать фрагментов были напеты им в один день (18 марта 1960 г.), в течение нескольких часов.

Несмотря на то что вокальные фрагменты невелики, жырши перед их исполнением декламировал вполголоса для себя предшествующий им текст и, только эмоционально настроившись, начинал петь, продолжая свое повествование. Это говорит о том, что вокальные фрагменты не являлись плодом импровизации (как это бывает на состязаниях акынов), а представляли собой эпизоды, органично входившие в сказание. Поэтому петь их отдельно, в отрыве от предшествующего им текста акыну было крайне трудно. Устойчивость мотивов фрагментов подтверждалась и тем, что при повторных исполнениях через несколько дней акын пел их почти без изменений и в той же тональности.

Наши наблюдения в этом же плане над другими казахскими профессиональными народными певцами и домбристами, от которых приходилось записывать произведения их репертуара, убедительно свидетельствуют о замечательной природной слуховой памяти большинства из них, закрепленной и развитой постоянной исполнительской практикой.

[9] *Горький А.М.* О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1953, с. 698.

О взаимосвязях стиха и мелодии во фрагментах. Для всех фрагментов характерно совпадение граней мелодических построений со стихотворными строками и их членением. Это относится к фрагментам I, V, VIII, IX, XII с одиннадцатислоговым составом в строке с группировкой по 3+4+4 слога и к редко встречающемуся членению на 4+4+3 слога XIV фрагмента.

Синхронность граней мелодии и стиха отмечается и во II, VI, VII, X и XV фрагментах с семи- и семи-восьмислоговым составом строки, с членением на 4+3 слога, на 5+3 и 4+4 слога. Ритмическое строение мелодии этих фрагментов типично для рецитаций с остановками на последнем слоге каждой строки.

Звук и слог в фрагментах метрически совпадают, распевность встречается редко и охватывает не более двух-трех звуков. Исключение составляет каданс XIII фрагмента ("Горе Баян"), где последний слог распевается на протяжении целых двух последних тактов.

Рифма в поэтических текстах фрагментов "Козы-Корпеша и Баян-сулу" разнообразна: I, III, V, XII фрагменты имеют традиционную для одиннадцатисложника рифму ааба; II – традиционную для семи- и восьмисложника рифму в свободном сочетании (в основном через строку); в IV, VIII, IX фрагментах первые четыре строки рифмуются обычно (ааба), а остальные четыре – в развернутой форме – вага; в VI (8 слогов) и XIII (11 слогов) – рифма первых четырех строк тоже обычна – ааба, а в следующих четырех строках – самостоятельна: вгвг и ввгв. Стихи VII, X, XV фрагментов имеют редко встречающиеся в казахской поэзии рифмы между нечетными строками; в XI – не рифмуется четвертая строка; в XIV – в первом четверостишии рифмуются все строки (АААА), а во втором – не рифмуется четвертая (бббв).

Как в обыденной или стихотворной речи, так и при пении приведенных фрагментов (и вообще в песнях всех жанров), последний слог одного слова, оканчивающийся гласным, сливается с начальным гласным следующего слова, образуя один слог. Это обусловлено силлабическим строем казахского стиха. Например: в I фрагменте ("Вступление") на грани слов "ерді айтамын" (первая строка) слияние "ді" с "ай" образует один слог "дай", выравнивая этим группу из 5 слогов в 4-слоговую. Аналогично в VI фрагменте ("Материнское наставление Тансык") последний и начальный слоги слов "батаны өнер" (четвертая строка) образуют один слог "не". Подобные виды элизии встречаются и в других фрагментах.

Фрагментарность вокальных эпизодов не ограничивала развитие мелодии при помощи припевных слов, добавляемых к основному тексту сверх их слоговой структуры.

Так, в III фрагменте повторение в нечетных строках последних слов позволило автору расширить каждое предложение речитативной мелодии более плавным заключением (5–6-й и 11–12-й такты); второе предложение XI фрагмента расширено дополнительной попевкой на рефренные слова "Ақ Баян", "Ақ Баян". У искусного акына эти дополнения в эмоциональном плане значительно усиливают выразительность фрагментов.

Архитектоника фрагментов. Для вокальных фрагментов жырши обычно берут небольшие отрывки поэтического текста. В результате приведенные фрагменты (кроме III, XI и XIV), вобрав отведенный им текст без повторений, не имеют припевов в виде самостоятельных частей, что создает одно из основных различий между вокальными фрагментами эпоса и песнями. Подчиненное значение вокальных фрагментов в эпическом сказании оказало воздействие и на их архитектонику: они имеют главным образом одночастную форму с ее разновидностями, типичными для казахской песенности вообще.

Среди фрагментов "Козы-Корпеша и Баян-сулу" имеется одночастная форма, которая состоит из четырехкратного повторения одного предложения (III – AAAA) или периода из двух предложений, первое из которых оканчивается на доминанте, второе – на тонико, с небольшим дополнением (XI – АТАД в). К одночастной форме относится и IV фрагмент, состоящий из двух предложений с обрамляющими небольшими фразами (aABABc), а также фрагменты с повторами первых предложений (I – AA1AA1AA1B), с повторами вторых предложений (IV – ABBB1, VII – ABBBB1); фрагменты с расширениями из нового материала (II – ABBc, X – AAA1в) или состоящие из четырех предложений без припевных частей (V – ABCC1, VI – ABAC, IX – ABBA, XII – AABC).

Среди пятнадцати фрагментов "Козы-Корпеша и Баян-сулу" выделяются два: VIII – AB+CC1+A1A2 и XIII – A+BB+A1, – которые по художественной выразительности музыкальных образов, создаваемых большими мелодиями трехчастного строения, можно отнести к ариозо или романсу.

Ладовая структура вокальных фрагментов "Козы-Корпеша и Баян-сулу", их тональные соотношения показывают, как тонко использует жыршы этот важнейший компонент музыкальной выразительности. Фрагменты могут быть условно разделены на пять тональных групп, соответственно смене места действия.

Первая тональная группа включает четыре фрагмента (I–IV), относящихся к завязке эпического сказания, действие которого происходит в одной местности ("Вступление", "Плач о Сарыбае", "Горе Карабая", "Проклятие косноязычной старухи"). Мелодии этой группы фрагментов изложены в тональностях мажорного наклонения: I – ре-бемоль ионийский с отклонением в миксолидийский, II – ре-бемоль миксолидийский, III–IV – в ре-бемоль ионийский.

Мелодии второй тональной группы фрагментов (V, VI), посвященные событиям, происходящим в ауле Карабая ("Прощание Тансык с родной землей" и "Материнское наставление Тансык"), изложены в ладах минорного наклонения: V – фа-диез дорийский с отклонением в до-диез эолийский, VI – до-диез эолийский.

Фрагмент VII (хвалебная песня Кодара), изложенный в до миксолидийском, символизирующий собой торжество темных сил – зла, жестокости, вероломства, имеет значение самостоятельной тональной группы, расположенной в центре всего музыкального материала лиро-эпического сказания. В мелодическом и тональном плане этот фрагмент резко контрастирует с предшествующими фрагментами, а в мелодическом – и с последующими.

В четвертой группе фрагментов (с VIII по XII), содержание которых относится к событиям, происходившим близ аулов Баян-сулу и Козы-Корпеша ("Встреча Айбаса с Тансык", "Ответ Тансык Айбасу", "Горе Козы-Корпеша", "Встреча Козы с Баян", "Ответ Баян"), все мелодии, как и в первой группе, изложены в ладах мажорного наклонения: XIII – ре-бемоль миксолидийский, IX – ля-бемоль ионийский, X – ля-бемоль ионийский, XI – до-миксолидийский, XII – ля-бемоль ионийский.

В заключительной, пятой тональной группе два фрагмента, в которых отражены трагические переживания героев, отчаяние и гибель Баян (XIII – "Горе Баян" и XIV – "Прощание Баян с жизнью"), вновь изложены в миноре (ре-эолийский, соль-диез эолийский), но в завершающем вокальный цикл фрагменте (XV – "Плач Тансык по Баян") мелодия звучит в светлом ре-бемольном ионийском ладу. Этот фрагмент, образуя с I тональную симметрию всего вокально-фрагментарного воплощения, подчеркивает оптимистическое звучание выдающегося лиро-эпического сказания в целом.

Инструментальное воплощение "Козы-Корпеша и Баян-сулу" в музыкально-завершенном виде еще не зафиксировано. К такому виду исполнения относятся, главным образом, инструментальные произведения большого музыкального совершенства, мелодически развитые, имеющие сложную архитектонику. В музыкальном содержании этих частей рельефно раскрываются наиболее значительные эпизоды сказаний. Перед исполнением пьесы кюйши (музыкант) обычно коротко рассказывал содержание эпоса и заключал: "А теперь послушайте, как расскажет об этом моя домбра (кобыз или сыбызгы)". Великолепными классическими образцами музыкально завершенных произведений на эпические темы, исполнение которых требует большого профессионального мастерства, являются, например, кюй "Аксак кулан" для домбры[10] и кюй "Камбар-батыр" для кобыза[11].

Однако если основное содержание эпических сказаний, легенд и сказок воплощается в произведениях крупных инструментальных форм, образуя наиболее развитый жанр и в народной инструментальной музыке, то отдельные эпизоды, монологи и диалоги героев нередко бытуют самостоятельно в небольших традиционных вокальных формах, имеющих самостоятельное художественное значение. Это явление в народном музицировании в какой-то мере аналогично исполнению вокалистами отдельных арий, ариозо, романсов из опер вне постановок всего произведения.

Нотные записи (к сожалению, без текста) сравнительно небольших вокальных произведений на темы эпических сказаний имеются, например, у А.В.Затаевича[12]. Это "Кобланды", "Коруглы", "Эпическая песня Куляйши" и многие другие.

В репертуар певцов входят подобные вокальные произведения и на сюжеты из "Козы-Корпеша". К ним относятся приведенные нами выше "Печальное известие тазши о смерти Сарыбая – отца Козы-Корпеша" и "Горе Баян", которые были

[10] См.: 1000 песен казахского народа, № 583.

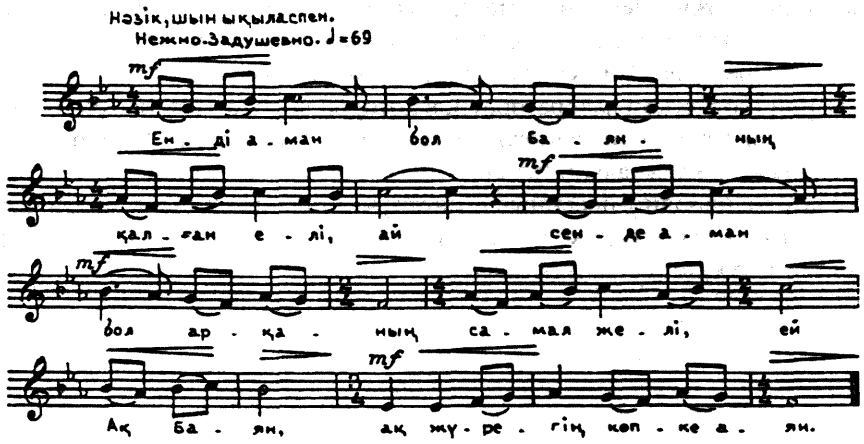
[11] Камбар-батыр. Под. ред. М.О.Ауэзова и Н.С.Смирновой, с. 388.

[12] 1000 песен казахского народа. М., 1963, № 443, 526, 734.

записаны нами с напева Шакира Абенова в 1944 г. как отдельные песни из его репертуара. Но особенно популярна песня "Ак Баян" ("Прекрасная Баян") на сюжет из этого эпоса. Она была напета нам в 1933 г. студентом Аскаром Токпановым, впоследствии известным режиссером, народным артистом республики, профессором. Судя по ее содержанию, это обращение Козы-Корпеша к Баян-сулу после того, как он признался ей, что он не простой пастух-тазша, а ее нареченный жених, вынужденный скрывать свое имя.

Прекрасная Ак-Баян
(Ақ-Баян)

Ноты №16



Енді аман бол, Баянның қалған елі, ей,
Сен де аман бол, Арқаның самал желі.
Ақ Баян,
Ақ жүрегің көпке аян.
Қаз қаңқылдап жататын, қу саңқылдап,
Құмың меруерт, ақ қайрақ шалқар көлі, Ақ Баян.
Ақ Баян,
Ақ жүрегің көпке аян.
Баян көлі айнадай мөлдір бұлақ,
Жататұғын сарқырап ағып-құлап.

Пусть здравствует теперь /твой/ народ, Баян,
Пусть здравствует спокойно веющий ветерок степи.
Припев:
О прекрасная Баян,
Всем известно твое чистое сердце!
Гуси гогочут, лебеди звонко поют,
Прекрасная Баян та, как жемчужная россыпь, как необозримая озера гладь.
Припев:
О прекрасная Баян,
Всем известно твое чистое сердце!

Ақ Баян,
Ақ жүрегің көпке аян.
ош иісті майсаны жарып өткен,
ызығына тоймайсың тұрсаң қарап.
Ақ Баян,
Ақ жүрегің көпке аян.

Озеро Баян – как зеркально-
прозрачный источник,
Из него бурливо течет вода.

Припев:
О прекрасная Баян,
Всем известно твое чистое сердце!

По своей структуре мелодия "Ак Баян" представляет собой традиционную для казахского народного песнетворчества усложненную одночастную форму АА1АА1вв2. В ней припевная часть неотделима от запева, являясь его расширением. Такая двоякая функция одночастной мелодии явно подчеркивается не только припевными словами и новой контрастной музыкальной фразой (ва2), но и отклонением ее в другой лад с последующим возвращением на материале запева в основную тональность.

Пример с музыкой эпоса "Козы-Корпеш и Баян-сулу" позволяет сделать вывод о том, что в процессе исторического развития музыкальное воплощение эпоса являлось своеобразной творческой лабораторией, в которой вырабатывались различные виды и формы других жанров народного музыкального творчества. Однако этот процесс был обоюдным: на музыкальное воплощение эпических сказаний и легенд оказывали влияние другие народно-песенные и инструментальные жанры, что, в частности, сказалось на появлении музыкально-эпических произведений, имеющих самостоятельное художественное значение.

Б.Г.Ерзакович

МУЗЫКАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ЭПОСА "КЫЗ-ЖИБЕК"

Сохраняя и развивая древние традиции, современные казахские жыршы исполняют эпические сказания на мелодии речитативно-декламационного склада в сопровождении домбры, кобыза или без аккомпанемента. По ходу исполнения эпоса некоторые его части, особенно имеющие большое значение в драматургии повествования, жыршы выделяют инструментальными или вокальными фрагментами, обогащенными более развитыми средствами музыкальной выразительности. Эти виды музыкального воплощения имеют две специфические черты: инструментальные фрагменты обычно представляют собой образную иллюстрацию к ранее исполненным частям, изображая преимущественно грохот битвы, скачки коней, гоготанье птиц, клич людей, а вокальные – содержат тексты, продолжающие повествование. Также специфично и то, что героический эпос имеет и вокальное, и инструментальное музыкальное воплощение и в целостном виде, и в завершенных по форме кюях (инструментальных произведениях), а лирический эпос – только вокальное воплощение.

Нам довелось записать все фрагменты вокального воплощения "Кыз-Жибек" от одного сказителя. Представленные здесь семь фрагментов, напетые в разное время несколькими исполнителями, не охватывают всех важных эпизодов "Кыз-Жибек". Несомненно, где-то еще бытуют и другие фрагменты музыкального воплощения этого эпоса. В данном случае нам пришлось взять на себя роль своеобразного музыкального реставратора, обнаружившего в разных местах разрозненные части одного многосоставного произведения, соединить их в соответствии с последовательностью содержания и представить содержание произведения в целостном виде. Эти фрагменты дают достаточное представление о национально-самобытном музыкальном воплощении выдающегося лиро-эпического произведения.

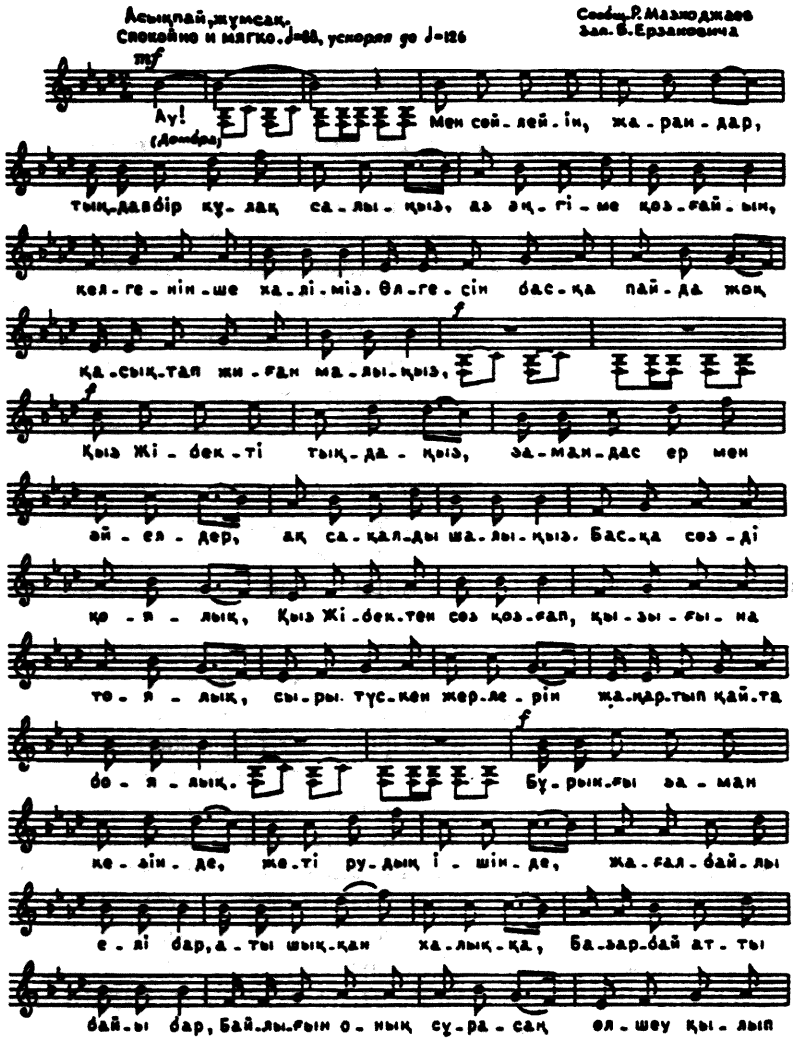
Имея в виду, что сказание "Кыз-Жибек" публикуется в настоящем издании, мы будем вкратце пересказывать лишь те эпизоды, после которых жыршы продолжали повествование в песенном исполнении.

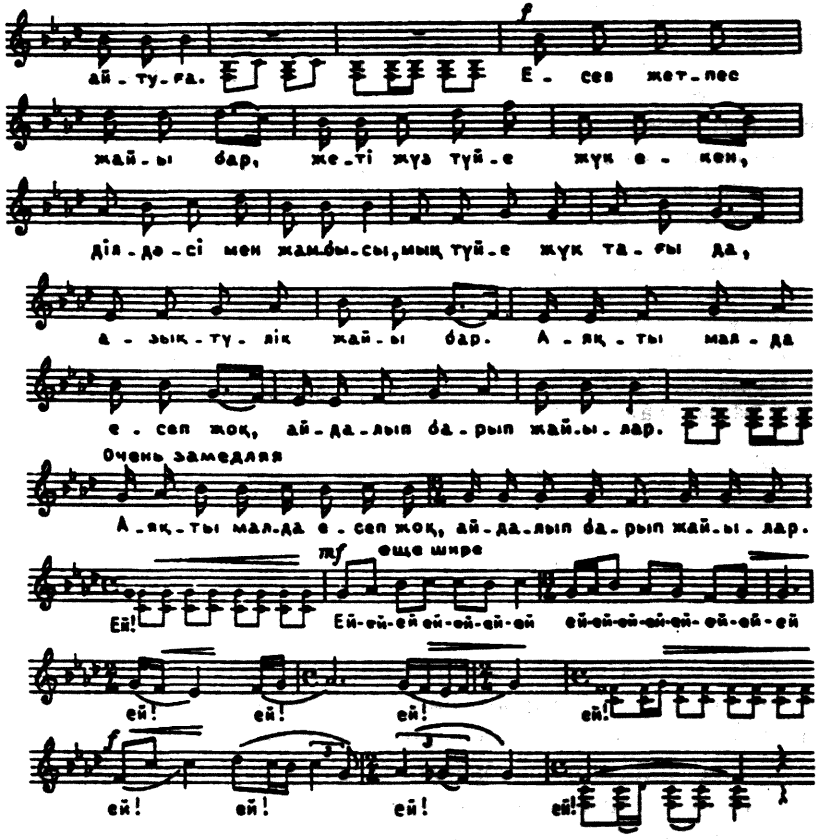
I. Вступление к “Кыз-Жибек”
(“Қыз Жібекке кіріспе”)

Запись 1959 г. сообщил Рахмет Мазходжаев (1881–1976), известный жыршы Кзыл-Ординский обл. Казахстана.

Этот фрагмент представляет собой яркий образец традиционного предварительного обращения жыршы к слушателям (“жыршының қаратпа сөзі”).

Ноты №17





Мен сөйлейін, жарандар,
Тыңдап бір құлақ салыңыз,
Аз әңгіме қозғайын
Келгенінше халіміз.
Өлгесін басқа пайда жоқ
Қасықтап жиған малыңыз,

Қыз Жібекті тыңдаңыз,
Замандас ер мен әйелдер,
Ақ сақалды шалыңыз.
Басқа сөзді қоялық.
Қыз Жібектен сөз қозғап
Қызығына тоялық.
Сыры түскен жерлерін
Жаңартып қайта боялық.

Я расскажу вам, люди,
Слушайте, навострив уши,
Спою (вам) понемногу, как смогу.
Коль ты умрешь, для твоей головы
Нет пользы от собранного
по крохам богатства
(отыгрыш).

Слушайте (про) Кыз-Жибек
Сверстники (мои), мужчины, женщины,
Белобородые старики.
О других /сказаниях/ не ведем разговор,
Буду петь о Кыз-Жибек,
Свой интерес к ней утолите,
Где краски потускнели –
Обновим, снова подкрасим
(отыгрыш).

Бұрынғы заман кезінде
Жетірудың ішінде
Жағалбайлы елі бар,
Аты шыққан халыққа
Базарбай атты байы бар,
Байлығын оның сұрасаң,
Өлшеу қылып айтуға
Есеп жетпес жайы бар.

Жеті жүз түйе жүк екен
Ділдәсі мен жамбысы,
Мың түйе жүк тағы да
Азық-түлік жайы бар.
Аяқты малда есеп жоқ
Айдалып барып жайылар.

В давно прошедшие времена
В числе семи родов
Был род жагалбайлы,
Известен он народу.
У них был богач по имени Базарбай.
Если спросите о богатстве его –
Не с кем сравнить
(отыгрыш).
Бесчисленно его богатство.
При кочевке /на/ семьсот верблюдов
навьючивал
Золотые монеты и слитки серебра.
Еще навьючивал на тысячу
верблюдов
Огромные запасы еды.
Нет счету его скоту,
Пасется он на пастбищах
(отыгрыш).
(Пер. Г.М.Гумаровой и наш)

Рахмет Мазходжаев начинал повествование "Кыз-Жибек" спокойно и неторопливо, постепенно подготовляя слушателей к восприятию содержания поэмы. Фрагмент состоит из двух построений: первое находится в верхнем регистре, второе – в нижнем. В ходе повествования они приобретают характер свободной импровизации. Гибко варьируя основное мелодическое зерно рецитации, исполнитель, однако, не выдвигает его на первый план, так как главным для жыршы является прежде всего передача текста эпоса. В зависимости от того, какую мысль и сколько строк текста ему надо передать в данном эпизоде, жыршы изменяет протяженность мелодии путем вариационных повторений их начальных фраз, а затем отделяет тирады небольшими инструментальными отыгрышами.

Основными приемами развития эпических рецитаций (в отличие от акынских, где чаще всего отпеваются V или другие ступени лада, образующие суммарно трихорд) служит вариантность отдельных попевок, проявляющаяся в дроблении начальных звуков фраз, в отклонении мелодии в параллельный лад, в повторении заключительных фраз построений. Для эпических рецитаций характерно то, что мелодическая канва каждой тирады кроме встречающихся инструментальных отыгрышей оттеняется еще сменой ладовой основы. В этом фрагменте "Кыз-Жибек" мелодия первого предложения развивается в диапазоне тонической квинты си-бемоль эолийского лада, второго – также в диапазоне тонической квинты, но ми-бемоль ионийского лада. Каждый большой эпизод заключается довольно развитым кадансом, состоящим из нового, более распевного материала, изложенного в начале в до

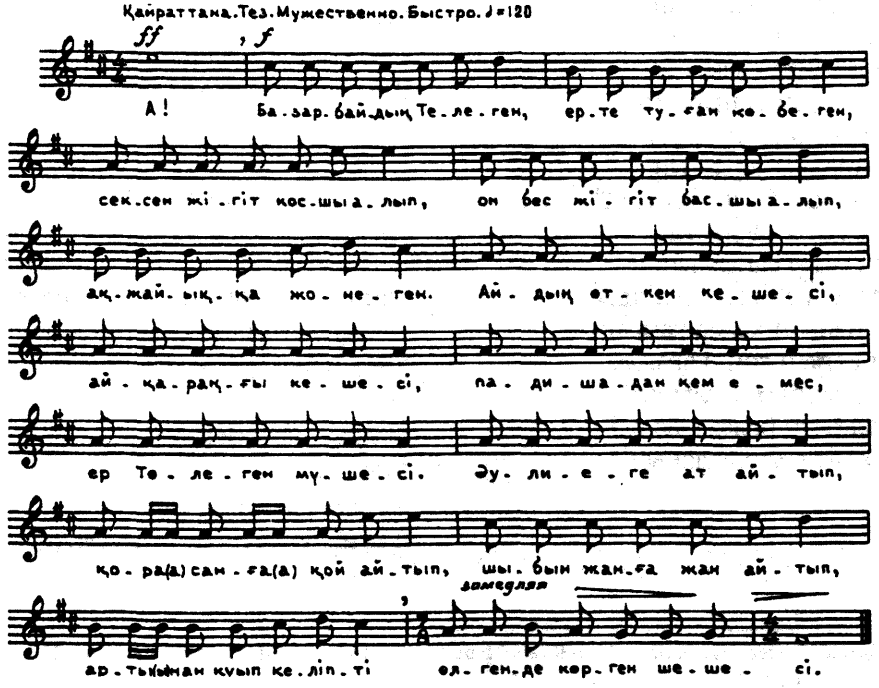
эолийском, а в заключении – в фа миксолидийском ладе. Такие кадансы, исполняемые с особо подчеркнутыми эмоциональными оттенками на междометия ей!, ой!, ау! и другие, позволяют жырши раскрыть личное отношение к содержанию исполненной им части эпоса.

II. Слова матери Толегена
(Төлегеннің шешесінің сөзі)

Запись 1951 г. Сообщил Мырзабек Дюйсенов, известный литературовед, доктор филологических наук (1928–1988).

Толеген, сын богача Базарбая, не может найти себе достойную невесту. Однажды от проезжавшего купца он узнал, что у Сарлыбая, хана рода алты шекты, кочующего вдоль берегов Ак-Жаика, есть красавица дочь Кыз-Жибек. Толеген без разрешения родителей, самовольно, уезжает в дальний путь, чтобы увидеть Кыз-Жибек. В этом нарушении Толегеном обычая мать предчувствует недоброе. Она направляется вслед за ним, нагоняет сына в пути и упрашивает вернуться домой:

Ноты №18



Базарбайдың Төлеген,
Ерте туған көбеген,
Сексен жігіт қосшы алып,
Он бес жігіт басшы алып,
Ақжайыққа жөнеген.
Айдың өткен шешесі,
Ай қараңғы кешесі,
Падишадан кем емес
Ер Төлеген мүшесі.
Әулиеге ат айтып,
Қорасанға қой айтып,
Шыбын жанға жан айтып,
Артынан қуып келіпті
Өлгенде көрген шешесі.
Шешесі келіп сөйлейді,
Сөйлегенде бүй дейді:
– Мінген де атым аласың,
Менен туған баласың.
Халел бала тастай ма
Атасы менен анасын?
Қал дегенде қаласың,
Айтқан тілді аласың,
Қал дегенде қалмасаң,
Құрттың анаң шарасын.
Өлгенде көрген, қарағым,
Ата-анаңды зарлатып,
Қай жаққа кетіп барасың?
Анаң келді зарланып,
Әкең отыр сандалып.
Көре алмаған көп дұшпан
Сыртыңнан келер қамданып.
Сен кеткен соң, қарағым,
Өледі кемпір, шалыңыз,
Сансызбай болса жас еді
Жүреміз кімге алданып?

Базарбая сын Толеген,
Родившийся рано ягненок-кобеген
Восемьдесят спутников-джигитов взял,
Пятнадцать проводников-джигитов взял,
К Ак-Жаику /с ними поехал/.
В месяце сколько дней прошло,
/Сколько/ темных, безлунных ночей /прошло/!
Не хуже, чем у патши,
У Толегена-батыра осанка.
Пообещав барана Корасану,
Душу пообещав людям,
/Толегена/ в пути нагоняет
Мать, под старость родившая сына.
Догнав /его/, мать сказала:
– Конь твой пегой масти,
Ты, дитя, мной рожденное,
Разве родное дитя оставит
Мать с отцом /в беде/?
Сделаешь, что я прикажу,
Выслушаешь, что я скажу.
Если ж не сделаешь, что прикажу,
Если не выслушаешь, что скажу,
Погубишь /своей/ матери надежды,
Мой дорогой, /мною под старость/ рожденный,
Мать и отца рыдать заставивший.
В какую сторону, куда ты едешь?
Мать /твоя/ идет плачет,
Отец сидит растерянный.
Полные зависти враги
Придут, /их/ захватят,
Куда ты, дорогой, едешь?
/Погибнут без тебя родители/.

[1] Здесь и далее тексты из "Қыз-Жібек" даны в подстрочно-смысловых переводах М.Г.Гумаровой и Н.С.Смирновой.

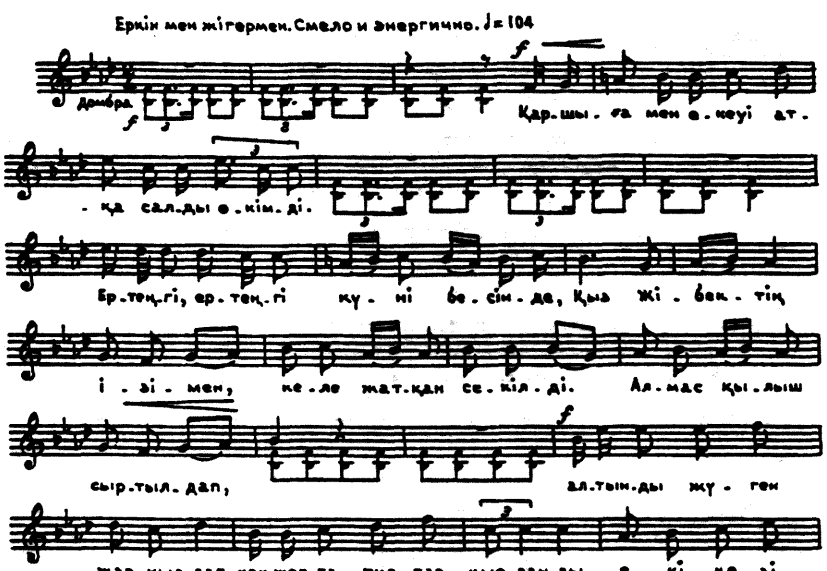
"Слова матери Толегена" – традиционное акынское терме, основные интонации которого составляют повторы звуков с поступенными ходами вверх, скачки на небольшие интервалы, а также секвентные развития построений. Такое строение чеканно-речитативной мелодической канвы повествования дает возможность жыршы в зависимости от строк текста увеличить или уменьшить длительность вокального исполнения. Исполнив весь эпизод, жыршы обычно заканчивает пение припевным дополнением. Это может быть междометие, инструментальный отыгрыш на домбре, кобызе или отклонение мелодии на последние слова в другой, параллельный, ладовый строй (таково припевное дополнение в терме "Слова матери Толегена"). Основная музыкальная канва развивается в диапазоне тонической квинты ля ионийского наклонения, а заключение переходит в фа-диез фригийское. Сменой ладовых красок жырши усиливает драматичность диалога между матерью и сыном.

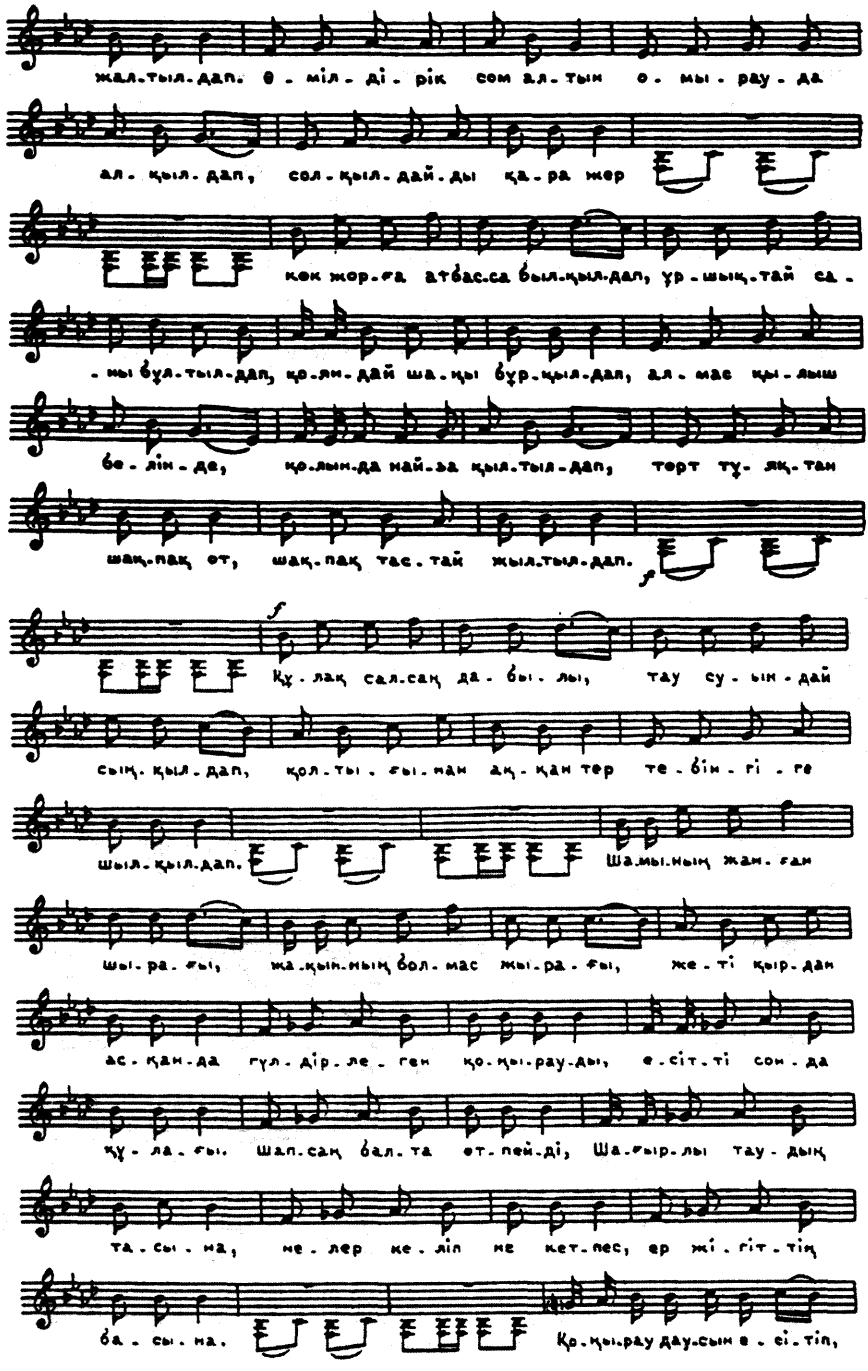
III. Поиски Толегеном кочевья Кыз-Жибек (Төлегеннің Қыз Жібек көшін іздеуі)

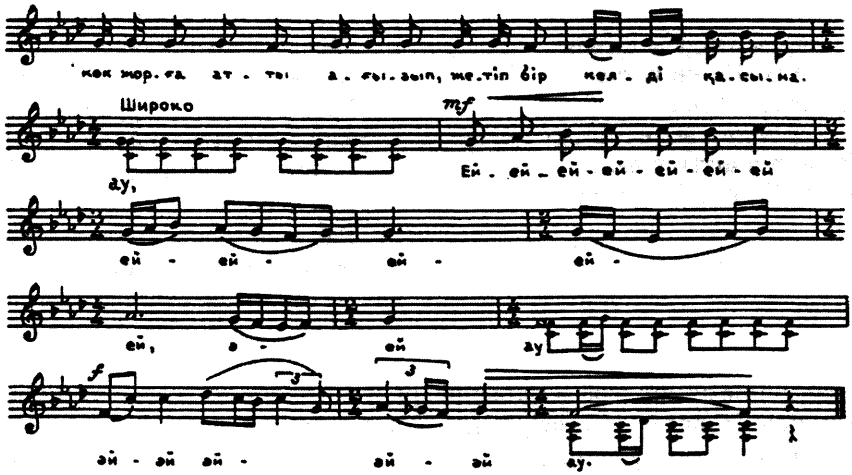
Запись 1959 г. Сообщил Рахмет Мазходжаев.

Толеген не внемлет уговорам матери и едет со своими джигитами дальше. В пути он встретил Каршыгу – акына и визира хана Сырлыбая – отца Кыз-Жибек. Каршыга решает помочь Толегену в поисках Кыз-Жибек. Много караванов, идущих на весенние кочевья, нагоняют они. Только после восьми дней пути они наконец настигают караван аула Кыз-Жибека.

Ноты №19




жал-тыл-дап. Ө-мір-дің-рік сом ая-тын о-мы-рау-да
ал-қы-лап, сол-қы-лай-ды қа-ра жер
көк жор-ға атбас-са бұл-қыл-дап, ұр-шық-тай са-
-ны бұл-тыл-дап, қо-ян-дай ша-қы бұр-қыл-дап, ая-мас қы-лыш
бе-лін-де, қо-лын-да най-за қыл-тыл-дап, төрт тұ-яқ-тан
шақ-пақ от, шақ-пақ тас-тай жыл-тыл-дап.
Құ-лақ сал-сақ да-бы-лы, тау су-ын-дай
сың-қыл-дап, қол-ты-ғы-нан аң-қан тер те-бін-гі-ге
шыл-қыл-дап. Ша-мы-ның жан-ған
шы-ра-ғы, жа-қын-ның бол-мас жы-ра-ғы, же-ті қыр-дан
ас-қан-да гүл-дір-ле-ген қо-қы-рау-ды, е-сіт-ті сон-да
құ-ла-ғы. Шап-сақ бал-та ет-пей-ді, Ша-ғыр-лы тау-дың
та-сы-на, не-лер ке-ліп не кет-пес, ер жі-гіт-тің
ба-сы-на. Қо-қы-рау дау-сын е-сі-тіп,



Қаршыға мен екеуі
Атқа салды өкімді.
Ертеңгі күні бесінде
Қыз Жібектің ізімен
Келе жатқан секілді.
Алмас қылыш сартылдап,
Алтынды жүген жарқылдап,
Өмілдірік сом алтын,
Көкжорға тұлпар қырланды,
Екі көзі жалтылдап.
Омырауда алқылдап,
Солқылдайды қара жер
Көкжорға ат басса былқылдап,
Ұршықтай саны бұлтылдап,
Қояндай шаңы бұрқылдап,
Алмас қылыш белінде,
Қолында найза қылтылдап,
Төрт тұяқтан шыққан от
Шақпақ тастай жылтылдап.
Құлақ салсаң, дабылы
Тау суындай сұңқылдап,
Қолтығынан аққан тер
Тебінгіге шылқылдап.
Шамының жанған шырағы,
Жақынның болмас жырағы
Жеті қырдан асқанда
Гүлдірлеген қоңырауды
Есітті сонда құлағы.

Вместе с Каршыгой
Плетью коней /подгоняли/.
А назавтра в полдень
По следу они,
Похоже, Жибек нагоняют.
Алмазным мечом гремя,
Золоченой уздечкой сверкая,
Серый тулпар-иноходец в ярость
пришел,
Глаза его засверкали.
Литой из золота нагрудник
На груди его /красовался/.
Земля /колыхалась/, дрожала
/Под копытами/ иноходца.
Мышцы коня играли,
Вихрем рвал он воздух.
Алмазный меч за поясом /Толегена/,
Острое копье в руке /Толегена/.
Искры из-под четырех копыт /коня/,
Как из-под кремня, /летели/.
К /топоту/ коня прислушаться –
Словно горный поток звенит.
Из подмышек /коня/ пот,
Журча, на /подстремянник/ течет.
Свеча горящая светит.
Родственник чужим не станет.

Шапсаң балта өтпейді
Шағырлы таудың тасына.
Нелер келіп, не кетпес
Ер жігіттің басына.
Қоңырау даусын есітіп,
Көкжорға атты ағызып,
Жетіп бір келді қасына.

Когда через семь холмов перевалили,
Звон колокольчиков
До их ушей доходит.
Разве топором разрубить
Камень скалы высокой?
/Что только не выпадет/
На /долю/ мужественного джигита!
Как звон колокольчиков заслышал
/Красавец/ Толеген-мырза,
На сером /вихрем/ помчался,
/К повозке Жибек/ близко подъехал.

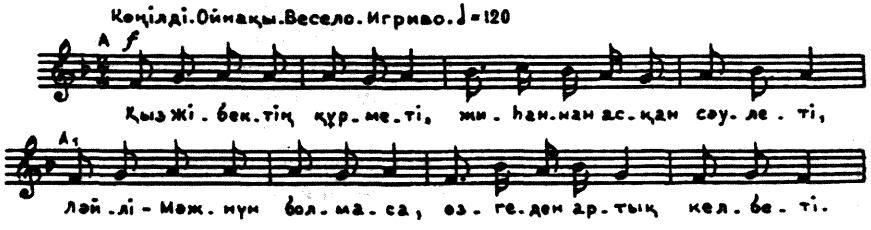
Энергичное домбровое вступление, рисующее поиски Толегеном кочевья Кыз-Жибек, подготовляет стремительный взлет речитативной мелодии. Ее основным интонациям – поступенности, повторам, скачкам на небольшие интервалы, составляющие фразы и предложения, – талантливый жыршы с большим вокальным мастерством придает различную эмоциональную окраску. Одна и та же мелодия в разном вариационном изложении, в зависимости от содержания текста, может выражать то радость и ликование, то печаль и страдание. Жыршы заметно выделяет мелодические кадансы, завершающие небольшие разделы, передавая в них душевное состояние Толегена. Это свидетельствует о том, как профессиональные народные сказители умело используют немногие выразительные средства речитативной мелодии, которые они применяют при исполнении эпических сказаний, насыщенных многими событиями, персонажами, бытовыми и любовными сценами, картинами природы и т.д.

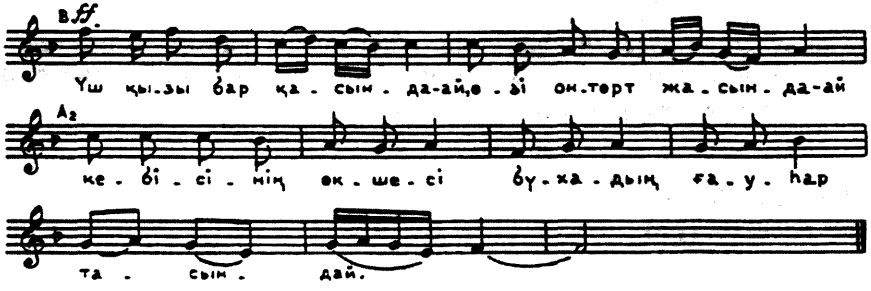
IV. Достоинства Кыз-Жибек
(Қыз Жібектің құрметі)

Запись 1944 г. Сообщил Шакир Абенов – известный жыршы и акын (1900–1994).

После долгих уговоров Кыз-Жибек, находившаяся в закрытой кочевой повозке, решает показаться Толегену и увидеть его.

Ноты №20





Қыз Жібектің құрметі –
Жиһаннан асқан сәулеті.
Ләйлі-Мәжнүн болмаса,
Өзгеден артық келбеті.
Үш қызы бар қасында-ай,
Өзі он төрт жасында-ай.
Кебісінің өкшесі
Бұхардың гауһар тасындай.
Ақ маңдайы жалтылдап,
Танадай көзі жарқылдап,
Алтын шашбау шашында-ай.
Қыз Жібектің дидары –
Қоғалы көлдің құрағы,
Көз сипатын қарасаң -
Нұр қызының шырағы.
Дүр жауһар сырғасын
Көтере алмай түр құлағы.
Бой нұсқасын қарасаң -
Бектер мінген пырағы.

Достоинства Кыз-Жибек
Выше всех в мире,
/Только/ Лейли и Меджнун /лучше ее/.
Всех других она краше.
Три девушки при ней,
Ей четырнадцать лет.
Как бриллиант бухарский,
Белый лоб блистает,
Глаза перламутром блистают,
Золотые в косах подвески.
С виду Кыз-Жибек
Как /молодой/ озерный камыш.
Если в ее глаза глянуть,
Будто райской девой зажженный
светильник они.
Серьги бриллиантовые
Ей оттягивают уши.
Если на стан ее глянуть,
Он как у бекского верхового скакуна.

Қыз Жібектің ақтығы –
Наурыздың ақша қарындай.
Ақ бетінің қызылы –
Ақ тауықтың қанындай.
Екі бетінің ажары –
Жазғы түскен сағымдай.
Білегінің шырайы –
Ай балтаның сабындай.
Төсінде бар қос анар
Нар бураның санындай.
Оймақ ауыз, құмар көз
Іздеген ерге табылды-ай.

Белизна Кыз-Жибек
Словно снег в марте,
Румянец на белых щеках
Словно кровь белой курицы.
Красота ее щек
Как летнее марево.
Округлы локти ее,
Как рукоятка секиры.
Ее груди – пара гранатов,
Как мускулы верблюда, /тверды/.
Рот – наперсток, глаза полны страсти.
Искавшему /жену/ храбрецу находка.

Данный отрывок также представляет собой терме, характерное для эпического пласта казахского мелоса. Радостное эмоциональное повествование усиливается в третьем предложении (В), где мелодия переходит в верхний регистр, на октаву выше, и расширяется в кадансовом разделе.

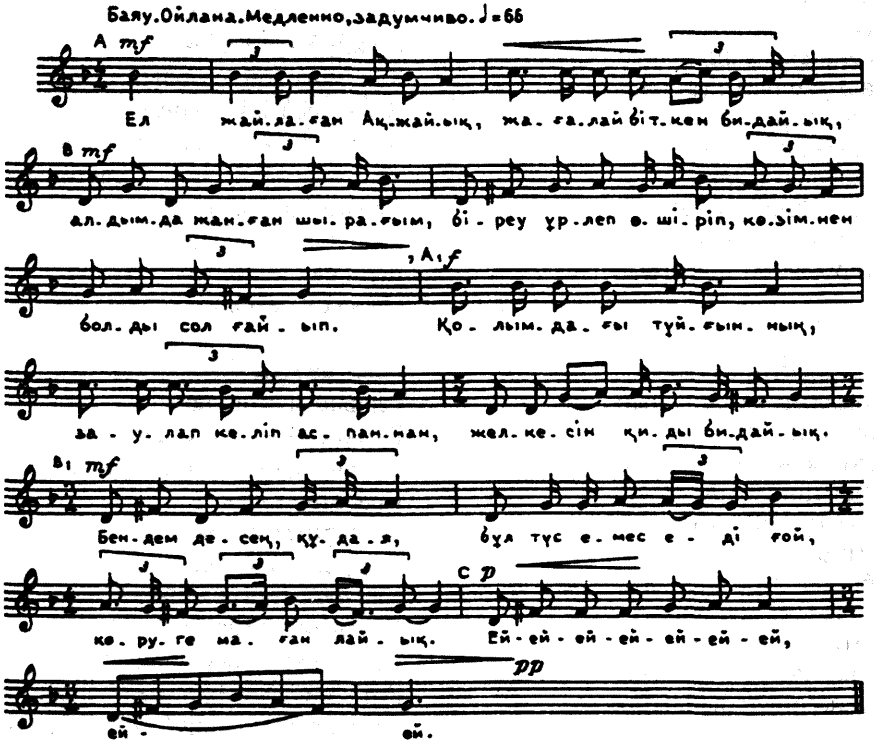
V. Сон Кыз-Жибек
(Қыз Жібектің түсі)

Запись 1944 г. Сообщил Шакир Абенов.

Кыз-Жибек и Толеген полюбили друг друга, женихом признала его и родня Жибек, но часть джигитов, особенно Бекежан, была недовольна выбором Жибек. Бекежан считал, что только он достоин быть ее мужем. Затаив злобу на Толегена, он решил тайно расправиться с соперником.

Получив согласие Жибек быть его женой, Толеген отправился в родные кочевья, чтобы получить благословение родителей. В ночь перед его отъездом Жибек видит дурной сон и рассказывает его своим близким.

Ноты №21



Ел жайлаған Ақ Жайық,
Жағалай біткен бидайық.
Алдында жанған шырағым
Біреу үрлеп өшіріп,
Көзімнен болды сол ғайып.
Қолымдағы тұйғынның
Заулап келіп аспаннан
Желкесін қиды бидайық,
Бендем десе, құдай-ай,
Бұл түс емес еді ғой
Көруге маған лайық.

Аулы на Ак Жаике кочуют,
На берегу бидайык трава растет.
Свечу, предо мною горящую,
Задул, погасил кто-то,
С глаз моих она исчезла.
Соколу на моих /глазах/,
Со свистом опустившись с неба,
Шею свернул ястреб.
О боже, твоя рабыня
Ведь не такой сон
Должна была бы увидеть?

Сон Кыз-Жибек – фрагмент драматического склада. В сложном ритмическом движении медленной скорбной мелодии его проявляется смятение Кыз-Жибек, взволнованно рассказывающей увиденный сон, в содержании которого она предчувствует свою и Толегена трагическую участь. Тревожное состояние Кыз-Жибек передается и неустойчивой ладовой структурной мелодией. Вначале она замкнута в узком диапазоне тонической кварты (А), но без выявления тоники, а затем, в звучании мелодии в доминантовой сфере, нижнего регистра (В), ее контур выявляет скрытый квартсекстаккорд. И только в конце припева (В1) выявляется тоника соль эолийского лада, еще более утверждаемая в припевном дополнении (С). Большую мягкость мелодии придает высокая VII ступень, в чем мы усматриваем влияние более поздних интонаций, идущих от русской песенности. Своеобразны в этом фрагменте трехтактовые строения, охватывающие две строки поэтического текста.

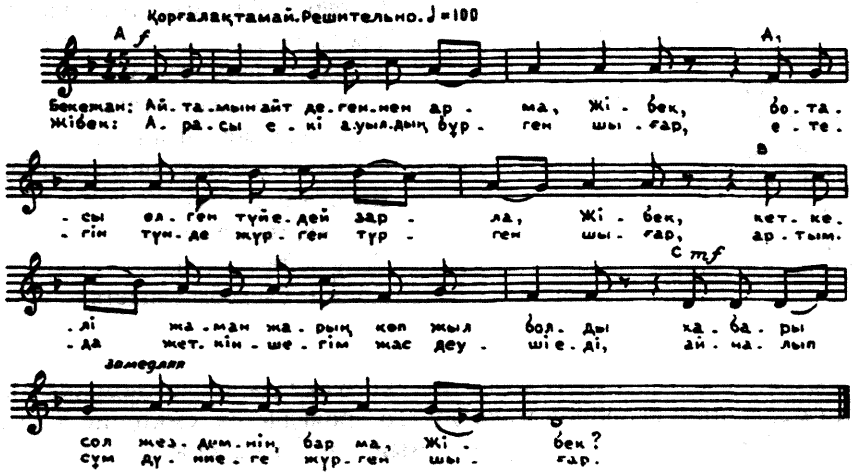
VI. Песня, пропетая Бекежаном для Кыз-Жибек
(Бекежанның Қыз Жібекке айтқан өлеңі)

Запись 1944 г. Сообщил Шакир Абенов.

Прибыв в родной край, Толеген извещает родителей, что нашел себе невесту, просит благословения и снова торопится в обратный дальний путь, чтобы сыграть свадьбу. Его отец Базарбай настоятельно требует повременить с отъездом на год, но Толеген отказывается выполнить его волю. Тогда Базарбай объявляет, что не даст благословения сыну и проклянет всякого, кто поедет его сопровождать. Но и это не останавливает Толегена. Один, без спутников, он тайком отправляется к Кыз-Жибек. У озера Кособа его поджидает Бекежан, предательски убивает сонного и забирает его одежду и коня.

Прошло семь лет, Кыз-Жибек, не зная о смерти жениха, ждет его возвращения. Бекежан решает, что пора уже сказать Кыз-Жибек о смерти Толегена и потребовать, чтобы она согласилась стать его женой. Бекежан приехал к Кыз-Жибек и запел песню, вызывая ее на объяснение. Между ними происходит своеобразный песенный диалог:

Ноты №22



Бекежан:
Айтамын айт дегеннен, арма,
Жібек,
Ботасы өлген түйедей зарла, Жібек.
Кеткелі жаман жарың көп жыл
болды
Хабары сол жездемнің бар ма,
Жібек?

Жібек:
Арасы екі ауылдың бүрген шығар,
Етегін түнде жүрген түрген шығар.
Артымда жеткіншегім жас деуші еді,
Айналып сұм дүниеге жүрген
шығар.

Бекежан:
Қыз Жібек, тарылтармын
заманыңды,
Білмей жүрсің айрылып
қалғаныңды.
Ат ізін сегіз жылдай бір салмаған
Мырза деп мақтай берме
жаманыңды.

Бекежан:
Коли просят петь, спою. Здравствуй, Кыз-
Жибек.
Как верблюдица, потерявшая
верблюжонка, зареви ты, Жибек.
Прошло много лет, как уехал твой
недостойный жених.
Имеешь ли от /него/ ты вести, Жибек?

Жибек:
Меж двумя аулами /куст/ калины растет,
Кто ночью проходит, цепляется за полы.
Говорил Толеген, что молод его братишка.
Видно, задержался, /занят делами/.

Бекежан:
Жибек, тебя /обездолил я/,
Не видишь разве, что /Толегена/
лишилась…
За восемь лет и след коня простыл…
Зачем недостойного мурзой называешь?

Жибек:
Чего не возьму у народа, чего не отдам,
Если буду жива, чего не увижу в мире!

Жібек:
Алаштың несін алып, не
бермеймін?
Дүниеде тірі жүрсем не көрмеймін?
Арғында алты Шекті, алпыс мырза
Ізіне басып кеткен теңгермеймін.

Бекежан:
Айтамын айт дегенде әуелім жар,
Қыз Жібек әлі-ақ болар пиғылың
тар.
Өліп қалған неменді сонша мақтап,
Көкжорға ат астымдағы қылғын
бауыр.

Жібек:
Жоқ екен, ай, Бекежан ақыл-айлаң,
Қанеки, құрбы болып тиген пайдаң?
Атаңа алты лағнет, ит қарақшы,
Көкжорға ат астыңдағы алдың
қайдан?

Бекежан:
Жол тосып Қособада жатып алдым,
Біреуді мергендікпен атып алдым,
Өзім батыр болған соң кімді аяйын?
Өлтіріп Төлегенді, тартып алдым.

В Аргыне у Алты-Шекты шестьдесят мурз.
Их следы я не сравню с его ступней.

Бекежан:
Когда просят петь, спою ауелим-жар,
О Кыз-Жибек, с тебя спесь сойдет.
Что хвалить давно умершего!
Не его ли серый иноходец подо мной.

Жибек:
Нет у тебя, Бекежан, ни ума, ни
сострадания!
Что /толку/ от того, что ты мой сверстник?
Шестикратное проклятие твоему отцу,
собака-разбойник!
Где ты захватил серого иноходца?

Бекежан:
В Кособа, подкараулив, взял,
Подстрелил /там/ одного, меткий ведь /я/,
Кого мне жалеть, коль батыр я.
Убив Толегена, забрал /коня/ я.

Это редкий в казахском фольклоре песенный диалог: он поется на один мотив мужчиной и женщиной. Такое исполнение бытует иногда на свадебных вечеринках в виде шутливого айтыса между нареченными или их друзьями. Они восхваляют достоинства жениха и невесты, а также их сородичей. Мотив одного из таких диалогов между молодым казахом и его возлюбленной был записан во второй половине XIX в. Августом Эйхгорном. "В зависимости от содержания обоюдных любовных жалоб, признаний, вопросов и ответов исполнителей диалога, – отмечал он, – усиливались или же уменьшались музыкальная окраска, характер и выразительность их голосов"[2].

Конечно, диалог между Бекежаном и Кыз-Жибек не айтыс, не оперный "дуэт согласия", не любовные изъяснения. В нем высказываются две противоборствующие сильные личности: безумно влюбленный юноша, добивающийся руки девушки коварным путем, и девушка, не только отвергающая его любовь, но и проклинающая его.

Драматический диалог, раскрывающий злодейство Бекежана и верность любви Кыз-Жибек к погибшему жениху, передан жыршы в ярко волевой речитативной

[2] *А.Эйхгорн.* Музыкально-этнографические материалы (Музыкальная фольклористика в Узбекистане. Первые записи). Таш., 1963, с. 64.

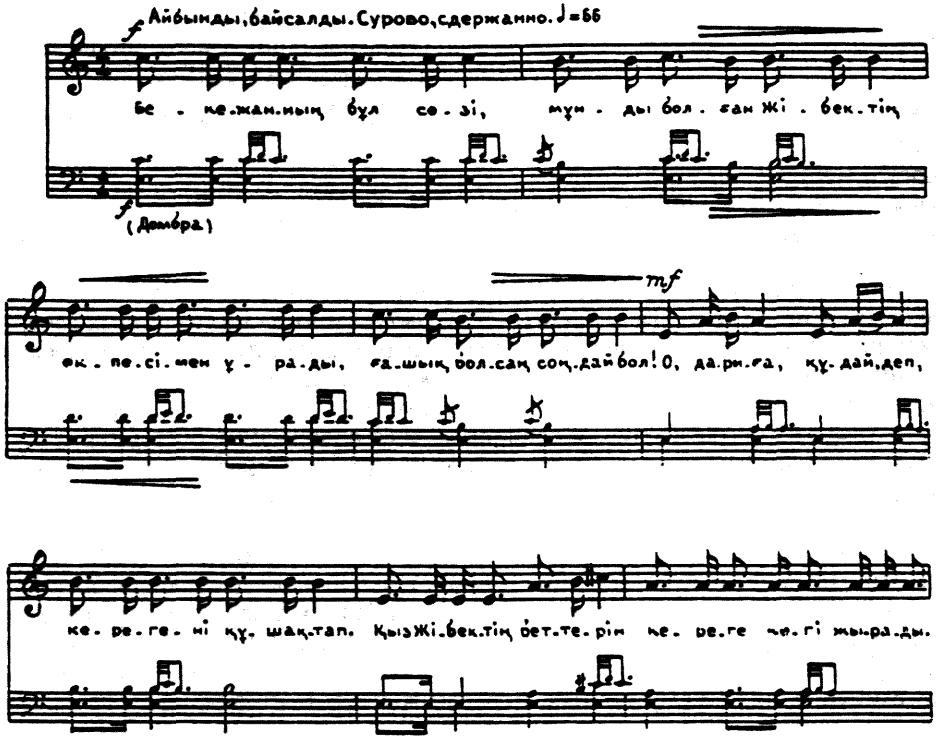
мелодии, изложенной в редком периодически переменном метре. Для нее характерно напористое, скандированное звучание в ионийском ладе, переходящее в заключительном разделе (С) во фригийское отклонение, что в значительной мере придает новую окраску выразительности песни. В этой диатонической мелодии органично сплетаются трихордные попевки и ниспадающая пентатоника, что типично для казахского мелоса.

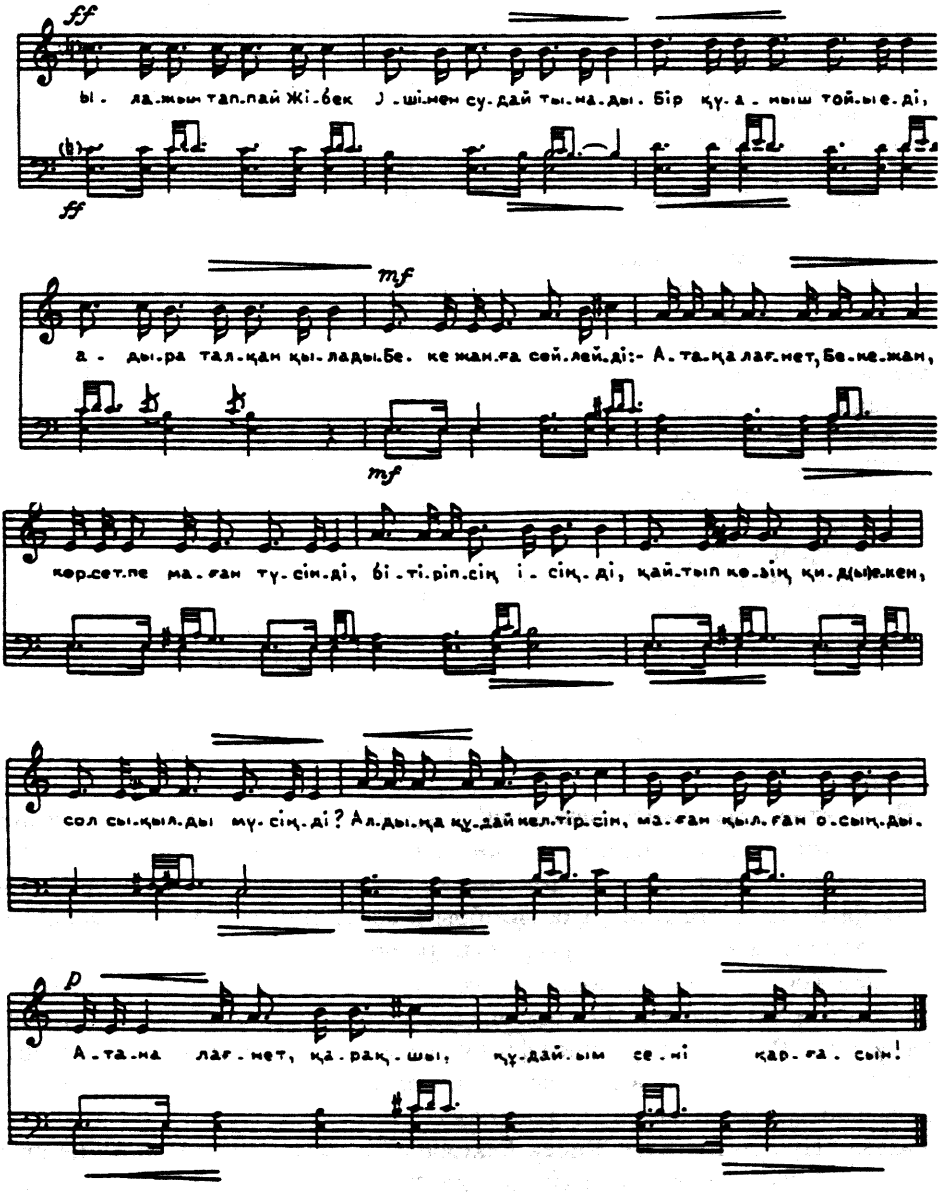
VII. Проклятие Кыз-Жибек Бекежана
(Қыз Жібектің Бекежанға айтқан қарғысы)

Запись 1944 г. Сообщил Шакир Абенов.

Из песни Бекежана Кыз-Жибек стало ясно, что он убил Толегена. В глубочайшем горе она проклинает убийцу. Ее трагический монолог жыршы воплотил в скорбном напеве, близком традиционному жоктау (плач по умершему). В монологе Кыз-Жибек сочетаются оплакивание жениха с проклятиями его убийцы.

Ноты №23





ff

ы - ла-жын тап-пай Жі-бек Ј-ші-мен су-дай ты-на-ды. Бір қу-а-ныш той-ы е-ді,

ff

mf

а - ды-ра тал-қан қы-лады. Бе-ке жан-ға сей-лей-ді:- А-та-ңа лағ-нет, Бе-ке-жан,

mf

кор-сет-пе ма-ған ту-сін-ді, бі-ті-ріп-сің і-сің-ді, қай-тып ко-зің қи-д(ы)е-кен,

сол сы-қыл-ды му-сің-ді? Ал-ды-ңа қу-дай кел-тір-сін, ма-ған қыл-ған о-сың-ды.

p

А-та-на лағ-нет, қа-рақ-шы, қу-дай-ым се-ні қар-ға-сын!

Бекежанның бұл сөзі
Мұңды болған Жібектің
Өкпесінен ұрады.
Ғашық болсаң сондай бол.
– О, дариға, құдай, – деп,
Керегені құшақтап...
Етпетінен құлады.
Қыз Жібектің беттерін
Кереге көгі жырады.
Ылажын таппай қыз Жібек
Ішінен судай тынады.
Біреудің қуаныш тойы еді
Адыра талқан қылады.
Бекежанға сөйледі:
– Атаңа лағнет, Бекежан,
Көрсетпе маған түсіңді,
Бітіріпсің ісіңді,
Қайтіп көзің қиды екен
Сол сықылды мүсіңді?
Алдыңа құдай келтірсін
Маған қылған осыңды.
Атаңа лағнет, қарақшы,
Құдайым сені қарғасын!

Эти слова Бекежана
Охваченную горем Жибек
В самое сердце /ранили/.
Заплакала она, зарыдала –
Будете, как она, /рыдать/, коль полюбите!
«О, Дарига, бог мой», – /рыдала/,
За кереге /ухватилась/ было,
И лицо свое Кыз-Жибек
О кереге оцарапала.
Выхода не находя,
/Замешкалась она/.
Радостный той /Бекежана/
/Кыз-Жибек/ омрачила,
Бекежану /так/ Жибек сказала:
– Пусть будет проклят твой отец, Бекежан!
Не показывайся мне /больше/.
/Своего ты добился/.
Как руку поднять ты мог
На такого, как он, /джигита/?
Пусть тебя бог накажет
За то, что ты мне причинил!
Пусть будет проклят твой отец – разбойник,
Пусть бог и тебя покарает,
Если я его создание.

После этого монолога Кыз-Жибек позвала своих братьев и они расправились с Бекежаном.

"Проклятие Кыз-Жибек Бекежана" жыршы пел в сопровождении домбры, в двухголосной партии которой нижний голос является органным пунктом, выполняющим обычные для него функции в усилении выразительности произведения. В этом фрагменте нижний голос домбры в сочетании с верхним дублирующим мелодию голосом играет большую роль в драматизации монолога Кыз-Жибек тем, что является основой возникающих консонирующих и диссонирующих интервалов.

Между V и VII фрагментами отмечается интонационная общность, что вполне закономерно. Разделяемые одним фрагментом, оба они содержат повествование о страданиях Кыз-Жибек, выделяясь из числа других фрагментов более цельной музыкально-художественной завершенностью.

Раздел "Проклятие Кыз-Жибек Бекежана" во всех версиях эпоса не является заключительным. Поэтому такие музыкальные фрагменты, как, например, о героических подвигах Сансызбая, брата Толегена, при защите родины от нападения врагов, объяснение Кыз-Жибек с Сансызбаем, их свадьба и другие, по-видимому, существуют, но еще не записаны.

SUMMARY

M.Gorky World Literature Institute within the Russian Academy of Sciences jointly with the other scientific-research institutions of Russia and NIS countries continues publishing epic works of the East European and Asian peoples that are presenting great artistic value in the series "Epos of the Eurasian peoples" (previously named "Epos of USSR peoples").

The books of this series include the following sections: texts written in original language with adequate translation, scientific research that analyzes genre and poetic features of the published memorials, comments and vocabulary for translation, information on the versions and the authors who recited those epos texts, the peculiarities of performing epic works, notes, etc.

The present volume includes two texts of the Kazakh novel epos "Kozy-Korpesh and Bayan-Sulu" and "Kyz-Jibek". Those are the most popular and favorite works of the Kazakh people. This volume includes one of the most complete and widely popular versions of the epos "Kozy-Korpesh and Bayan-Sulu" that was published by M.Auezov in 1936.

The version of the epos "Kyz-Jibek" that is to be published was recorded and published by the prominent collector, editor and publisher of the Kazakh folklore Jusupbek Sheihulislamov (1857–1936) in 1900 in Kazan.

The translation of the text into Russian meets scientific principles that were developed for the series: it is maximally accurate and adequately transfers the poetic imagery and language features of the original.

The volume was prepared by the group of researchers of the M.Auezov Institute of Literature and Arts within the Ministry of Education and Science of Republic of Kazakhstan: Z.A.Akhmetov, M.G.Gumarova, B.G.Erzakovich, S.A.Kaskabasov, N.S.Smirnova.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 7

Тексты

Қозы Көрпеш – Баян Сұлу 10
Қыз-Жібек 88

Переводы

Козы-Корпеш и Баян-сулу 164
Кыз-Жибек 242

Приложения

Комментарии к переводу эпоса "Козы-Корпеш и Баян-сулу"
С.А.Каскабасов, Н.С.Смирнова 316

Комментарии к переводу эпоса "Кыз-Жибек"
С.А.Каскабасов, Н.С.Смирнова 320

Описание вариантов эпоса "Козы-Корпеш и Баян-сулу"
М.Г.Гумарова, Н.С.Смирнова 323

Описание вариантов эпоса "Кыз-Жибек"
М.Г.Гумарова, Н.С.Смирнова 333

Словарь. *С.А.Каскабасов, Н.С.Смирнова* 340

Казахский романический эпос
З.А.Ахметов, С.А.Каскабасов 351

Музыкальное воплощение эпоса
“Козы-Корпеш и Баян-сулу”
Б.Г.Ерзакович 391

Музыкальное воплощение эпоса
“Кыз-Жибек”
Б.Г.Ерзакович 419

Summary 437

Научное издание

КОЗЫ-КОРПЕШ И БАЯН-СУЛУ.
КЫЗ-ЖИБЕК

Казахский романический эпос

Утверждено к печати
Институтом литературы и искусства
им. М.О.Ауэзова МОН РК

Редактор *А.А.Янгаева*
Художник *Э.Л.Эрман*
Корректоры *Е.В.Карюкина, И.Г.Ким*

Подписано к печати 25.09.2003
Формат $70\times90^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Усл. п. л. 32,2
Усл. кр.-отт. 32,2. Уч.-изд. л. 30,1
Тираж 2000 экз. Изд. № 6071
Зак. № 8934

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-017457-2